

АРХЕОЛОГИЯ ВЛАДИМИРО- СУЗДАЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

АРХЕОЛОГИЯ ВЛАДИМИРО- СУЗДАЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОГО СЕМИНАРА

Выпуск 14

Москва 2024

УДК 902/903
ББК 63.4
А87

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии РАН

Редакционная коллегия:
Н. А. Макаров (ответственный редактор)
С. В. Шполянский (составитель), *И. Е. Зайцева*

Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 14 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. – М.: ИА РАН, 2024. – 280 с.

Очередной выпуск сборника составлен на основе материалов 14-го научно-практического семинара «Археология Владимиро-Суздальской земли», прошедшего 1–2 декабря 2022 г. в г. Владимире.

В публикациях представлены результаты новейших археологических работ в историческом центре Северо-Восточной Руси, а также материалы исследований ряда средневековых памятников Новгородской земли и верхнего Поволжья. Освещаются исследования территорий исторических городов, архитектурных памятников, средневековых сельских поселений и погребальных древностей, ряд общих вопросов изучения материальной и духовной культуры населения исторического ядра Владимиро-Суздальской земли.

Archaeology of Vladimir-Suzdal land. The next issue of the edition is based on the materials of the 14th scientific and practical seminar «Archeology of Vladimir-Suzdal land», held on December 1–2, 2022 in Vladimir.

The results of the latest archaeological works in the historical center of North-Eastern Russia, as well as the research materials of a number of medieval sites of Novgorod land and the upper Volga region are presented in the publications. The research of territories of historical cities, architectural monuments, medieval rural settlements and funerary antiquities, a number of the general questions studying of material and spiritual culture of the population of a historical core of Vladimir-Suzdal land covered in the materials of the seminar.

ISSN 2686-6919
ISBN 978-5-94375-446-3
DOI: 10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-446-3

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2024
© Государственный историко-архитектурный и художественный Владимиро-Суздальский музей-заповедник, 2024
© Авторы статей, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ, ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ И КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ

Лапшин В. А.

Керамика «мощинского типа» в комплексе селища Гнездилово 2
под Суздаlem 9

Михайлова Е. Р.

К предыстории водного пути по Волхову:
движение камских вещей в Восточную Балтику 16

Милованова М. П.

Украшения и детали костюма с селища Гнездилово 2
под Суздаlem 30

Медведева М. В., Федорина А. Н.

Архив П. С. Савельева в ИИМК РАН:
потенциал полевой и организационной документации
из раскопок Владимирских курганов 1853–1854 гг.
для современного исследователя 46

Дрёмова П. С.

К вопросу об археологических изысканиях К. Н. Тихонравова
у с. Доброе Владимирской губернии в 1858 г. 65

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ

Коваль В. Ю.

Стена окольного города Суздаля 81

Данилов О. В., Захарова Н. М., Абрамов Д. В.	
Археологические исследования в Золотых воротах во Владимире в 2023 г. (предварительные результаты)	99
Лазарев А. С., Шполянский С. В.	
Комплексы второй половины XIII – XIV вв. из построек на нижнем посаде г. Костромы по материалам раскопок 2017–2018 гг.	110
Щербаков В. Л.	
Кузнечная слобода Костромы по материалам раскопок 2022 г. на ул. Шагова	131
Аверин В. А., Барышников В. Ю., Никифорова А. Д.	
Раскопки в Ростове Великом летом 2013 г.: стратиграфия и общая хронология	139
Очеретина С. В., Зеленцова О. В., Милованов С. И., Афонькин И. А., Аникин И. С.	
Исследования городища «Городок» в Нижнем Новгороде в 2022 г.	151
Томсинский С. В.	
Укрепления Углича в XI–XIV вв. по материалам археологических исследований	160
Турова Е. А.	
Спасская башня и Спасский мост Угличского кремля по результатам исследований архитектурного отряда Древнерусской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2003–2004 гг.	172

МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Тимофеева Т. П.	
Новгородский след в древнем Владимире. К постановке вопроса	204
Белов Н. В.	
О датах закладки и освящения Суздальского Ризоположенского собора XVI в.	213
Шполянский С. В., Несмиян О. А., Несмиян В. Г., Баранов Н. А.	
Суздальские накладки с растительным декором: к вопросу о «восточном компоненте» в материальной культуре Северо-Восточной Руси во вт. п. XIV – XV вв.	220
Шполянский С. В., Бутковская М. Д., Градникова Д. А.	
Украшения западноевропейского происхождения конца XII – XIV в. во Владимире, Суздале и селищах Ополья	236
Несмиян О. А., Несмиян В. Г., Гусева В. П.	
Старое кладбище церкви Воздвиженья Честного Креста в Шуе по данным археологии и антропологии	247

Буряк А. Д.	
Население г. Арзамаса по результатам исследования антропологических материалов из раскопок у церкви Иконы Божией Матери Казанская и церкви Иоанна Богослова (XVII–XVIII вв.).	258
Хавина Д. А., Балякин А. А.	
Археологический фонд ИГИКМ им. Д. Г. Бурьлина в 1930–1960 годы: история формирования и перспективы исследования	270
Список сокращений	275
Правила подачи статей в сборник	277

CONTENTS

RURAL SETTLEMENTS AND CULTURAL LANDSCAPES

Lapshin. V. A.

Ceramics of the “Moshinsky tipe” in the complex
of the site Gnezdilovo 2 near Suzdal 9

Mikhaylova E. R.

To the prehistory of the Volkhov waterway:
the movement of things from the Kama region to the Eastern Baltic Sea 16

Milovanova M. P.

Decorations and costume details from the settlement Gnezdilovo 2
under Suzdal 30

Medbedeva M. V., Fedorina A. N.

Pavel S. Savelyev’s Archive at the IHMC RAS: the potential of field
and organisational documentation from the Vladimir burial mounds
excavations of 1853–1854 for the contemporary researcher 46

Dryomova P. S.

On the issue of archaeological research by K. N. Tikhonravov
at the village of Dobroye in the Vladimir governorate in 1858 65

ARCHEOLOGY AND HISTORICAL TOPOGRAPHY OF MEDIEVAL CITIES

Koval V. Yu.

The Wall of Suzdal city 81

Danilov O. V., Zakharova N. M., Abramov D. V.

Archaeological study of the Golden gate of Vladimir
in 2023 (preliminary results) 99

Lazarev A. S., Shpolyansky S. V.	
Complexes of the second half of the XIII–XIV centuries from buildings on the Nizhny posad of Kostroma baser on the materials of excavations 2017–2018	110
Scherbakov V. L.	
The blacksmith’s district of city Kostroma according to a results of archeological excavations of 2022 on Shagova st., 29	131
Averin V. A., Baryshnikov V. Yu., Nikiforova A. D.	
Excavations in Rostov Veliky in summer 2013: Stratigraphy and general chronology	139
Ocheretina S. V., Zelentsova O. V., Milovanov S. I., Afonkin I. A., Anikin I. S.	
Research of the “Gorodok” settlement in Nizhny Novgorod in 2022	151
Tomsinsky S. V.	
Fortifications of Uglich in the XI–XIV centuries. Based on the materials of archaeological research	160
Turova E. A.	
Spasskaya Tower and Spassky Bridge of the Uglich Kremlin according to the results of research by the architectural team of the Ancient Russian Archaeological expedition of the State Hermitage in 2003–2004	172

MATERIAL AND SPIRITUAL CULTURE

Timofeeva T. P.	
The Novgorod trail in ancient Vladimir. To the formulation of the question	204
Belov N. V.	
On the dates of the foundation and consecration of the 16 th century Suzdal cathedral of the deposition of the robe	213
Shpolyanskiy S. V., Nesmiyan O. A., Nesmiyan V. G., Baranov N. A.	
Suzdal overlays with floral decoration: to the question of the “Oriental component” in the material culture of North-Eastern Russia in the second half of the 14 th – 15 th centuries	220
Shpolyanskiy S. V., Butkovskaya M. D., Gorodnikova D. A.	
Decorations of Western European origin of the XIII – the first half of the XV centuries in Vladimir, Suzdal and the villages of Opolye.	236
Nesmiyan O. A., Nesmiyan V. G., Guseva V. P.	
The ancient churchyard of the Church of the Exaltation of the Holy Cross in Shuya according to archeology and anthropology	247

Buriak A. D.	
Population of the Early Modern City of Arzamas Characteristics Based on the Materials from the Excavations of Two Church Cemeteries	258
Khavina D. A., Baliakin A. A.	
Archaeological fund of Burylin museum in 1930–1960: the history of formation and research prospects	270
List of Abbreviations	275
Guidelines for Manuscript Submission	277

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ, ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ И КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ

В. А. Лапшин

КЕРАМИКА «МОЩИНСКОГО ТИПА» В КОМПЛЕКСЕ СЕЛИЩА ГНЕЗДИЛОВО 2 ПОД СУЗДАЛЕМ¹

Резюме. На селище Гнездилово 2 под Суздалем, датированном X–XI вв., выявлена группа лепной керамики, генетически восходящая к керамике мощинской культуры, распространенной во II–V вв. на территории Окско-Донского водораздела. Это горшки с высоким венчиком-раструбом, хорошо профилированные, часто тщательно заглаженные, изредка залощенные. Характерной особенностью является подчеркнутый уступ или перетяжка при переходе от горла к плечу сосуда. В V в. на большинстве поселений мощинской культуры жизнь прекращается, а керамика «мощинского типа» появляется в небольшом количестве в составе керамического набора рязано-окских могильников, на позднедьяковских памятниках Москворечья, верховьев Западной Двины, Верхней Волги. Чистый керамический комплекс поздней стадии мощинской культуры выявлен на селище Кибол 1 под Суздалем, который датируется 3-й четвертью I тыс. н. э. В последние годы разведками выявлена керамика данного типа на ряде селищ Суздальского Ополя. Автор предполагает, что какая-то часть переселенцев с Верхней Оки участвовала в земледельческом освоении Суздальского Ополя в 3-й четверти I тыс. н. э., а специфическая керамическая традиция могла сохраниться до X–XI вв.

Ключевые слова: раннее Средневековье, Северо-Восточная Русь, Суздальское Ополье, селище, лепная керамика, мощинская культура.

Гнездилово 2 – типичное крупное средневековое поселение Суздальского Ополя, исследовалось в 1980–1987 гг. Горизонт материковых ям датируется X–XI вв., в пахотном слое содержится также керамика XII–XIII вв. (Лапшин, 1989). В статье, посвященной первичной публикации лепной керамики Гнездиловского поселения (Лапшин, 1991), весь комплекс был разделен на три группы: керамика, характерная для восточнославянских памятников лесной зоны в целом, преимущественно для Северо-Запада России и для памятников Волго-Окского междуречья I тыс. н. э. Далее меня заинтересовал вопрос – каков был вклад в этот неоднородный комплекс абортинского населе-

¹ Работа выполнена в рамках НИР FMZF-2022-0015 «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению».

ния?

В качестве гипотетического эталона было выбрано селище Кибол 1, открытое В. П. Глазовым в 1980 г. Памятник на основе подъемного материала был атрибутирован автором отчета как «мерянский» (Глазов, 1980. Л. 34–38). Находится селище в 5 км севернее Гнездилово 2. Немногочисленные находки, сделанные при раскопках в 1989–1991 гг., позволили датировать селище 3-й четвертью I тыс. н. э. (Лапшин, 2012). Неожиданностью тогда для автора оказался керамический набор. Если не считать нескольких позднесредневековых фрагментов, найденных под дерном, керамический комплекс селища отличается чистотой и цельностью. Коллекция составляет 15 тыс. фрагментов. Вся керамика лепная, в качестве отошителя употреблялась крупная дресва. Тем не менее поверхность сосудов заглаженная, около 1,5 % фрагментов – с залощенной поверхностью, 0,3 % – с чернолощеной. Керамика представлена тремя основными группами.

Ведущий тип – горшки с высоким венчиком-раструбом, хорошо профилированные, часто тщательно заглаженные, изредка залощенные (Лапшин, 2012. Рис. 3: 1–8). Характерной особенностью является подчеркнутый уступ или перетяжка при переходе от горла к плечу сосуда (Там же. Рис. 3: 1–3, 8). Горшки данного типа составляют 70 % от общего количества керамики. Вторая группа – сковородки (Там же. Рис. 3: 9–11). Своеобразие керамического комплекса селища в их многочисленности: они составляют 29 % от общего количества керамики. Третья группа – чашевидные сосуды, характерные для всей зоны расселения финнов от Скандинавии до Урала. Составляют 1 % от общего количества керамики (Там же. Рис. 3: 12–14). Вся керамика – неорнаментированная.

Керамика первой группы представлена и в коллекции из Гнездилово 2: 47 венчиков (рис. 1), или 11 % коллекции (всего реконструировано 445 верхних частей сосудов, тип которых определим). Вторая и третья группы представлены единичными фрагментами. В то время керамический материал в основном оставался неопубликованным, приходилось опираться главным образом на консультации коллег – авторов раскопок. За прошедшие 30 лет ситуация радикально изменилась. Благодаря многочисленным публикациям лепная керамика начала занимать достойное место как важнейший источник по истории Восточной Европы I – начала II тыс. н. э.

Горшки с венчиком-раструбом находят аналогии на памятниках мощинской культуры на Верхней Оке III–V вв. н. э. (Массалитина, 1993; 1994. С. 10. Тип 1). По мнению А. М. Воронцова, керамический комплекс мощинской культуры генетически связан с памятниками почепской культуры I–II вв. н. э. в поречье Десны (Воронцов, 2002; 2003б).

Данный тип горшков связывается с финалом культуры, т. е. с V в. (Массалитина, 1994. С. 16; 2001. С. 12). Притом что большинство изученных раскопками памятников мощинской культуры датируется временем не позднее V в., на отдельных городищах на верхней Оке документированы находки с верхней датой 1-я половина – середина VII в. (Воронцов, 2003а; 2011; 2013; 2014). Общая линия эволюции данного типа горшков состоит в постепенном утолщении верхней части плечика, за счет чего получается резкий, через уступ, подчеркнутый переход к плечу (Воронцов, 2013. С. 42; 2016. С. 226), т. е. та форма, которую мы застаем в материалах Гнездиловского поселения. Именно в V в. мощинская керамика появляется в рязано-

окских могильниках (Румянцева, 2007. С. 255) и в небольшом количестве распространяется на обширных территориях лесной зоны Восточной Европы: в Днепро-Двинском регионе, позднедьяковских памятниках Москворечья, верховьях Западной Двины (Масалитина, 2001. С. 12; Румянцева, 2007. С. 271. Рис. 18), на Верхней

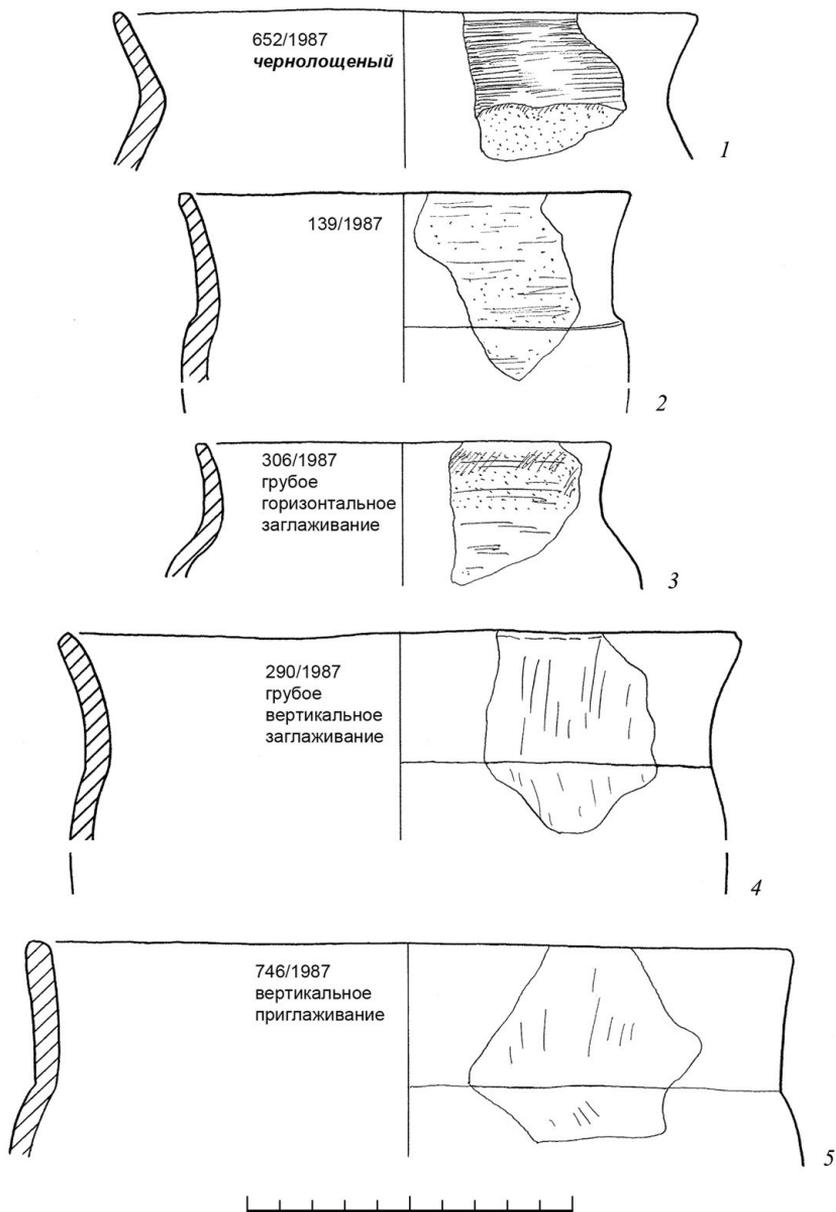

Рис. 1. Керамика «мощинского типа» селища Гнездилово 2

Волге (Лопатин, Лопатина, 1998; Массалитина, 2002. С. 14; Исланова и др., 2017). И. В. Исланова выделяет в Тверском Поволжье Мстинско-Моложскую группу памятников, которую она датирует концом IV – началом VI в. н. э., на которой преобладала или господствовала керамика мощинского типа (Исланова, 2007. С. 327. Рис. 6: 17; 2010. С. 204–206; 2011. С. 82. Рис. 18–21), и связывает ее появление с притоком нового населения (Исланова, 2019. С. 98). Н. А. Кренке отмечает появление в Москворечье «керамического стиля мощинского круга» в IV–V вв., но считает, что широкое распространение этого стиля – «прежде всего, явление моды». Подчеркивается различие наборов вещей двух культур – мощинской и позднедьяковской (Кренке, 2019. С. 80). А. Е. Леонтьев, говоря о происхождении мери, предполагает «в качестве гипотезы»: «В VI–VII вв. в Волго-Клязьминском междуречье появляются финские племена из бассейна р. Оки – меря Иордана и, весьма вероятно, мурома» (Леонтьев, 1996. С. 293–294). Подчеркивается отсутствие преемственности мерянских памятников Волго-Клязьминского междуречья с более ранними дьяковскими на той же территории (Там же. С. 294).

Разведки последних лет выявили целую группу селищ, на которых присутствует керамика «мощинского типа» и в Суздальском Ополе (Морозов, 2022). Судя по публикации, к «мощинской» группе можно отнести часть керамики селища Кибол 7, основной период жизни которого по результатам радиоуглеродного датирования определяется в рамках III–VII вв. (Макаров и др., 2011. С. 45. Рис. 3Б). Тем самым стало очевидным, что селище Кибол 1 не является единичным явлением, а представляет культурный горизонт, заполняющий хронологическую лагуну 3-й четверти I тыс.

Опубликованные материалы раскопок грунтового могильника Большое Давыдовское 2 дают представление о финском населении, жившем в Суздальском Ополе в III–V вв. н. э. (Макаров и др., 2010; 2011). Судя по находкам украшений из цветного металла из этого могильника (Зайцева, 2011), какие-то связи с населением бассейна Оки существовали уже тогда. Вместе с тем разрыв между культурой местного финского населения 2-й четверти I тыс. и культурным горизонтом типа Кибол 1, как представляется, вполне очевиден.

В связи со сказанным встает вопрос о времени и характере первичного земледельческого освоения Суздальского Ополя. Всего несколько десятилетий назад общая картина выглядела так: в X в. в Суздальское Ополе с Северо-Запада приходят славяне и находят немногочисленное аборигенное население и плодородные, но мало используемые для земледелия земли. В X–XIII вв. происходит бурная внутренняя колонизация территории (Лапшин, 1985; 1987). Сейчас в результате последних палеоботанических исследований выясняется, что еще в 1-й половине I тыс. н. э. будущее Ополе было залесено и его расчистка под пашню, судя по радиоуглеродным датам из естественных разрезов, началась в VII в. (Алешинская и др., 2008. С. 154). Следовательно, первоначальный этап – сведение лесов – возможно, связан с притоком населения – носителя керамики «мощинского типа».

Если керамический комплекс селища Кибол 1 вполне хронологически вписывается в общую картину распространения данного типа керамики в Волго-Окском междуречье, то находки из Гнездилово 2 остаются загадкой. Прежде всего возникает предположение о том, что на месте средневекового поселения находилось разрушенное селище середины – 3-й четверти I тыс. Но, во-первых, на поселении Гнездилово 2

все индивидуальные находки укладываются хронологически в X–XI вв. (плюс круговая керамика XII–XIII вв. в пахотном слое)². Во-вторых, переотложенная керамика, как правило, отличается большей измельченностью, чего в данном случае не наблюдается. И, наконец, в керамическом комплексе практически отсутствуют сковороды и чашевидные сосуды, да и формы горшков с высоким венчиком-раструбом говорят о деградации керамического набора.

А. А. Бобринский отмечал, что «в случае смешения носителей разных традиций изготовления керамики однородность навыков труда утрачивает значение диагностического признака родственных групп. Керамика смешивающихся или смешавшихся в культурном отношении групп населения способна долгое время характеризоваться различиями в некоторых приемах ее изготовления» (*Бобринский*, 1978. С. 243). Однородная техника выработки керамики в рамках одного поселения может достигаться при смене 5–6 поколений гончаров (Там же. С. 243–244).

Смею осторожно предположить, что островки населения, оставившего памятники типа Кибол 1, могли сохранить специфическую керамическую традицию до X в. включительно.

Литература

- Алешинская А. С., Кочанова М. Д., Макаров Н. А., Спиридонова Е. А., Карпунин А. А.*, 2008. Ландшафты Суздальского Ополя и влияние на них человека в средневековье (по данным археологических и палеоботанических исследований) // *Сельская Русь в IX–XVI вв.* М.: Наука. С. 127–156.
- Бобринский А. А.*, 1978. Гончарство Восточной Европы. М.: Наука. 272 с.
- Воронцов А. М.*, 2002. К вопросу о хронологии и происхождении керамического комплекса мощинской культуры // *Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья*. Вып. 4. Тверь. С. 16–22.
- Воронцов А. М.*, 2003а. К вопросу о поздней дате мощинской культуры // *Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История*. Т. I. Тула. С. 294–300.
- Воронцов А. М.*, 2003б. К вопросу о хронологии и происхождении керамического комплекса мощинской культуры // *Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История*. Т. I. Тула. С. 301–310.
- Воронцов А. М.*, 2011. К вопросу о поздней дате мощинской культуры // *Труды III (XIX) ВАС*. Т. II. Тула, 2011. С. 14–15.
- Воронцов А. М.*, 2013. Культурно-хронологические горизонты памятников II–V веков на территории Окско-Донского водораздела / Ред. И. О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». 173 с. (Историко-археологические исследования региона Куликова поля; вып. 1).
- Воронцов А. М.*, 2016. Памятники мощинской культуры в третьей четверти I тыс. н. э. // *Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.)* / Ред.: А. М. Обломский, И. В. Исланова. М.: ИА РАН. С. 221–260. (PCM; вып. 17).
- Глазов В. П.*, 1980. Отчет об археологических разведках в Камешковском, Суздальском и Юрьев-Польском районах Владимирской обл. в 1980 г. // *Архив ИА РАН*. Р-1. № 8066. Ч. II.
- Зайцева И. Е.*, 2011. Цветной металл из погребений могильника эпохи переселения народов Большое Давыдовское II // *ABC3*. Вып. 3. М. С. 17–33.

² В настоящее время готовится полная публикация находок (предварительная. – *Латишин*, 1989).

- Исланова И. В.*, 2007. Верхневолжье и Валдай // Восточная Европа в середине I тыс. н. э. М.: ИА РАН. С. 301–332.
- Исланова И. В.*, 2010. Культурная принадлежность древностей середины I тыс. н. э. Верхнего Поволжья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Ч. 1. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 203–217.
- Исланова И. В.*, 2011. Керамика городища Орлов городок (Молоковский район Тверской области) // ТАС. Вып. 8. Т. II. Тверь. С. 81–120.
- Исланова И. В.*, 2019. Культурно-исторические процессы во II–VIII вв. н. э. в бассейнах Верхней Волги и Верхней Мсты: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2019. 360 с.
- Исланова И. В., Лагуткина Е. В., Лагуткин А. В.*, 2017. Поселение эпохи Великого переселения народов Троица I на оз. Удомля (по материалам исследований 1984, 1985, 1987, 2002 и 2003 гг.) // РА. № 3. С. 133–143.
- Кренке Н. А.*, 2019. Древности бассейна Москвы-реки от неолита до Средневековья. М.; Смоленск. 392 с.
- Лапшин В. А.*, 1985. Система расселения в центральном районе Ростово-Суздальской Руси X–XIII вв. и природный фактор // Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М. С. 101–104.
- Лапшин В. А.*, 1987. Начальный этап освоения Суздальского ополья древнерусским населением // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: тез. докл. Всесоюз. конф. М. С. 147–148.
- Лапшин В. А.*, 1989. Археологический комплекс у с. Гнездилово под Суздалем // КСИА. Вып. 195. С. 66–71.
- Лапшин В. А.*, 1991. Лепная керамика Гнездиловского поселения // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М.: ИА АН СССР. С. 119–129.
- Лапшин В. А.*, 2012. Керамический комплекс селища Кибол (по материалам раскопок 1989–1991 гг.) // АВСЗ. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 95–100.
- Лопатин Н. В., Лопатина О. А.*, 1998. Памятник мощинской культуры в верховьях Вазузы // ТАС. Вып. 3. Тверь. С. 375–379.
- Макаров Н. А., Красникова А. М., Зайцева И. Е.*, 2010. Могильник Большое Давыдовское 2 – погребальный памятник первой половины I тыс. н. э. в Суздальском Ополье // РА. № 1. С. 41–52.
- Макаров Н. А., Красникова А. М., Зайцева И. Е.*, 2011. Могильник Большое Давыдовское II в Суздальском Ополье: продолжение полевых исследований // АВСЗ. Вып. 3. М. С. 3–16.
- Массалитина Г. А.*, 1993. Лепная керамика городища и селища Мощины // КСИА. Вып. 208. С. 46–52.
- Массалитина Г. А.*, 1994. Мощинская культура: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 17 с.
- Массалитина Г. А.*, 2001. К вопросу о связях Верхней Оки и Северо-Запада Восточной Европы в I тысячелетии н. э. // ТАС. Вып. 4. Т. II. Тверь. С. 11–13.
- Массалитина Г. А.*, 2002. Новые керамические коллекции с памятников конца I тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н. э. на водоразделе верхних притоков Днепра и Волги // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4. Тверь. С. 6–15.
- Морозов А. С.*, 2022. Поселение Абакумлево 3 – новый памятник эпохи Великого переселения народов в Суздальском Ополье // КСИА. Вып. 268. С. 197–214.
- Румянцева О. С.*, 2007. Культура рязано-окских могильников. Керамика центральной группы могильников // Восточная Европа в середине I тыс. н. э. М.: ИА РАН. С. 247–272.

Сведения об авторе

Лапшин Владимир Анатольевич, ИИМК РАН;

e-mail: vladimirlapshin51@yandex.ru

V. A. Lapshin

**CERAMICS OF THE “MOSHINSKY TYPE”
IN THE COMPLEX OF THE SITE GNEZDILOVO 2 NEAR SUZDAL**

Summary. At the settlement Gnezdilovo 2 near Suzdal, X–XI centuries, a group of hand-made pottery genetically dating back to the ceramics of the Moshinsky culture, widespread in the 2nd–5th centuries on the territory of the Oka-Don watershed, was revealed. These are pots with a high collar, well-shaped, often carefully smoothed, occasionally polished. A characteristic feature is an accentuated ledge or constriction during the transition from the throat to the shoulder of the vessel. In the 5th century in most settlements of the Moshinsky culture, life stops, and ceramics of the “Moshinsky type” appear in small quantities as part of the ceramic set of the Ryazan-Oka burial grounds, on the Late Dyak monuments of the Moskvorechye, the upper reaches of the Western Dvina, and the Upper Volga. A pure ceramic complex of the late stage of the Moshchinsky culture was identified in the village of Kibol 1 near Suzdal, which dates back to the third quarter of the 1st millennium AD. In recent years, exploration has revealed ceramics of this type in a number of sites of the Suzdal Opol’e. The author suggests that some of the settlers from the Upper Oka participated in the agricultural development of the Suzdal Opol’e in the third quarter of the I millennium AD, and a specific ceramic tradition could have been preserved until the 10th–11th centuries.

Keywords: early Middle Ages, Northeastern Russia, Suzdal Opol’e, site, hand-made pottery, Moshinsky culture.

Е. Р. Михайлова

К ПРЕДЫСТОРИИ ВОДНОГО ПУТИ ПО ВОЛХОВУ: ДВИЖЕНИЕ КАМСКИХ ВЕЩЕЙ В ВОСТОЧНУЮ БАЛТИКУ¹

Резюме. В статье рассматривается возможность реконструкции маршрута движения вещей из Прикамья на Балтику на протяжении I–VIII вв. н. э. По мнению автора, известные к настоящему времени находки позволяют предположить существование двух систем путей. Одна из них представляла собой пути по рекам лесной зоны Восточной Европы, по бассейнам Мологи и Шексны; другая – по открытым водным пространствам Балтийского моря, Ладожского и Онежского озер. Две системы путей смыкались в районе Западного Белозерья или Юго-Восточного Приладожья. Коренная перестройка этой системы пришлось на эпоху викингов.

Ключевые слова: водные пути, Балтика, Прикамье, неволинская культура, поясная гарнитура.

*По большим рекам как главным торговым путям
сгущалось население, принимавшее наиболее деятельное участие
в торговом движении, рано здесь завязавшемся;
по ним возникали торговые средоточия...*

В. О. Ключевский

Магистральные речные пути, связывавшие удаленные регионы Евразии, – одна из традиционных тем российской исторической науки. Наибольшее внимание в исторических и археологических исследованиях уделяется функционированию Пути из Варяг в Греки и возникшему несколько ранее так называемому Волжскому пути. Уже сама историография изучения Волжского пути могла бы составить тему отдельного большого труда. Значительная ее часть изложена в монографии И. В. Дубова (Дубов, 1989); более поздний обзор пока не написан, хотя к проблеме Волжского пу-

¹ Работа выполнена в рамках научной темы «Культурно-исторические процессы на Северо-Западе Восточной Европы в начале средневековья по археологическим данным (V – первая половина VIII вв.)» (СПбГУ ID: 107271130).

ти так или иначе обращался, пожалуй, каждый исследователь средневековых древностей Восточной Европы. Отдельно из работ 2000-х гг. следует упомянуть статью А. Н. Кирпичникова, показавшего Великий Волжский путь как широкую зону движения товаров и людей, увязанную с речными путями через Восточную Европу и морскими – вокруг Европы Западной (*Кирпичников, 2002*).

В настоящей работе мы рассмотрим археологические свидетельства движения вещей из Волго-Камья в Северную Европу ранее эпохи викингов. Сама по себе реконструкция древних водных путей на основании археологических свидетельств всегда более или менее гипотетична. В расчет могут приниматься, помимо предоставляемых ландшафтом возможностей, находки безусловно импортных вещей и наличие древних поселений, которые могли служить местами торговли или элементами путевой инфраструктуры. Таким образом, импорты и расположение прибрежных поселений вместе позволяют в общих чертах наметить те линии, вдоль которых в древности прорывались люди, перевоза вещи.

Путь, ведущий из Волжского бассейна на север к Ладожскому озеру и далее на Балтику, возник еще в первых веках нашей эры и отчетливее всего прослеживается по распространению вещей, связанных с Камским регионом. Целая серия бляшек с аналогиями в древностях Прикамья от пьяноборского времени до 3-й четверти I тыс. включительно происходит с многослойных поселений в бассейне Онежского озера (*Косменко, 1993. С. 123–128. Рис. 30*). Большинство их сосредоточено в Заонежье, вокруг крупного оз. Водлозеро, соединяющегося реками с Онежским озером. Еще одна находка происходит с поселения Кудома 11, расположенного у оз. Сямозеро в северной части Онежско-Ладожского водораздела (рис. 1). Сама одновременность этих находок указывает на длительную историю проникновения камских вещей на Северо-Запад. В том же контексте следует рассматривать и находки вещей камского происхождения в «домиках мертвых» Куреваниха XVII и XX в. Юго-Западном Белозерье (*Башенькин, 1994; 1995. С. 9–11*).

Не позднее VII–VIII вв. в Белозерье и далее на запад от него начинают активно поступать детали неволинской поясной гарнитуры – разновидности поясных гарнитур геральдического стиля, характерной для Прикамья (более всего – для бассейна р. Сылвы), где она бытовала с конца VII в. до рубежа VIII–IX вв. и использовалась в женских поясах. (*Kivikoski, 1973. S. 83, Abb. 583–595; Мейландер, 1979; Белавин, 2000; Carpelan, 2004; Голдина, Голдина, 2010. С. 178–180, Ахмедов, 2020; Callmer, 2024; и др. работы*). На составленной Р. Д. Голдиной и Е. В. Голдиной карте распространения неволинской гарнитуры (*Голдина, Голдина, 2010. Рис. 41*) отчетливо выделяются три скопления находок за пределами Камского бассейна: Поочье, Белозерье и Западная Финляндия (рис. 2). Оставляя окские находки за пределами данной работы, рассмотрим два северных кластера.

В Западном Белозерье, на притоке р. Суды – р. Андоге, А. В. Кудряшовым исследованы два значительных комплекса памятников – Черный Ручей и Ступолохта, в целом датирующихся временем с VII–VIII вв. до X–XI вв. На могильнике Черный Ручей 4 и поселении Черный Ручей 2 было найдено более 80 предметов неволинской гарнитуры (*Кудряшов, 2014. С. 300–302. Рис. 2*). Детали неволинских поясов, найденные здесь, не только многочисленны, но и представлены накладками всех основных типов, что позволяет считать, что на Андогу поступали комплектные пояса. Помимо

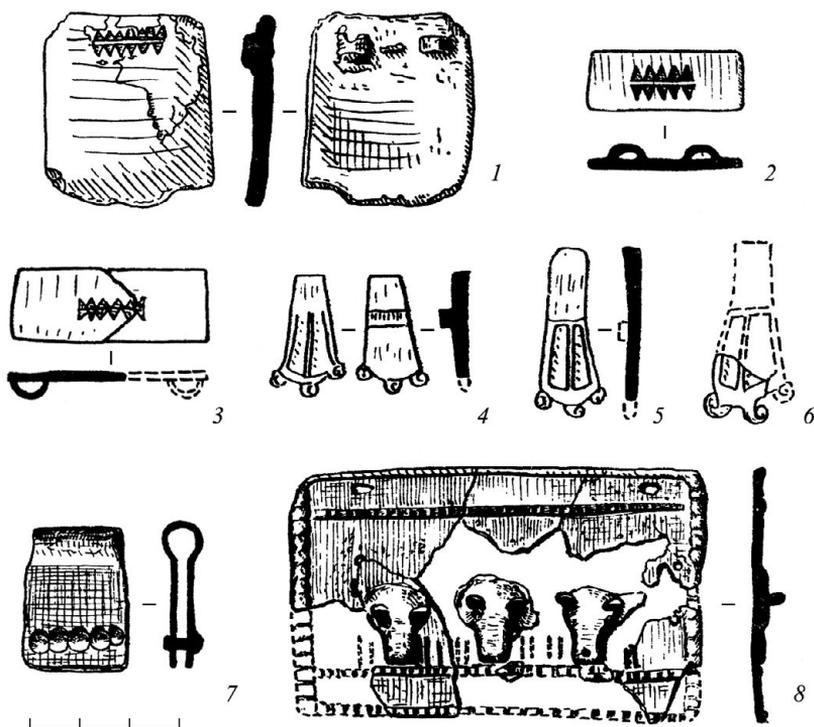

Рис. 1. Находки прикамского происхождения с поселений вокруг Онежского озера (по: Косменко, 1993. Рис. 30). 1 – Кудома XI; 2, 7 – Илекса; 3 – Шеттима I; 4–6, 8 – Илекса III. 1–8 – бронза

неволинских накладок, на памятниках в бассейне Суды, по мнению А. В. Кудряшова, выявлен ряд керамических форм с аналогиями в Прикамье. В памятниках комплекса Черный Ручей представлены и другие вещи, происходящие из Прикамья, в том числе и поступавшие далее на северо-запад: привеска с изображением медведя «в жертвенной позе» (тот же сюжет представлен на одной из находок в Заонежье), цилиндрическая бусина с восемью выпуклыми глазками (ср.: Callmer, 2024. P. 4 sqq.).

На территории Финляндии находки неволинской поясной гарнитуры сосредоточены в Юго-Западной и Западной Финляндии, в приморских районах либо у берегов крупных рек, по которым можно спуститься к морю (Kivikoski, 1973. S. 83; Callmer, 2024. P. 4–5) (рис. 3). Здесь неволинские пояса (целые или отдельные детали) встречены в двенадцати могильниках, причем, в отличие от исходного камского региона, в Финляндии неволинские пояса найдены в мужских погребениях, что уже неоднократно отмечалось исследователями (см., напр.: Мейнандер, 1979. С. 36; Carpelan, 2004. P. 23–24; Голдина, Голдина, 2010. С. 178). Юго-Западная Финляндия с самой глубокой древности была вовлечена в морские плавания по Ботническому заливу и всей Балтике. Косвенным отражением поступления сюда прикамских вещей имен-

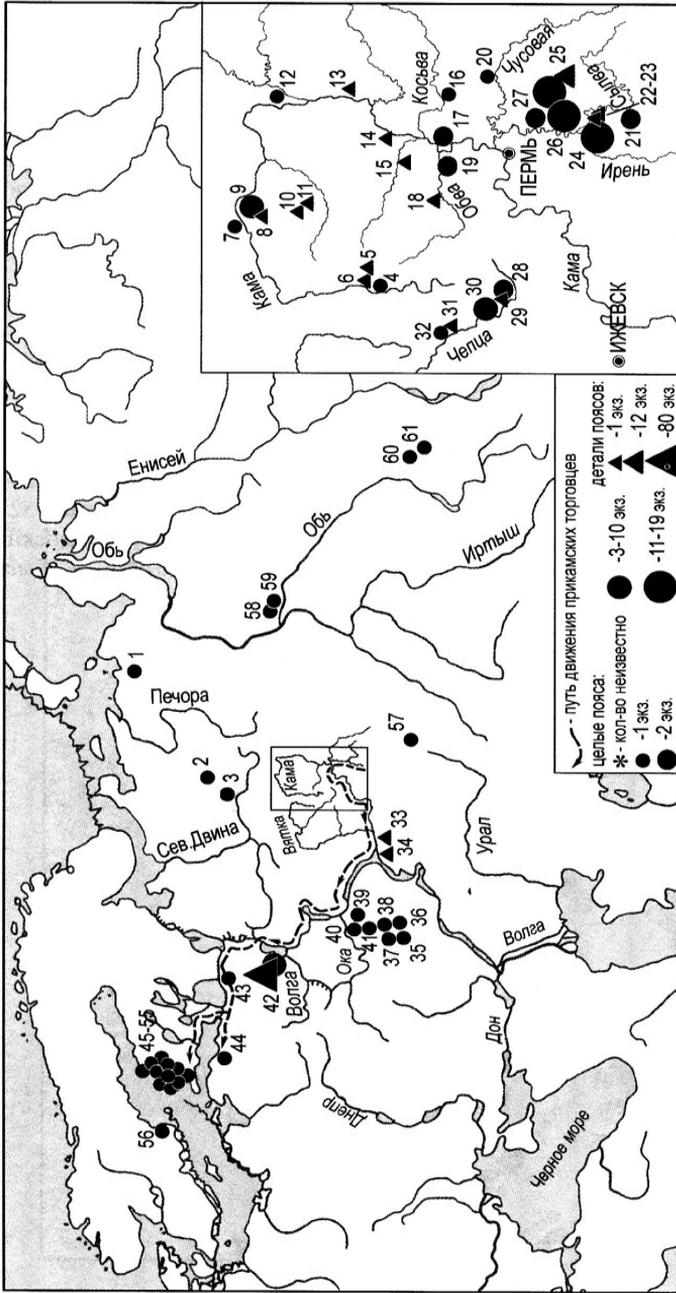

Рис. 41. Схема распространения поселов неволинского типа. 1 - Хэйбидя-Пэлар (1 экз.); 2 - Усоторск III; 3 - Тохта; 4 - Аверино II; 5 - Носково; 6 - Русиново; 7 - Плес; 8 - Михалева; 9 - Агафоново I (3 экз.); 10 - Урья; 11 - Б.Коча; 12 - Редикор; 13 - Запоселье; 14 - Степаново плотбище; 15 - Загарье; 16 - Баяново; 17 - Висим (2 экз.); 18 - Рождественское; 19 - Деменки (2 экз.); 20 - Телячий Брод; 21 - Усть-Иргино (2 экз.); 22 - Морозково IV селище; 23 - Усть-Клиертский клад; 24 - Неволино (18 экз.); 25 - Верх-Сая (13 экз.+12 дегалей); 26 - Броды (15 экз.); 27 - Горбуята (2 экз.); 28 - Варни (2 экз.); 29 - Тольен; 30 - Полом I (4 экз.); 31 - Весьякар; 32 - Чемшай; 33 - Танкеевка; 34 - Тагарстан; 35 - Ст. Бадиково II; 36 - Журавкино; 37 - Шоक्षा; 38 - Моршанск; 39 - Чулково; 40 - Муром; 41 - Хотимль; 42 - Черный ручей (5 экз.+80 дегалей); 43 - Победище; 44 - Ояевски; 45-55 - Каавонтенкка, Питкясмьяки, Юлиппя, Мюнянумми, Кирумукарму, Пеппилянмякки и другие; 56 - Утсала; 57 - Байрамтулово; 58 - Барсов городок I; 59 - Сайгатино I; 60 - Архиеврейская заимка; 61 - Могильницкий

* - далее 1 экз. не указан

Рис. 2. Схема распространения поселов неволинского типа (по: Голдина, Голдина, 2010. Рис. 41)

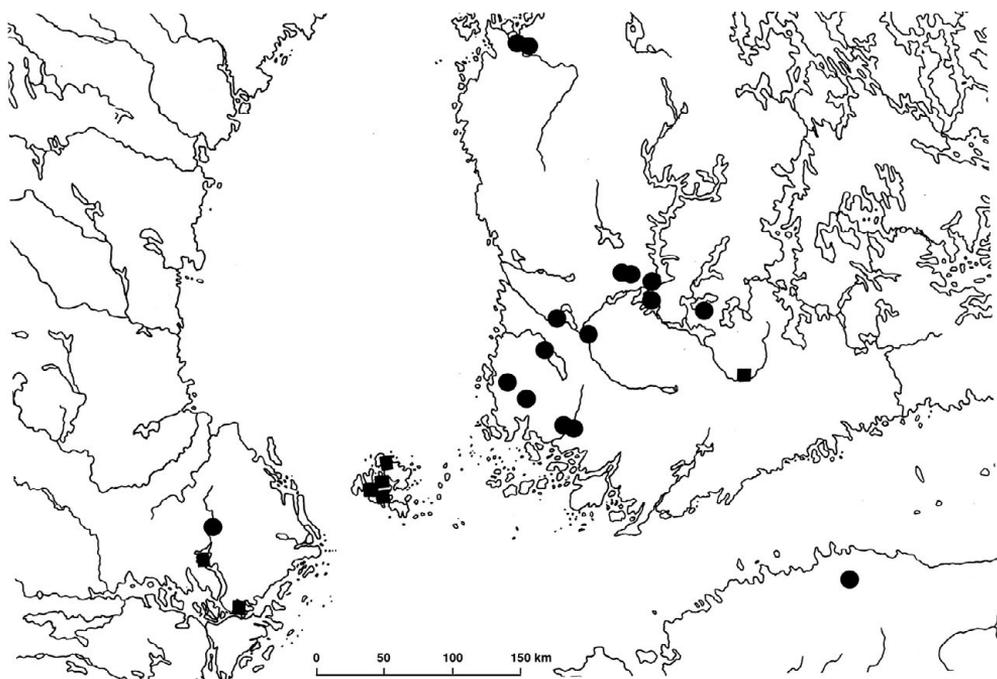

Рис. 3. Находки поясов неволинского типа (обозначены кружками) и неволинских бус (обозначены квадратами) в регионе Центральной Балтики ок. 700–750 гг. (по: Callmer, 2024. Fig. 4)

но морским путем, помимо общих географических соображений, являются находки неволинских бус с выпуклыми глазками (типов IVB33–38 по Е. В. Голдиной (Голдина, 2010. Рис. 24)) на Аландских островах и на противоположном берегу Ботнического залива, на востоке Средней Швеции (Callmer, 2024. Р. 8), а также неволинская накладка из кургана Гюльхеген / Gullhögen в Старой Упсале (Kivikoski, 1973. S. 83. Abb. 583–595; Мейнандер, 1979. С. 36–37; Ljungkvist, 2009. Р. 46).

Кроме указанных выше находок, на территории Восточной Балтики известно еще два отдельных комплекса с предметами неволинской поясной гарнитуры.

В раскопанной Н. Е. Бранденбургом сопке в урочище Победище в Старой Ладоге («курган СХL») погребение 4 в основании насыпи представляло собой скопление сожженных человеческих и конских костей, среди которых были собраны, в частности, когтевые фаланги медведя, железная четырехугольная пряжка, прорезной наконечник и шестнадцать бронзовых бляшек: тройчатая, сердцевидная, две полусферические, четыре удлиненные с «елочным» узором, четыре круглые с приподнятой розеткой в центре и три круглые плоские (рис. 4: 1–5). Н. Е. Бранденбург отмечал, что трехконечная бляха была найдена с остатками бересты (Бранденбург, 1895. С. 138. Табл. VI: 6, 11, 18, 20; Петренко, 1994. С. 77). Можно предположить, что все эти предметы происходят от одного наборного пояса (возможно, с берестяной основой). Однако если принадлежность прорезного наконечника и тройчатой бляхи к неволинской гарниту-

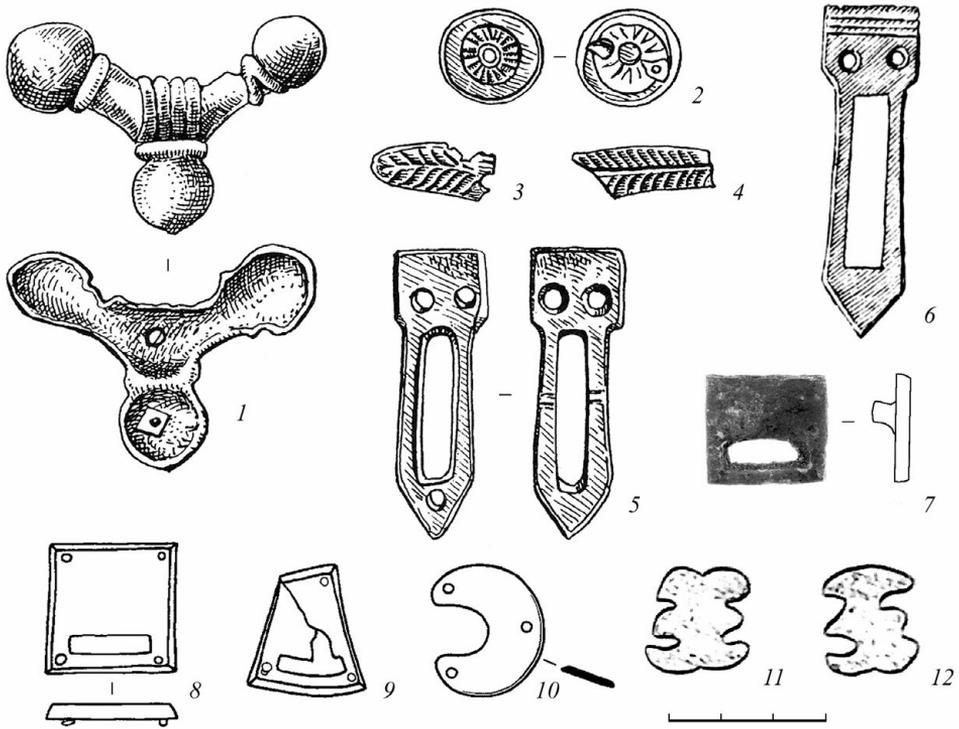

Рис. 4. Находки прикамского происхождения с памятников Северо-Запада России и Эстонии. 1–5 – Победище (по: Петренко, 1994. Рис. 39); 6 – Оявески (по: Шмидехельм, 1955. Рис. 36); 7 – Любша (фото с ресурса «Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации», URL: <https://goskatalog.ru/>); 8–10 – Прость (по: Плохов, 2008. Рис. 1); 11, 12 – Максимова, курган 22 (по: Башенькин, 1986. Рис. 14). 1–12 – бронза

ре несомненна, то аналогии накладкам с «елочным» узором и круглым бляшкам с розеткой в центре в прикамских материалах мне обнаружить не удалось.

Четыре посеребренных бронзовых прорезных наконечника (рис. 4: 6) были найдены в позднем каменном могильнике с оградками Оявески (*tarandkalme Ojaveski*) в Северо-Восточной Эстонии (Шмидехельм, 1955. С. 144. Рис. 36: 4). Особенности погребального обряда в каменных могильниках затрудняют выделение конкретных комплексов. Вместе с тем нужно отметить, что именно в могильнике Оявески встречены многочисленные импорты различного происхождения: прикамские, скандинавские и самбийские. Другой характерной чертой этого могильника является необычно высокая доля предметов из серебра и золота (Там же. С. 142–145).

В контексте проблемы прикамских импортов нужно назвать еще несколько находок деталей поясной гарнитуры типов, которые известны как на памятниках неволинской культуры, так и за ее пределами (рис. 4: 7–12). Это квадратная с прорезью накладка с городища Любша в Нижнем Поволховье (Рябинин, Дубашинский, 2002. С. 200), квадратные с прорезью и серповидная накладки с поселения Прость близ

Новгорода (Плохов, 2008. С. 156. Рис. 1: 10–12), небольшие ж-образные накладки из кургана с трупосожжениями Максимово-22 в бассейне Чагодощи (Башенькин, 1986. Л. 57. Рис 14: 4–6). Примечательно, что на поселении Прость в том же котловане жилища, что и упомянутые бляшки, найдена черная цилиндрическая бусина, украшенная восемью выступающими фиолетовыми глазками в бело-бирюзовом обрамлении (Плохов, 2008. С. 156–158).

Конкретные пути движения камских вещей на север следует реконструировать в соответствии с сетью рек лесной зоны Восточной Европы – самого надежного и доступного пути сквозь леса. Реконструируемый путь, а вернее – сеть путей, которые вели с Камы по Волге (с заметным ответвлением по Оке) к Ладожскому озеру через Белозерье и Приладожье, с вероятным ответвлением вниз по Мсте к Ильменю, в общих чертах совпадает с версией позднейших путей из Ладожского озера на Верхнюю Волгу, в свое время предложенной Н. П. Загоскиным. Рассуждая о путях, соединявших новгородские земли с Волгой через ее левые северные притоки, он предложил три возможных пути: 1) по Волхову и Мсте через Цну к Тверце (рис. 5), 2) по Сяси и Тихвинке к Чагодоще и Мологе (рис. 6) и 3) по Свири и Вытегре к Ковже и далее в Белое озеро и Шексну (рис. 7). Удобством и естественно-географической обусловленностью этих путей Н. П. Загоскин объяснял тот факт, что в Новое время по указанным трассам были проложены Вышневолоцкая, Тихвинская и Мариинская водные системы, которые «представляют собою лишь применение техники позднейших веков к естественным водным путям, известным и эксплуатировавшимся еще в далекие поры новгородской самобытности» (Загоскин, 1910. С. 139–146). Об этом совпадении ранее писал и И. В. Дубов, опираясь на другие работы (Дубов, 1989. С. 19–23).

Комплекс памятников Черный Ручей на Андоге с его впечатляющей серией находок прикамского происхождения можно связать с самым восточным из предложенных путей – через Шексну и Белозерье в Онежское озеро и далее по Свири в Ладогу. От более западных – казалось бы, более коротких и удобных путей – путь через Свирь, Онежское озеро и Вытегру отличался наличием единственного волокового участка – отрезка в 15–20 км между оз. Ковжа (истоком р. Ковжи) и верховьями р. Вытегры. Примечательно, что именно Сви́рско-Вытегорский путь послужил основой для позднейшей Мариинской водной системы, вошедшей в состав нынешнего Волго-Балта. Само положение Андоги в гидрографической сети позволяет предположить и возможность перехода из ее бассейна сразу в реки Юго-Восточного Приладожья и Ладожское озеро. Не отрицая такой возможности (речь ведь идет о реконструкции по географической карте!), вспомним все же о ранних камских находках в Заонежье и на Олонецком перешейке – они позволяют предположить использование в этом пути водного пространства Онега уже в первые века нашей эры.

Вещи из Прикамья, через Онежское ли озеро и р. Свирь или через Юго-Восточное Приладожье, попадали на берега Ладожского озера, а оттуда – в Финский и Ботнический заливы, но каким именно путем? Известно, что в древности из Ладожского озера в Финский залив вели два основных водных пути: а) южный, по Неве, сопряженный с необходимостью преодолевать Ивановские пороги, и б) северный, по Вуоксе, с выходом в Выборгский залив, использовавшийся вплоть до XIII–XIV вв. и окончательно переставший существовать после прорыва Тайпале в 1818 г.

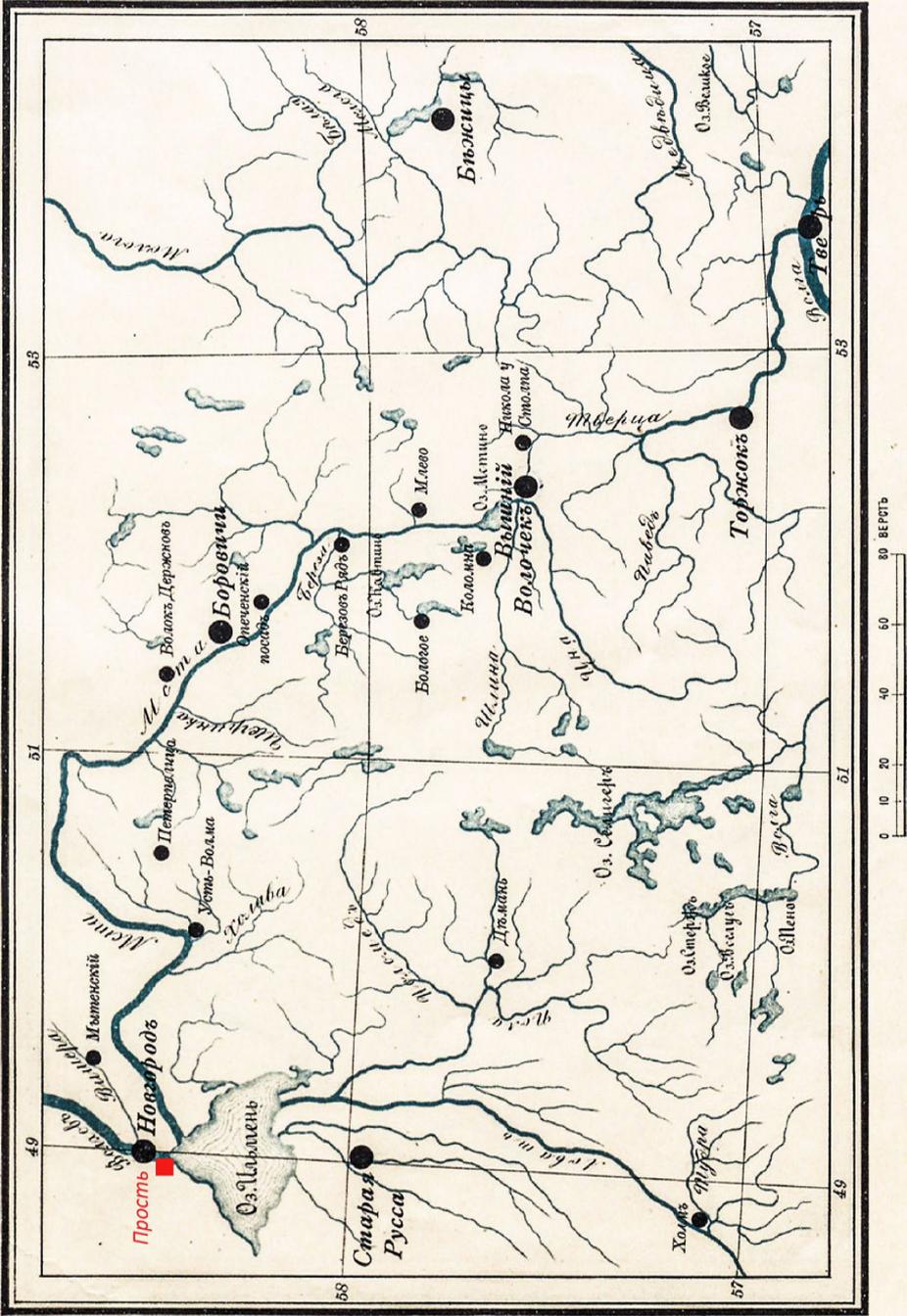

Рис. 5. Мстиславский водный путь в реконструкции Н. П. Загоскина (по: Загоскин, 1910. Карта XXII). Красным квадратом обозначено селение Прость

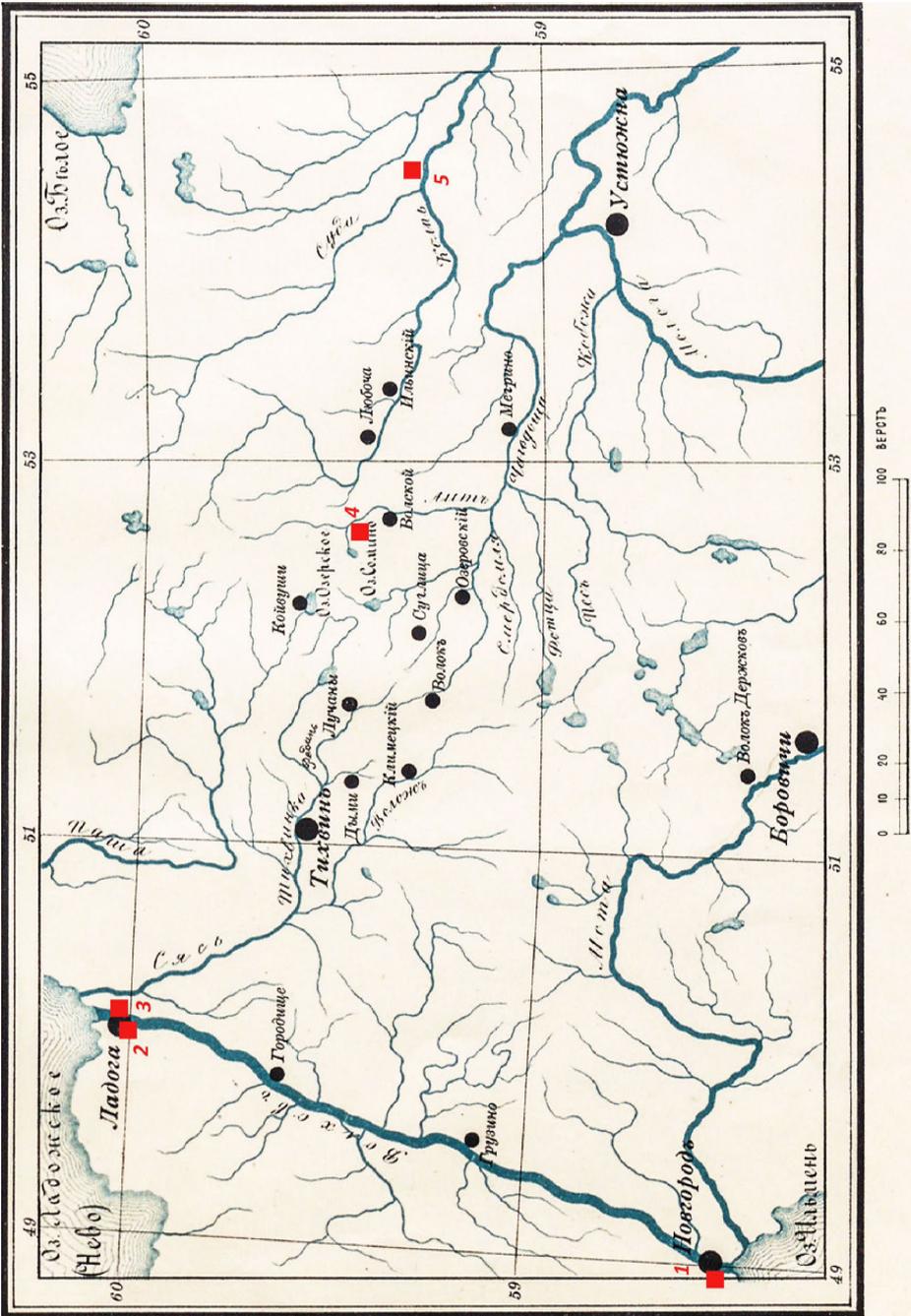

Рис. 6. Сясьский водный путь в реконструкции Н. П. Загоскина (по: Загоскин, 1910. Карта XXIII). Красными квадратами обозначены: 1 – Прость; 2 – Победище; 3 – Любша; 4 – Максимова; 5 – Черный Ручей

К предыстории водного пути по Волхову:
движение камских вещей в Восточную Балтику

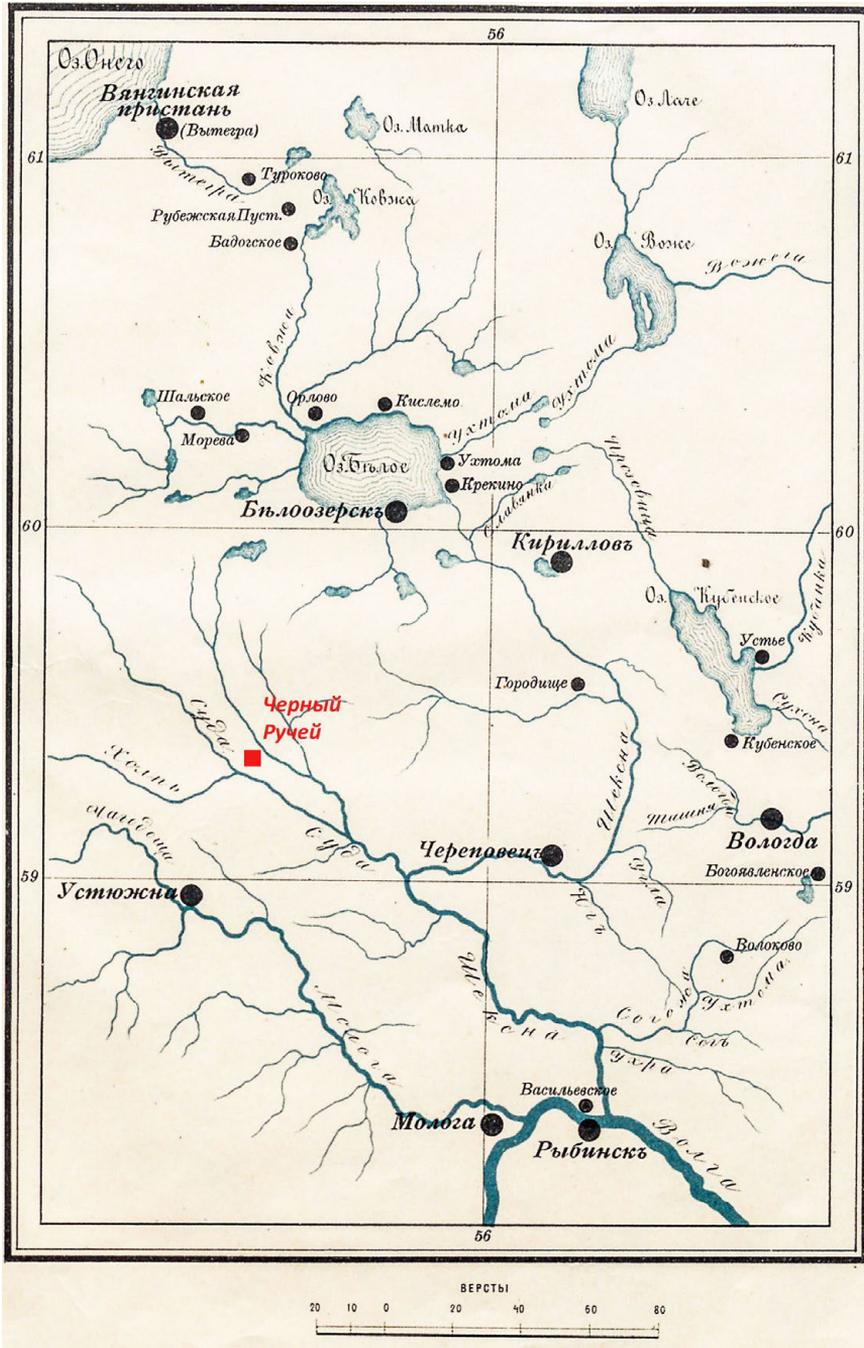

Рис. 7. Вытегорский водный путь в реконструкции Н. П. Загоскина (по: Загоскин, 1910. Карта XXIV). Красным квадратом обозначен комплекс памятников Черный Ручей

На археологической карте Приладожья явно выделяется северная часть этого региона, где на островах в северной части Ладожского озера и по течению Вуоксы сосредоточены памятники и отдельные находки 2–3-й четверти I тыс. («среднего железного века») (Uino, 1997. Р. 109–111; Сакса, 2010. С. 44 сл. Рис. 7). Здесь нужно упомянуть в первую очередь известное погребение в Нукутталаhti/Nukuttalahti на о-ве Риеккала в административной черте современного г. Сортавала. Найденное здесь трупосожжение датируется VI в., в нем найдены, в частности, две так называемые пуговицы-аграфы с рельефной орнаментацией. Такого рода «аграфы» были широко распространены в V–VI вв. на всем Балтийском пространстве, а наиболее точные аналогии находкам из Нукутталаhti известны в Западной Финляндии, на Аландских островах, Готланде и в материковой Швеции (Uino, 1997. Р. 110–111; Сакса, 2010. С. 45–48). И находки, и само островное расположение памятника явно свидетельствуют о наличии водного пути, связывавшего Северное Приладожье с Балтикой. Как свидетельство водного пути из системы Вуоксы в Западную Финляндию и обратно в историографии традиционно рассматривается и более поздний комплекс Лапинлахти Наскалинмяки / Lapinlahti Naskalinmäki на оз. Суходольское/Suvanto (Uino, 1997. Р. 111–113; Сакса, 2010. С. 50–61).

В целом реконструируемая схема движения вещей от бассейна Камы на Балтику отчетливо распадается на две части. Одну из них составляют пути по рекам Волжского (и лишь отчасти Балтийского) бассейна – водные или санные (ср.: Микляев, 1992). Вторую – пути через открытые водные пространства Балтики и соединяющихся с ней крупных озер (подробнее см.: Михайлова, 2016. С. 4–8). Переход от одной части этой системы путей к другой происходил где-то на пространстве к юго-востоку от Ладожского озера. Во времена Н. П. Загоскина основная перевалка грузов и починка судов при переходе в Онежское озеро происходили в устье Вытегры, но в ранние эпохи основные центры путевой инфраструктуры могли быть приурочены и к другим местам. Наиболее очевидным регионом представляется Молого-Шекснинское междуречье и Пошехонье, занимающие участок при переходе из Волжского бассейна в Балтийский и насыщенные памятниками со следами устойчивых активных связей с Волго-Камьем. По всей протяженности Камско-Балтийского пути, вероятно, путешествовали лишь грузы, которые для нас маркированы прикамскими вещами, но могли включать и разнообразные товары, плохо отражающиеся в археологическом материале (например, металлы и прочее сырье). Грузы переходили из рук «речных» торговцев к «морским» и обратно на торговых местах в бассейне Шексны и Верхней Мологи, при этом украшения и предметы костюма могли утрачивать часть своих символических свойств, приобретая черты повседневного, хотя и дорогого, товара. Можно предположить, что именно здесь неволинские пояса из важной части камского женского костюма оборачивались просто эффектными наборными поясами, которые на Балтике ассоциировались преимущественно с мужским обиходом.

Нет никаких сопоставимых археологических свидетельств в пользу того, что до эпохи викингов аналогичные торговые пути могли пролегать и западнее, по Волхову и Сяси. На р. Сясь значимые археологические комплексы (в первую очередь известный комплекс памятников в районе д. Городище) появляются не ранее эпохи викингов (Богуславский, 2004; «Бесовы Харчевни...», 2024). В течении р. Волхов, напротив, памятники 3-й четверти I тыс. хорошо известны и образуют два

явно выраженных кластера. Один из них располагается у истока Волхова, в северном Приильменье, и включает в себя поселения этого времени как в самом Ильменском Поозерье, так и в нижнем течении Мсты, выше болотистой заливной дельты (Носов, 1991; Носов, Плохов, 2005, Еремеев, 2019а; 2019б). Другое скопление памятников 3-й четверти I тыс. расположено в низовьях Волхова, недалеко от его устья, в районе Старой Ладogi (Лебедев, Седых, 1985; Рябинин, Дубаишинский, 2002; Кирпичников, Сарабьянов, 2012; Новое в археологии Старой Ладogi..., 2018). Исток и устье Волхова разделяет заболоченная Волховская низина, слабо заселенная и в наши дни. Памятники 3-й четверти I тыс. здесь не известны, хотя для более позднего периода можно назвать несколько сопok (Змейское, Серебряницы, Осинчек), расположенных между Приильменьем и Волховскими порогами и, видимо, отмечающих места синхронных поселений. Складывается впечатление, что камские вещи поступали в разные концы Волхова разными путями: в Приильменье – по Мсте, со стороны Молого-Мстинского междуречья, а в Нижнее Поволжье – со стороны Ладожского озера.

Нельзя утверждать, что путь по Волхову никак и никогда не использовался ранее эпохи викингов. Но его регулярное использование начинается вряд ли ранее IX в., когда возник Новгород (Плохов, Хвоцинская, 2024), нуждавшийся в собственном «выходе к морю». С этого времени на Волхове начала формироваться инфраструктура, обеспечивающая функционирование нового речного пути (Носов, 1981).

Литература

- Ахмедов И. Р., 2020. «Восточные» и прикамские ременные гарнитуры в Среднем Поочье в VII – начале VIII вв. // Археология Волго-Окского региона: сб. тез. к юбилею И. В. Белоцерковской / Ред.-сост. Н. А. Биркина. М.: ГИМ. С. 34–42.
- Башенькин А. Н., 1986. Юго-Западное Белозерье во второй половине I – нач. II тыс. н. э.: дис. ... канд. ист. наук [Рукопись] // Научная библиотека им. М. Горького СПбГУ. Шифр Д/13113. 2 т. 374 л.
- Башенькин А. Н., 1994. Восточно-финские компоненты культуры веси в I – начале II тысячелетия новой эры // Историко-археологическое изучение Поволжья / Отв. ред. Ю. А. Зеленеев. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т. С. 28–33.
- Башенькин А. Н., 1995. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. // Проблемы истории Северо-Запада Руси / Под ред. И. В. Дубова, И. Я. Фроянова. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 3–29. (Славяно-русские древности; вып. 3).
- Белавин А. М., 2000. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: Изд-во Пермского гос. пед. ун-та. 200 с.
- «Бесовы Харчевни» – комплекс памятников в среднем течении реки Сясь (археологические исследования 2016–2022 годов) / Отв. ред. С. В. Бельский. СПб.: Музей археологии и этнографии РАН. 2024.
- Богуславский О. И., 2004. Комплекс памятников у д. Городище на р. Сясь (по результатам раскопок 1987–1999 гг.) // Stratum plus. № 5/2003–2004. С. 171–243.
- Бранденбург Н. Е., 1895. Курганы Южного Приладожья. СПб. 156 с. (МАР; № 18).
- Голдина Е. В., 2010. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV – IX в.). Ижевск: Удмуртский гос. ун-т. 264 с. (Материалы и исследования Камско-Вятской археолог. экспедиции; т. 6).
- Голдина Е. В., Голдина Р. Д., 2010. «Дальний импорт» Прикамья – своеобразное проявление процессов взаимодействия народов Евразии (VIII в. до н. э. – IX в. н. э.) //

- Голдина Е. В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV – IX в.). Ижевск: Удмуртский гос. ун-т. С. 156–247.
- Дубов И. В., 1988. Великий Волжский путь. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та. 256 с.
- Еремеев И. И., 2019а. Планиграфия и хронология древнейших этапов жизни Рюрика в Городища по материалам исследований 2013–2016 гг. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. № 2. С. 67–92.
- Еремеев И. И., 2019б. Фрагмент предмета церковной утвари с Бронницкого городища под Новгородом // *Земля наша велика и обильна...: сб. ст., посвящ. 90-летию А. Н. Кирпичникова* / Отв. ред. С. В. Белецкий. СПб.: Невская типография. С. 99–112.
- Загоскин Н. П., 1910. Русские водные пути и судовое дело в допетровской России: Историко-географическое исследование. С приложением атласа карт. Казань: Упр. внутр. вод. путей и шоссейн. дорог. 502 с. (Изд. Упр. внутр. вод. путей и шоссейн. дорог; вып. 16).
- Кирпичников А. Н., 2002. Великий Волжский путь и евразийские торговые связи в эпоху раннего средневековья // *Ладога и ее соседи в эпоху средневековья*. СПб.: ИИМК РАН. С. 34–58.
- Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д., 2012. Старая Ладога – первая столица Руси. СПб.: Славия. 216 с.
- Косменко М. Г., 1993. Археологические культуры периода бронзы – железного века в Карелии. СПб.: Наука. 216 с.
- Кудряшов А. В., 2014. Белозерская весь: современный взгляд // *Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура* / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. Е. Леонтьев. М.; Вологда: Древности Севера. С. 299–311.
- Лебедев Г. С., Седых В. Н., 1985. Археологическая карта Старой Ладоги и ее ближайших окрестностей // *Вестник Ленинградского университета*. Сер. 9: История, язык, литература. Вып. 2. С. 15–25.
- Мейландер К. Ф., 1979. Биармы // *Финно-угры и славяне: докл. первого советско-финляндского симп. по вопросам археологии* / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. Л.: Наука. С. 35–40.
- Микляев А. М., 1992. Путь «из Варяг в Греки» (зимняя версия) // *Новгород и Новгородская земля. История и археология: тез. науч. конф.* / Отв. ред. В. Л. Янин. Новгород: Новгородский гос. объедин. музей-заповедник. С. 133–138.
- Михайлова Е. Р., 2016. Древности второй половины I тыс. вокруг Финского залива: к предыстории Пути из Варяг в Греки // *Новгородский исторический сборник*. № 16 (26). Великий Новгород. С. 4–32.
- Новое в археологии Старой Ладоги: Материалы и исследования / Отв. ред. Н. И. Платонова, В. А. Лапшин. СПб.: Невская Книжная Типография, 2018. 536 с.
- Носов Е. Н., 1981. Волховский водный путь и поселения конца I тысячелетия н. э. // *КСИА*. Вып. 164. С. 18–24.
- Носов Е. Н., 1991. Археологические памятники верховьев Волхова и Ильменского озера конца I тысячелетия н. э. (каталог памятников) // *Материалы по археологии Новгородской земли*. 1990 г. / Под ред. В. Л. Янина, Е. Н. Носова, П. Г. Гайдукова. М. С. 5–37.
- Носов Е. Н., Плохов А. В., 2005. Новые раскопки поселений в Северном Приильменье // *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья*. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 122–154.
- Петренко В. П., 1994. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв.: Сопки Северного Поволжья. СПб.: Наука. 137 с.
- Плохов А. В., 2008. Древности VIII века у истока Волхова // *Вестник СПбГУ*. Сер. 2.

- Вып. 3. С. 155–167.
- Плохов А. В., Хвоцинская Н. В.*, 2024. Рюриково городище эпохи викингов (к вопросу о топографии, планиграфии и международных связях) // Археологические вести. Вып. 42. С. 219–236.
- Рябинин Е. А., Дубашинский А. В.*, 2002. Любшанское городище в Нижнем Поволжье (предварительное сообщение) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН. С. 196–203.
- Сакса А. И.*, 2010. Древняя Карелия в конце I – начале II тысячелетия н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб.: Нестор-История. 400 с.
- Шмидехельм М. Х.*, 1955. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э. – V в. н. э.). Таллин: Эстгосиздат. 271 с.
- Callmer J.*, 2024. Eastern Middle Sweden, Finland and beyond in the Late Vendel and Early Viking periods: In memory of Professor Ella Kivikoski, Helsingfors (1901–1990) // Fornvännen. 119. P. 1–24.
- Carpelan C.*, 2004. Short review of prehistoric and early medieval connections between the kama region and finland in the light of archaeological evidence // Пути средневековых торговцев: сб. материалов «круглого стола» в рамках междунар. (XVI Уральского) археолог. совещания / Под ред. А. М. Белавина. Пермь: Пермский. гос. пед. ун-т. С. 17–31.
- Kivikoski E.*, 1973. Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. Neuausgabe. Helsinki: Finnische Altertumsgesellschaft. 250 S.
- Ljungkvist J.*, 2009. Continental imports to Scandinavia. Patterns and changes between AD 400 and 800 // Foreigners in Early Medieval Europe: Thirteen International Studies on Early Medieval Mobility / Ed. Dieter Quast. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. P. 27–50. (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums; 78).
- Uino P.*, 1997. Ancient Karelia: Archaeological studies. Helsinki. 426 p. (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja; 104).
- «Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: <https://goskatalog.ru/>

Сведения об авторе

Михайлова Елена Робертовна, Институт истории СПбГУ;
e-mail: helena.mikhaylova@gmail.com

E. R. Mikhaylova

ON THE PREHISTORY OF THE VOLKHOV WATERWAY: MOVEMENT OF THINGS FROM THE KAMA REGION TO THE EASTERN BALTIC SEA

Abstract. The article considers the possibility of reconstructing the route of things travelling from the Kama region to the Baltic during the 1st–8th centuries AD. In the author’s opinion, the finds known to date suggest the existence of two route systems. One of them represented the routes along the rivers of the forest zone of Eastern Europe, along the basins of Mologa and Sheksna; the other – along the open water spaces of the Baltic Sea, Ladoga and Onega lakes. The two route systems converged in the area of Western Beloye ozero or South-Eastern Ladoga. The radical reorganisation of this system took place in the Viking Age.

Keywords: waterways, Baltic, Kama region, Nevolino culture, belt set.

М. П. Милованова

УКРАШЕНИЯ И ДЕТАЛИ КОСТЮМА С СЕЛИЩА ГНЕЗДИЛОВО 2 ПОД СУЗДАЛЕМ

Резюме. Селище Гнездилово 2 является крупным поселением X–XII вв. недалеко от Суздаля. За время работы Суздальской археологической экспедиции на селище был собран 531 артефакт, 127 из которых (около 24 %) относятся к украшениям и деталям костюма. В статье представлен обзор этих предметов. Их можно разделить на следующие категории: височные кольца, шейные гривны, фибулы, браслеты, перстни, подвески и привески, а также детали ременной гарнитуры. Коллекция является достаточно крупной и выразительной, присутствуют малораспространенные в Ополе изделия, а также изделия, отличающиеся высоким качеством выделки.

Ключевые слова: украшения и детали костюма, Суздальское Ополе, X–XII вв., селище Гнездилово 2.

Гнездилово 2 – селище X–XII вв., находящееся в 6 км от Суздаля, площадью более 12 га, относящееся к группе «больших поселений» (Макаров, Федорина, 2023. С. 296). В 1970–1980-х гг. на нем проводились разведки, а затем и раскопки под руководством В. А. Лапшина (Лапшин, 1978; 1980; 1981; 1982; 1984; 1985; 1987). Вблизи поселения находятся курганные группы, раскопанные А. С. Уваровым и исследуемые на данный момент Суздальской археологической экспедицией под руководством Н. А. Макарова (Макаров, Федорина, 2023. С. 295). В 2013, 2014, 2015, 2018, и в 2020 гг. селище исследовалось Суздальской археологической экспедицией ИА РАН путем поверхностных сборов находок с распахиваемой поверхности и серии шурфов. Также в 2020 гг. частными лицами экспедиции были переданы 48 находок, полученных в результате несанкционированного металлопоиска. Всего за время работы экспедиции была выявлена 531 индивидуальная находка, 273 из которых выполнены из цветного металла. Основная группа предметов с памятника, рассматриваемая в данной работе – средневековые украшения и детали костюма (127 предметов), на нее приходится практически 24 % от общего числа вещей. В меньшей мере представлены бытовые предметы, предметы, связанные с цветной металлообработкой, пластины и неопределимые, а также предметы других категорий. Часть находок датируются 2-й половиной I тыс. и поздним средневековьем и не относятся к этапу существова-

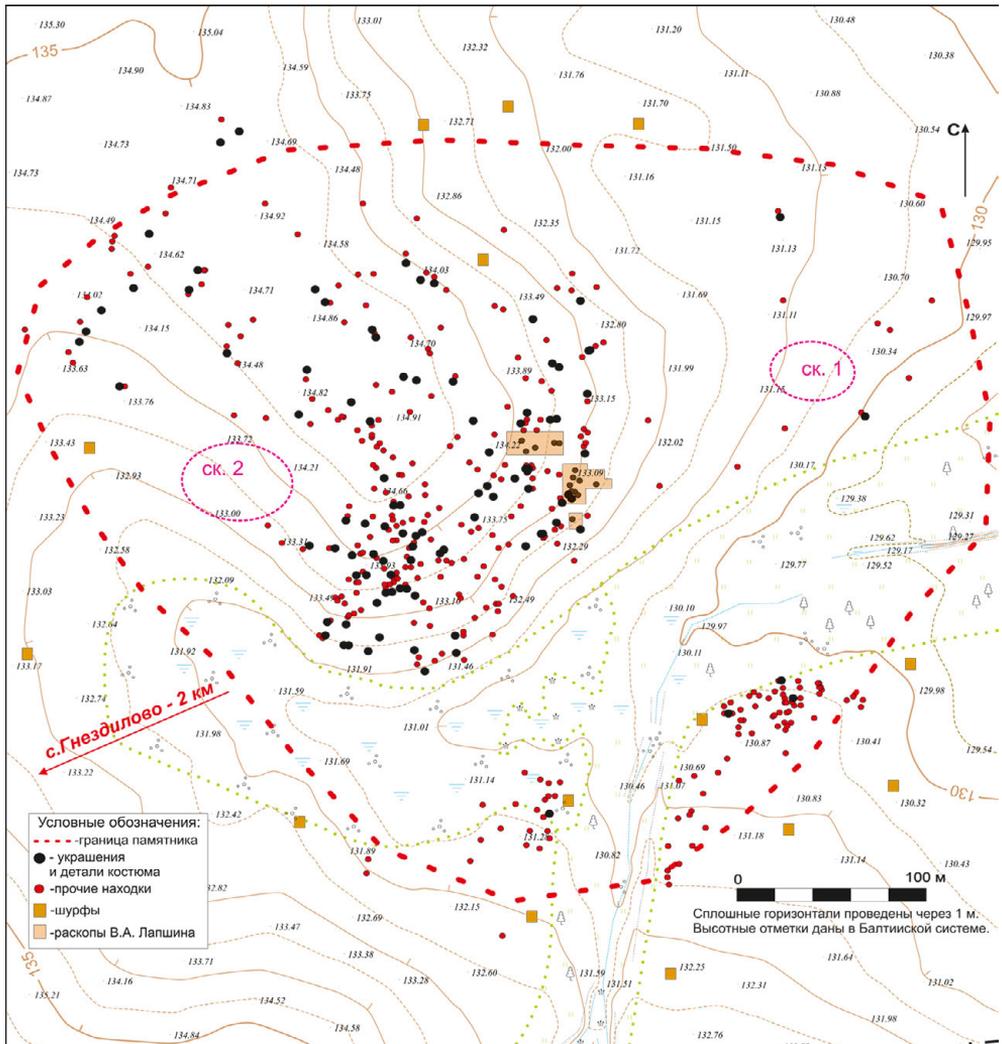

Рис. 1. План селища с распределением находок

ния памятника. В целом все рассматриваемые изделия можно разделить следующим образом: височные кольца, шейные гривны, фибулы, браслеты, перстни, подвески и привески, а также детали ременной гарнитуры.

Планиграфически мы можем наблюдать три зоны, из которых происходит основной массив вещей: центрально-западная, юго-восточная и юго-западная (рис. 1). По-видимому, они являются зонами расположения усадеб и наиболее активной жизнедеятельности жителей поселения. Внутри центрально-западной зоны находки расположены неравномерно, наибольшая их плотность происходит из ее южной части. Разделение на юго-западную и юго-восточную зоны обусловлено оврагом. Также мы

можем отметить два скопления, из которых, по словам грабителей, предположительно происходили находки, переданные в Суздальскую экспедицию (Скопление 1, 2).

Целью данной работы является обзор, систематизация и введение в научный оборот данной группы находок, полученных в результате работ Суздальской археологической экспедиции.

Височное кольцо представлено в одном экземпляре, имеет перстнеобразную форму с разомкнутыми концами (рис. 2: 1). Такая форма была широко распространена на северо-западе и северо-востоке Руси, не является локальным или хронологическим признаком, в целом датируется с X по XIII в. (Седова, 1981. С. 13)

Коллекция шейных гривен включает в себя три фрагмента (рис. 2: 2–4). Две гривны круглодротовые, на одной сохранилась гранчатая головка. Одно изделие относится к гривнам глазовского типа. Время наибольшего распространения у поволжских финнов – X–XI вв. (Зеленцова, 2008. С. 320). Их можно считать импортными для поволжско-финского населения и отнести к «престижным вещам» (Там же. С. 315, 321).

Фибула на памятнике одна (рис. 2: 5). Она имеет подковообразную форму и гранчатую головку. Общая датировка этого типа украшений на территории Руси – конец IX – начало XI в. (Леонтьев, 1996. С. 172).

Коллекция браслетов включает в себя тринадцать предметов, все они фрагментарны. Десять из них относятся к типу пластинчатых, три относятся к дротовым. В целом пластинчатые браслеты обычны для восточнославянских древностей и имеют широкий ареал (Седова, 1959. С. 178). Один из них можно отнести к узкопластинчатым (ленточным) (рис. 2: 6), характерным для северных районов Древней Руси (Левашова, 1961. С. 235). Остальные пластинчатые браслеты делятся по форме концов – постепенно расширяющиеся (4 предмета) (рис. 2: 7–9) и сужающиеся (рис. 2: 10), все они украшены геометрическим орнаментом. Пластинчатые браслеты с расширяющимися концами и геометрическим декором распространены на широкой территории от Прибалтики до Прикамья преимущественно в X–XII вв. (Зайцева, 2012. С. 39). Еще четыре браслета неопределимы в силу фрагментарности (рис. 2: 11–14), один фрагмент является частью пластинчатого овальноконечного браслета (рис. 2: 15). Три оставшихся браслета являются круглодротовыми (рис. 2: 16–18), датируются преимущественно X–XII вв. (Седова, 1981. С. 94).

Общее количество перстней, представленных на памятнике, равняется одиннадцати. Самый распространенный тип данной категории – это широкосрединный пластинчатый с завязанными концами, их всего пять (рис. 2: 19–23). Подобные имели широкое распространение в Северо-Восточной Европе и в основном бытовали в пределах X – 1-й половины XII в. (Седова, 1981. С. 129; Зайцева, 2008. С. 309), два экземпляра имеют орнамент «волчий зуб» (рис. 2: 19, 20) (Там же. С. 120). К хроноиндикаторам XI в. относятся два узкопластинчатых перстня (Там же. С. 119) (рис. 2: 24, 25), один экземпляр украшен орнаментом «косица». Один перстень относится к «усатым». Подобные были характерны для восточно-финских древностей и датируются концом X – началом XIII в. (рис. 1: 26). (Седова, 1959. С. 130). В коллекции представлен перстень, сделанный из пластинчатого браслета (рис. 2: 27). Подобные были широко распространены от Прибалтики до Прикамья, датируются X–XII вв. (Зайцева, 2012. С. 39). В одном экземпляре найден широкосрединный перстень с тре-

Рис. 2. Украшения и детали костюма. 1 – височное кольцо; 2–4 – шейные гривны; 5 – фибула; 6–15 – пластинчатые браслеты; 16–18 – дровотые браслеты; 19–29 – перстни

мя продольными валиками (рис. 2: 28). Он относится к финским древностям, разновидности которого характерны для X–XI вв. (Леонтьев, 1996. С. 180). Также в коллекции представлен ложновитой перстень (рис. 2: 29). Подобные известны с XI в. (Седова, 1981. С. 125) и были очень распространены на территории северо-восточной и северо-западной Руси в XII–XIII вв. (Зайцева, 2008. С. 125).

Различные подвески, шумящие украшения и их фрагменты являются значительной частью находок, их всего 57. Эти изделия можно в самом общем виде отнести к двум традициям – поволжско-финской и древнерусской. С древнерусской традицией связаны предметы христианского культа, которые также рассматриваются в этой группе. Преобладающей традицией является первая, включающая в себя зооморфные коньки «мерянского» типа, каркасную коньковую, полутрубчатую, перстневидную и обувные подвески, фрагменты подвесок, а также различные привески.

В коллекции присутствуют четыре шумящие зооморфные подвески-коньки «мерянского» или владимирского типа (рис. 3: 1–4). Все они выполнены в технике наборного плетения. Три подвески представлены во фрагментарном состоянии, одна сохранилась полностью и имеет своеобразную форму (рис. 3: 2). По Е. А. Рябинину, подобный тип получил наибольшее распространение во 2-й половине X – 1-й половине XI в., также он отмечал замкнутый ареал подобных изделий, характерных для Ростово-Суздальской земли и окрестностей Муром (Рябинин, 1981. С. 35).

Один фрагмент является частью биконьковой каркасной подвески с квадратным щитком (рис. 3: 5). Известны в IX–XI вв. Подобные наиболее часто встречаются в мордовских, марийских и муромских памятниках (Зайцева, 2023. С. 213, 215), характерны в основном для северо-восточной Руси (Там же. С. 134). Горизонтальная полутрубчатая подвеска с тремя треугольными привесками (рис. 3: 6) использовалась как нашивное украшение, подобные встречаются на многочисленных территориях от Финляндии до Прикамья (Зайцева, 2008. С. 141). Перстневидная подвеска (рис. 3: 7) представляет собой ажурное тулово, выполненное в наборной технике с тремя петлями, сами привески не сохранились. Иногда употреблялись как плечевые, нагрудные и поясные украшения-подвески. Датируется X – началом XI вв. (Зайцева, 2023. С. 215). К элементам костюма также относятся две двуспиральные обувные подвески с петлей (рис. 3: 8, 9). Подобные изделия не имели привесок, найдены во многих восточно-финских погребениях X–XI вв. (Там же. С. 219). Кроме того, из сборов происходит фрагмент шумящей (рис. 3: 10) подвески, а также 6 трапезиевидных подвесок (рис. 3: 11–16). Одна трапезиевидная подвеска украшена орнаментом «волчий зуб» (рис. 3: 11).

К привескам и их фрагментам относятся 26 предметов. Их можно поделить на следующие формы: бутылковидные (7) (рис. 3: 17–23), привески-лапки (7) (рис. 3: 24–30), привески-бубенчики (4) (рис. 3: 31–34), колоколовиные (2) (рис. 3: 35, 36) и три неопределимых фрагмента (рис. 3: 37–39).

Изделия, отнесенные к элементам древнерусской культуры, не так многочисленны. Данный пласт включает в себя 12 находок: подвеска-ложечка, амулет-топорик, широкоорогая лунница, подвеска «коготь», монетовидные подвески, а также бубенчики древнерусских типов. Подвеска-ложечка дошла до нас во фрагментарном состоянии, ее рукоять обломана (рис. 4: 1). Аналогичные известны по курганным древностям северо-запада и северо-востока Руси XI–XII вв. (Седова, 1978. С. 82).

Рис. 3. Подвески финно-угорской традиции и привески. 1–4 – коньки «владимирского типа»; 5 – биконьковая каркасная подвеска; 6 – горизонтальная ложноплетеная подвеска с тремя привесками; 7 – перстневидная подвеска; 8, 9 – обувные очковидные подвески; 10 – фрагмент шумящей подвески; 11–16 – трапециевидные подвески; 17–23 – бутылковидные привески; 24–30 – привески-лапки; 21–25, 31–34 – привески-бубенчики; 35, 36 – колоколовидные привески; 37–39 – неопределимые фрагменты

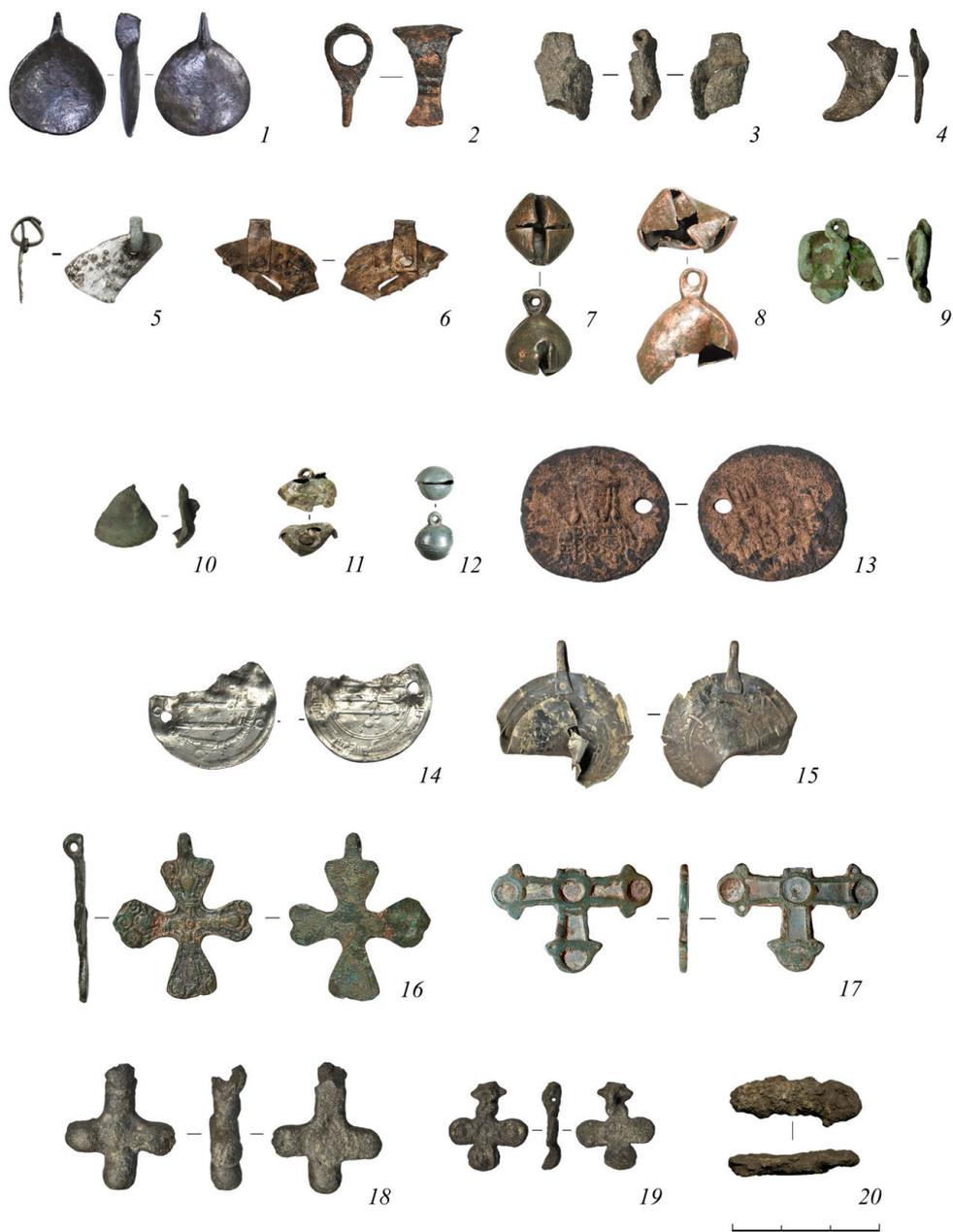

Рис. 4. Подвески древнерусской традиции. 1 – подвеска-ложечка; 2 – амулет-«топорик»; 3 – ширококоргая лунница; 4 – подвеска «коготь»; 5, 6 – монетовидные подвески; 7–10 – грушевидные крестопорезные бубенчики; 11, 12 – шаровидные линейнопрорезные бубенчики; 13 – фолис с отверстием; 14, 15 – подвески из дирхемов; 16–20 – кресты-тельники

Амулет-топорик (рис. 4: 2) представлен фрагментом, сохранился только обух. Подобные изделия имели широкий ареал не только на Руси, но и в Прибалтике и Северной Европе (Макаров, 1992. С. 52–55), встречаются в слоях Новгорода XI в. (Седова, 1981. С. 26), во Владимирских курганах (Спицын, 1905. С. 126), в Белозерье (Захаров, 2004. С. 433. Рис. 60; Зайцева, 2008. С. 132). Они являлись своеобразными знаками принадлежности к воинскому сословию (Макаров, 1992. С. 51) и датируются XI – 1-й половиной XII в. (Захаров, 2004. С. 53).

На памятнике найдены фрагменты оплавленной ширококорогой лунницы (рис. 4: 3) и фрагмент подвески в виде когтя животного (рис. 4: 4). Ширококорогие лунницы начали входить в обиход в X в. и бытовали до XII в. (Седова, 1981. С. 24; Захаров, 2004. С. 52) Данный экземпляр получен путем оттиска готового изделия. Также с памятника происходят две серебряные монетовидные подвески (рис. 4: 5, 6).

Бубенчиков древнерусских типов всего шесть. Встречены следующие: грушевидные крестопорезные и шаровидные с линейной прорезью. Грушевидные крестопорезные (рис. 4: 7–10) бубенчики делятся на неорнаментированные (3) и с орнаментом на лопастях (1). Грушевидные крестопорезные бубенчики встречаются в X – середине XII в. (Седова, 1981. С. 156) и были широко распространены на территории Древней Руси (Зайцева, 2008. С. 129). Два бубенчика имеют шаровидную форму с линейной прорезью и поясok из концентрических линий (рис. 4: 11, 12). Общее время их бытования – последняя четверть XI – конец XIII в. (Захаров, 2004. С. 58).

Также с памятника происходят медный фолис с отверстием (рис. 4: 13) и два серебряных дирхема, превращенных в подвески. По определению А. А. Гомзина, датированы они 3-й четвертью VIII в. (Аббасиды, ал-Мансур, ал-Мухаммадийа, 155 г.х. (771/772 г.)) (рис. 4: 14) и серединой X в. (Волжские булгары, Талиб б. Ахмад, Сувар, 338 г.х. (949/950 г.)) (рис. 4: 15).

Общее количество средневековых изделий, связанных с предметами христианского культа, равняется пяти. Их тоже можно отнести к древнерусскому пласту.

Крест «скандинавского» типа с расширяющимися к концам ветвями ромбической формы, тремя окружностями на концах и поперечными перемычками на ветвях (рис. 4: 16). В средокрестии – ромб с вогнутыми сторонами. Лицевая сторона украшена рельефным орнаментом, обратная сторона гладкая. Отлит по оттиску в односторончатой форме с плоской крышкой. Подобные серийные изделия появляются в Суздальском Ополье в 1-й половине – середине XI в. (Макаров, Зайцева, 2020. С. 360), также встречаются в курганах 1-й половины – середины XII в. (Там же. С. 358). Подобные кресты были распространены в Древней Руси и в странах северной Европы (Зайцева, 2008. С. 62).

Четырехконечный крест с трехлопастными концами и окружностью в средокрестии, украшенный с двух сторон желтой выемчатой эмалью (рис. 4: 17). Данный тип имеет широкий ареал и является наиболее характерным для XII–XIII вв. (Захаров, 2004. С. 59).

Три изделия выполнены из свинцово-оловянного сплава. Один крест имеет четырехконечную равностороннюю форму с окружностями на концах (рис. 4: 18), подобные можно датировать XI–XII вв. (Кутасов, Селезнев, 2010. С. 224–225). Один крест с округлым средокрестием и округлыми лопастями (рис. 4: 19). Один фрагмент является горизонтальной перекладиной (рис. 4: 20).

Стоит отметить большое количество предметов ременной гарнитуры, происходящей с памятника. Она состоит из 36 изделий, включая в себя пряжки (9), накладки (13), наконечники (3), подвески (4), поясные кольца (4) и обоймицы (3). Все они не являются частью одного набора. Если рассматривать их предметно, то мы можем наблюдать следующую картину.

Ременные пряжки представлены девятью находками. Семь лировидных (рис. 5: 1–7) и две двухчастные прямоугольные, с лилиевидным носиком (рис. 5: 8, 9). Пряжки обоих типов имели обширное распространение на памятниках Восточной Европы X – 1-й половины XII в. (Зайцева, 2015. С. 187).

Накладка пятиугольной формы с растительным декором (рис. 5: 10) по В. В. Мурашевой определяется как тип 14-1а и относится ко 2-й половине X в. (Мурашева, 2000. С. 112–113). Идентичные предметы встречаются на болгарском памятнике I Семеновское селище (Казаков, 1991. С. 130. Рис. 44: 58), на могильниках Минино II и Кладовка I Вологодской области (Зайцева, 2008. С. 91), в Приладожье (Мурашева, 2000. С. 112–113), Русенихинском могильнике (Никитина, 2023. С. 97), а также на территории Могилевской области Беларуси (Кенько, 2012. С. 162. Рис. 1: 2).

Еще одна накладка имеет сердцевидную форму с перехватом и растительным декором (рис. 5: 11). Подобные накладки характерны для 2-й половины X в., редко встречаются во 2-й половине XI в. (Крыласова, 2021. С. 199). Аналогичные находят на таких памятниках и Пермского Предуралья, как Питерский могильник (Данич, 2015. С. 192), Огурдинский могильник (Белавин, Крыласова, 2012. С. 176), Рождественский могильник (Крыласова, 2021. С. 196. Рис. 1: 13). Также аналогии к ней находятся в Дубовском могильнике (Архипов, 1984. С. 148. Рис. 14: 35), изделия с подобной орнаментацией известны в Русенихинском могильнике (Крыласова, 2021. С. 199).

Аналогии к сердцевидной двускатной накладке (рис. 5: 12) находятся в Пермском Предуралье, на Рождественском могильнике (Белавин, Крыласова, 2008. Рис. 199: 71, 72, 82–84), в Волжской Булгарии (Казаков, 1991. С. 134), на памятниках Шекшово 9 Суздальского Ополья (Зайцева, 2015. С. 190) и Кладовка I Вологодской области (Милованова, 2021. С. 28). Датируются 2-й половиной X в. (Мурашева, 2000. С. 106).

Сердцевидная накладка с трехлепестковым цветком и рифлением по краю (рис. 5: 13) относится к X в. (Мурашева, 2000. С. 111). В целом подобные были распространены в могильниках Поволжья и Прикамья, Дунайской Болгарии и Карпато-Поднепровском регионе и связаны с позднехазарским кругом древностей (Зайцева, 2015. С. 193). Аналогии были найдены на могильнике Шекшово 9 Суздальского Ополья (Там же. С. 192) и Рождественском могильнике (Крыласова, 2021. С. 196).

Две сердцевидные накладки с каплевидными выступами по краю (рис. 5: 14, 15) датируются X – началом XI в. (Мурашева и др., 2022. С. 142). Данные накладки имеют широкий ареал распространения и встречаются во Владимирских курганах на могильнике Шекшово 9 (Зайцева, 2015. С. 194), на Питерском (Данич, 2015. С. 186. Рис. 1: 55), Рождественском (Крыласова, 2022. С. 199. Рис. 3: 2) и Огурдинском могильниках Пермского Предуралья (Белавин, Крыласова, 2012. С. 89), в мордовском Пановском могильнике (Мурашева, 2000. С. 27), а также на марийском Русенихинском могильнике (Никитина, 2023. С. 51, 97), к этому же типу можно отнести килевидную накладку с растительным декором и лужением (рис. 5: 16).

Рис. 5. Предметы ременной гарнитуры. 1-9 – пряжки; 10-22 – ременные накладки; 23-25 – ременные наконечники; 26-29 – изделия для привешивания

Пятиугольная накладка с растительным декором, овальной прорезью овальными выступами по фигурным боковым сторонам и стрелчатый верхом (рис. 5: 17). Аналогии находятся в Питерском (Степаново плотбище) (Данич, 2015. С. 188), Рождественском (Белавин, Крыласова, 2008. Рис. 199: 43) и Огурдинском могильниках (Белавин, Крыласова, 2012. С. 116). Пермского края.

Щитовидная накладка с пятиугольным сердечником и растительным декором (рис. 5: 18) относится к Пермским древностям (Белавин, Крыласова, 2008. С. 176. Рис. 65: 31–35).

Пятиугольная накладка с растительным (рис. 5: 19) декором. Изделия с подобной орнаментацией можно встретить в Рождественском могильнике (Крыласова, 2021. С. 196. Рис. 1: и). Экземпляр из Гнездилова имеет один шпенок, а не четыре и в целом меньше по размеру.

Аналогии к округлой накладке с тремя отверстиями, клиновидным завершением с одного края и растительным декором (рис. 5: 20) находятся на памятнике Белозерья Кладовка 2 (Милованова, 2021. С. 33. Рис. 8). Другие варианты исполнения, представленные широкой формой накладки, происходят из селища Гнёздова (Новиков, Пушкина, 2018. С. 383. Рис. 27: 6) и I Измерского селища (Казаков, 1991. С. 130. Рис. 44: 20). Возможно, что изделие подвергалось ремонту в связи с изношенностью шпеньков, так как оно имеет три отверстия.

Накладка с выступом и выемкой и с каймой по боковым сторонам в виде продольной линии и поперечного рифления и лужением (рис. 5: 21) имеет широкий ареал и дату бытования (Зайцева, 2008. С. 89).

Четырехлепестковая накладка (рис. 5: 22) с углубленным плетеным орнаментом, который частично стерт. По происхождению ее можно отнести к скандинавским древностям (Мурашева, 2000. С. 49).

Ременных наконечников всего три (рис. 5: 23–25). Экземпляр с параллельными боковыми сторонами, прямым верхним краем, орнаментом из завитков и лужением (рис. 5: 23) является достаточно распространенным на территории Северной Руси в XI в. типом (Зайцева, 2014. С. 365). Подобные встречаются на поселении Минино I в Белозерье (Зайцева, 2008. С. 85), Поозерье Новгородской земли (Мурашева и др., 2022. С. 153), на Сунгире, на памятниках Северной Европы от Готланда до Исландии (Зайцева, 2014. С. 365). Стоит отметить, что для данного экземпляра характерно 4 шпенька, один из них обломан.

Наконечник с килевидной выемкой в основании, килевидным окончанием, геометрическим декором (рис. 5: 24) и тремя отверстиями. Судя по всему, изделие активно и длительно использовалось, поэтому они были проделаны для фиксации наконечника вместо обломившихся шпеньков. Также к ним относится наконечник с килевидным окончанием, прямым краем, гладкой поверхностью (рис. 5: 25) и четырьмя шпеньками.

Якорьковая подвеска использовалась для крепления к поясу привесок (рис. 5: 26), встречается в восточно-финских могильниках в Пермском Предуралье (Зайцева, 2014. С. 371) и характерна преимущественно для конца X – XI в. (Крыласова, 2021. С. 208).

В двух экземплярах найдены треугольные каркасные наконечники (рис. 5: 27, 28), уже проанализированные И. Е. Зайцевой и О. В. Зеленцовой (Зайцева,

Зеленцова, 2021. С. 75–88) и отличающиеся по исполнению. Их основу составляет треугольный каркас со скругленными краями из заплетенной косички. По углам помещены полые полусферы, окруженные жгутом. Аналогичные находятся в муромских древностях, основной период бытования по комплексам можно определить как 2-я половина VIII – начало X в. (Зайцева, Зеленцова, 2021. С. 85).

К элементам ременной гарнитуры также относится фрагмент бронзового литого s-видного крючка, концы которого оформлены в виде лошадиных головок (рис. 5: 29). Подобные обычно встречаются в мужских погребениях в области пояса (Седова, 1981. С. 152). Они служили, вероятно, для привешивания к поясу каких-то бытовых предметов. На территории Древней Руси аналогии известны в погребениях XI–XIII вв.: приладожских и владимирских курганах XI–XII вв., в Гнёздове, в Старой Рязани, в Великом Новгороде, Ярополче, Ратминском городище недалеко от Дубны (Артмакин, 2022. С. 30; Брандербург, 1895. С. 177; Седова, 1978. С. 178; 1981. С. 152; Спицын, 1905. С. 127), а также в западнорусских землях (Новогрудок, Полоцк, Заславль) (Кенько, 2012. С. 168). Также они известны на территории Швеции, Готланда (Thunmark-Nylén, 1998. Abb. 289: 5) и в ливских курганах (Граудонис, Тынессон, 1963. С. 246; Zarina, 2006. С. 273). Основное время их бытования – XII в. (Артмакин, 2022. С. 30).

Гладкие литые поясные кольца использовались как соединительные элементы для ремней. Они найдены в количестве четырех экземпляров. Кольца имеют широкое распространение с X по XIV в. (Седова, 1981. С. 152).

Кроме этого, в коллекции представлены три поясные обоймицы скобчатой формы.

По отчетам В. А. Лапшина (Лапшин, 1978; 1980; 1981; 1982; 1984; 1985; 1987), коллекция находок с селища составляет 339 предметов, 20 из них (около 6 %) относятся к рассматриваемой нами группе. Их можно разделить на височные кольца, браслеты, перстни, фибулы, подвески древнерусского и финно-угорского облика, привески, а также детали ременной гарнитуры. Стоит отметить, что коллекция, собранная Суздальской археологической экспедицией, в целом богаче и разнообразнее, однако некоторые категории и типы вещей повторяются. Наиболее крупные категории вещей, происходящие из раскопок В. А. Лапшина, – это височные кольца, фибулы и браслеты, тогда как в коллекции из сборов Суздальской археологической экспедиции это браслеты, перстни, подвески и привески, а также ременные накладки (табл. 1). Отдельно в материалах В. А. Лапшина стоит отметить квадратную позолоченную накладку северного облика (выполнена в зверином стиле).

Обзор материалов Гнездилово 2 позволяет нам представить комплекс украшений и деталей костюма, бытовавших на одном из «больших поселений». Селище является ярким представителем памятников подобного рода. К характерным особенностям «больших поселений» относятся крупные размеры памятника, высокая насыщенность находками и бытовыми остатками, свидетельствующие об интенсивности жизни, присутствие остатков производств и предметов, связанных с дальней торговлей, многокомпонентный характер культуры, присутствие «престижных вещей» (Макаров, Федорина, 2023. С. 287).

Как мы можем видеть, памятник соответствует этим критериям. Для селища характерно сочетание вещей древнерусского и финского облика, при этом замечено

Таблица 1. Сравнение находок по категориям из работ В. А. Лапшина и Суздальской археологической экспедиции

Категории	Работы В. А. Лапшина	Работы СУЗАЭ
Височные кольца	4	1
Шейные гривны		3
Фибулы	3	1
Браслеты	3	13
Перстни	1	11
Шумящие подвески	2	10
Привески	1	32
Подвески к ожерелью	1	6
Монеты-подвески	1	3
Бубенчики	1	6
Предметы христианского культа		5
Пряжки	2	9
Поясные накладки	1	13
Поясные наконечники		3
Изделия для привешивания		3
Поясной крючок		1
Поясные кольца		4
Обоймицы		3

присутствие северо-западного компонента (гривны, подковообразные фибулы, широкосрединные пластинчатые перстни с завязанными концами, орнаментированные «волчьим зубом»). Однако все же стоит отметить преобладание изделий древнерусской культуры. Включение памятника в систему товарно-денежных отношений мы можем документировать находками монет, превращенных в подвески, – двух серебряных куфических монет и медного фолиса. Стоит отметить присутствие на памятнике не только широко распространенных в Ополе изделий, но и небольшое количество редких: это медная византийская монета, превращенная в подвеску, единственная на селищах, якорьковая накладка прикамского облика, поясной крючок для подвешивания, треугольные ажурные подвески, поясная накладка скандинавского облика, шейные гривны. Отдельные изделия отличаются высоким качеством выделки, в первую очередь к ним можно отнести треугольные каркасные наконечники в технике воскового плетения, накладку скандинавского облика с плетеным орнаментом и ременной наконечник с лужением.

Коллекция изделий, происходящих с памятника, – одна из наиболее крупных ранних коллекций с селищ Суздальского Ополя. Мы можем ее рассматривать как

эталон культуры Ополя с преобладающим маркером 2-й половины X – XI в. Более поздних вещей мало. К ним можно отнести крест-тельник с эмалью и два шаровидных линейнопрорезных бубенчика.

Наиболее яркие хроноиндикаторы, относящиеся ко времени существования поселения, – это шумящие подвески и привески; наконечники ремней и поясные накладки; завязанные перстни и браслеты со штампованным орнаментом; узкопластинчатый перстень, орнаментированный косичкой; грушевидные крестопорезные бубенчики; крест-тельник «скандинавского» типа.

Для керамических комплексов характерно сочетание лепной и раннекруговой посуды славянского облика (Макаров, Федорина, 2023. С. 290). Хронология украшений соответствует монетным находкам и керамике.

Литература

- Артмакин А. Н., 2020. Поясной крюк из Старой Рязани // Старая Рязань: крупный городской центр на международных торговых путях: материалы науч. конф. М.: ИА РАН. С. 28–31.
- Архипов Г. А., 1984. Дубовский могильник // Новые памятники археологии Волго-Камья / Отв. ред. Г. А. Архипов. Йошкар-Ола: Марийский науч.-исслед. ин-т. С. 160–172. (Археология и этнография Марийского края; вып. 8).
- Белавин А. М., Крыласова Н. Б., 2008. Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь.: Пермский гос. пед. ун-т. 603 с.
- Белавин А. М., Крыласова Н. Б., 2012. Огурдинский могильник. Пермь: Пермский гос. пед. ун-т. 259 с. (Археология Пермского края: свод археологических источников; вып. 2).
- Бранденбург Н. Е., 1895. Курганы Южного Приладожья // Известия ИАК. Вып. 18. 185 с.
- Граудонис Я. Я., Тыниссон Э. Ю., 1963. Раскопки ливских курганов в Кримулде // СА. № 1. С. 241–252.
- Данич А. В., 2015. Поясные накладки Питерского (Степаново Плотбище) могильника // Поволжская археология. № 1 (3). С. 181–196.
- Зайцева И. Е., 2008. Изделия из цветных металлов и серебра // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. Т. 2 / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: Наука. С. 57–141.
- Зайцева И. Е., 2012. Изделия из цветных металлов древнерусского селища Большое Давыдовское 2 в Суздальском Ополе // АВСЗ. Вып. 4. М.; СПб.: Нестор-История. С. 30–47.
- Зайцева И. Е., 2014. Детали поясной и уздечной гарнитуры из материалов обследований сельских поселений Суздальского Ополя // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура / Отв. ред. А. Е. Леонтьев. М.; Вологда: Древности Севера. 432 с.
- Зайцева И. Е., 2015. Детали поясной гарнитуры из Шекшова в Суздальском Ополе // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. М.; Вологда: Древности Севера. С. 184–198.
- Зайцева И. Е., 2023. Шумящие украшения // Археология Суздальской земли: в 2 т. Т. 2 / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 208–228.
- Зайцева И. Е., Зеленцова О. В., 2021. Треугольные ажурные «подвески» на древнерусских и муромских памятниках // Финно-угорские древности второй половины I – начала II тысячелетия н. э.: материалы науч. семинара «Подболотьевский могильник: 100 лет исследований». М.: ИА РАН. С. 75–88.
- Захаров С. Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик. 592 с.

- Зеленцова О. В.*, 2018. О ранней дате и месте гривен глазовского типа в древностях поволжских финнов // Земли родной минувшая судьба...: к юбилею А. Е. Леонтьева. М.: ИА РАН. С. 314–322.
- Казакое Е. П.*, 1991. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татарское кн. изд-во. 176 с.
- Кенько П. М.*, 2012. Поясная гарнитура с территории Беларуси (I–XIII вв.). Свод археологических источников. Минск: Беларуская навука. 172 с.
- Крыласова Н. Б.*, 2021. Хронологические особенности поясной гарнитуры X–XI веков по материалам Рождественского могильника в Пермском крае // Финно-угорские древности второй половины I – начала II тысячелетия н. э.: материалы науч. семинара «Подболотьевский могильник: 100 лет исследований». М.: ИА РАН. С. 194–212.
- Кутасов С. Н., Селезнев А. Б.*, 2010. Нательные кресты, крестовключённые и крестовидные подвески X–XV веков. М.: Группа Искатели. 320 с.
- Леонтьев А. Е.*, 1996. Археология мери (к предыстории Северо-Восточной Руси). М.: ИА РАН. 340 с.
- Макаров Н. А.*, 1992. Древнерусские амулеты-топорики // РА. № 2. С. 41–56.
- Макаров Н. А., Зайцева И. Е.*, 2020. Кресты «скандинавского типа» на памятниках Суздальского Ополья: новые находки // Археологические вести. Вып. 28. С. 347–365.
- Макаров Н. А., Федорина А. Н.*, 2023. «Большие поселения» и особенности организации расселения и социально-экономического устройства X–XI вв. // Археология Суздальской земли: в 2 т. Т. 2 / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. 424 с.
- Милованова М. П.*, 2021. Металлические детали ременной гарнитуры могильников Крутика IX – начала XI в. (Кладовка I, II) // ABC3. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 21–37.
- Мурашева В. В.*, 2000. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.: Эдиториал УРСС. 136 с.
- Мурашева В. В., Зайцева И. Е., Соболев В. Ю.*, 2022. Металлические ременные наборные украшения в Древней Руси (очерк) // Мир Средневековья. Проблемы вещеведения: материалы науч. конф. к 70-летию отдела средневековой археологии / Отв. ред. В. Ю. Коваль. М.: ИА РАН. 320 с.
- Недошивина Н. Г.*, 1967. Перстни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Под ред. Б. А. Рыбакова. М.: Советская Россия. С. 253–274.
- Никитина Т. Б.*, 2023. Поясные наборы населения Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв. Будапешт. 228 с.
- Новиков В. В., Пушкина Т. А.*, 2018. Археологическое изучение северо-западной части Центрального поселения Гнёздовского комплекса археологических памятников // Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 1. М. С. 349–394. (Тр. ГИМ; 210).
- Рябинин Е. А.*, 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. М.; Л.: Наука. 123 с. (САИ; вып. E1-60).
- Седова М. В.*, 1978. Ярополч Залесский. М.: Наука. 158 с.
- Седова М. В.*, 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 196 с.
- Спицын А. А.*, 1905. Владимирские курганы. СПб. 172 с. (Известия ИАК; 15).
- Thunmark-Nylen L.*, 1998. Die Wikingerzeits Gotlands II. Stockholm: Kungliga Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien. 18 pp., 316 pl.
- Zariņa A.*, 2006. Salaspils Laukskolas kapulauks 10.–13. gadsimts. Rīga. 463 p.

Архивные материалы

- Лапшин В. А.*, 1978. Разведка в Суздальском районе Владимирской области // Архив ИА РАН. № 7233, 7233а.
- Лапшин В. А.*, 1980. Раскопки селища Гнездилово-2 под Суздалем в 1980 г. // Архив ИА РАН. № 7690, 7690а.
- Лапшин В. А.*, 1981. Отчет о раскопках селища Гнездилово-2 под Суздалем // Архив ИА РАН. № 10059.
- Лапшин В. А.*, 1982. Раскопки селища Гнездилово-2 под Суздалем // Архив ИА РАН. № 9193, 9193а.
- Лапшин В. А.*, 1984. Раскопки селища Гнездилово-2 под Суздалем в 1984 г. // Архив ИА РАН. № 9468, 9468а.
- Лапшин В. А.*, 1985. Раскопки селища Гнездилово-2 под Суздалем в 1985 г. // Архив ИА РАН. № 10771, 10771а.
- Лапшин В. А.*, 1987. Раскопки селища Гнездилово-2 под Суздалем в 1987 г. // Архив ИА РАН. № 12076, 12076а.

Сведения об авторе

Милованова Мария Павловна, ИА РАН;
e-mail: mashamil84@mail.ru

M. P. Milovanova

JEWELRY AND COSTUME DECORATIONS FROM THE SETTLEMENT GNEZDILOVO 2 NEAR SUZDAL

Summary. The settlement of Gnezdilovo 2 is a large settlement of the 10th–12th centuries near Suzdal. During the work of the Suzdal archaeological expedition, 531 artifacts were collected at the village, 127 of which (about 24 %) are jewelry and costume details. The article provides an overview of these items. They can be divided into the following categories: temporal rings, neck grivna, brooches, bracelets, rings, pendants, as well as details of a belt set. The collection is quite large and expressive, there are artifacts that are not widespread in Opole, as well as items of high quality.

Keywords: jewelry and costume decorations, Suzdal Opole, 10th–12th centuries, Gnezdilovo 2.

М. В. Медведева, А. Н. Федорина

**АРХИВ П. С. САВЕЛЬЕВА В ИИМК РАН:
ПОТЕНЦИАЛ ПОЛЕВОЙ И ОРГАНИЗАЦИОННОЙ
ДОКУМЕНТАЦИИ ИЗ РАСКОПОК
ВЛАДИМИРСКИХ КУРГАНОВ 1853–1854 гг.
ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ**

Резюме. Архивная документация масштабных раскопок Владимирских курганов в 1851–1854 гг. до сих пор не исчерпала потенциал для изучения методики и принципов фиксации полученной тогда информации. Материалы по-прежнему имеют большое значение для изысканий в области археологии русского Средневековья и интерпретации погребального обряда X–XIII вв., а также информативно отражают проблемы организации археологической экспедиции в середине XIX в. Категоричная оценка работ А. С. Уварова и П. С. Савельева как крайне непрофессиональных ушла в прошлое, уступив место объективному анализу, учитывающему сложную судьбу коллекций и полевой документации. Большую роль в переоценке сыграли материалы из личного собрания П. С. Савельева 1853–1854 гг., сохранившиеся в ИИМК РАН. Архивные документы успешно используются для атрибуции находок, реконструкции комплексов, характеристики отдельных памятников, а также предоставляют возможности для повторной локализации могильников на местности. Очень многое уже сделано в направлении актуализации результатов раскопок А. С. Уварова и П. С. Савельева при помощи современных технологий; тем не менее источниковедческая работа с архивными материалами может принести новые результаты.

Ключевые слова: П. С. Савельев, археология, Владимирские курганы, ИИМК РАН, архивные исследования, история науки.

Черт знает как приятно гулять в потемках истории.
Как можно сравнить с этой занимательной тьмою
прозаическую ясность новой истории!¹

П. С. Савельев, 5 мая 1839 г.

(Григорьев, 1861. С. 151)

Прошло больше 170 лет с момента первых научных исследований Владимирских курганов, но результаты этих работ до сих пор волнуют умы ученых. Масштабные раскопки (более семи тысяч курганов) велись на протяжении четырех сезонов (1851–1854 гг.) сначала под руководством А. С. Уварова, а затем П. С. Савельева.

В силу разных причин судьба полученных коллекций и полевой документации оказалась сложной: находки депаспортизованы, местонахождение антропологических материалов неизвестно, отчетные документы разрозненны и с трудом поддаются анализу.

Вышедшая после раскопок фундаментальная публикация (Уваров, 1872) очень быстро перестала отвечать профессиональным запросам археологов. Уже в 1905 г. А. А. Спицын писал: «Труд графа Уварова, приведший всех в восхищение своей обширностью, основательностью и новизной материала, долгое время считавшийся классическим, в наше время имеет значение лишь своим отличным атласом и отчетами о раскопках, вообще собранным в нем материалом, иногда мелочным, но известным только отсюда» (Спицын, 1905. С. 89). Советские ученые, опираясь на публикацию мэтра русской археологии, с большим энтузиазмом клеймили «высокопоставленного дилетанта» (Арциховский, 1955. С. 530, 533; Равдоникас, 1930. С. 35–38), и многие годы раскопки А. С. Уварова и П. С. Савельева оценивались специалистами крайне негативно. Представляется, что сам А. А. Спицын не желал своей работой достигнуть столь мощного нелицеприятного эффекта. Описывая «богатырский размах» раскопок П. С. Савельева, он прежде всего призывал современных ему археологов к тщательному документированию и неторопливой систематичности, а в критическом восприятии исследований предыдущего поколения археологов А. А. Спицын видел неперемный атрибут быстро развивающейся методики: «Ныне такой прием работы назвали бы не раскопками, а грабежом. Ничуть не сомневаюсь, что чрез полвека такими же будут признаны наши современные спешные и несистематические раскопки: такова судьба науки, требующей от исследователей все большей и большей точности и осмотрительности» (Спицын, 1905. С. 87). Подобные сомнения в наше время считаются абсолютно нормальными, и об этом довольно часто задумываются практикующие археологи. Тем не менее размышления А. А. Спицына надолго закрепили отрицательное мнение о методике проведенных А. С. Уваровым и П. С. Савельевым раскопок в историографии отечественной археологии.

К счастью, уничтожительные оценки начальных исследований Владимирских курганов остались в прошлом; полевые материалы, считавшиеся утраченными, обнаружены; и уже давно звучат более объективные суждения (Кирпичников, 1966. С. 10; Формозов, 1993; Лапшин, 1985; 1991; Комаров, 1995; Леонтьев, 2003; Макаров, 2015). Архивная документация работ А. С. Уварова и П. С. Савельева эффективно использу-

¹ Цитаты из дореволюционных публикаций и архивных документов приведены к правилам современной пунктуации и орфографии.

ется для атрибуции вещественной коллекции и реконструкции комплексов, для характеристики отдельных могильников, а также для повторной локализации могильников на местности (Латишин, 1985; Комаров, 1995; 2010; Леонтьев, 2003; Карпухин, 2007; Макаров и др., 2021; Макаров и др., 2022). Материалы 1850-х гг. постепенно вводятся в научный оборот и пересматриваются на новом аналитическом уровне с применением самых современных методик. В направлении актуализации результатов раскопок А. С. Уварова и П. С. Савельева уже сделаны значительные шаги, но многие вопросы все еще остаются нерешенными, например методика фиксации некоторых параметров курганов, соотношение групп курганов, раскопанных с использованием разных методических подходов, полнота изучения отдельных могильников и т. д.

Не секрет, что в процессе археологических исследований памятники раскапываются полностью и в случае «старых» раскопок архивная документация и вещественные коллекции становятся первостепенными носителями информации об изученном древнем объекте. Находки из Владимирских курганов, как отмечалось выше, утратили свои привязки к комплексам, поэтому любые сохранившиеся архивные материалы раскопок Владимирских курганов, способные дать новые сведения, по-прежнему сохраняют свою высокую научную значимость для изучения погребального обряда, разнообразия погребальных практик и их трансформации. Важным источником для таких современных исследований является архивное собрание П. С. Савельева из Научного архива ИИМК РАН. На фоне А. С. Уварова имя второго автора раскопок часто оставалось в тени, хотя его вклад в изучение Владимирских курганов не менее значим.

Павел Степанович Савельев (1814–1859) (рис. 1) по своим научным занятиям

Рис. 1. Павел Степанович Савельев (по: Григорьев, 1861)

прежде всего был востоковедом-арабистом и талантливым нумизматом. Много полезного он сумел сделать для российской науки, несмотря на краткий срок жизни (Григорьев, 1861; Аграфонов, 1997). По воспоминаниям современников, П. С. Савельев был человеком неординарного мышления, характеризовался «благородством характера» и «твердостью нравственных начал», обладал пытливым умом и предъявлял к своей работе самые высокие требования. Выходец из купеческой семьи, он обучался в Петербургском университете (арабский и турецкий языки) и в Институте восточных языков при Министерстве иностранных дел. После учебы П. С. Савельев работал канцелярским чиновником Комитета Академии наук, помощником редактора «Журнала Министерства народного просвещения», служил в Комитете иностранной цензуры и в Археографической комиссии Академии

наук. В эти годы молодой ученый несколько раз утверждался в списки участников планировавшихся экспедиций в Азию или на Восток, но ни одна из них так и не случилась. В 1846 г. он стал одним из основателей Русского археологического общества. В течение более десяти лет П. С. Савельев сначала состоял в РАО в качестве секретаря по русской переписке, затем секретаря и редактора изданий Общества, в которых и сам напечатал множество статей по нумизматике и археологии, успел он побывать и секретарем восточного отделения, и заведующим делами отделения русской и славянской археологии РАО (*Григорьев*, 1861. С. 72).

В начале 1850-х гг. П. С. Савельева рекомендовали министру внутренних дел Л. А. Перовскому, и с 1852 г. он был принят в департамент Уделов. Первым ответственным заданием исследователя стала разборка четырнадцати тысяч монет знаменитого Екатеринославского клада 1851 г. В письме своему другу В. В. Григорьеву он красноречиво живописал об этом периоде своей жизни: «Я употребил целых два месяца, часов по 8 в день, на одну только рассортировку их. Министр спросил меня однажды, как подвигается вперед рассмотрение клада. Я отвечал, что аккуратный немец употребил бы на рассмотрение 14,000 монет, считая на каждую только по 5 минут, – 70,000 минут, то есть, работая по 8 часов в день, 4 месяца 6 часов и 40 минут. – А вы скорее ведь рассмотрите? – Надеюсь, месяца в два. – И действительно, не с большим в два месяца рассмотрел я весь клад, от первой до последней монеты. Скорее невозможно физически! Целые дни я проводил в разборе груд их, надеясь найти что-нибудь новое и “сделать открытие”» (Там же. С. 92–93).

Усердие П. С. Савельева не осталось без внимания, и с 1853 г. он был причислен к кабинету его величества для археологических работ под руководством графа Л. А. Перовского. П. С. Савельеву такая служба была «совершенно по сердцу, как совпадавшая с его вкусами и образованием и дававшая возможность к ученым открытиям. Проработав зиму 1852–1853 года при Л. А. Перовском кабинетным образом», в том числе с материалами Суздальского проекта, «весною получил он предписание продолжать предприятия графом А. С. Уваровым (с 1851) археологические разыскания во Владимирской губернии с целью открытия отечественных древностей» (Там же. С. 95). П. С. Савельев с энтузиазмом приступил к исследованиям. В течение двух лет он производил раскопки во Владимирской и Ярославской губерниях, изучал Спасо-Преображенский собор, соборную площадь и прилегающие к ней валы Переславля-Залесского, культурный слой городища Александрова гора под Переславлем, Сарское городище под Ростовом. Курганных могильников в итоге он раскопал даже больше, чем А. С. Уваров. Найденные в ходе работ предметы были описаны и упакованы (номера вписывались в полевые дневники (рис. 2; 3) и отправлены в Петербург: «Разрыто мной более 3000 курганов; отрыто более тысячи вещей, отправлено в Петербург уже 13 ящиков. Теперь укладываю последнюю отсылку – ящиков пять или шесть. В занятиях я не видал и как прошло пять месяцев, и ни разу не пожалел о Петербурге. Летом разъезды и разрытия приковывали к себе своею новостью, с сентября месяца отправка вещей поглощала все время» (из письма 1853 г. цит. по: Там же. С. 97). Помимо вещевой коллекции П. С. Савельевым и его сотрудниками было продолжено создание коллекции краниологической коллекции.

П. С. Савельев «имел намерение издать добытый им материал и приготовил об-

15 июня

16.

Хлвн. при сел. Менькае, Владимирск. уезд.

Работы начались в 5 часов, работы были в 10.

504	1	18	2	Осыль, при пень и висковъ по одному средн. кошу и много проволоки проволоки кобука, на металловое ир 20 стемилитровъ бусъ посеребреннъ и проволока ир 20 стемилитровъ; у правого боча, одна осемилитровъ проволока (одна проволока).
505	2	21	2	Осыль, на пень, проволока ир 40 стемилитровъ проволока бусъ проволоки проволоки и 4 стемилитровъ.
506	3	22	1/2	Осыль, у висковъ, проволока проволока кобука проволоки проволоки; на пень, проволока бусъ проволоки и проволока.
507	4	20	1/2	Осыль, на пень, проволока ир 12 стемилитровъ проволоки бусъ проволоки проволоки; у висковъ, проволока проволока проволока проволока; на пень, проволока проволока проволока проволока.
508	5	20	1/2	Осыль, проволока проволока, проволока проволока проволока проволока; на пень, проволока проволока проволока проволока; у висковъ, проволока проволока проволока проволока.
509	6	22	2	Осыль, у висковъ, проволока проволока, проволока проволока, проволока проволока проволока проволока; на пень, проволока проволока проволока проволока; у висковъ, проволока проволока проволока проволока.
510	7	25	2 1/2	Осыль, проволока, проволока проволока проволока проволока проволока; на пень, проволока проволока проволока проволока; у висковъ, проволока проволока проволока проволока; у правого боча, проволока проволока проволока проволока; у левого боча, проволока проволока проволока проволока.

Починками заныра работы, работы переведены в Мерсавский.

Архив ИИМК
Фонд № 8
Арх. № 2 лист 16

Рис. 2. Описание курганов у села Теньки с вписанными коллекционными номерами. Фрагмент дневника П. С. Савельева из раскопок во Владимирской губернии в 1853 г. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 2. Л. 16)

ширный атлас рисунков» (рис. 4; *Спицын*, 1905. С. 89), но не успел довести это начинание до конца: вышло только краткое описание раскопок и находок (*Перовский*, 1855; *Савельев*, 1857). В 1856 г. ушел из жизни Л. А. Перовский, и с 1859 г. дело заведования археологическими изысканиями перешло в компетенцию вновь созданной Императорской археологической комиссии под председательством графа С. Г. Строганова. П. С. Савельев с момента утверждения штата нового учреждения был определен членом ИАК, но, к великому огорчению, он уже настолько серьезно болел, что даже не смог приступить к реальной работе. 19 мая 1859 г. ученый скончался, так и не подытожив результатов своих раскопок Владимирских курганов. «Всматриваясь в лица людей, шедших за гробом, всякий, знающий их, тотчас бы заметил, что в этой печальной процессии было до ста представителей Русской деятельности на благороднейшем поприще – на поприще науки и искусства. Здесь были академики Императорской Академии наук, здесь были профессора университета, здесь были члены Обществ Археологического и Географического, здесь были литераторы, художники. Люди мысли и слова отдавали последний долг любви и уважения человеку мысли и слова – Павлу Степановичу Савельеву, который так много потрудился для науки и так рано окончил земное свое поприще» (*Григорьев*, 1861. С. 135).

Вещественные коллекции из раскопок Владимирских курганов были распределены ИАК по музейным хранилищам в 1860 г. В начале ноября того же года граф С. Г. Строганов сообщил министру императорского двора, что при назначении его после графа Л. А. Перовского заведующим археологическими разысканиями в России ему было передано 40 «разной величины» ящиков с находками, не имеющих никаких описей (рис. 5; РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1860. Д. 31. Л. 5). Тогда же министру был представлен их список. В нем значились ящики с надписью «Суздальские древности», заключавшие в себе «памятники языческой эпохи, вырытые в курганах», а большей частью «предметы позднейшего времени» – XVII в. – в обломках. К первым относились: «медные и в небольшом количестве серебряные перстни, кольца ручные и сережные, серьги, браслеты – почти все провололочные; также пряжки и кольца поясные, бусы стеклянные с незначительной частью сердоликовых, глиняные кувшины и горшки отчасти в черепках, глиняные изображения звериных лап, также в обломках, точильные бруски, костяные кочедыки и другие подобные вещи. Кроме того, множество железных перержавевших секир или топоров, молотков, копий, ножей, серпов, ножиц для стрижки шерсти, огнив, удила, стремян, пряжек и колец пряжечных, и различных инструментов и домашних вещей весьма обыкновенной и общеупотребительной формы» (Там же. Л. 1).

Среди предметов позднего времени перечислялись «медные, отчасти свинцовые и серебряные крестики, носимые на теле, относящиеся по форме и работе к XVIII ст., медные пуговицы, пряжки, петли и разные мелкие вещи большею частью в обломках. Медная монета XVIII или даже XIX ст., пятаки, гроши, копейки, денежки и полугроши; две серебряные чайные ложки, из коих одна с клеймом 1775 г., стеклянные пузырьки, полагаемые и теперь в гробы с освященным маслом; черепки стеклянных стаканов, рюмок и т. п.; детские глиняные свистульки и погремушки; костяные обломки разных вещей; обломки изразцов или кахелей, печных и стенных, глазурованных, частью XVII, а более XVIII ст. Несколько изразцов без поливы и несколько обломков капителей, баз и надгробных камней более древнего времени. Каменные ядра

Рис. 4. Лист из альбома с рисунками находок из курганов Юрьевского уезда. Рисунок В. К. Аляева (РО НА ИИМК РАН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 19. Л. 49)

большие и малые. Множество железных разных вещей, наиболее в обломках, ничего не значащих» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1860. Д. 31. Л. 1 об. – 2).

Отдельно описывалась группа вещей из раскопок П. С. Савельева во Владимирской и Ярославской губерниях «языческой эпохи»: «...множество медных и частью серебряных колец и перстней, серег и колец сережных, колец больших и малых с головного убора, браслетов с рук и с ног, пуговиц и запан, различных привесок, решетчатых, в виде бляшек, коников и т. п.; пряжек, колец и бляшек с поясов, бубенчиков; стеклянных бус цветных с золочением и серебрением, также глиняных и частью сердоликовых и из других камней; точильных брусков и глиняных изображений зве-

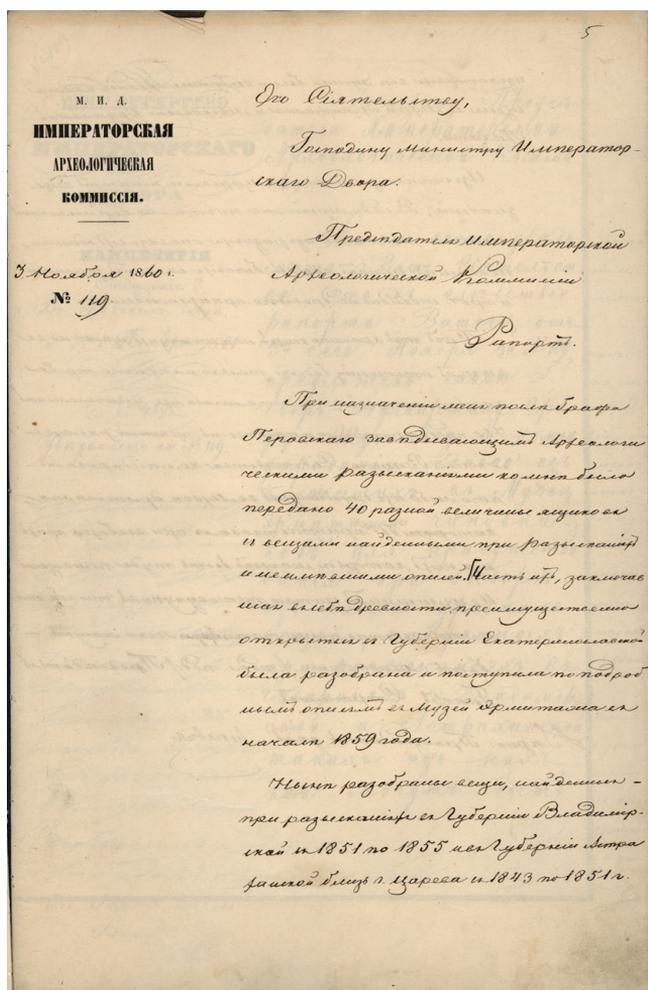

Рис. 5. Рапорт председателя ИАК графа С. Г. Строганова господину министру императорского двора о поступлении в ИАК коллекций комиссии графа Л. А. Перовского. 3 ноября 1860 г. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1860. Д. 31. Л. 5)

риных лап. Весьма значительная часть металлических вещей этого собрания сделана из проволоки или тонких медных пластин, каковы, например, браслеты, перстни и др.» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1 1860. Д. 31. Л. 2 об.).

В дополнение к списку отмечалось, что «значительная часть всех поименованных здесь вещей представляет собрание дублетов, имеющих мало интереса» для археологии, или «заключается в обломках, вообще не имеющих никакого значения» (Там же. Л. 4).

К декабрю 1860 г. часть вещей уже была разобрана, лучшие предметы из раскопок Владимирских курганов 1851–1854 гг. поступили в Оружейную палату, в остальных же С. Г. Строганов не видел никакого исторического значения (железные ножи, гвозди, серпы, ножницы, битая черепица и другие находки позднего времени) и просил согласовать их уничтожение после консультации со специалистами Эрмитажа (Там же. Л. 5 об.). Не только Оружейная палата приняла на хранение владимирские находки. В публикации 1905 г. А. А. Спицын указывал, что добытые графом А. С. Уваровым монеты пополнили фонды Эрмитажа (*Спицын*, 1905. С. 87), и дополнительно сообщил: «...часть железных вещей когда-то поступила в Императорскую Академию наук и находятся теперь в Этнографическом музее Академии» (Там же). Упоминание о передаче части коллекции в Этнографический музей Академии наук встречается и в научно-организационной переписке ИАК (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1860. Д. 13. Л. 3)².

В делопроизводственных документах ИАК содержится письмо от С. Г. Строганова к академику К. М. Бэру, отчасти проливающее свет на участь антропологических находок из Владимирских курганов. Председатель ИАК 1 декабря 1860 г. писал, что «после графа Перовского, заведовавшего археологическими разысканиями, поступили в Археологическую комиссию 49 человеческих черепов. Описей при них нет, но на некоторых написаны названия разных мест, где производились раскопки курганов. Так: “Поганое озеро” (близ Владимира), “Весь, Шокшово” (села Суздальского уезда), “Барово, Косинское” (Юрьевского уезда), “Городище” (вероятно, село Переяславского уезда, возле Плещеева озера по левую сторону р. Слуды). Быть может, что и большая часть остальных черепов, не имеющих на себе надписей, принадлежит этим же курганам, которые относили к XI или началу XII столетия и приписывали Мери» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1860. Д. 31. Л. 7). Все эти черепа были переданы на определение в Академию наук.

Судьбу документального наследия П. С. Савельева можно проследить по материалам ИАК и документам поступления его личного фонда в архив Академии истории материальной культуры в 1920-е гг. В марте 1861 г. РАО обратилось в ИАК со следующим запросом: «В 1859 г. в Императорское русское археологическое общество поступили бумаги, оставшиеся после покойного члена его Павла Степановича Савельева. Между означенными бумагами нашлись два подлинных дневника его археологических поисков во Владимирской и Ярославской губерниях со следующими

² Существует вероятность, что именно эти предметы относятся к коллекции № 97 из современного хранения Отдела археологии музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, о существовании которой в докладе «Вещевые коллекции из памятников железного века – Средневековья Верхнего и Среднего Поволжья в фондах МАЭ (Кунсткамера) РАН (предварительный обзор)» на 12-м заседании научного семинара «Археология Владимиро-Суздальской земли» рассказал с.н.с. С. В. Бельский.

к ним планами и рисунками. Императорское русское археологическое общество, находя дневники Савельева весьма любопытными и важными для нашей отечественной археологии, желало бы издать их» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1860. Д. 13. Л. 1). Поиски во Владимирской и Ярославской губерниях производились по поручению заведовавшего в то время археологическими разысканиями в России предшественника С. Г. Строганова министра Уделов графа Перовского, и потому Общество считало необходимым довести до сведения Археологической комиссии о своем желании опубликовать эти материалы. В случае согласия РАО просило по возможности «сообщить обществу те дневники и рисунки, которые предоставлены были Савельевым графу Л. А. Перовскому и вероятно хранятся в прежних делах Археологической комиссии» (Там же. Л. 1 об.). В ответном письме С. Г. Строганов уведомил, что не имеется никаких препятствий для издания указанных дневников и ИАК готова предоставить все имеющиеся в ее распоряжении документы, касающиеся раскопок П. С. Савельева 1853–1854 гг. Дополнительно председатель ИАК сообщал, что наиболее точную информацию о находках из Владимирских курганов может дать К. Н. Тихонравов, «редактор неофициальной части Владимирских губернских новостей, так как он участвовал в их открытии» (Там же. Л. 3). Предполагаемое издание не состоялось, и архивные документы П. С. Савельева, касающиеся раскопок 1853–1854 гг., до сих пор не введены полностью в научный оборот.

В начале 1920-х гг. Русское археологическое общество, как и многие другие до-революционные историко-археологические общества, ликвидировали. В 1925 г. материалы П. С. Савельева вместе с научно-организационной документацией самого Общества поступили в Академию истории материальной культуры, унаследовавшую и хранившую богатые документальные коллекции ИАК. Сотрудники архива ГАИМК выделили документы П. С. Савельева и сформировали в личный фонд ученого, разобрили материалы на тематические группы и в 1937 г. составили их опись.

Сейчас персональный рукописный фонд П. С. Савельева в ИИМК РАН состоит из 21 дела, которое датируется 1846–1856 гг. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 8. Оп. 1), но некоторые материалы по его деятельности по-прежнему хранятся в архивах РАО и ИАК. В личном собрании исследователя представлены документы полевой, научной и редакционно-издательской деятельности фондообразователя, а также рукописи и графический материал. Научные работы ученого включают черновики трудов по нумизматике, истории и археологии (например, «Об арабско-татарских надписях в Булгарах», «Спорные вопросы грузинско-сасанидской нумизматики», «О происхождении венгров», «Древние городища Владимирской и Ярославской губерний», «Очерки Новороссии», «Поездка в Крым летом 1856 г.», «Киевский клад» и др.), часто это незаконченные рукописи или схематические наброски. Надо отметить, что разобрать авторские тексты П. С. Савельева подчас бывает довольно сложно из-за трудночитаемого почерка: вследствие болезни у него возникли проблемы с правой рукой, и в течение нескольких лет П. С. Савельев едва мог держать перо. Кроме уже перечисленного дела его личного фонда включают полевые дневники, чертежи и рисунки раскопок кургана «Долгая могила» в Екатеринославской губернии в 1856 г. (Полин, Алексеев, 2018. С. 11–13, 31–36, 142–143); документы начала XVIII в.; копии арабских рукописей; эпиграфический материал, собранный в Переславском уезде Владимирской губернии (рис. 6) и в Крыму; копии архивных материалов из Ростова;

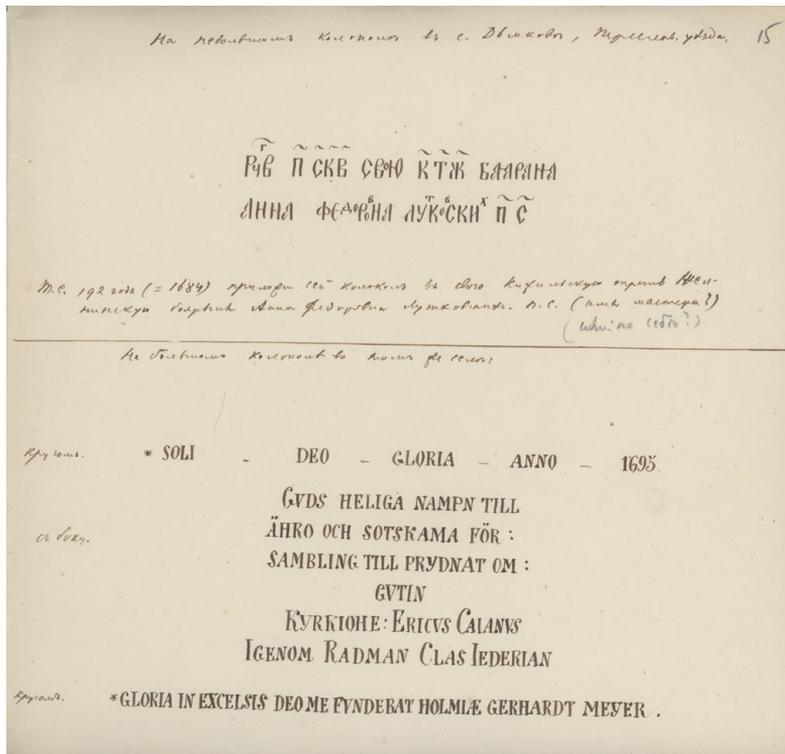
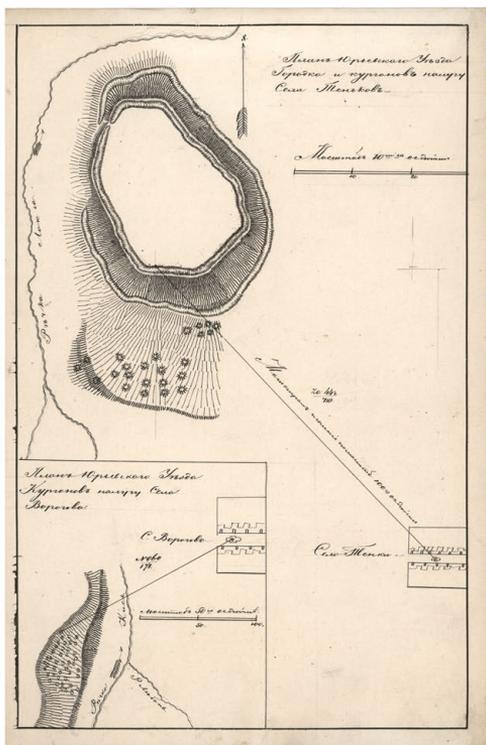

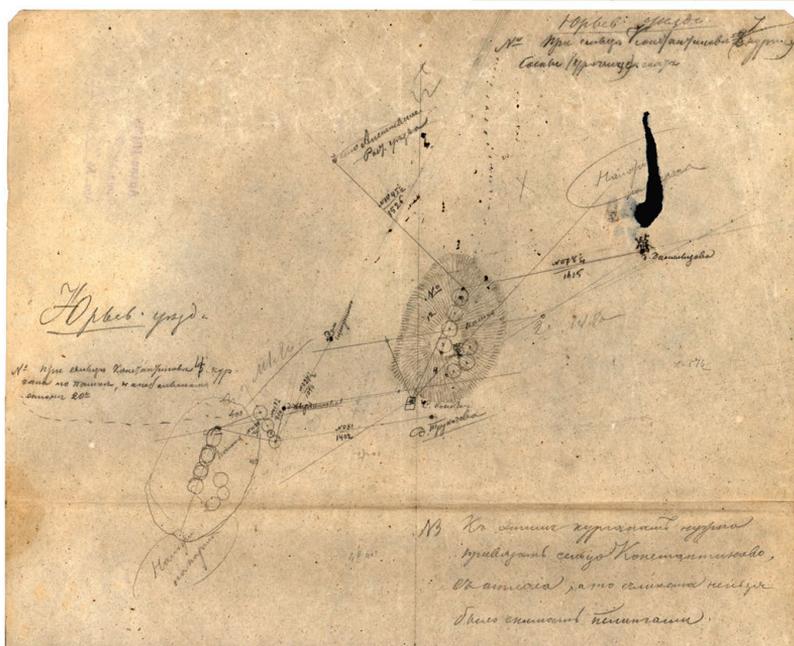
Рис. 6. Надписи на колоколах села Демкова. Из коллекции надписей, собранных П. С. Савельевым в 1854 г. в Переславском уезде Владимирской губернии (РО НА ИИМК РАН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 7. Л. 15)

рукописи других ученых, которые П. С. Савельев редактировал либо рецензировал.

Важную часть документации фонда П. С. Савельева по археологической тематике составляют материалы исследований Владимирских курганов 1853–1854 гг. В два объемных дела (РО НА ИИМК РАН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1, 3) собрана деловая переписка по подготовке и проведению работ, где подробно отражается весь процесс и все сложности производства раскопок от получения открытого листа и поиска рабочих до решения вопросов с местными властями о выделении землемера, средств передвижения и финансирования. Документы служат превосходным источником для понимания нюансов организации археологической экспедиции в середине XIX в. В этих же делах сохранились позволяющие реконструировать этапы и особенности археологических работ 1853–1854 гг. письма основных помощников П. С. Савельева на месте – деятельного сотрудника Владимирского губернского статистического комитета, редактора «Владимирских губернских ведомостей» К. Н. Тихонравова (Императорское Московское археологическое общество..., 1915. С. 360–361), землемеров В. К. Аляева и А. И. Войничя. Материалы наглядно демонстрируют, что Суздальский проект в 1853–1854 гг. вовсе не являлся автоматически продолжающейся добычей древно-

1

3

Рис. 7. с. 58. Чертежи из архива П. С. Савельева. 1 – чистовой план городища Теньки, выполненный В. К. Аляевым; 2 – детали черного чертежа городища Теньки с указанием траншей на городище и разрезом валов и площадки, выполненные А. И. Войничем; 3 – черновой план одной из курганных групп Юрьевского уезда, выполненный А. И. Войничем (РО НА ИИМК РАН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 19. Л. 13, 53–54, 43)

стей, а, скорее, представлял собой связанную единой программой и методическими подходами работу слаженного коллектива. Непосредственно к полевой документации относятся дневник 1853 г., черновой и чистовой дневники 1854 г., папка с рисунками находок и комплекс чертежей (РО НА ИИМК РАН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 2, 4–6, 19).

В этом массиве особо привлекает внимание чертежная документация 1853 г., где для части могильников сохранились как черновые, так и чистовые планы (рис. 7). Такая уникальная ситуация сложилась благодаря тому, что в сезоне 1853 г. первую часть раскопок сопровождал один землемер – А. И. Войнич, а чистовые исполнил уже другой – В. К. Аляев. Оба безусловно были профессионалами высокого класса, но черновой вариант, не сохранившийся в остальных случаях, как раз наиболее интересен для современных специалистов, так как показывает детали сложения комплекса документации, отражает исследовательский процесс, отчасти стратегию работ и приоритеты в фиксации данных. Вместе с дневниковыми записями двойной комплект чертежей позволяет оценить, что было важным для первых исследователей Владимирских курганов, какие методические приемы они использовали.

Археологи уже давно осознали нераскрытый потенциал архивных документов 1853–1854 гг. из личного фонда П. С. Савельева и предприняли ряд попыток разобрататься в материалах, достигнув определенных успехов в выявлении характерных черт и особенностей курганного обряда и локализации части объектов (*Лапшин*, 1985; 1991; *Рябинин*, 1979; 1988; *Комаров*, 1995; 2010, *Леонтьев*, 2003). Новое обращение к комплексу материалов П. С. Савельева, хранящегося в рукописном отделе архива ИИМК, позволит еще раз уточнить наши представления о ходе работ и участниках, судьбе коллекций и принципах фиксации материала.

В 1853–1854 гг. П. С. Савельев проводил работы на обширных территориях трех уездов (Юрьевского и Переславского Владимирской губернии, Ростовского уезда Ярославской губернии), где исследовал курганов даже больше, чем было изучено в предыдущие два года, но его роль в масштабных работах остается недооцененной, а раскопки Владимирских курганов чаще всего ассоциируются с именем А. С. Уварова.

Долгое время работы Павла Степановича воспринимались как механическое, экстенсивное продолжение начатого в 1851 г., как бездумное увеличение массива древностей малоподготовленным человеком. Повторное обращение к архивным материалам показывает, что это в корне неверно, напротив, мы видим развитие исходной программы исследований. Сам савельевский выбор Переславского и Ростовского уездов для раскопок 1853–1854 гг. был обусловлен желанием получить столь необходимый для понимания «Владими́ро-Суздальских» древностей сравнительный материал из центра мерянских земель, в количестве, достаточном для обоснованных наблюдений о родстве или его отсутствии населения Ополья и озер Неро и Плещеево: «Для окончания разысканий в будущем году вероятно придется рыть на Ростовском озере.

“На Ростове озере Меря, на Клещине Меря же”, не предполагал я, чтоб мог заинтересоваться Мерею!» (из письма 1853 г. цит. по: Григорьев, 1861. С. 98).

Своеобразной компенсацией недостатка собственного полевого опыта для П. С. Савельева стала опора на проверенную и погруженную в материал команду, работавшую с А. С. Уваровым, в первую очередь К. Н. Тихонравова и В. К. Аляева,

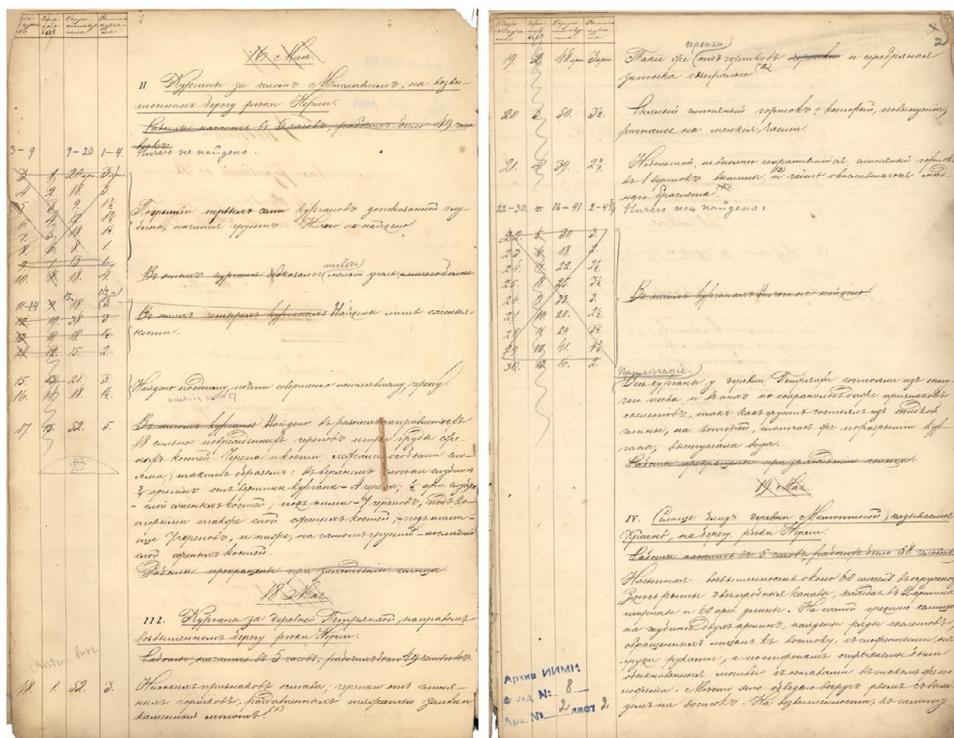

Рис. 8. Фрагмент дневника П. С. Савельева из раскопок во Владимирской губернии в 1853 г. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 об. – 2)

выполнявших широкий круг обязанностей, часто сопоставимых с обязанностями начальника раскопа. Во многом поэтому дневники 1853 г. часто имеют вид стандартизированных, формулярных покуранных описаний, выработанных в предшествующие годы (рис. 8).

Парадоксальным образом именно высокие требования к качеству полевых работ и следование передовым стандартам исследовательской работы привели к тому, что долгие десятилетия А. С. Уваров и П. С. Савельев клеймились как профаны и разрушители наследия. Многие из упреков к неполноте описаний хода раскопок и пренебрежению к деталям пространственной организации курганов и погребений в них справедливы, но сейчас, в эпоху больших массивов данных, требующих значи-

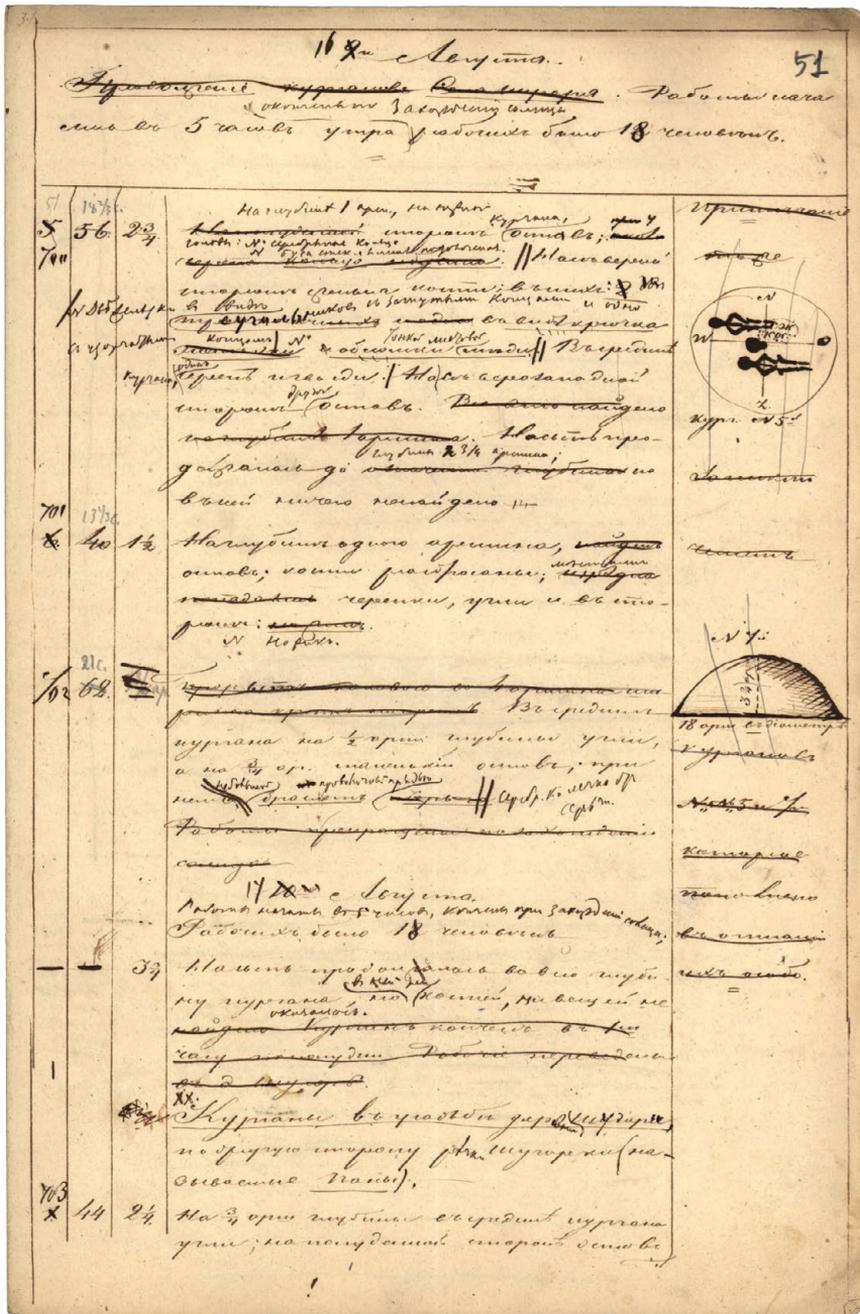

Рис. 9. Курганы у с. Шугарь. Фрагмент дневника П. С. Савельева из раскопок во Владимирской губернии в 1854 г. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 51)

тельных вычислительных мощностей и отчетливо проявивших важность корректной фиксации данных, вызывает уважение продуманность и последовательность документирования той части информации, которая осознавалась как значимая. Отметим отсутствие разделения на ценное и массовый материал (те самые «имеющие мало интереса» дублиеты из доклада С. Г. Строганова) при формировании коллекции; систему полевой нумерации вещей и их групп исходя из логики расположения предметов в погребениях; последовательное описание предметов от изголовья к изножью могилы даже там, где костяк не сохранился, или кремациях; стандартизацию описания типологически однородных предметов, применявшегося вне зависимости от конкретного исполнителя работ. Именно эта последовательность ведения документации позволяет снова и снова возвращаться к материалам 1850-х гг. и извлекать новое знание.

Еще меньше известно про вклад местного краеведа К. Н. Тихонравова и землемеров В. К. Аляева и А. И. Войнича, принимавших в работах самое активное участие. Документы личного фонда П. С. Савельева предоставляют все возможности оценить степень содействия каждого из них, а также по дням восстановить этапы проведения раскопок и перемещения экспедиции от объекта к объекту. В высшей степени перспективной для современных исследований представляется чертежная документация 1853–1854 гг. Особенно в этом смысле выделяется комплекс первого года, где ценными помощниками в деле локализации раскопанных П. С. Савельевым могильников становятся черновые планы и заметки на полях, не вошедшие в чистовую версию (рис. 9). В материалах о передаче находок из комиссии Л. А. Перовского в ИАК, в том числе из раскопок А. С. Уварова и П. С. Савельева, содержатся сведения, которые дают основания вести дальнейшие поиски антропологической коллекции и ряда древностей, обнаруженных во время исследований Владимирских курганов 1851–1854 гг. и еще не учтенных в современных работах. Даже краткий обзор документов из собрания ИИМК РАН, связанных с раскопками П. С. Савельева, показывает, что тезис А. А. Спицына 1905 г. все еще остается актуальным до сих пор: «Необходимы тщательное переиздание и переоценка материала, добытого раскопками Владимирских курганов» (*Спицын*, 1905. С. 90).

Литература

- Аграфонов П. Г.*, 1997. Забытый исследователь Ярославского края // Ярославский педагогический вестник. № 1 (7). С. 7–12.
- Арциховский А. В.*, 1955. Археология // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. I. М.: Изд-во АН СССР. С. 523–535.
- Григорьев В. В.*, 1861. Жизнь и труды П. С. Савельева. СПб.: Имп. Археолог. о-во. VIII, 306 с.
- Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914 гг.). Т. II. Биографический словарь членов Общества; Список трудов членов Общества, помещенных в изданиях Общества / Ред.: П. С. Уварова, И. Н. Бороздин. М., 1915. XXII, 447, 257 с.
- Карпунин А. А.*, 2007. Опыт применения ГИС для локализации курганных групп Суздальского Ополя, исследованных А. С. Уваровым // АВСЗ. Вып. 1. М.: ИА РАН. С. 43–49.
- Кирпичников А. Н.*, 1966. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX–XIII вв. М.; Л.:

- Наука. 176 с. (САИ; вып. Е1-36).
- Комаров К. И.*, 1995. К истории населения побережья Плещеева озера в X–XIII вв. // Сообщения Ростовского музея. Вып. 8. С. 137–172.
- Комаров К. И.*, 2010. Курганы Ростовской округи по раскопкам П. С. Савельева // Археология: история и перспективы: четвертая межрегион. конф. (15–16 октября 2008 г., Ярославль): сб. ст. Ярославль: Рыбинский дом печати. С. 129–143.
- Лапшин В. А.*, 1985. Население центрального района Ростово-Суздальской земли X–XIII вв. (по археологическим материалам): дис. ... канд. ист. наук. Л. 71 + 278 с.
- Лапшин В. А.*, 1991. О методике раскопок Владимирских курганов // Уваровские чтения 1990: тез. докл. Муром. С. 7–9.
- Леонтьев А. Е.*, 2003. Забытые карты раскопок 1854 г. // Археология: история и перспективы: первая межрегион. конф. (Ярославль, 19–21 сентября 2003 г.) / Отв. ред. А. Е. Леонтьев. Ярославль: Ярославский гос. ист.-архитектур. и худож. музей-заповедник. С. 161–168.
- Макаров Н. А.*, 2015. А. С. Уваров и начало археологического изучения Северо-Восточной Руси // АВСЗ. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 3–13.
- Макаров Н. А., Красникова А. М., Ерохин С. А.*, 2021. Первые результаты новых исследований могильника Гнездилово под Суздалем // КСИА. Вып. 264. С. 7–26.
- Макаров Н. А., Красникова А. М., Шевченко В. А.*, 2022. Могильник Сельцо: потерянный некрополь X–XI вв. под Суздалем // КСИА. Вып. 269. С. 162–177.
- Перовский Л. А.*, 1855. Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических розысканиях в 1853 году. СПб.: Тип. Имп. Академии наук. 190 с.
- Полин С. В., Алексеев А. Ю.*, 2018. Скифский царский Александропольский курган IV в. до н. э. в Нижнем Поднепровье. Киев; Берлин: Олег Філюк. 930 с. (Курганы Украины; т. 6).
- Равдоникас В. И.*, 1930. За марксистскую историю материальной культуры. Ленинград. 94 с. (ИГАИМК; т. VII, вып. 3/4).
- Рябинин Е. А.*, 1979. Владимирские курганы (опыт источниковедческого изучения материалов раскопок 1853 г.) // СА. № 1. С. 228–244.
- Рябинин Е. А.*, 1988. Славяно-мерянские курганные могильники Владимирской земли (по материалам раскопок 1853–1854 гг.) // Проблемы изучения древнерусской культуры: Расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси. М.: ИА АН СССР. С. 33–56.
- Савельев П. С.*, 1857. Археологические розыскания П. С. Савельева во Владимирской губернии. СПб. 6 с.
- Стицын А. А.*, 1905. Владимирские курганы // Известия ИАК. Вып. 15. СПб. С. 84–172.
- Уваров А. С.*, 1872. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М.: Синод. тип. 217 с.
- Формозов А. А.*, 1993. А. С. Уваров и его место в истории русской археологии // РА. № 3. С. 228–246.

Архивные материалы

- РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1860. Д. 31. Дело ИАК о разборе и передаче вещей, поступивших в Археологическую комиссию после графа Л. А. Перовского.
- РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1861. Д. 13. Дело ИАК об издании Археологическим обществом описания розысканий Савельева в губерниях Владимирской и Ярославской.
- РО НА ИИМК РАН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1. Переписка по организации и производству раскопок во Владимирской губернии под руководством П. С. Савельева.
- РО НА ИИМК РАН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 2. Дневник археологических розысканий во Владимир-

ский губ. в 1853 г. П. С. Савельева.

РО НА ИИМК РАН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 3. Переписка по организации и производству раскопок во Владимирской и Ярославской губ. под руководством П. С. Савельева.

РО НА ИИМК РАН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 4. Дневник археологических розысканий во Владимирской губ. и опись древностям, найденным в Ростовском у. Ярославской губ. Раскопки П. С. Савельева. 1854 г.

РО НА ИИМК РАН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Черновой дневник археологических розысканий во Владимирской и Ярославской губерниях П. С. Савельева. 1854 г.

РО НА ИИМК РАН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 6. Иллюстративный материал к раскопкам П. С. Савельева во Владимирской губ. в 1853 и 1854 гг. (узды Переславский и Юрьевский)

РО НА ИИМК РАН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 19. Рисунки находок.

Сведения об авторах

Мария Владимировна Медведева, ИИМК РАН;

e-mail: marriyam@mail.ru;

Анастасия Николаевна Федорина, ИА РАН;

e-mail: nasfed@yandex.ru

M. V. Medvedeva, A. N. Fedorina

PAVEL S. SAVELYEV'S ARCHIVE AT THE IHMC RAS: THE POTENTIAL OF FIELD AND ORGANISATIONAL DOCUMENTATION FROM THE VLADIMIR BURIAL MOUNDS EXCAVATIONS OF 1853–1854 FOR THE CONTEMPORARY RESEARCHER

Summary. The archival documentation of the large-scale excavations of Vladimir barrows in 1851–1854 has not yet exhausted the potential for studying methods of recording information obtained at that time. The materials are still of great importance for field research of Russian Medieval archaeology and interpretation of the 10th–13th centuries burial rites. They also informatively reflect problems of archaeological expedition organisation in the middle of the 19th century. The assessment of Alexei Uvarov's and Pavel Savelyev's work as extremely unprofessional becomes outdated, giving way to objective analysis that takes into account complicated fate of the collections and field documentation. Archival materials from Pavel Savelyev's personal collection of 1853–1854, preserved at the IHMC RAS, played a significant role in the reassessment. The documents have been successfully used for attribution of finds, reconstruction of complexes, characterisation of some sites, they also provide opportunities for re-localisation of burials. Much has already been done to update the results of Alexei Uvarov's and Pavel Savelyev's excavations with the help of modern technologies, but source studies with archival materials can still bring new interesting results.

Keywords: Pavel S. Savelyev, archaeology, Vladimir burial mounds, IHMC RAS, archival research, history of science.

П. С. Дрёмова

К ВОПРОСУ ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИЗЫСКАНИЯХ К. Н. ТИХОНРАВОВА У С. ДОБРОЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1858 г.¹

Резюме. В статье рассматриваются археологические работы, произведенные членом-сотрудником Императорского археологического общества К. Н. Тихонравовым. В 1858 г. у с. Доброе Владимирского уезда Владимирской губернии им был исследован курганный могильник древнерусского времени. Результаты работ своевременно не были опубликованы и отложились в виде архивной документации. Цель данной статьи состоит во введении в научный оборот полевых и отчетных материалов.

Ключевые слова: средневековый могильник, погребение, Владимиро-Суздальская земля, село Доброе Владимирской губернии, К. Н. Тихонравов, 1858, Императорское археологическое общество, публикация источников, Научный архив ИИМК РАН.

История исследований К. Н. Тихонравова² (рис. 1) в окрестностях г. Владимира восходит корнями к масштабному археологическому проекту графа Л. А. Перовского – раскопкам во Владимирской губернии под руководством А. С. Уварова (1851–1852 гг.) и П. С. Савельева (1853–1854 гг.). На протяжении полутора веков эти работы находятся в центре внимания ученых (*Рябинин*, 1979; *Лапшин*, 1991; *Макаров*, 2015), являясь предметом дискуссии, начало которой было положено А. А. Спицыным (*Спицын*, 1905). Вектор современных исследований направлен на комплексное изучение материалов работ А. С. Уварова и П. С. Савельева с целью реализации их научного потенциала в условиях возобновленных работ во Владимиро-Суздальском Ополье (*Макаров и др.*, 2021б; *Макаров и др.*, 2021а). В этом контексте особую роль играет архивная документация, анализ которой позволяет уяснить методику раскопок, понять организационную специфику работ и их общественное значение. На новом эта-

¹ Статья подготовлена в рамках программы ФНИГАН по теме государственного задания «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015).

² Константин Никитич Тихонравов (1822–1879) – владимирский краевед, историк, археолог (в широком понимании термина «археология» в середине XIX в.), действительный член научных обществ, автор более 500 публикаций (*Жебелёв*, 2017. С. 567–□569; см. о нем: *Гольшиев*, 1887).

К. Н. Тихонравовъ.

Рис. 1. Портрет К. Н. Тихонравова

«Владимирском сборнике» К. Н. Тихонравов обобщил топографические данные о могильниках и городищах губернии, указав как на исследованные (в 1851–1854 гг.), так и на неисследованные местности. Со ссылкой на публикации – В. И. Доброхотова³ «О вновь открытых курганах» (*Доброхотов*, 1852а) и свою «Курмыши (курганы около с. Доброе)» (*Тихонравов*, 1854) – К. Н. Тихонравов приводил сведения о могильных насыпях у с. Доброе (*Тихонравов*, 1857. С. 60).

К раскопкам курганов К. Н. Тихонравов приступил спустя несколько лет, в течение которых вел активную исследовательскую и публицистическую работу как для губернского статистического комитета⁴, так и столичных научных обществ, в частности Императорского археологического общества (ИАО), членом которого он состоял с 1850 г. Тесные связи с ИАО, заключавшиеся в сборе археологических и эпиграфических материалов, регулярной публикации в его изданиях статей и заметок, надо по-

пе источниковедческих поисков внимание ученых привлекают фигуры не только руководителей полевых работ, но и их помощников: землемеров, художников, местных любителей старины, вовлеченных в многоплановый процесс раскопок.

Одной из важных фигур археологических изысканий на Владимиро-Суздальской земле в 1851–1853 гг. был К. Н. Тихонравов, сотрудник местного губернского статистического комитета. В 1851 г., будучи привлечен к работам графа А. С. Уварова, он «находился при разрытии курганов Семеновских, Чернижских на Курятовом поле, Павловских и Васильковских» (ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8464. Л. 25). В следующие два года по поручениям А. С. Уварова, а затем П. С. Савельева он руководил работами на локальных участках, в т. ч. на Юрьевой горе, у с. Висильки и Шокшово (*Спицын*, 1905. С. 91–92).

«Курганная эпопея» не оставила равнодушным молодого чиновника, увлеченного историей родного края: во

³ Подробные сведения об археологических памятниках этой местности содержатся в монографическом сочинении В. И. Доброхотова «Древний Боголобов: город и монастырь с его окрестностями» (*Доброхотов*, 1852б. С. 96–104).

⁴ В изданиях губернского статистического комитета К. Н. Тихонравов публиковал результаты археологических работ, произведенных как в составе «экспедиций» А. С. Уварова и П. С. Савельева, так и самостоятельно (*Тихонравов*, 1864; 1867а; 1867б). Следует отметить, что статьи, которые относились к раскопкам 1851–1853 гг. и содержали извлечения из полевых дневников, появились в печати раньше итогового труда А. С. Уварова.

лагать, дали К. Н. Тихонравову основания надеяться на содействие Общества в проведении полевых работ⁵.

Мысль об исследовании выявленных ранее курганов К. Н. Тихонравов высказал в письме к старшему коллеге и другу П. С. Савельеву, который в ответном послании от 5 мая 1858 г. сообщал: «Относительно курганов при с. Добром я полагаю, что Общество может поручить Вам их раскопку. Я, по крайней мере, предложу это в след[ующем] заседании (майском)» (Материалы..., 1900. С. 254). Общее собрание ИАО, рассмотрев предложение К. Н. Тихонравова, поддержанное рядом аргументов П. С. Савельева⁶, постановило «просить г. помощника председателя сделать сношение с министром Государственных имуществ и Владимирским гражданским губернатором о дозволении г. Тихонравову заняться раскопками упомянутых курганов» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 392. Л. 149 об.). Общество взяло на себя организационное содействие и финансовое обеспечение работ, выделив на них 200 рублей серебром. В отношении Общества к владимирскому губернатору Е. С. Тиличеву помимо просьбы о содействии⁷ работам К. Н. Тихонравова содержалась и другая – поручить «землемеру снять под его (К. Н. Тихонравова. – П. Д.) надзором план местности вышеупомянутых курганов» (ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10816. Л. 1 об.).

В конце июня неклассным гражданским топографом Благовестовым была произведена инструментальная съемка курганов и близлежащего городища под названием «Курмыши»⁸ (рис. 2). Раскопки начались несколько позже: промедление было связано с поиском рабочих, расценки на услуги которых существенно возросли в связи со строительством железной дороги. Проблему с поиском рабочей силы помог решить владимирский губернатор Е. С. Тиличев, который обратился в Штаб начальника внутренней стражи с просьбой отпустить «для сих работ 20 человек нижних чинов при унтер-офицере Гарнизонного батальона или Инвалидной команды» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 42. Л. 13). Благоприятный ответ был получен на следующий день: начальник Штаба отпускал «на вольную работу» рядовых гарнизонного батальона – по пять человек из четырех рот, – каждый из которых должен был иметь при себе «заступ или лопату»; над ними был поставлен унтер-офицер. Согласно требованию начальника Штаба, плата военным была назначена в размере 70 коп. в сутки, что оказалось существенно ниже справочных и реальных расценок на рабочую силу.

⁵ Также о работах К. Н. Тихонравова у с. Доброе см.: Дрёмова, 2024. С. 388–390.

⁶ «При сём П. С. Савельев изъяснил: 1) что указываемые г. Тихонравовым курганы находятся при селе Добром, в 5 верстах от Владимира на половине пути в Боголюбов, и по форме своей сходствуют с другими курганами той же губернии, оказавшимися большей частью весьма древними, языческой эпохи; 2) что у села Доброго их всего *до десяти* (курсив мой. – П. Д.); 3) что расходы по раскопке их не будут превышать 200 руб. и 4) что г. Тихонравов знаком уже с правилами раскопок, участвовав три лета в археологических исследованиях этой губернии, произведенных от Кабинета Его Величества» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 392. Л. 148 об. – 149).

⁷ Под «содействием» в данном случае понимается официальное откомандирование чиновника канцелярии владимирского губернатора К. Н. Тихонравова с основного места службы для производства археологических исследований по поручению Общества. Принимать подобного рода решения мог непосредственный начальник К. Н. Тихонравова – владимирский гражданский губернатор Е. С. Тиличев.

⁸ Два инструментальных плана – курганов (лит. А) и городища (лит. Б) – после поступления в Общество были литографированы (без указания литер) и размещены на одном листе; в таком виде планы отложились в архивной документации. Местонахождение оригиналов обнаружить не удалось.

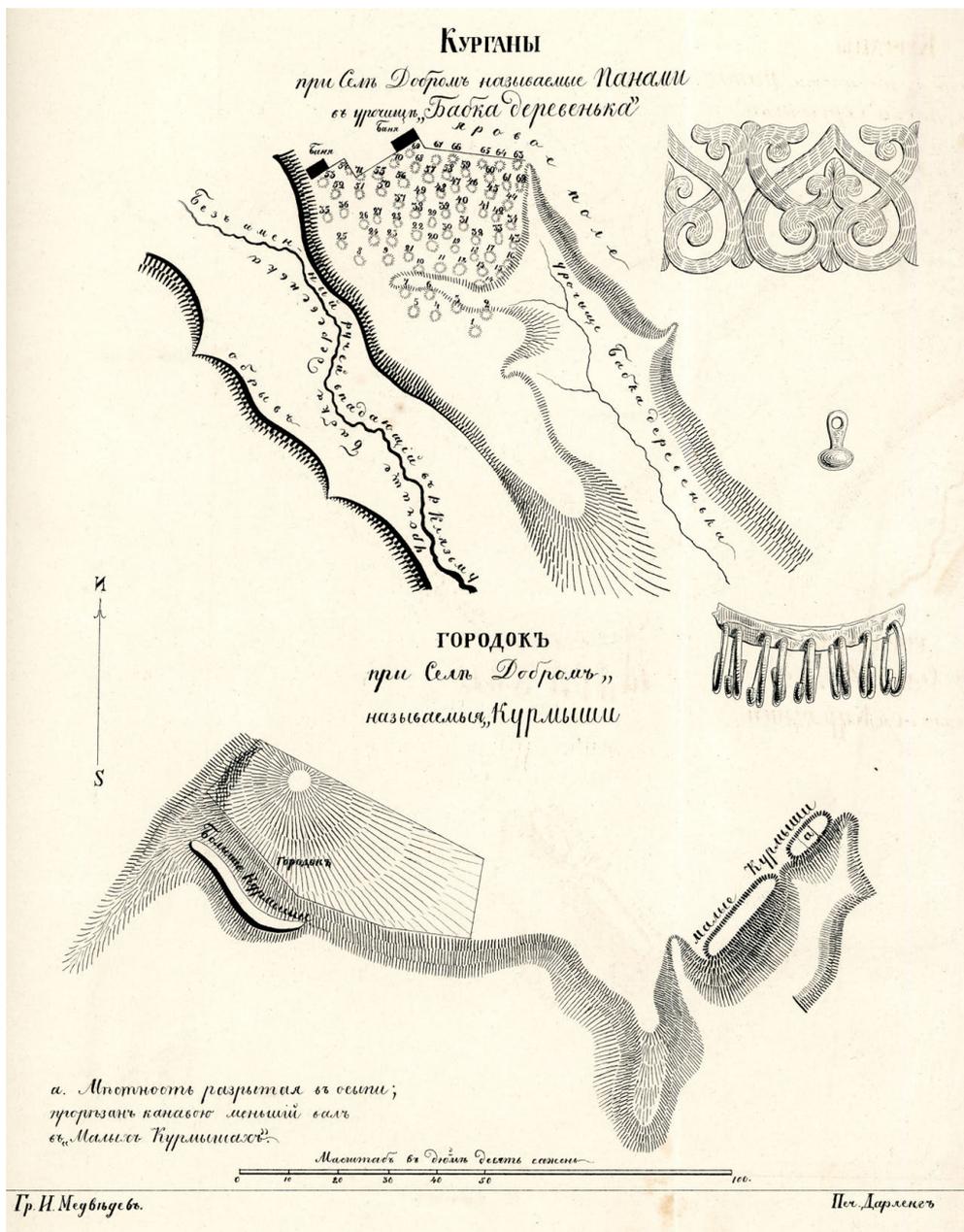

Рис. 2. Инструментальные планы, снятые с археологических памятников близ с. Доброе Владимирской губернии в 1858 г.

Полевые работы производились в течение пяти дней – с 4 по 8 июля 1858 г. При этом рабочий день К. Н. Тихонравова и, соответственно, унтер-офицера и рядовых военного гарнизона начинался в пять часов утра и заканчивался с закатом солнца. Поскольку 8 июля раскопки на могильнике были закончены достаточно рано – «часу в 12[-ом] утра», – К. Н. Тихонравов успел произвести на близлежащем городище Малые Курмыши разведочные работы, в ходе которых был обнаружен «каменный наконечник стрелы, как будто трёхгранный, лежавший острием внутрь осыпи»⁹ (РО НА ИИМК РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 42. Л. 26).

В ходе работ на могильнике была исследована 71 могильная насыпь, что в семь раз превышало предположительные расчеты П. С. Савельева («у села Доброго их (курганов. – П. Д.) всего до десяти»). Курганам были присвоены порядковые номера согласно очередности их вскрытия; эти номера наносились на инструментальный план и фиксировались в дневнике раскопок, благодаря чему можно было бы установить соответствие между вещевым комплексом и насыпью. Дневник раскопок – «Дневник разрытия курганов при селе Добром близ Владимира» – вместе с отчетным письмом (Приложение 1) и планом был отправлен К. Н. Тихонравовым в Общество 25 сентября 1858 г. В следующем месяце в дополнение к отчету была прислана финансовая документация: из выданных на раскопки 200 рублей серебром К. Н. Тихонравов истратил 80 руб.; остальные деньги были возвращены в кассу Общества (Там же. Л. 24–30). Общее собрание ИАО, «обратив внимание на усердие, оказанное членом-сотрудником Тихонравовым в этом деле (раскопках. – П. Д.) и имея в виду остаток от ассигнованной Обществом на раскопки Владимирских курганов суммы, определило: послать г. Тихонравову из сего остатка 100 руб. сер[ебром]» (Летопись..., 1861а. С. 33).

Особенности ведения полевого дневника (Приложение 2), в частности, регулярность записей (ежедневно), распределение информации по четырем графам, сквозная нумерация находок и пр. позволяют утверждать, что дневник велся К. Н. Тихонравовым согласно правилам, уставленным при работах А. С. Уварова и П. С. Савельева. Более того, П. С. Савельев, будучи заинтересованным в продолжении исследований во Владимирской губернии, взял на себя роль их координатора. В письме от 7 июля¹⁰ 1858 г. он давал рекомендации относительно методики работ и ведения дневниковых записей. В частности, П. С. Савельев писал: «Рисунки вещей – лишняя вещь, так как они будут представлены в Общество, но на них должен быть номер, под которым они означены в журнале», и далее: «Черепов, чем больше, тем лучше, особенно из богатых курганов; на лбу написать номера» (Материалы..., 1900. С. 256). Инструкции, данные П. С. Савельевым, были соблюдены при проведении раскопок. В четырех графах таблицы представлены: порядковая нумерация курганов, их диаметр («окружность»), высота насыпи («глубина от поверхности») и характеристика погребения (РО НА ИИМК РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 42. Л. 17–23).

Исследованные К. Н. Тихонравовым могильные насыпи не превышали двух ме-

⁹ Этот наконечник вместе с другими находками поступил в музей Общества. В каталоге музея, составленном А. А. Спицыным, записан как «нуклеус» и отнесен к разделу «Каменный и медный века» (Спицын, 1908. С. 7. № 14).

¹⁰ В издании письмо датировано 7 июля, однако его содержание дает право усомниться в верном прочтении даты. Вероятно, письмо датировано 7 июня.

тров в высоту и, вероятно, были раскопаны на снос (прямых указаний на методику работы в отчетной документации не содержится). Подкурганные захоронения были совершены по обряду ингумации, при этом сохранность костяков, по замечанию исследователя, была достаточно плохой. В нескольких случаях К. Н. Тихонравову удалось зафиксировать остатки гробовин, «сколоченных гвоздями». Сопроводительный инвентарь в подавляющем большинстве могил отсутствовал¹¹, при этом в 20 курганах были обнаружены элементы погребального костюма – бронзовые пуговицы, медные, бронзовые и серебряные кольца, фрагменты шелковых тканей и позументов. Общее количество находок, записанных К. Н. Тихонравовым под 41 инвентарным номером, превысило 150 единиц¹². После передачи в Общество находки были зашифрованы и внесены в музейный инвентарь на основе типологического сходства: под одним инвентарным номером оказалось 9 медных пуговиц, под другим – 110 медных и серебряных целых проволочных колец и 26 медных фрагментированных, под третьим – остатки позументов, под четвертым – остатки шелковой материи и т. д. Согласно описи Д. И. Прозоровского, к раскопкам К. Н. Тихонравова 1858 г. относилось 10 инвентарных номеров, общее количество предметов, которые под ними значились, превышало 150 единиц¹³ (*Прозоровский*, 1869. С. 44–45, 58–59, 63, 89, 91–92. № 118, 193–195, 217, 387, 399, 402–403, 410). После переработки музея Общества все предметы, полученные в ходе раскопок курганов у с. Доброе, были записаны под одним инвентарным номером (*Спицын*, 1908. С. 29. № 116). Согласно определению А. А. Спицына, работавшего с вещевой коллекцией, курганная группа, исследованная К. Н. Тихонравовым, может быть датирована XII в. (*Спицын*, 1905. С. 91); такой версии придерживаются и современные исследователи (*Галкин*, 2012. С. 66; *Зимина и др.*, 1995. С. 301). Получить общее представление об обнаруженных во время археологических работ предметах помогают их изображения, помещенные на литографии вместе с инструментальными планами.

Следуя рекомендации П. С. Савельева, К. Н. Тихонравов попытался отобрать череп для антропологического исследования. Однако сохранность костного материала не позволила ему отослать в Общество более двух экземпляров, которые были обработаны К. М. Бэрм, а после переданы в Академию наук. К. М. Бэр высказал гипотезу об их племенной принадлежности: «Мне кажется весьма вероятным, что они принадлежали татарскому племени». В то же время он не исключал возможности финской примеси: «Если они принадлежат татарскому племени, то такому, которое смешалось с финнами, а не такому, в котором много монгольской крови» (*Летопись...*, 1861б. С. 390). А. А. Спицын подверг критике данное антропологическое определение, отметив, что «с этим мнением вряд ли можно считаться» (*Спицын*, 1905. С. 91).

Попытки локализации курганной группы у с. Доброе были предприняты в не-

¹¹ Находки: глиняный сосуд, «черепок красной глины» (фрагмент амфоры? – П. Д.), «отломок сосуда черной глины», «стальная пластинка вроде щипцов» «железный пробой».

¹² Более точную цифру дать трудно, поскольку ткани и позументы были найдены во фрагментах, количество которых не указано. Следует также отметить, что при нумерации находок в дневнике пропущен № 39.

¹³ При этом в описи оказалось два предмета, не упомянутых в полевой и отчетной документации К. Н. Тихонравова, – «клык маленького животного» и «горшок с кусками железа» (*Прозоровский*, 1869. С. 59, 92).

давнее время владимирским археологом Т. О. Галкиным, который сделал неутешительный вывод: «Несмотря на полную проработанность письменных источников и исследования на местности с применением современных аппаратных средств, достоверно установить местоположение курганного могильника у села Доброе без проведения археологических раскопок на данной территории не представляется возможным» (Галкин, 2012. С. 66). К сожалению, «проработанность письменных источников» нельзя назвать полной – в описательной части, относящейся к раскопкам К. Н. Тихонравова, допущен ряд ошибок и неточностей: это касается хронологии работ, их организационной принадлежности и пр. Архивные материалы вовсе не были привлечены автором.

Поскольку курганный могильник в настоящее время утрачен, а материалы его не опубликованы¹⁴, единственным источником информации является архивная документация. Введение в научный оборот полевой и отчетной документации представляется на данном этапе исследований оправданным и важным.

Приложение 1

Отчетное письмо К. Н. Тихонравова о раскопках у с. Доброе в 1858 г.

Примечание: Отчетное письмо за № 28 от 25 сентября 1858 г. представлено К. Н. Тихонравовым на типографском бланке с угловой надписью: «Императорское Русское Археологическое Общество // Члена-сотрудника Общества Тихонравова // г. Владимир». В верхнем левом углу помета о получении письма: «№ 53 – 7 октября 1858 г.»; в верхнем правом – об ознакомлении с документом членов Общества: «Доложено 10 окт[ября] [18]58 г.». Документ, состоящий из трех листов, является автографом и содержит подпись К. Н. Тихонравова (РО НА ИИМК РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 42. Л. 24–26 об.). Орфография и пунктуация даны в соответствии с современными нормами русского языка; стилистика авторского текста сохранена. Обыкновенные дроби для удобства публикации переведены в вид десятичных.

В Императорское Русское археологическое общество.

Вследствие данного мне Обществом от 17 июня за № 91 поручения произвести исследование курганов, находящихся близ г. Владимира при с. Добром, честь имею донести, что г. Начальник губернии, получив 24 июня отношение Общества от 17 июня за № 90 о назначении меня для исполнения этого поручения, в тот же день командировал для снятия курганов на план классного¹⁵ топографа Благовестова, с которым я тотчас же отправился в с. Доброе. К 3-му числу июля план был уже изготовлен, и так как вольные рабочие-землекопы брали в день 90 [коп.] и никак не менее 80 коп. на каждого, имея в виду выгодные работы по линии железной дороги, поднявшие здесь цены вообще на рабочих, я обратился к Его Превосходительству г. Начальнику губернии и просил его содействия – нельзя ли взять рабочих из нижних чинов внутреннего гарнизонного батальона. Немедленно был сделан по его при-

¹⁴ Краткое упоминание о раскопках 1858 г. приведено в историографическом очерке Н. И. Веселовского (Веселовский, 1900. С. 210–211).

¹⁵ В журнале присутствия Владимирского губернского правления от 24 июня 1858 г. указано, что Благовестов был неклассным гражданским топографом (ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10816. Л. 5) (Прим. – П. Д.).

казанию запрос об этом в Штаб батальона, откуда и получен ответ, что нижние чины могут быть взяты совершенно на всем их содержании с платой по 70 коп. в день каждому. Цены эти были ниже прошенных вольными рабочими на 10 коп. на человека, а против справочных (95 коп.), истребованных г. Начальником губернии от Земского суда, на 25 коп.; не видя никакой возможности найти вольных рабочих за эту цену, кроме двоих отставных нижних чинов, я решился нанять рабочих 20 человек рядовых при 1-м унтер-офицере из гарнизонного батальона. Вечером 3 июля они пришли в с. Доброе, куда тогда же и я приехал и 4[-го] числа в 5[-ом] часу утра приступил к разрытию курганов. Всех курганов было 71; разрытие производилось 5 дней с 4[-го] по 9[-ое] число; 6-е число пришлось на воскресенье – рабочие согласились работать и в этот день, так как за праздник все деньги шли им собственно, а не в артель, и я был очень рад этому, потому что выигрывалось время для службы, да и работы до конца пошли без перерыва. При сем имею честь представить дневник, ведённый мной по производству работ при разрытии курганов. Счёт расходов, сделанных мной по сему предприятию, я буду иметь честь представить в Общество по доставлении г. губернатором удостоверения в правильности их, так как выданную мне приходо-расходную книгу я представил на ревизию к Его Превосходительству.

Село Доброе делится на новое, которое тянется по линии шоссе, и старое, расположенное на нагорной возвышенности над рекой Клязьмой. Это-то старое село граничит к востоку [с] оврагом, за которым находится урочище «Бабка-деревенька», где произведено разрытие курганов, а к западу – [с] оврагом же, за которым начинается высокой осыпью городище «Курмыши», которое показано на плане под лит. Б.; так как разрытие курганов окончено часу в 12[-ом] утра 8[-го] числа, то я решился перевести рабочих на ближние, так называемые малые Курмыши, где проведена была пробная канава в меньшей осыпи на 3 сажени в длину ее и на 3 аршина в глубину; по срытии на 1,5 аршина в глубину, на пол-аршина от края отрыт был представляемый у сего каменный наконечник стрелы, как будто трёхгранный, лежавший острием внутрь осыпи; рабочие единогласно называли эту находку «громовой стрелой». Ниже пошла глинистая земля, крепко утрамбованная до уровня высоты оврага. Вечером работы были совершенно окончены.

Внутри этого городка я не осмелился производить дальнейшие исследования, потому что он занимает большое пространство, потребовал бы большого числа рабочих, притом вся площадь его находилась под ржаным хлебом, тогда ещё не снятым, и, главное, потому что производство изысканий в нем не входило в состав возложенного на меня Обществом поручения.

Член-сотрудник Общества *К. Тихонравов*

Приложение 2

Полевой дневник раскопок курганов у с. Доброе

Примечание: Дневник раскопок К. Н. Тихонравова представляет собой семь сшитых между собой листов форматом 22 × 34 см (РО НА ИИМК РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 42. Л. 17–23). Текст написан К. Н. Тихонравовым от руки (автограф) черными чернилами. Первый лист (Л. 17) – обложка, на которой приведен только заголовок: «Дневник разрытия курганов при селе Добром близ Владимира», оборот пустой. Основной текст с дублирующимся подзаголовком начинается со следующего листа (Л. 18). Описание курганов оформлено в виде таблицы с четырьмя графами, три из которых имеют авторские названия, последняя графа – безымянная; ее название реконструировано. При публикации в заголовке таблицы указаны цифры, расшифровка которых приведена в примечании. Измерения окружности кургана и его глубины даны автором в аршинах (1 аршин = 0,71 м); в тех случаях, где указаны обыкновенные дроби (например, 1½, 2¾), для удобства публикации дроби переведены в вид десятичных. После таблицы с основной информацией рукой К. Н. Тихонравова сделаны два примечания, которые также публикуются. На последней странице дневника, ниже автографа, выделенного курсивом, стоит помета автора: «К № 28. 25 сентября 1858 г.». Орфография и пунктуация даны в соответствии с современными нормами русского языка; стилистика авторского текста сохранена.

Дневник разрытия курганов при селе Добром близ Владимира.

Курганы за селом Добрым, в урочище «Бабка-деревенька», называемые «Панами».

(План под лит[ерой] А).

1	2	3	4 ¹⁶
Пятница, июля 4			
1.	18	2,5	Могила. В ней остов мужской почти совершенно сгнивший, лицом на восток, руки сложены на груди; вещей при нём никаких не было.
2.	18	1,5	Могила. Остов мужской, лежащий лицом на юг с сложенными руками; вещей также при нём не было.
3.	25	2	Мужской остов в сгнившем сосновом гробе, сколоченном гвоздями, кои совершенно истлели так, что в четырёх местах у головы и ног видна была только ржавчина, остов лежал лицом к востоку с сложенными руками, на груди найдены три медные пуговицы (№ 1).
4.	17	2	Остов истлевший, лицом к востоку, прямо на грунте без гроба; при нём вещей никаких не было.
5.	19	2	Остов истлевший, лицом к востоку, прямо на грунте без гроба; при нём вещей никаких не было.

¹⁶ 1 – «№[№] курганов», 2 – «Окружность курганов», 3 – «Глубина от поверхности», 4 – [Описание].

6.	18	1,5	То же, только видны были признаки гроба.
7.	15	2	Совершенно истлевший остов на сыром глинистом грунте, так что только чёрный слой земли обозначал его.
8.	19	3	То же.
9.	20	2	То же.
10.	26	2	Мужской остов со сложенными руками, лицом на восток, положенный прямо на грунте без гроба; вещей при нём никаких не было.
11.	18	2,5	На глубине 1 аршина от поверхности найдены в стороне лежащий на боку глиняный сосуд (№ 2), а на показанной глубине посредине кургана женский остов, лежащий на грунте лицом к востоку, с боков его по сосновой доске; на голове у висков найдено с правой стороны 8 бронзовых колец и 1 серебряное (№ 3), а с левой – 6 бронзовых и 1 серебряное кольцо (№ 4) и в правом ухе серебряное витое кольцо (№ 5).
12.	17	2,5	Мужской остов лицом к востоку с сложенными руками к тазу, без гроба, в полулежащем положении (прил[ожен] череп № 1).
Суббота, 5 июля			
13.	18	2	Два истлевших остова – женский, лицом к востоку, и рядом с ним, разделенный только сосновой доской в 1,5 вершка толщины, остов младенца длиной в 1,5 аршина; вещей при них никаких не было.
14.	16	2,5	Совершенно истлевший остов, при нём ничего не найдено; лежал лицом к востоку.
15.	14	2	Остов, лежащий совершенно ничью ¹⁷ , мужской, без гроба, прямо на грунте, руки протянуты к тазу.
16.	20	2	Остов мужской, лежащий между двумя сосновыми досками, за которыми, как будто для поддержки их, вколочены с обеих сторон против плеч остова по березовому колу, положение остова полулежащее, голова склонена на правую сторону.
17.	15	1,75	Остов мужской лицом к югу на правом боку, а голова повернута на левую сторону.
18.	17	2	Под верхним слоем в стороне кургана под небольшим камнем найден черепок красной глины (№ 6) и на дне его мелкий уголь, а на показанной глубине мужской остов с протянутыми руками, лицом к востоку, в полулежащем положении.
19.	15,5	1,75	Совершенно истлевший остов; у головы найдено четыре медных сломанных колечка (№ 7).
20.	17	1,5	Такой же остов, у шеи найдена медная пуговица (№ 8).
21.	16,5	2	На втором слое в стороне кургана найден отломок сосуда чёрной глины (№ 9), а на показанной глубине на грунте сгнивший остов, лежащий на середине кургана без гроба, лицом к востоку.

¹⁷ Вероятно, имеется в виду «ничком» (Прим. – П. Д.).

**К вопросу об археологических изысканиях К. Н. Тихонравова
у с. Доброе Владимирской губернии в 1858 г.**

22.	20	2	Остов женский, почти совершенно сгнивший, в правом ухе найдено бронзовое колечко (№ 10); руки протянуты.
23.	16	1,5	Сгнивший остов до того, что на глинистом грунте только чёрная полоса земли обозначала положение его.
24.	19	2	Остов мужской в полулежащем положении с протянутыми руками лицом на юг – по сторонам сосновые доски сгнившие.
25.	15	1,5	Мужской остов, лежащий боком на левую сторону, лицом к востоку, руки протянуты к тазу; по вынутии черепа (№ 2) найден под ним ещё развалившийся череп, но костей более никаких не было.
26.	20	1,75	Мужской остов лицом к востоку с сложенными на груди руками, лежащий на грунте без гроба.
Воскресенье, 6 июля			
27.	15	2	По снятию дёрна на втором слое найден глиняный сосуд с ушками (№ 11), лежащий боком в стороне кургана, а на показанной глубине посреди кургана – совершенно сгнивший остов на сыром глинистом грунте без всяких признаков гроба.
28.	18	2	Остов женский в гробу, лежащий лицом к востоку с протянутыми руками, у него на голове найдены за правым ухом 9 бронзовых колец (№ 12), из них три одно с другим соединенные, а за левым – 7 таких же колец (№ 13) и на шее, под истлевшей совершенно какой-то материей, небольшой кусочек березта (№ 14).
29.	17	2,5	Сгнивший остов, при нём ничего не найдено.
30.	15	1,5	То же.
31.	19	2	То же.
32.	17	2,5	Остов женский, у него на шее на березте найдена шёлковая лента (№ 15).
33.	16	2	Женский остов и рядом с ним с правой стороны остов младенца длиной в 1,25 аршина; при них вещей никаких не было.
34.	19	2	Женский остов, у него в косе найдено 13 бронзовых колец (№ 16) на шёлковой тесьме (№ 17) и в правом ухе сломанное большое бронзовое же кольцо (№ 18); руки протянуты.
35.	15	1,5	Мужской остов лицом к востоку в полусидячем положении, одна рука на груди, а другая потянута; по сторонам заметны остатки сгнивших ¹⁸ досок.
36.	15	1,75	Остов младенца длиной 1,25 аршина, у него с правой стороны сгнившего черепа (только один зуб сохранился при сем препровожаемый) найдено 8 бронзовых и два серебряных кольца (№ 19), от него с правой стороны мужской остов; при нём вещей никаких не было.
37.	18	2	Сгнивший совершенно остов.
38.	12	2	То же.

¹⁸ Слово вписано черными чернилами над строкой (Прим. – П. Д.).

39.	19	2	Женский остов; у правого виска найдено 5 бронзовых колец (№ 20), на шее куски золотого позумента (№ 21) и оловянная пуговица (№ 22), у правой протянутой руки стальная пластинка вроде щипцов (№ 23).
40.	16	1,75	Мужской остов, лежащий на сыром глинистом грунте без гроба; голова склонена на правую сторону, руки протянуты; вещей при нём никаких не было.
41.	18	2	Женский остов в гробу совершенно истлевшем, на висках в волосах найдено на правой стороне 9 бронзовых колец (№ 24), а на левой – семь, из них одно сломанное (№ 25); у правой протянутой руки железный пробой (№ 26) и тут же небольшие куски сгнившего дерева.
Понедельник, 7 июля			
42.	24	2,5	Женский остов, лежащий между двумя сосновыми досками на грунте, лицом на восток, правая рука лежит под самым тазом, закинута на спину, а левая сверху на тазе; у головы на правом виске найдено нанизанных на кожу 9 бронзовых колец (№ 27), а на левом в волосах – 7 таких же колец (№ 28), в правом ухе серебряное кольцо (№ 29), на шее на березте почерневший позумент (№ 30), кусочек материи шёлковой на дереве (№ 31) и четыре медных пуговицы (№ 32).
43.	17	1,5	Совершенно истлевшие остовы, так что на сыром глинистом грунте только полоса чёрной земли обозначала положение их, и по сгнившим костям черепов можно было заметить, что все они лежали лицом к востоку ¹⁹ .
44.	19	2	
45.	16,5	1,75	
46.	14	1,5	
47.	21	2	Сгнивший остов, у него на шее найдены остатки березта, шёлковой материи с пришитой пуговкой медной и 1 пуговка медная же позолоченная (№ 33).
48.	17	2,5	Мужской остов, лежащий на грунте на левом боку с согнутыми ногами под корнями соснового дерева, срубленного лет 20 тому назад.
49.	18	1,75	Женский остов; с правой стороны почти совсем сгнившего черепа найдено 10 бронзовых колец, одно из них сломанное (№ 34).
50.	15	2	Мужские остовы, лежащие на грунте лицом к востоку со сложенными руками; на каждом из этих курганов были пни сосновых деревьев.
51.	13	1,5	
52.	18	2	
53.	18	2,5	
54.	14	1,75	
55.	19	2,25	

¹⁹ В тексте К. Н. Тихонравова описание курганов №№ 43–46, 50–55, 57–59, 63–67, 69–70 объединено круглой скобкой (Прим. – П. Д.).

**К вопросу об археологических изысканиях К. Н. Тихонравова
у с. Доброе Владимирской губернии в 1858 г.**

56.	22	2,5	Женский остов в гробу, у правого виска в волосах найдено 7 бронзовых колец (№ 35), на шее на березте широкий узорчатый позумент, почерневший от времени, лежавший наискось от правой руки к левой (№ 36), и пониже два узких позумента с пришитыми к ним медными пуговками (№ 37).
57.	15	1,5	Совершенно истлевшие остоны.
58.	19	2	
59.	17	2	
60.	14	1,5	Сгнивший маленький остов длиной 1,75 аршина между двумя сосновыми сгнившими досками, положенный прямо на грунте лицом к востоку.
61.	21	2	Три остоны; двое рядом, разделенные сосновой доской, лицом к востоку, а третий – под лежавшим с правой стороны, лицом на юг, с протянутыми руками, вещей при них никаких не было.
Вторник, 8 июля			
62.	30	2,75	Женский остов без гроба, прямо на грунте; правая рука приложена к груди, а левая протянута; у головы с правой стороны найдено два бронзовых кольца (№ 38).
63.	15	1,5	Мужские остоны почти в сидячем положении, в первых 3 курганах со склоненной головой на правую сторону, а в остальных двух – на левую; каждый лежал между двух досок на грунте с протянутыми руками; вещей при них не было.
64.	17	1,5	
65.	16	1,25	
66.	14	1,25	
67.	19	2	
68.	16,5	1,75	Женский остов, под головой куски дерева и листья, в правом виске 7 бронзовых колец, сделанных цепью, и одно сломанное (№ 40), и в правом ухе сломанное же гладкое бронзовое позолоченное кольцо (№ 41).
69.	15	1,5	Совершенно истлевшие остоны.
70.	18	1,5	
71.	13	1	Полуразрытый – на показанной глубине найдены кости в беспорядке.

Прим[ечания.]

1. Так как план курганов ко времени разрытия их был уже изготовлен, то я отмечал на нём красными чернилами номера курганов по мере их разрытия, – в том самом порядке они значатся и в дневнике.

2. Черепа представляются лучшие, более прочих сохранившиеся; к сожалению, я никак не мог взять черепов тех остонов, на коих найдены вещи, по совершенной гнилости их.

Член-сотрудник *К. Тихонраов*

Литература

- Веселовский Н. И.*, 1900. История Императорского Русского Археологического Общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846–1896. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов. 516 с.
- Галкин Т. О.*, 2012. К вопросу о локализации курганных групп у сел Доброе и Красное: опыт применения БД и ГИС // Уваровские чтения – VIII. Древнерусские города: истории и судьбы: материалы Всерос. науч. конф. (Муром, 26–28 апреля 2011 г.). Владимир: VITPRINT. С. 63–67.
- Гольшиев И. А.*, 1887. Константин Никитич Тихонравов, секретарь Владимирского губернского статистического комитета, редактор Владимирских губернских ведомостей, член ученых обществ... родился 1822 г., скончался 1879 г. Владимир: Тип. Губ. правл. [Электронный ресурс] / URL: <https://vlarhiv.ru/view/exhibitions/Tikhonravov/part1.html> (дата обращения: 01.05.2024).
- Доброхотов В. И.*, 1852а. О вновь открытых курганах // ВЕВ. № 21 (24 мая). Часть неофициальная. С. 148–149.
- Доброхотов В. И.*, 1852б. О связи города Владимира с Боголюбовым в древности // Древний Боголюбов: город и монастырь с его окрестностями. М.: Унив. тип. С. 96–104 (прил. III).
- Дрёмова П. С.*, 2024. Раскопки курганного могильника у с. Доброе Владимирской губернии по архивным данным // Актуальная археология 7: материалы Междунар. науч. конф. молодых ученых. (Санкт-Петербург, 1–4 апреля 2024 г.). СПб.: ИИМК РАН. С. 388–390.
- Жебелёв С. А.*, 2017. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921: Исторический очерк. Приложение: Биобиблиографический словарь членов ИРАО (1846–1924). М.: Индрик. 670 с.
- Зимина М. Т., Красков Ю. А., Леонтьев А. Е., Михайлова Л. А., Самойлович Н. Г., Седова М. В.*, 1995. Археологическая карта России. Владимирская область. М.: ИА РАН, 1995. 384 с.
- Константин Никитич Тихонравов – «ВЛАДИМИРСКИЙ НЕСТОР»: К 200-летию со дня рождения [Электронный ресурс]. URL: <https://vlarhiv.ru/view/exhibitions/Tikhonravov/part1.html> (дата обращения: 01.05.2024.)
- Лашин В. А.*, 1991. О методике раскопок Владимирских курганов // Уваровские чтения: тез. докл. Первой науч. конф. (Муром, 1990 г.). Муром: Муромский ист.-худож. музей. С. 7–9.
- Летопись Общества: общие собрания: заседание 11 января 1859 г. // Известия ИАО. 1861а. Т. 2. Вып. 1. С. 32–42.
- Летопись Общества: собрания отделения Русской и славянской археологии: заседание 26 ноября 1860 г. // Известия ИАО. 1861б. Т. 2. Вып. 5–6. С. 376–393.
- Макаров Н. А.*, 2015. А. С. Уваров и начало археологического изучения Северо-Восточной Руси // АВСЗ. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 3–13.
- Макаров Н. А., Красникова А. М., Ерохин С. А.*, 2021а. Первые результаты новых исследований могильника Гнездилово под Суздалем // КСИА. Вып. 264. С. 7–29.
- Макаров Н. А., Красникова А. М., Узулава Н. Д.*, 2021б. Первые результаты раскопок могильника Гнездилово под Суздалем // АВСЗ. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 7–20.
- Материалы для биографии К. Н. Тихонравова: письма к нему разных лиц: с портр. К. Н. Тихонравова / Под ред. А. В. Смирнова. Владимир: Типо-литогр. Губ. Правл., 1900. 408 с.
- Прозоровский Д. И.*, 1869. Описание предметов, хранящихся в Музее Русского археологического общества. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1869. XX, 149 с., 8 л. ил.

- Рябинин Е. А.*, 1979. Владимирские курганы (опыт источниковедческого изучения материалов раскопок 1853 г.) // СА. № 1. С. 228–244.
- Спицын А. А.*, 1905. Владимирские курганы // ИАК. Вып. 15. С. 84–172.
- Спицын А. А.*, 1908. Краткий каталог Музея Имп. Русского археологического общества. СПб. 52 с.
- Тихонравов К. Н.*, 1854. Курмыши (курганы около с. Доброе) // ВЕВ. № 13 (27 марта). Часть неофициальная. С. 96.
- Тихонравов К. Н.*, 1855. Городища во Владимирской губернии: Материалы для истории и археологии // ВЕВ. № 19 (7 мая). Часть неофициальная. С. 149–152.
- Тихонравов К. Н.*, 1857. Владимирский сборник: материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. М.: Унив. тип. 203 с.
- Тихонравов К. Н.*, 1864. Археологические изыскания во Владимирской губернии // Труды ВГСК. Вып. II. Владимир: Тип. Губ. Правл. С. 113–150.
- Тихонравов К. Н.*, 1867а. Исследования курганов близ Вознесенского посада Шуйского уезда // Труды ВГСК. Вып. VI. Владимир: Тип. Губ. Правл. С. 133–139.
- Тихонравов К. Н.*, 1867б. Висильковские курганы в Суздальском уезде // Труды ВГСК. Вып. VII. Владимир: Тип. Губ. Правл. С. 139–147.

Архивные материалы

- ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10816. По отношению Императорского Русского Археологического Общества о поручении коллежскому асессору Тихонравову производства исследований курганов, находившихся близ село Доброго. 1858 г. 18 л.
- ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8464. О командировании графа Уварова министром внутренних дел во Владимирской губернии для выявления в местных архивах древних актов и документов. 75 л.
- РО НА ИИМК РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 392. Протоколы заседаний Императорского Археологического Общества за 1851–1858 гг. 164 л.
- РО НА ИИМК РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 42. Исследование курганов, находящихся бл. с. Доброго в 5 верстах от губернского города Владимира, произведенное чл.-сотр. [К. Н.] Тихонравовым. 38 л.

Сведения об авторе

Дрёмова Полина Сергеевна, Институт истории материальной культуры РАН;
e-mail: pdremova8@gmail

P. S. Dryomova

**ON ARCHAEOLOGICAL RESEARCH BY K. N. TIKHONRAVOV
AT THE VILLAGE OF DOBROYE IN THE VLADIMIR GOVERNORATE IN 1858**

Summary. The paper deals with an overview of pre-revolutionary archaeological works carried out on behalf of the Imperial Archaeological Society by fellow member K. N. Tikhonravov. Excavations were carried out in 1858 near the village of Dobroye, Vladimir governorate (now it is the territory of the Frunzensky district of Vladimir). In the course of the work, firstly, the burial mound of medieval times was investigated, and, secondly, archaeological exploration was carried out at the nearby Kurmyshi settlement. As a result, such documents as an instrumental plan of the burial mound and the settlement, a field diary with daily notes on the excavations, a report letter on the archaeological works were created. All the documents were sent to the Imperial Archaeological Society. They are still kept in the archive fund. These materials were not published. At the same time, their value is great, because the burial mound no longer exists, and its location is difficult to establish. These documents can help in locating the lost archaeological site. The purpose of this paper is to introduce field and reporting materials into scientific circulation.

Keywords: medieval burial ground, inhumation, Vladimir-Suzdal land, Dobroye village of Vladimir governorate, K. N. Tikhonravov, 1858, Imperial Archaeological Society, publication of sources, Scientific Archive of the IHMC RAS.

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ

В. Ю. Коваль

СТЕНА ОКОЛЬНОГО ГОРОДА СУЗДАЛЯ¹

Резюме. Вал окольного города Суздаля изучался раскопками только один раз – в 1977–1978 гг. М. В. Седовой. При этом во второй раз в российской археологии раскопки тут проводились по пластам толщиной 20 см, на которые составлялись отдельные планы. М. В. Седова полагала, что изучает насыпной вал с «внутривальным каркасом», однако сегодня уже очевидно, что ею исследованы руины древо-земляной стены 2-й половины XII в. Эта стена состояла из установленных рядом друг с другом двойных бревенчатых срубов размерами 8,5 × 4,2 м, заполненных землей. Таким образом, толщина стены составляла 8–9 м, а высота не менее 5 м. К сожалению, раскоп был заложен по диагонали к оси стены, поэтому не все размерные показатели установлены с достаточной степенью точности. Для выяснения оставшихся вопросов потребуется новое изучение суздальской стены на значительной площади.

Ключевые слова: ров, вал, древо-земляные стены, укрепления, средневековая Русь, археология, город, городище.

Укрепления окольного города² Суздаля сохранились крайне плохо. В свое время они охватывали территорию площадью около 35 га (Седова, 1997. С. 60), но их протяженность никогда не измерялась, а исчезновение следов этих укреплений на нескольких участках – прежде всего в северо-западной части острога – оставляет вопрос об этой протяженности открытым. Кроме того, нет сведений о том, как именно оборонительная линия окольного города сопрягалась со стеной и рвом детинца. М. В. Седова считала, что вал и ров с обоих концов просто упирался в обрыв р. Каменки, однако составленный ею реконструктивный план города (Там же. Рис. 1), где вал окольного города вовсе не упирается в обрывы, а заворачивает ко рву детинца, позволяет думать, что возможны были разные варианты и что укрепления острога вполне могли быть состыкованы с оборонительной линией детинца.

Если исходить из упомянутой схемы окольного города, предложенной М. В. Седовой (рис. 1), то длина вала и рва окольного города могла достигать приблизи-

¹ Исследование выполнено в рамках госзадания ИА РАН по теме «Города в культурном пространстве Северной Евразии в Средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

² Окольный город Суздаля нередко называют «острогом», однако это термин XVII–XVIII вв., поэтому в данной работе, посвященной ранним оборонительным сооружениям, он не используется.

Рис. 1. Окольный город Суздаля на космическом фото. *A* – трасса вала окольного города, по М. В. Седовой; *B* – место раскопа А. Д. Варганова на ул. Теремки; *B* – место раскопа М. В. Седовой 1977–1978 гг.

тельно 2 км. По измерениям М. В. Седовой, этот вал имел высоту от 3 до 5,5 м, ширину от 10 до 19 м, а ров перед ним – ширину 16–18 м при глубине 6–8 м (Седова, 1997. С. 57). Вдоль восточной стороны окольного города в древности протекала ныне пересохшая речка Гремячка, впадавшая в р. Каменку.

Археологическое изучение вала окольного города было начато в 1940 г. А. Д. Варгановым, заложившим небольшую траншею на ул. Теремки в 75 м к северо-западу от угла здания Торговых рядов (рис. 1). Траншея не была сплошной, а разделялась фактически на 3 шурфа, расстояние между которым составляло 4 и 10 м

(Варганов, 1940. Л. 20)³. Документация этих раскопок не позволяет делать никаких выводов, кроме того, что в траншею попала часть вала: это видно по тому, что практически сразу под дерном в шурфе, расположенном по центру «траншеи», пошла желтая глина, справедливо расцененная как грунт вала (Там же. Л. 7). Тогда же в восточной части вала (на территории лесного склада Райлесхоза)⁴ были заложены еще 2 шурфа у его подножий и узкая траншея (4 × 1 м) на вершине гребня, к которой были прирезаны затем еще 4 кв. м. Здесь, на глубине 10–20 см от дневной поверхности, было выявлено не менее 11 темных круглых «пятен» диаметром преимущественно 7–10 см, размещавшихся «в ряд»; наряду с ними отмечены также 2–3 пятна диаметром 15–20 см, расцененных как «следы бревен» (Там же. Л. 12). М. В. Седова предположила, что это был ряд из кольев частокола (Седова, 1997. С. 57), хотя диаметр пятен указывает скорее на следы плетня. Для частокола следовало бы ожидать не отдельные «пятна», а канаву. Но в любом случае подобные конструкции на гребне уже сильно поврежденного временем вала не могли претендовать на глубокую древность – скорее всего, здесь были встречены следы оград, возникших в Новое или даже Новейшее время, когда поверхность вала активно использовалась населением Суздаля для самых различных нужд. Таким образом, работы А. Д. Варганова не дали какой-либо полезной информации ни о конструкции вала, но о рве перед ним.

Единственный раз вал окольного города был прорезан раскопом М. В. Седовой в 1977–1978 гг. Раскоп был заложен на разрушенном участке этого вала близ стыка ул. Нетёки и переулка Дунаева. Однако с размещением этого раскопа полной ясности нет. Прежде всего в отчете отсутствует ситуационный план, на котором раскоп был бы показан на местности. Если исходить из сводного плана раскопов в Суздале, опубликованного М. В. Седовой (Там же. Рис. 1), то раскоп был сориентирован по линии северо-восток – юго-запад и размещался восточнее переулка Дунаева. Однако в отчете о раскопках и монографии написано, что траншея была заложена по линии северо-северо-запад – востоко-юго-восток, т. е. практически перпендикулярно тому, как она показана на сводном плане. Поскольку восточнее переулка Дунаева вал сохранился чрезвычайно плохо, а к западу от него – гораздо лучше, можно думать, что именно здесь он и был размещен. Такое предположение подкрепляет и фото из отчета М. В. Седовой, где на снимке вдоль линии траншеи (съемка с юго-востока) видна вода во рву перед валом (Седова, 1978. Рис. 17), а единственный обводненный участок рва размещается именно к западу от переулка Дунаева (рис. 2). Это позволяет довольно точно разместить раскоп 1977–1978 гг. на плане города (рис. 1).

Получается, что при разбивке этой траншеи она была сориентирована не перпендикулярно оси вала (как этого следовало бы ожидать), а по диагонали к ней, что, конечно, заметно затрудняет осмысление полученных результатов и проведение расчетов длины и ширины конструкций, видимых в юго-западном профиле этой траншеи (рис. 3). Вероятно, такое необычное размещение траншеи диктовалось теми повреждениями, которые имел вал на выбранном участке, и стремлением минимизировать расход сил и средств для прорезки, ведь, если бы траншея была заложена строго

³ Пользуюсь случаем поблагодарить О. В. Григорьеву (ИИМК) за помощь в поиске этих материалов в Архиве ИИМК РАН.

⁴ Местоположение этих шурфов указано на плане М. В. Седовой (Седова, 1997. Рис. 1), но в контексте данного исследования оно не существенно, поскольку никаких результатов они не дали (см. ниже).

Рис. 2. Фото раскопа 1978 г. на уровне нижних пластов с деревянными конструкциями (вид с юго-востока) (Седова, 1978. Рис. 17а)

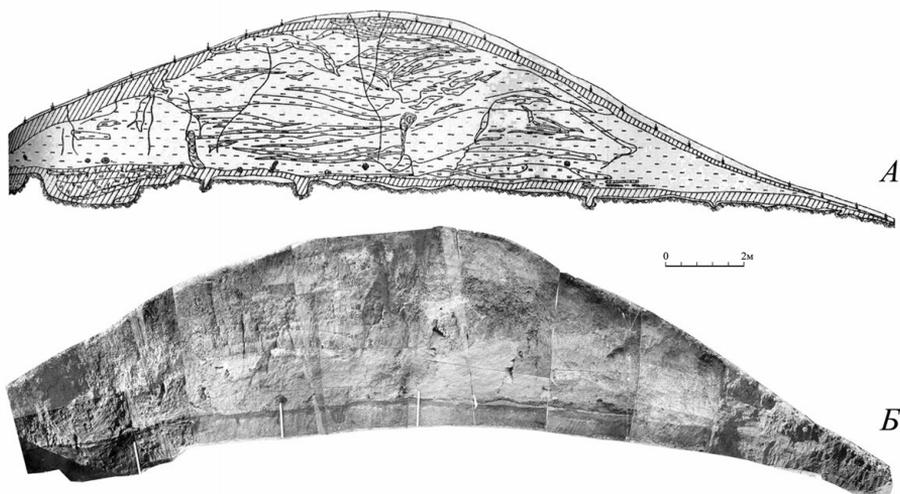

Рис. 3. Юго-западный профиль траншеи 1977–1978 гг. *А* – чертеж (Седова, 1978; 1997. Рис. 8); *Б* – фото (Седова, 1978. Рис. 20). В качестве масштаба использована рейка длиной 1 м

перпендикулярно валу, пришлось бы работать с гораздо большим объемом грунта. Высота вала в месте прорезки составляла около 4,5 м, ширину вала М. В. Седова указала в размере 19 м.

Траншея 1977–1978 гг. стала вторым в российской археологии опытом фиксации пластовых планов на подобном раскопе (первым стал раскоп-траншея Д. А. Авдусина на валу Гнездовского городища, пройденный в 1953 г.). До этого подобной практики не существовало. П. А. Раппопорт при прорезке валов планы снимал на локальных участках траншеи и лишь в случаях обнаружения хорошо сохранившейся древесины. Начиная с 1974 г. при раскопках Змиевых валов в Поднепровье М. П. Кучера прорезал их траншеей шириной 1 м, а в случае обнаружения остатков дерева любой степени сохранности закладывал раскоп по сторонам траншеи, в котором зачистки и фиксация проводились на уровнях с шагом произвольной глубины либо по «горизонтам», т. е. по тем уровням, которые определялись интуитивно в ходе раскопок. Поэтому именно раскопки суздальского вала 1977 г. стали первым случаем применения стандартной пластовой методики раскопок, использующейся при исследованиях городского культурного слоя. М. В. Седова работала пластинами толщиной 20 см, после снятия каждого пласта проводилась горизонтальная зачистка по всей его площади. Но фиксация осуществлялась с интервалом в 40 см в средней части вала и 20 см – в нижней (в интервале отметок от -340 до -500 см), что при такой высоте вала вполне разумно. Всего было снято 13 таких планов, что совершенно беспрецедентно для того времени. Эти планы позволяют составить некоторое представление о том, какие конструкции выявлялись в ходе раскопок (рис. 4).

Но имелись у проведенной работы и некоторые недостатки. Во-первых, профиль вала не был поделен на квадраты, и поэтому состыковать планы с профилем оказалось проблематично как руководителю раскопок, так и пользователям отчета. Тем

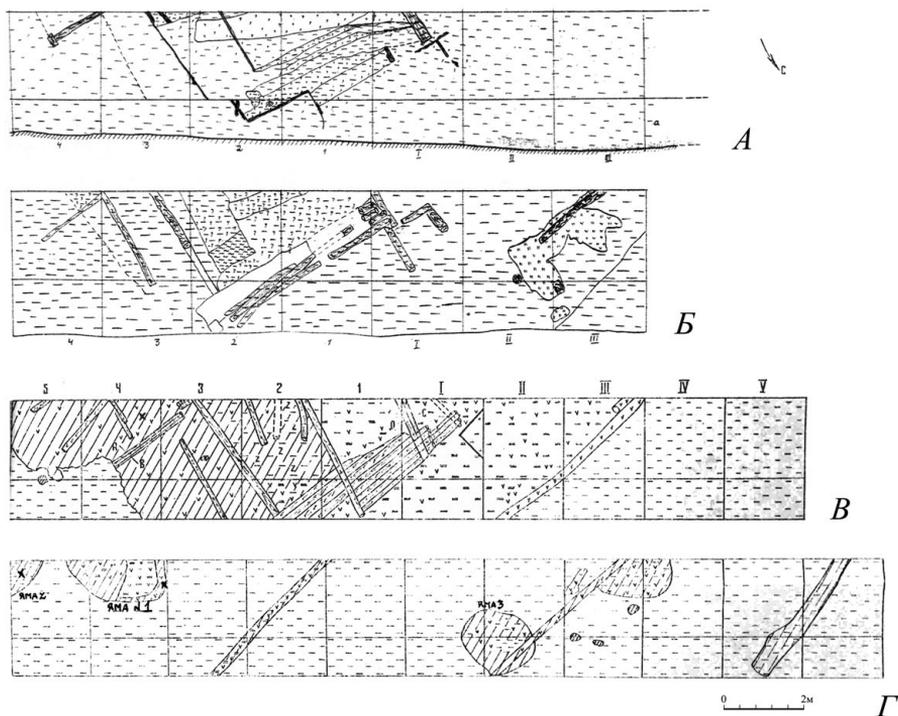

Рис. 4. Чертежи пластов траншеи 1977–1978 гг. (Седова, 1977; 1978). А – пласт 15 (уровень -300 см); Б – пласт 20 (уровень -400 см); В – пласт 22 (уровень -440 см); Г – пласт 24 (уровень -480 см)

не менее такое сопоставление было проведено самой Марией Владимировной в виде опубликованной аксонометрии раскопа (Седова, 1997. Рис. 86). Во-вторых, сопоставление профиля траншеи и пластовых планов показывает, что на разных чертежах применялись разные условные обозначения: например, на профиле зола была обозначена волнистой линией, а на некоторых планах – сдвоенными «запяттыми». Не вполне соответствуют планы и описания пластов в тексте отчета. Так, в описании говорится о «полосах» на фоне снимавшегося материка, тогда как на профиле отчетливо видно, что речь шла о канавках, врезанных в материк, но сами эти канавки в отчете не описаны (глубина, сечение, уклон стенок, рельеф дна)⁵. Не самой удачной идеей было, наверное, оставлять на «попах»⁶ остатки древесного тлена, поскольку утрачивалась возможность проследить количество венцов срубов, однако понятно, для чего это делалось – для большей рельефности при фотофиксации. Жаль также, что не удалось сделать цветное фото разреза вала, поскольку черно-белое фото разреза

⁵ Этот недостаток был ликвидирован описанием размерных показателей в монографии М. В. Седовой.

⁶ Специфический археологический термин. «Поп» – это грунт, не разобранный под каким-то предметом.

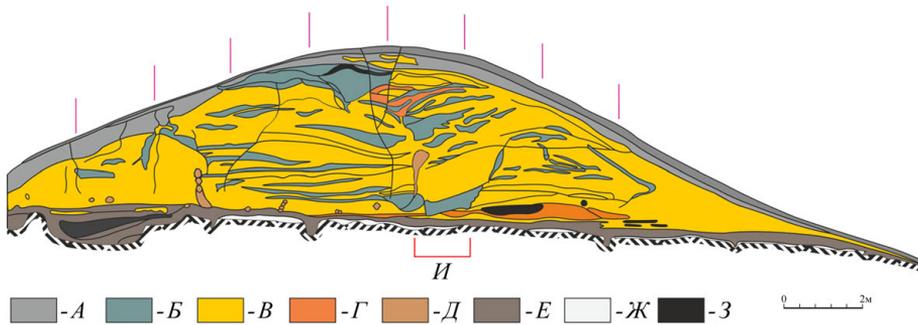

Рис. 5. Чертеж юго-западного профиля траншеи 1977–1978 гг. с выделением основных слоев и конструкций. *А* – дерн и «культурный слой» на поверхности вала; *Б* – глина с включениями «золе»; *В* – желтая глина; *Г* – прокаленная до красноты глина; *Д* – древесина и древесный тлен; *Е* – культурный слой серого цвета с различными включениями, залегавший под валом; *Ж* – погребенная почва (серый суглинок); *З* – древесный уголь и глина с углями; *И* – место, отмечающее расстояние между соседними городнями

(тем более, составленное из множества отдельных фотографий небольших участков) оказалось совершенно неинформативным (рис. 3: *Б*). Для того чтобы сделать профиль и планы более понятными и близкими к их реальному виду, была предпринята попытка дать «расцветку» основным прослойкам грунтов, зафиксированных на планах и в профиле (рис. 5; 6). И хотя такая «расцветка» является очень условной и сама не лишена ряда недостатков, она все же наглядно показывает, где и в какой ситуации залегали эти грунты.

Гораздо больше неточностей обнаружилось в текстовой части отчета, где указано, что тут преобладала «желтая плотная глина» (вероятно, все же суглинок?). Неясно, что подразумевалось под прослойками золистого грунта и «глины с золой»: нельзя исключать того, что так были «зашифрованы» в том числе и подзолистые грунты древней почвы, которые могли использоваться наряду с материковым суглинком. Однако если объем «золистых грунтов» на профиле траншеи очень велик, то на пластовых планах эти грунты показаны в виде редких пятен небольшой площади. В чем причина такого расхождения, неясно. Использование одинаковых условных обозначений для отражения разных субстанций позволяет также допускать, что часть прослоек, обозначенных в легенде к профилю как «золистые», в действительности могли отражать присутствие древесного тлена.

Начиная с отметки 240 см от вершины вала, в траншее был встречен древесный тлен от полностью сгнивших срубов (рис. 4: *А*; 6: *А*), которые, как считала М. В. Седова, имели высоту всего в 1 венец и располагались в 3 ряда (Седова, 1997. С. 58). При этом число рядов никак не обосновано (по чертежам оно не самоочевидно), а замечание о срубах высотой в 1 венец и их заполнении обожженной глиной вызывает недоумение – на профиле траншеи хорошо видно размещение срубов, состоявших из многих венцов, а прослойки обожженной глины обозначены лишь в самой верхней части вала (там, где деревянных конструкций зафиксировать не удалось, да и сами зачистки пластов еще не проводились) и под этими конструкциями, фактиче-

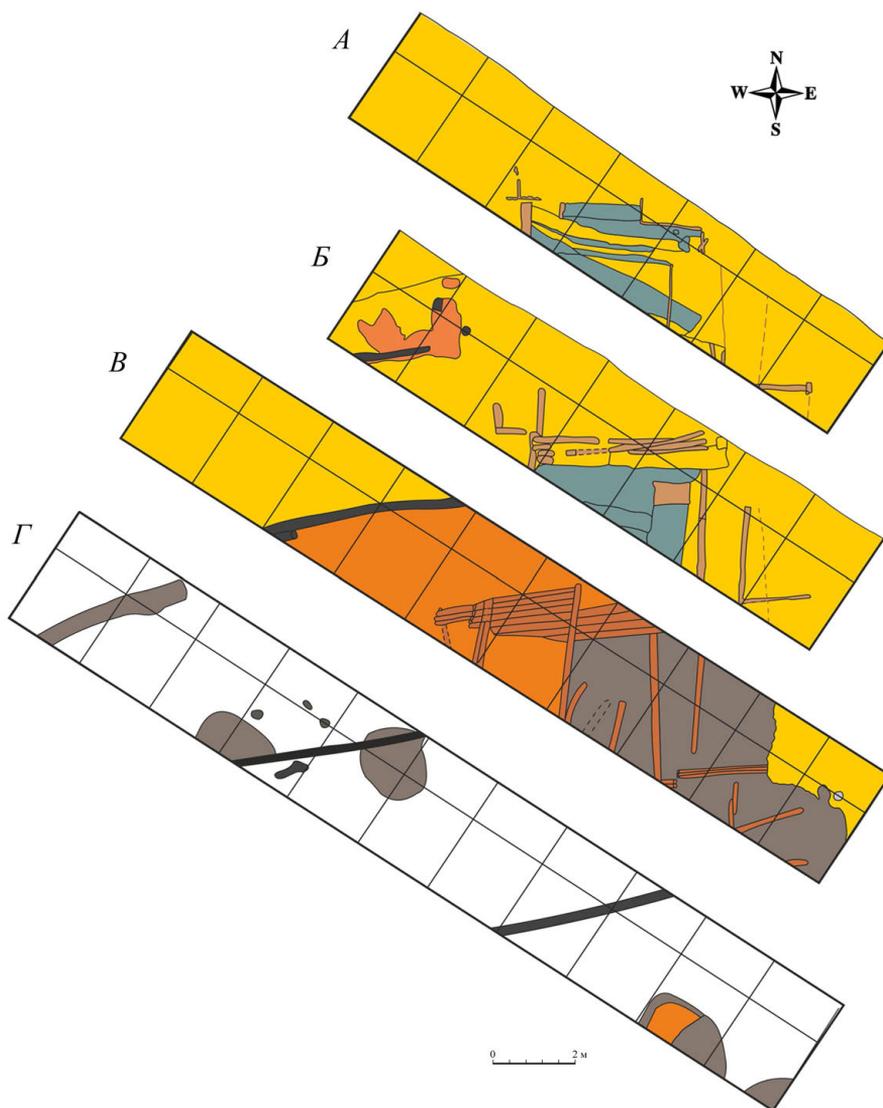

Рис. 6. Чертежи пластов траншей 1977–1978 гг. (см. рис. 3), ориентированные на север, с расцветкой основных грунтов и сооружений. Условные обозначения см. на рис. 5. *А* – план на уровне -300 см (пласт 15); *Б* – план на уровне -400 см (пласт 20); *В* – план на уровне -440 см (пласт 22); *Г* – план на уровне -480 см (пласт 24)

ски на материке (см. ниже). Что тут имела в виду М. В. Седова, совершенно непонятно. Возможно, речь шла о каких-то разрушенных конструкциях в верхней и средней части профиля, которые воспринимались в ходе работ как не связанные с нижележащими. Мария Владимировна посчитала также, что все эти срубы не составляли еди-

ной конструкции, а были сдвинуты относительно друг друга. На пластовых планах действительно заметны небольшие сдвиги, но они, возможно, объясняются незначительными ошибками при фиксации из-за отсутствия сетки квадратов на профиле. Нет оснований сомневаться в том, что при раскопках были обнаружены именно срубные конструкции, тем более что М. В. Седова назвала размеры бревен срубов (диаметром 15–20 см) и способ рубки «в обло» (правда, без указания размеров «выпусков» бревен и местоположения на бревнах чашек вырубов). Очевидно, сохранность бревен была не столь хорошей, чтобы делать такие определения. Кроме того, попытки сохранять бревна на «попах» (рис. 2) неизбежно приводили к их ускоренному разрушению и утрате даже тех деталей, которые изначально у них могли все-таки сохраняться. Правда, диагональное размещение траншеи по отношению к оси вала сыграло свою злую шутку и привело к путанице в ориентировке: так, в книге называется южный угол некоего сруба, но ни один южный угол в траншею не попал – все они уходили в ее борт, зато имеются северо-западный и северо-восточный углы (см. рис. 6: В). Вероятно, имелся в виду один из этих углов.

Загадочным элементом является деревянное мощение (или настил?), зафиксированное непосредственно под деревянными срубами (рис. 3: В; 6: В), причем лаги этого мощения в целом совпадали с трассировкой вышележавших срубов. Мощение имело размеры 5,6 × 1,2 м и состояло из круглых бревен диаметром около 20 см, уложенных по линии запад – восток. Перпендикулярные им лаги обнаружены как под настилом, так и над ним, они имели аналогичный размер и уходили на юг (в борт траншеи), т. е. мощение тут сохранилось не полностью, первоначально оно было более обширным. Настил был уложен непосредственно поверх прослойки обожженной глины, происхождение которой также непонятно. Согласно публикации М. В. Седовой, эта прослойка имела толщину 10–20 см и являлась результатом некой «подготовки площадки» путем прокаливании поверхности земли перед возведением вала (Седова, 1997. С. 58). В чем именно смысл такой подготовки, не разъяснялось. Прослойка обожженной глины показана на профиле и планах, но не под всем валом, а лишь в подошве северной его части, причем толщина этого массива превышает тут 40 см, тогда как под центральную часть вала заходит только тонкая прослойка подобного грунта, а в южной его части прокаленный грунт вообще отсутствует (рис. 5; 6: В). Поэтому тезис о специальном прокаливании поверхности земли перед строительством имеющейся документацией не подтверждается: если бы такое прокалывание проводилось, то оно распространялось бы на всю площадь будущего строительства. Кроме того, неясно, как вообще мог сформироваться такой провал: если бы он возник *in situ*, то надо было бы ожидать уменьшения прокаленности грунта сверху вниз и наличия хотя бы каких-то следов древесного угля, оставшегося после сжигания огромного количества древесины, необходимой для прокалывания глины на глубину до 40 см. Видимо, прокаленная глина была принесена со стороны, а не формировалась прямо на том месте, где ее зафиксировали в раскопе. Возможно, тут была разровнена глинобитная печь, стоявшая в полностью разобранный наземной постройке.

Судя по профилю, этот массив прокаленной глины залегал над уже отложившимся культурным слоем, причем в северной части вала он отделялся от этого слоя тонкой (не более 20 см) прослойкой глины, характер которой не описан и потому

не вполне ясен (судя по всему, это сырая глина). Описания пластов раскопа тут не могут помочь, поскольку они проводились формально – по отдельным пятнам, заметным на уровне зачистки пласта, но связь этих «пятен» в соседних пластах не отслеживалась. Пятна грунта на зачистке просто перечислялись, причем цвет их указывался в зависимости от степени влажности грунта и, вероятно, ситуационного освещения. При таком подходе установить, где в действительности залегала каждая прослойка и как она коррелировала с профилем, проблематично.

Под отложениями культурного слоя и массивом обожженной глины были обнаружены врезанные в погребенную почву и материк ямы (рис. 4: Г; 6: Г), одна из которых (подпольная, поперечником около 2,5 м, в юго-восточной части траншеи) была названа «жилищем» (в отчете – полуземлянкой), датированным по материалу из заполнения (стеклянная бусина, шиферные пряслица, нож, пряжка при полном отсутствии стеклянных браслетов) 1-й половиной XII в. Отсюда был сделан вывод, что оборонительное сооружение появилось на месте жилой застройки в середине XII в., т. е. во время правления Юрия Владимировича Долгорукого (Седова, 1997. С. 59). Хотя аргументы в пользу такой датировки нельзя назвать надежными, сама она каких-то возражений не вызывает. Отчасти эту дату подтверждают материалы охранных раскопок 2007 г. в южной части окольного города – на месте несохранившегося вала, под остатками которого обнаружены врезанные в материк ямы, материал из которых был также датирован временем не позднее середины XII в. (Самойлович, Глазов, 2008. С. 109). Но не исключено, что авторы работ ориентировались тут больше на авторитетное мнение М. В. Седовой.

Наряду с ямами в раскопе 1977–1978 гг. обнаружены 2 или 3 частокольные канавки, проходившие по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад, т. е. практически по трассе будущей стены, хотя и с некоторым отклонением от нее к северо-западу. Судя по профилю, канавки эти имели ширину от 20 до 40 см (данные профиля и планов не всегда совпадают) при глубине 30–50 см и были заполнены серым суглинком с углями (рис. 6: Г). При этом о сгоревших бревнах частокочла в отчете о раскопках не говорится ни слова, не показаны такие бревна и на планах. Отсюда можно сделать вывод, что существовавшие тут некогда частокочлы вряд ли горели в пожарах, а угли в заполнении канавок происходят из культурного слоя, которым они были засыпаны. Частокочлы не могли стоять одновременно (скорее, они сменяли друг друга), причем все бревна были вынуты из канавок задолго до начала строительства древо-земляных сооружений. Один из частокочлов (средний) перерезал заполнения более ранних ям, следовательно, он возник уже после того, как эти ямы были засыпаны, и относился к какому-то позднему этапу заселения данной территории. Частокочлы эти вряд ли имели оборонное назначение, скорее они маркировали границу усадьбы, которая время от времени передвигалась (вероятно, к северу). В том, что эти частокочлы не имели отношения к обороне города, убеждают и материалы раскопок 2007 г. в южной части окольного города, площадка которого размещалась в аналогичной позиции – под местоположением вала, у бровки долины речки, выполнявшей роль рва. Там при раскопках никаких частокочловых линий не было обнаружено (Самойлович, Глазов, 2008. Рис. 2). Между тем, если бы древо-земляной стене предшествовала линия частокочла, она проходила бы по трассе всей будущей стены – как раз вблизи бровки рва или естественного понижения рельефа. Присутствие частокочлов (да не од-

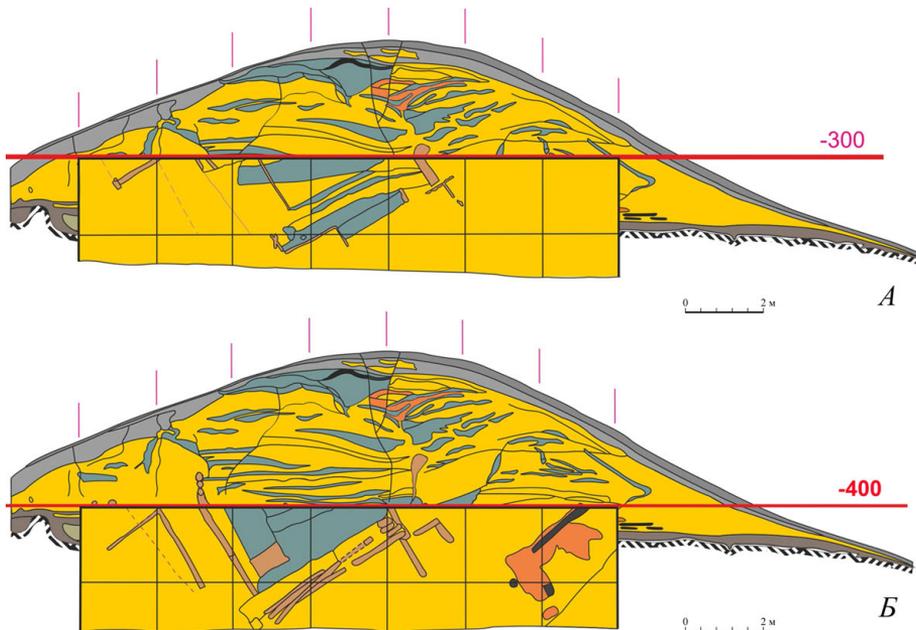

Рис. 7. Сопоставления профиля траншеи с планами на уровнях -300 см (А) и -400 см (Б). Условные обозначения см. на рис. 5

ного, а целых трех) на одном участке и полное их отсутствие на другом в этом случае становится необъяснимым.

Делая выводы по итогам раскопок, М. В. Седова в соответствии с существовавшей в 1970-х гг. нормой писала исключительно о «внутривалных конструкциях» и насыпном вале. Ей удалось измерить неполную протяженность только одной стенки «центрального сруба», которая составила 4,8–5 м (Седова, 1997. С. 58). Правда, из публикации не вполне понятно, о каком именно из срубов, вскрытых в раскопе, идет речь, какая его сторона названа «восточной», а какая «южной». Не исключено, что «стенка сруба» была измерена таким образом, что она включила в себя и части соседних городней.

На основании богатого материала полевой фиксации и современных представлений о происхождении валов полезно заново рассмотреть результаты раскопок М. В. Седовой. Прежде всего надо сказать что сопоставление планов и профиля (рис. 7) доказало, что, хотя в деталях (по грунтам) эти чертежи стыкуются плохо, в главных пунктах (местах залегания древесного тлена, канавок в материке и т. п.) они все же довольно точно совмещаются. Правда, при наложении планов разных пластов обнаруживается не слишком «стройная» картина (рис. 8), однако это результат наложения разновременных и не связанных между собой объектов – канавок чаштоколов, мощения (более ранних сооружений) и срубных конструкций. Последние же однозначно соответствуют руинам древо-земляных стен древнерусских городов (Моргунов, 2009). В ходе прорезки вала окольного города Суздаля были обнаруже-

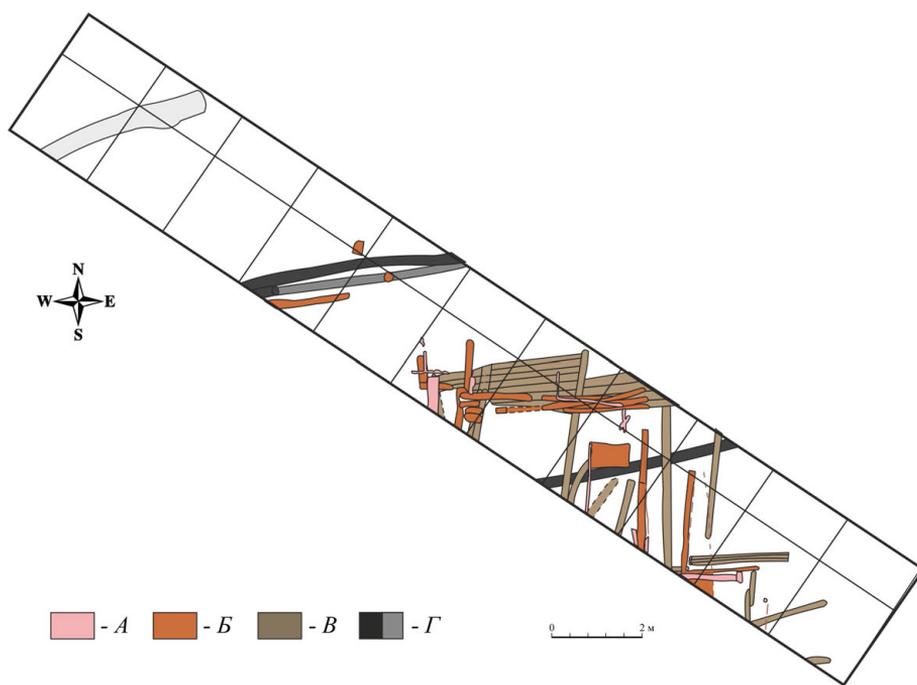

Рис. 8. Совмещение деревянных конструкций пластов 15, 20, 22 и канавок в матрике на сводном плане. А – конструкции из пласта 15; Б – конструкции из пласта 20; В – конструкции из пласта 22; Г – углистое заполнение канавок в матрике

ны остатки сильно истлевших срубов-городней, заполненных желтым материковым суглинком с различными включениями. Уже из этого следует, что здесь создавался не насыпной вал, а вертикальная древо-земляная стена⁷. Стена была установлена на поверхность культурного слоя, отложившегося до начала ее строительства.

Конструкция стены окольного города и история использования данного участка представляются более сложными, чем это виделось ранее. Это использование началось с обычной усадебной застройки, маркерами которой являются частокольные канавки. Северная из них выглядит сомнительной (она не отразилась в профиле, так что может быть полосой грунта на склоне в овраг). В любом случае одна канавка перерезала ранее возникшие и затем засыпанные ямы, а сама эта канавка оказалась перекрыта глиняной прослойкой, а затем – массивом обожженной глины, происхождение которого неясно, но можно думать, что это развал глинобитной печи, стоявшей в наземной постройке, которая была затем разрушена. Возможно, это разрушение было связано с созданием бревенчатой вымостки, принадлежавшей либо улице, ли-

⁷ Аргументация в пользу такого понимания древнерусских валов изложена в работах Г. В. Борисевича, Ю. Ю. Моргунова и автора. Повторять ее тут считаем излишним, отсылая заинтересованного читателя к этим работам (Моргунов, 2009; Коваль, 2020; 2021; 2022).

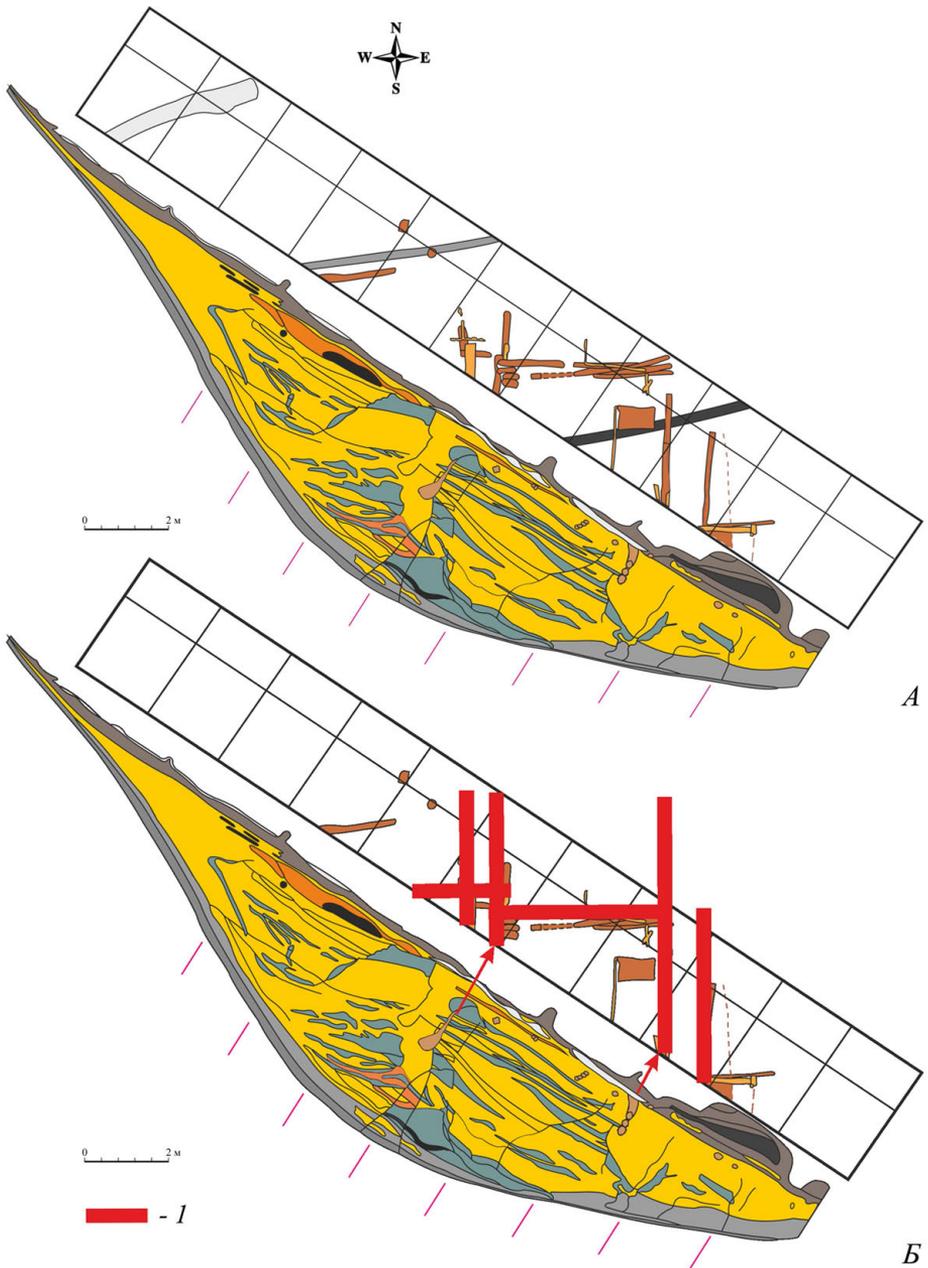

Рис. 9. Вариант реконструкции городской стены окольного города в сопоставлении с профилем траншеи 1977–1978 гг. А – с наложением конструкций, зафиксированных в планах 15 и 20; Б – с обозначением трассировки стен городской; 1 – предполагаемая трассировка стен городской

бо внутриусадебной дорожке, проходившей с юга на север, в сторону склона в овраг. Конечно, современная уличная сеть не может быть тут серьезным аргументом, однако трасса переулка Дунаева не выглядит случайной – она отделяет большую полосу земли, ограниченную на востоке долиной реки Гремячки, которая вполне достаточна для размещения ряда усадеб. Нельзя исключать того, что и при застройке окольного города в XI–XII вв. его планировка формировалась параллельно этой долине, т. е. улицы тут могли пролегать с юга на север.

Независимо от того, является ли обнаруженный настил трассой улицы или мощением внутри усадьбы, он маркирует последний этап использования этой территории до начала строительства мощной древо-земляной стены, охватившей и сформировавшей окольный город, так что история «гражданского» использования данного участка оказывается достаточно длительной и динамичной.

Срубы-городни древо-земляной стены устанавливались, таким образом, частично на культурный слой (включая массив прокаленной глины), а частично – на полуразобранную мостовую. Предполагать использование этого мощения в целях самого строительства нет никаких оснований: во-первых, подобные примеры в древнерусском градостроительстве неизвестны, а во-вторых, если бы мощение сознательно создавалось для возведения стены, то его надо было бы ожидать не в одном лишь месте, а по всей длине стены. Между тем вымостка вполне локальна и обнаружена лишь на одном участке, никаких следов ее существования ни к западу, ни к востоку от места ее залегания не зафиксировано.

Зато известны случаи, когда ранее существовавшая полевая дорога перекрывалась оборонительным сооружением и тем самым прекращала свое существование. Речь идет о вале (в данном случае – именно насыпном вале, а не руинах стены) Болгара, построенном в спешном порядке в 1360-х гг. в связи с началом междоусобных войн в Золотой Орде (*Коваль, Русаков, 2018. С. 52, 63*).

М. В. Седова основное внимание уделяла срубам (городне), который сохранился лучше всего, как она считала, под центральной частью вала. Именно его она вписывала в «центральную линию» (из предполагавшихся ею трех линий) срубов. У этой городни, которая, как представляется, зафиксирована на плане пласта 20 (рис. 3: *Б; б: Б*), выявлена только одна северная стенка, длина которой составляла 4,2–4,3 м.

Сопоставление плана пластов 15 и 20 (наиболее информативных в смысле зафиксированных городней) показывает, что эти планы точно соответствуют профилю раскопа и указывают на расположение этой городни (рис. 9: *А*). Однако на этом плане хорошо видна еще одна стенка, проходившая по линии север – юг в одном метре восточнее этой городни, а на профиле к западу от той же городни и также на расстоянии примерно 1 метра фиксируется вертикальная граница между грунтами разного состава, которая, вероятно, маркирует расположение еще одной вертикальной стенки от соседней городни, древесина которой не сохранилась даже в виде тлена (рис. 5: *И*). Если эти наблюдения верны, то получается, что в 1 м к западу и к востоку от «центральной городни» располагались «соседние городни» (рис. 9: *Б*). Но «центральная городня» лишь кажется центральной – она размещается в южной части вала, тянущегося с запада на восток. Иллюзия возникает как раз потому, что разрез прошел по диагонали к оси вала. Следовательно, для того чтобы вал сформировался именно в том виде, как он зафиксирован раскопом, к северу от этой городни должна была

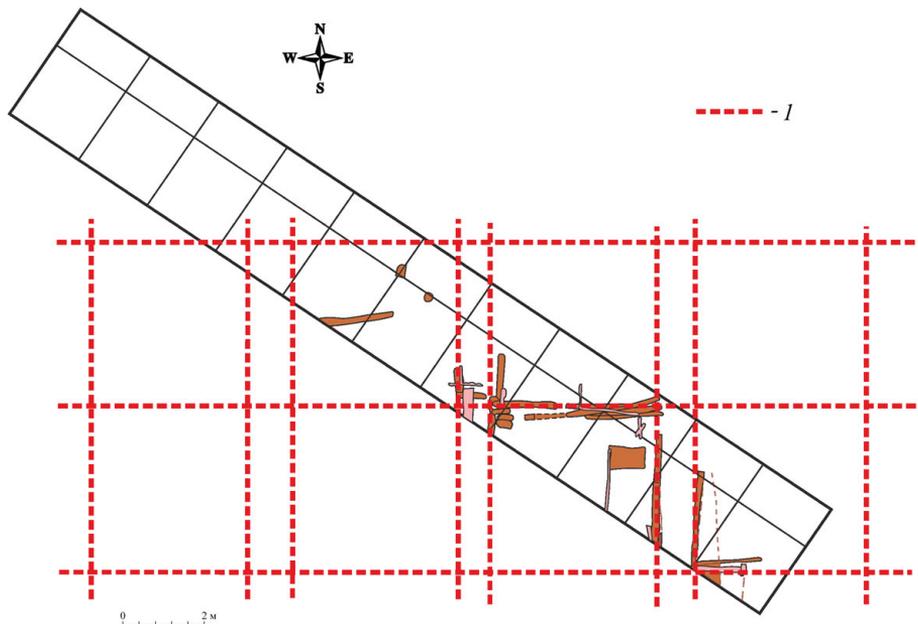

Рис. 10. Вариант реконструкции стены окольного города Суздаля из двух рядов городней. 1 – предполагаемые контуры городней

размещаться еще одна городня, по размерам схожая с той, которая частично попала в пределы траншеи.

Остается выяснить ширину городней (по линии север – юг), однако вот она-то и неизвестна. Тем не менее городни часто рубились в виде квадратов. Часто, но далеко не всегда, они могли быть вытянуты как в длину (вдоль оси вала), так и в ширину. Поскольку на имеющемся материале установить это невозможно, допустимо только констатировать, что ширина наилучшим образом сохранившейся городни составляла не менее 3,5 м. Если предполагать, что городни были квадратными (4,2 × 4,2 м или чуть более), то вся ширина стены могла составлять 8,5 м (рис. 10). Разумеется, это ориентировочное значение, но интервал возможных значений тут вряд ли мог быть очень большим – от 8 до 10 м.

Гораздо сложнее делать предположения о конструктиве этих городней, т. е. об их связи друг с другом. Ведь никаких узлов соединения соседних городней при раскопках выявить не удалось, а допускать такие узлы на основании имеющейся документации нет достаточных оснований – это были бы фантазии чистой воды. Однако известно, что в изученных древо-земляных стенах городни, располагавшиеся по ширине стены, часто бывали взаимосвязаны (Моргунов, 2009. Рис. 19: 3). В X–XI вв. городни часто ставились без всякой связи одна с другой, но уже с XII в. такой конструктив при возведении стен ушел в прошлое. Поэтому, раз стена окольного города строилась в XII в., логично хотя бы допускать, что она возводилась из связанных попарно городней. Доказать это отчетным материалом невозможно,

но оно является наиболее вероятным именно с точки зрения стадийного развития древнерусской фортификации.

Попарно взаимосвязанные городни выстраивались вдоль оси стены, составляя сплошной ряд, причем расстояние между ними составляло 80–100 см. Глиной засыпались не только внутренние объемы городней, но и эти «простенки» между ними. Предотвращали высыпание грунта из этих «простенков» выпуски бревен соседних городней, рубленых в обло. Эти выпуски нигде не сохранились, но без них стена не могла бы функционировать. Поэтому можно с уверенностью предполагать, что длина выпусков бревен каждой из соседних «сдвоенных городней» составляла 40–50 см. Конечно, нельзя исключать и того, что эти «сдвоенные городни» были связаны с соседними такими же перерубами бревен, составлявших продольные (уложенные по линии оси стены) их стенки. Чертежи пласта 20 позволяют допускать такую связь (рис. 3: Б), однако полной уверенности в правильности прочтения чертежа нет.

«Сдвоенные городни» на самом деле выступали как фактически одна двухсекционная городня, но при рассмотрении стены в плане она выглядит как состоявшая из двух параллельно размещенных рядов квадратных (или прямоугольных) городней. Хотя это впечатление ложное и никаких двух рядов тут не было (их нет и в других русских крепостях), но все же подсчет этих «рядов» (псевдорядов) тоже нельзя считать лишним, поскольку он показывает мощь стен и их способность противостоять ударам противника. Стена «города Ярослава» в Киеве состояла из 12 подобных «псевдорядов», достигая толщины 28 м. Стены из «двух рядов» городней являются, наверное, наиболее распространенными в древнерусском оборонном зодчестве. Однако к заполненным землей городням изнутри стены могли пристраиваться еще ряды пустотелых клеток, использовавшихся как хозяйственные, караульные и даже жилые помещения. Имелся ли у стены окольного города Суздаля такой дополнительный ряд пустотелых срубов, неизвестно, поскольку траншея не вскрывала площадку города.

Итак, в ходе раскопок 1977–1978 гг. на валу окольного города Суздаля удалось выявить остатки древо-земляной стены, составленной из двух взаимосвязанных (?) городней, толщина которой составляла не менее 8 м. Высота рядов, исходя из размеров сохранившегося донныне вала, однозначно составляла не менее 5 м, но вряд ли превышала 6 м (без заборол), поскольку объем грунта, отложившегося в ходе ее разрушения по обе стороны от стены, невелик.

Остается не вполне ясным, подвергалась ли эта стена перестройкам, совершенно необходимым древо-земляным стенам, с интервалом около 30 лет, поскольку гниение древесины приводит к быстрому обветшанию таких построек. Между тем с момента возведения стены (в середине XII в., если хронологические выводы М. В. Седовой верны) до 1238 г. она должна была перестраиваться как минимум 1 раз. Следы этой перестройки не прослеживаются в профиле, но нельзя исключать, что они имелись в самой верхней части вала, на уровнях, где зачистки пластов не проводились (или проводились, но не фиксировались). В этом смысле обращают на себя внимание прослойки обожженной глины в верхней части вала и лежавшая совсем неглубоко под его гребнем угольная прослойка (рис. 5). Они явно относились к разным периодам. Возможно, обожженная глина как-то связана с пожаром крепости в 1238 г., хотя отсутствие угольных прослоек заставляет думать, что все следы этого бедствия оказались утрачены при последующих перестройках стены. Но проводились ли эти перестройки в XIII–XIV вв., неизвестно. Что касается финального этапа укреплений окольного го-

рода, когда не только стена домонгольского времени, но и более поздние ее перестройки уже давно превратились в «осыпь», т. е. в ту структуру, которая сегодня именуется «валом», есть сведения, что по гребню этого вала была поставлена стена с башнями, о времени строительства которой и ее конструкции ничего неясно. Но известно, что эта стена в 1618 г. (во время появления близ Суздаля запорожских казаков из войска гетмана П. Конашевича-Сагайдачного) уже была в ветхом состоянии (*Воротникова, Неделин*, 2013. С. 446). Следовательно, выстроена эта крепость лет на 20–30 раньше – вероятно, в конце XVI в., т. е. в тот период, когда вместо древо-земляных стен уже давно ставились полностью деревянные пустотелые стены либо стены, рубленные тарасами, где пустые клетки чередовались с заполненными грунтом городнями. Полностью деревянные стены не оставляли после себя никаких следов, поскольку либо сгнивали без остатка, либо разбирались на дрова местными жителями.

Несмотря на методическое совершенство (особенно для своего времени) раскопок М. В. Седова, конструктив стены окольного города и число ее перестроек остаются пока все же еще не до конца понятными. Поэтому в будущем желательно провести более тщательные и масштабные раскопки этого вала для выяснения тех деталей, которые остались пока в области вариативности. Необходимо также провести разрез рва перед валом, поскольку он несет дополнительную информацию об этапах строительства стен. И, безусловно, вал и ров требуют более внимательного отношения со стороны властей Суздаля, органов охраны памятников истории и культуры, а также музея и общественности. Необходимо оградить этот ценнейший памятник, уже сегодня в значительной части уничтоженный, от дальнейшего разрушения или повреждения. Нужно установить границы объекта культурного наследия и не допустить проведения на нем любой строительной деятельности.

Литература

- Варганов А. Д.*, 1940. Итоги раскопок в 1940 г. земляных валов в «острожного» города в г. Суздале // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. № 63.
- Воротникова И. А., Неделин В. М.*, 2013. Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV–XVII веков. Крепости Центральной России. М.: БуксМАрт. 887 с.
- Коваль В. Ю.*, 2020. Проблемы реконструкции русской средневековой деревянной фортификации // Археологические вести. Вып. 30. С. 263–276.
- Коваль В. Ю.*, 2021. Древнерусские древо-земляные крепости: преодоление стереотипов // Военно-исторический журнал. № 4. С. 77–85.
- Коваль В. Ю.*, 2022. Древние валы как архитектурные сооружения // АН. № 76. СПб.: Коло. С. 24–34.
- Моргунов Ю. Ю.*, 2009. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков. М.: Наука. 303 с.
- Самойлович Н. Г., Глазов В. П.*, 2008. Охранные раскопки на Яруновой горе в г. Суздале // АВСЗ. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 104–111.
- Седова М. В.*, 1977. Отчет о раскопках в 1977 г. Суздальской экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 6910.
- Седова М. В.*, 1978. Отчет о раскопках Суздальской экспедиции в 1978 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 8337.
- Седова М. В.*, 1997. Суздаль в X–XV веках. М.: Русский мир. 320 с.

Сведения об авторе

V. Yu. Koval

THE WALL OF SUZDAL CITY

Summary. The wall of Suzdal city was studied by excavations only once – in 1977–1978 by M. V. Sedova. For the second time in Russian archeology, excavations here were carried out in layers 20 cm thick, for which separate plans were drawn up. M. V. Sedova believed she was studying the rampart with an “internal frame”, but now it is already obvious that she examined the ruins of a timber-earthen wall built in the second half of the 12th century. This wall consisted of double timber boxes (8,5 × 4,2 m) installed next to each other, and filled with earth. Thus, the thickness of the wall was 8–9 m and a height at least 5 m. Unfortunately, the excavation was laid diagonally to the axis of the wall, so not all dimensional indicators were established with sufficient accuracy. To clarify the remaining questions, a new study of the Suzdal wall over a large area is required.

Keywords: ditch, rampart, wood-earth walls, fortifications, medieval Rus', archeology, city, ancient settlement.

О. В. Данилов, Н. М. Захарова, Д. В. Абрамов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЗОЛОТЫХ ВОРОТАХ ВО ВЛАДИМИРЕ В 2023 г. (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ)

Резюме. В статье представлены предварительные результаты археологических исследований в Золотых воротах г. Владимира, проведенных в 2023 г. Произведенные работы позволили выявить особенности западной части оборонительных сооружений Нового города, непосредственно примыкающих к памятнику. Обнаружены элементы украшения сооружения разных периодов его существования, такие как фрагменты поливных половых плиток и белокаменных архитектурных деталей XII в., а также черепицы XVII–XVIII вв. Дополнен корпус граффити, начертанных на стенах Золотых ворот. В том числе обнаружено неизвестное ранее изображение знака Рюриковича.

Ключевые слова: Владимир, Золотые ворота, оборонительные сооружения, белокаменные декоративные элементы, поливные плитки, граффити.

Золотые ворота являются одним из сохранившихся памятников белокаменного зодчества XII в., характерного для Владимиро-Суздальской земли. Они были построены в период активной градостроительной деятельности великого князя владимирского Андрея Юрьевича Боголюбского. Принято считать, что строительство Золотых ворот было начато в 1158 г. В 1164 г. была освящена надвратная церковь Положения риз Божьей Матери, которая располагалась над проездной аркой сооружения (ПСРЛ. 1862. С. 231). В первоначальном виде до настоящего времени сохранились только арочный проезд с двумя мощными боковыми опорами (пилонами), на которых находится сводчатое перекрытие ворот, и частично сохранившаяся верхняя боевая площадка, над которой был размещен древний храм. Существующая сейчас церковь над Золотыми воротами, как и полукруглые башни с пристройками между ними, были возведены в конце XVIII – начале XIX в. (1795–1810 гг.).

За 860 лет существования Золотые ворота сильно пострадали от многочисленных городских пожаров, а также в периоды военных катастроф при осадах города: в 1238 г. при нашествии хана Батыея на Русь; в 1293 г. в результате штурма города Дюденевой ратью; в 1412 г. при разорении Владимира ханом Талычем и в 1609 г. в ходе осады города польскими войсками. В последнем случае, вероятно, Золотые во-

рота подверглись артиллерийскому обстрелу. По архивным источникам известно, что верх Золотых ворот был разрушен и простоял почти 80 лет в руинах. В конце XVII в. (1691 г.) происходит перестройка верхней части Золотых ворот и восстановление церкви (Воронин, 1961. С. 135).

В XVIII в. памятник претерпел самые большие изменения. Из-за того что Владимир разросся в западном направлении, проезд через Золотые ворота оказался тесным для передвижения населения между частями города. В связи с этим древнерусскую фортификацию (вал), примыкавшую к воротам, срыли для организации проезда вокруг них. После этого в стенах памятника появились опасные для здания трещины. В 1778 г. в результате большого городского пожара сгорели кровля и глава церкви. По повелению Екатерины II Золотые ворота были скреплены железными связями и к ним были пристроены 4 башни с пристройками между ними. С возведением пристроек старый ход на верх памятника был засыпан строительным мусором и облицован белым камнем, а проход в церковь был устроен в южной пристройке.

В XIX в. в здании Золотых ворот размещалась 1-я часть городской полиции. В 1849 г. она переехала в новое здание, а освобожденные помещения, видимо, по предложению городского главы П. Козлова, приспособили для размещения на ночлег следующих по этапу заключенных и караула. С конца XIX до середины XX в. помещения северного пристроя использовались как жилые, а надвратная церковь после революции была приспособлена под архив.

В 2023 г. после многолетнего перерыва возобновились работы по реставрации Золотых ворот. Одной из их составляющих было проведение археологических наблюдений в интерьере трех башен и в межбашенных пристройках с северной и южной сторон, где предполагалась замена покрытия полов.

В ходе археологических исследований на площади 139 кв. м во внутренних помещениях пристроек конца XVIII – начала XIX в. на разных глубинах были выявлены остатки крепостных стен древнерусского времени (рис. 1). Зафиксированные конструкции городней, выявленных в северном пристрое на участке 2, представляли собой деревянные подквадратные срубы с приблизительными размерами 240 × 240 см, которые были сложены «в обло» и заполнены супесью и суглинками (рис. 2). В центральных частях южного и северного пристроев встречены также ряды городней, не связанных друг с другом. Аналогичная конструкция опубликована С. А. Высоцким для киевских Золотых ворот (Высоцкий, 1982. С. 66). Это дает возможность предположить, что крепостные стены Нового города во Владимире возводились в несколько этапов.

Выявленные конструкции древнерусской фортификации не подходили вплотную к стенам Золотых ворот (рис. 1). Ближайшая к зданию линия городней отступает от внешней поверхности стены памятника на расстояние 130–180 см и совпадает с внешним обрезом контрфорсов, что позволяет предположить целенаправленную организацию пустых, не засыпанных грунтом карманов между контрфорсами при строительстве оборонительных укреплений. Также следует обратить внимание на высокое качество обработки блоков нижних рядов кладки стен и контрфорсов (рис. 3) в этой части конструкции Золотых ворот. Все блоки тщательно обработаны, отшлифованы и идеально подогнаны друг к другу, что является характерной чертой лицевой кладки. В северо-восточной башне были прослежены остатки сгоревшей городни, внутреннее

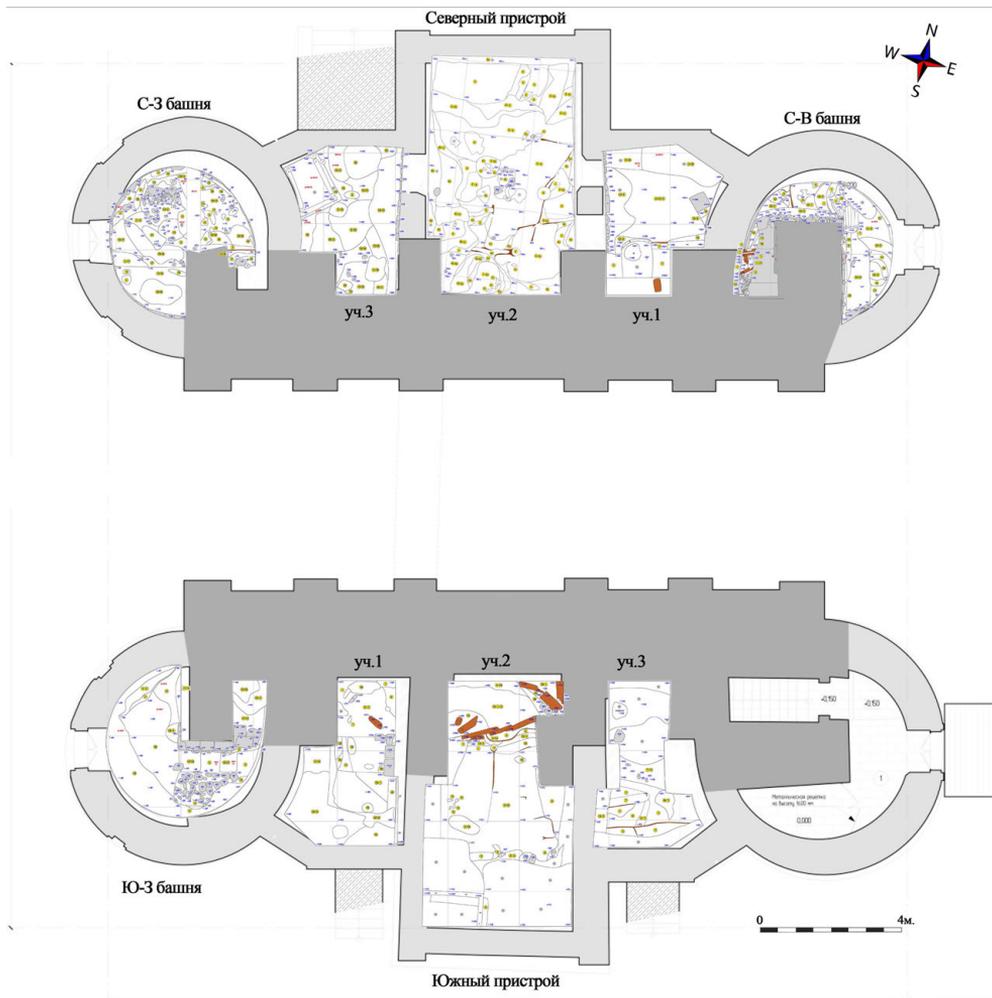

Рис. 1. Схема археологических исследований в Золотых воротах 2023 г.

пространство которой было заполнено кусками обгоревшего белого камня. В результате термического воздействия он сильно крошился, временами превращаясь в порошок (рис. 4). Нижние ряды белокаменной кладки Золотых ворот также были сильно обгоревшими. Как известно, горение невозможно без доступа воздуха, следовательно, это подтверждает факт наличия воздушных карманов в конструкции. В этих пустотах (карманах) был зафиксирован слой пожара. В северном пристрое на участках 1 и 2 данный слой образовался, предположительно, вследствие обрушения горелых деревянных конструкций древнерусской фортификации. Мощность горелого слоя достигала 70 см, что указывает на сильный пожар, который охватил обширную площадь. Участок горения примыкал к белокаменной стене Золотых ворот, оставив следы копо-

Рис. 2. Остатки городней, выявленные на участке 2 в северном пристрое

Рис. 3. Белокаменные блоки нижних рядов кладки стен и контрфорсов Золотых ворот

Рис. 4. Обгоревший белый камень в заполнении городни

ти на поверхности квадров (рис. 5), и отходил в северном направлении под углом 40° . Верхняя часть горелого слоя шириной около 30 см была зафиксирована на отметке +146 см от уровня временного репера ($R_{вр}$), а нижняя (шириной около 90 см) – на глубине +85 см от уровня $R_{вр}$. В южном пристрое (участок 2) был также зафиксирован слой пожара с рухнувшими горелыми бревнами, предположительно, относящимися к крепостной стене древнерусского времени (рис. 6).

В ходе исследований была собрана коллекция находок, в составе которой: фрагменты половых плиток (26 шт.), белокаменных архитектурных деталей, черепицы XVII–XVIII вв. (16 шт.), нумизматический материал (монеты середины XVIII – середины XX в.) и другие предметы из железа, глины и камня (рис. 7). Фрагменты белокаменных архитектурных деталей, вероятно, относятся к разрушенной первоначальной надвратной церкви. Предположительно, до пожара 1778 г. черепицей («лемехами»), изготовленной из белой глины и покрытой зеленой поливой, был украшен верх Золотых ворот.

Некоторое количество обнаруженных предметов оказалось недоступным для изъятия, поскольку они были вмурованы в основания пристроев конца XVIII – начала XIX в. Так, под фундамент северо-восточной башни были забутованы 2 фрагмента «поребриков» (рис. 8), а в северо-западной башне обнаружили блок с тремя колонками (рис. 9) и блок с профилированным боком. Большое количество вторично использованных квадров белого камня было покрыто толстым слоем штукатурки.

Рис. 5. Обгорелые остатки крепостной стены в южном пристрое

В процессе разборки культурного слоя обнаружен белокаменный коготь (рис. 10: 2) длиной 10,8 см, шириной 9,2 см, высотой 7,8 см. Кроме того, найден фрагмент базы полуколонны (предположительно), а также большое количество мелких фигурных фрагментов белого камня. Данный материал поможет в какой-то мере приблизиться к разрешению вопроса о существовании декора Золотых ворот, которые являлись парадным въездом в город Владимир.

О внутреннем убранстве надвратной церкви в XII в. свидетельствуют находки поливных половых плиток (рис. 11). В северном пристрое у западного контрфорса под слоем пожара были найдены (вместе с фрагментами амфоры и древнерусской керамикой) более двадцати фрагментов поливных половых плиток. Цветовая гамма поливы, покрывающей плитки, разнообразна. Присутствуют бурый, оливковый, светло-оливковый, желтый, зеленый, ярко-зеленый цвета. На многих фрагментах имеется орнамент: дуговидные полосы, петлевидный и растительный орнаменты, краски которых так же разнообразны: желтые, коричневые, белые, зеленые, иногда сочетание желтого и зеленого. Внутри петель и листьев часто расположены желтые или коричневые точки (крапины). Толщина плиток варьируется от 4,5 до 5,5 см. На некоторых фрагментах сохранились строительный раствор и следы пожара. Эти поливные плитки датированы 90-ми годами XII в., т. е. временем правления великого владимирского князя Всеволода III Юрьевича. Аналогичные плитки были найдены в 1965 г. при благоустройстве Козлова вала (Маслов, 1976. С. 201–202).

Отдельная тема для будущих исследований – граффити. Многие из них известны и давно опубликованы, но в результате как археологических исследований, так

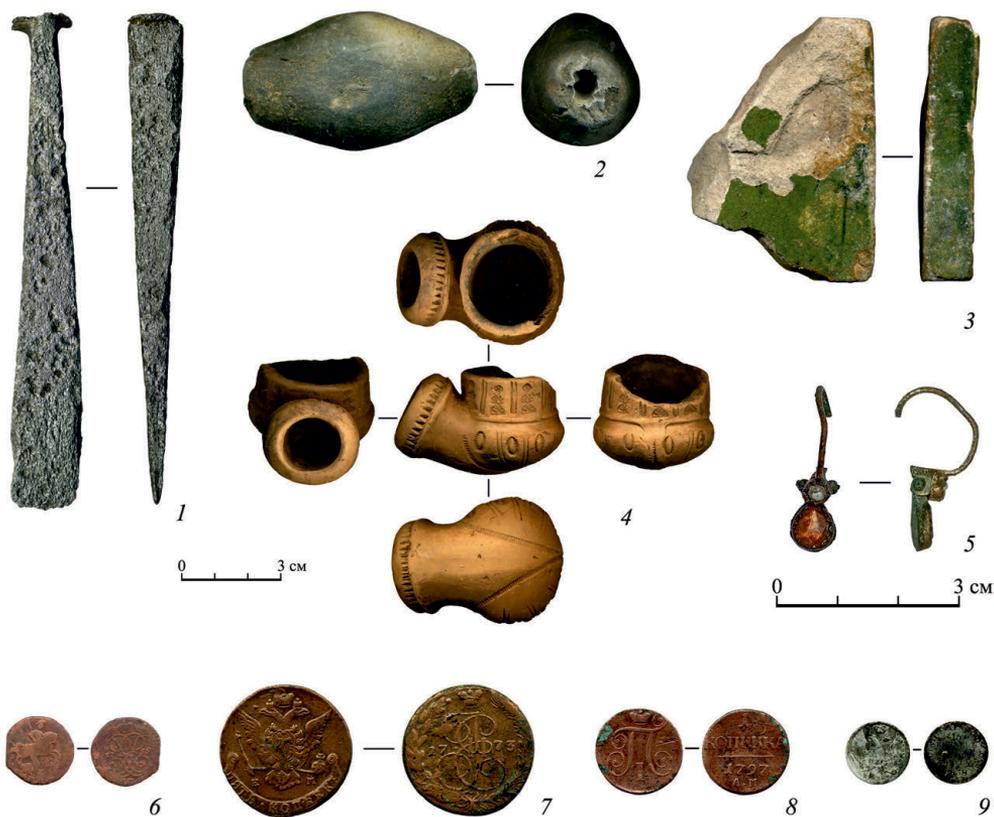

Рис. 6. Предметы из коллекции находок. 1 – инструмент железный (зубило); 2 – гру-
зило глиняное; 3 – черепицы белоглиняной с зеленой поливной фрагмент; 4 – красноглиняная
курильная трубка; 5 – серьга латунная с вставкой из стекла и жемчужиной; 6–9 – монеты
Российской империи

и обычного визуального осмотра были обнаружены новые знаки и символы, процарапанные и вырезанные на белокаменных блоках. Рассмотрим только два из них. Из культурного слоя был извлечен фрагмент белого камня с изображением креста (рис. 10: 1). Он имеет треугольную форму, его высота – 9 см, ширина по лицевой стороне (с крестом) – 8 см, максимальная длина – 12 см. Крест с размерами 5 × 4 см вырезан на расстоянии 4,5 см от угла блока. Глубина резьбы – 3 мм. У одной из лопастей креста прочерчена буква N. Сам крест выполнен в классической форме древнерусского времени. Он прямостоящий и имеет треугольные завершения на концах. Аналогичный крест был встречен в Спасо-Преображенском соборе в Переславле-Залесском – на южной лопатке западного фасада, на высоте 5 м от уровня земли (Виноградов и др., 2020. С. 66). Как считают исследователи, этот крест был вырезан строителями собора.

Рис. 7. Фрагменты поребриков, забутованные в фундамент северо-восточной башни

Рис. 8. Блок с тремя колонками в северо-западной башне

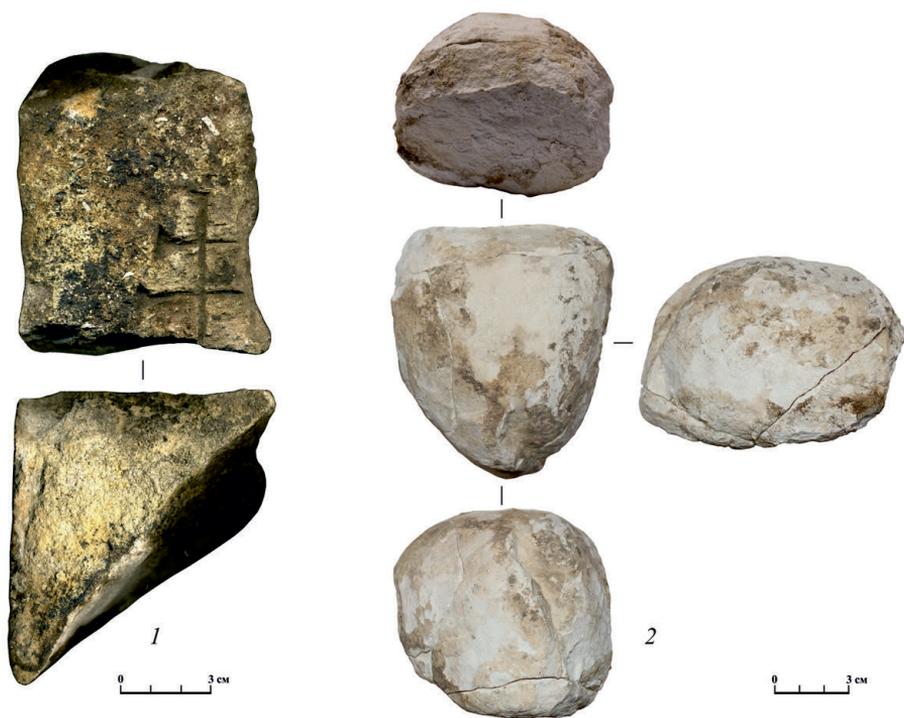

Рис. 9. Фрагменты белого камня. 1 – фрагмент с граффито-крестом; 2 – коготь

Абсолютно неожиданным оказалось открытие граффити на одном из блоков на западном фасаде Золотых ворот в северо-западной башне (рис. 12). Данный блок расположен на высоте 160 см от современной дневной поверхности. Знаки были выявлены после отслоения штукатурного слоя XIX–XX вв.

На белокаменном блоке имеется несколько изображений. Одно из них является так называемым «патриаршим» крестом. Этот знак изображен как пятиконечный крест с треугольными окончаниями на лопастях, установленный на П-образном основании, обозначающем Голгофу. Его размеры: высота – около 12 см, максимальная ширина по лопастям – около 6 см. Второй знак расположен на расстоянии около 10 см слева от патриаршего креста. Он представляет собой перевернутый знак рода Рюриковичей, под которым хорошо просматривается символ, предположительно, являющийся буквой Н. Возможно, под ним процарапано имя, но из-за неровностей и остатков штукатурки надпись не читается. Перевернутое начертание знака может быть случайным. Возможно, граффито имеет более глубокий сакральный смысл и символизирует кончину князя.

Археологические работы предварялись и сопровождалась дополнительными исследованиями, результаты которых также представляют определенный интерес. Например, сотрудниками ИА РАН под руководством В. В. Седова был проанализи-

Рис. 10. Фрагменты поливных плиток

Рис. 11. Граффити на одном из блоков западного фасада Золотых ворот (в северо-западной башне)

рован один из кернов, извлеченный из скважины от инъектирования фундаментов Золотых ворот в северном пристрое на участке 3. Он состоял из чистой серы. Не совсем понятно, каким образом минерал попал в Золотые ворота. Есть несколько предположений. Во-первых, при штурме города в 1238 г. монголы могли использовать серу как один из компонентов зажигательной смеси. Во-вторых, при осаде города в начале XVII в. польскими отрядами, возможно, была попытка сделать подкоп и заложить взрывчатые вещества. В-третьих, сера случайно попала при строительстве Золотых ворот.

В настоящей статье предоставлены краткие сведения об исследованиях в Золотых воротах, проведенных в 2023 г. В дальнейшем, после обработки всего археологического материала, будут представлены отдельные статьи по отдельным темам.

Литература

- Виноградов А. Ю., Ёлишин Д. Д., Свойский Ю. М.*, 2020. Вопросы строительной истории Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском в свете новых открытий // *Архитектурная археология*. № 2. С. 65–79.
- Воронин Н. Н.*, 1961. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. I. М.: Изд-во АН СССР. 584 с.
- Высоцкий С. А.*, 1982. Золотые ворота в Киеве. Киев: Наукова думка. 127 с.
- Маслов В. М.*, 1976. К истории строительства Золотых ворот во Владимире // *Средневековая Русь*. М.: Наука. С. 201–203.
- ПСРЛ. Т. IX. СПб.: Археографич. комис., 1862. 256 с.

Сведения об авторах

Данилов Олег Владимирович, ГБУК ВО Госцентр;

e-mail: olegpervui@yandex.ru;

Захарова Наталья Михайловна, АО «Владимирреставрация»;

e-mail: natalyarch@mail.ru;

Абрамов Дмитрий Владимирович, ФГБОУ ВО Владимирский государственный университет;

e-mail: awraam@mail.ru

O. V. Danilov, N. M. Zakharova, D. V. Abramov

ARCHAEOLOGICAL STUDY OF THE GOLDEN GATE OF VLADIMIR IN 2023 (PRELIMINARY RESULTS)

Summary. The paper presents preliminary results of an archaeological study of the Golden Gate of Vladimir carried out in 2023. It is now possible to identify the features of the western part of the fortifications of the New City of Vladimir, which are directly adjacent to the Golden Gate. Elements of decoration of the building from different periods were discovered, such as fragments of glazed floor tiles and white stone architectural details of the 12th century, as well as roof tiles of the 17th–18th centuries. New graffiti written on the walls of the Golden Gate has been discovered. Among them there is a previously unknown image of the Ruriks symbol.

Keywords: Vladimir, Golden Gate, fortifications, white stone decorative elements, glazed tiles, graffiti.

А. С. Лазарев, С. В. Шполянский

КОМПЛЕКСЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII – XIV в. ИЗ ПОСТРОЕК НА НИЖНЕМ ПОСАДЕ г. КОСТРОМЫ ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2017–2018 гг.

Резюме. В 2017–2018 гг. на территории нижнего посада Костромского кремля проводились масштабные археологические исследования, связанные с благоустройством территории и реставрацией корпусов Шорных и Рыбных рядов. Помимо археологических наблюдений впервые на данной городской территории были заложены два раскопа, давшие обширные коллекции находок, охватывающие период с XIII до начала XX в. В статье представлены комплексы 2-й половины XIII – XIV в. из построек на нижнем посаде г. Костромы.

Ключевые слова: Кострома, XIII–XIV вв., торговые ряды, «нижний посад», комплекс вооружения, наконечники стрел, шпоры, стеклянные браслеты.

В 2017–2018 гг. археологической экспедицией ОГБУ «Наследие» проводились охранные археологические работы на участках реставрации корпусов Рыбных и Шорных рядов и при благоустройстве прилегающей территории. В настоящее время комплекс Торговых рядов расположен на сложной территории склона берега Волги, разделенного за счет резкого перепада рельефа на два участка и относящегося к двум памятникам археологии – «Участок культурного слоя второго Костромского кремля (Старый город 1416 г. и Новый город 1619 г.), XV–XVIII вв.» (Гостинный двор (Красные ряды), Большие мучные ряды, Овощные (Табачные) ряды, Масляные ряды, Квасные ряды, Пряничные ряды) и «Участок культурного слоя по нижнему посаду, XIII–XVIII вв.» (Шорные ряды, Рыбные ряды, Мясные ряды, Малые мучные ряды).

Несмотря на то что участок исторического «нижнего посада», застроенный корпусами торговых рядов, неоднократно ранее исследовался археологами, работы на этой территории проводились ограниченными площадями только в форме разведок с целью уточнения мощности и сохранности культурного слоя, археологических наблюдений при прокладке коммуникаций и археолого-архитектурных исследований при реставрационных работах (например, в 2011, 2013, 2014 гг. – А. В. Горохова; в 2015, 2016, 2017 гг. – О. В. Лихачев; в 2017 г. – А. С. Лазарев и др.) (Лазарев, 2019).

Словосочетание «нижний посад», определяющее территорию, которая в XV – конце XVIII в. располагалась на берегу р. Волги под стенами Костромского кремля («Старого города» (1416 г.) и «Нового города» (1619 г.)), перешло в историографическую традицию из «Писцовой книги г. Костромы» (1627–1630 гг.) (Писцовая книга..., 2004. С. 284). Вверх от Волги к «Новому городу» поднималась дорога, приблизительно соответствующая современной ул. Молочная Гора, параллельно р. Волге шла дорегулярная Десятильничья улица (Там же. С. 177–178). Также на «нижнем посаде» в XVII в. находилось несколько церквей с кладбищами, кельями, «поповыми дворами». Ближе всех к месту работ, судя по письменным источникам, находились «церковь великого чудотворца Николы древена, вверх о пяти верхах, даверху два предела Всех святых да Козмы и Домьяна» и «церковь другая с трапезою древена, клецки Сретение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа да предел велико Христовы мученицы Екатерины» (рис. 1) (Там же. С. 284; Материалы для истории Костромской епархии. 1908. С. 38–40).

В дальнейшем разрушительные пожары последней четверти XVIII в. привели к появлению новых проектов застройки центральной части города, полностью сформировавшейся только к середине XIX в. По одному из них между Гостиным двором и Волгой в 1780–1790-е гг. была создана открытая в сторону реки площадь, окру-

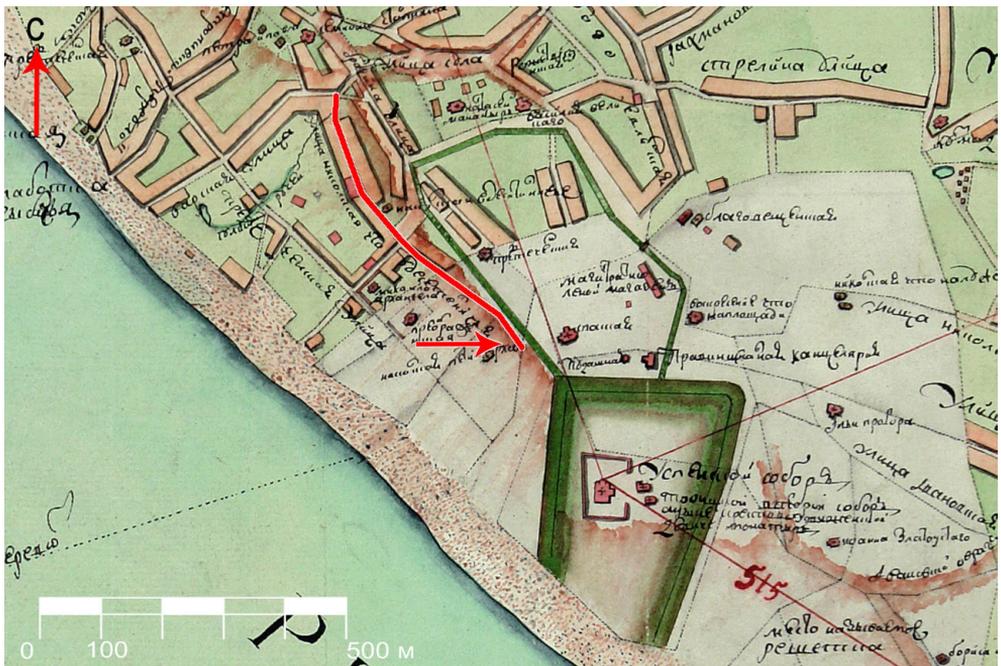

Рис. 1. План города Костромы с проектом 3-х кладбищ, с селом Городищи. Копия. С описанием, в красках, составлен и подписан помощником землемера Ермолаем Соловым, копирован учеником Ильей Беляевым. 17 января 1774 г. (РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Ед. хр. 1976). Фрагмент. Красным цветом выделена трасса Десятильничьей улицы; участок работ указан стрелкой

женная поставленными по ее периметру пятью торговыми деревянными корпусами, предназначенными для различной торговли. Хлебные и рыбные лавки вместе с другими торговыми постройками сохранялись здесь до 1820-х гг., пока не были заменены комплексом каменных Рыбных и Мясных рядов.

На участках, свободных от существующих сетей и предполагающих максимальное заглубление новых коммуникаций, было разбито два раскопа: «Мясные ряды» (96 кв. м) и «Малые мучные ряды» (99 кв. м) (одновременно с раскопками проводились археологические наблюдения на участках траншей ливневой канализации под руководством О. В. Лихачева). Оба раскопа были ориентированы по направлению северо-восток – юго-запад параллельно корпусу Мясных рядов, построенному после 1825 г., и корпусу Малых мучных рядов, возведенному после 1840-х гг. Работы на них проводились с октября 2017 г. по сентябрь 2018 г. Расстояние между раскопами составляло около 18 м. После снятия балласта и разбора булыжной мостовой начала XX в. на протяжении 5 пластов (около 1 м) в раскопах фиксировался сильно перемешанный слой, насыщенный строительным мусором, битым кирпичом и известью, возникший в результате строительства кирпичных корпусов рядов – откопки котлованов под подвалы и фундаменты. На глубине 1,5–2 м от поверхности в обоих раскопах были обнаружены остатки одного из пяти корпусов деревянных хлебных рядов, представленные столбами фундамента, бревнами нижнего венца, лагами и дощатыми настилами пола. После разбора постройки в раскопе «Мясные ряды» были также изучены остатки двух рубленых «в обло» срубов более раннего времени, смежных друг друга и зафиксированных в виде древесного тлена: сруб № 2 размерами примерно 4 × 4 м и сруб № 3 – примерно 5 × 5 м. Оба сруба были ориентированы по направлению северо-восток – юго-запад. В отличие от первого раскопа в «Малых мучных рядах», предшествующие застройке 2-й половины XVIII в. слои были представлены не жилыми постройками, а некрополем XVI–XVIII вв., на котором было исследовано 61 непотревоженное погребение (после проведения антропологического определения выделено 75 индивидуумов)¹. Коллекция индивидуальных находок в количестве 1128 ед. («Мясные ряды» – 707 ед., «Малые мучные ряды» – 421 ед.), полученная в ходе археологических исследований, включает в себя нательные кресты, целые формы керамической посуды, красноглиняные неполивные и полихромные рельефные изразцы, бытовой инвентарь (ножи, ключи, замки, кудельные иглы и др.), кожаную обувь, монеты (XVI – начала XX в.), предметы вооружения и конской упряжи. Мощность культурного слоя на раскопах с учетом заглубленных в материк объектов составила до 5,5 м (Лазарев, 2020).

Набор вещей, происходящих из предматериковых напластований в обоих раскопах («Малые мучные ряды», «Мясные ряды») позволяет говорить о том, что культурный слой города активно начинает формироваться на данном участке не позднее конца XIII – начала XIV в. Около этого рубежа или, возможно, более ранним временем может датироваться небольшая серия вещей: стеклянные браслеты, преимущественно темно-зеленого и оливкового цвета, гладкие и крученые, короткое овальное кресало, ключи типа В-1, по Б. А. Колчину (рис. 2; 3) (Колчин, 1982, С. 160, 162–163).

¹ Антропологическое определение выполнено специалистом лаборатории археологии Енисейской Сибири Сибирского федерального университета, к. и. н. А. В. Дедик.

Рис. 2. Находки из нижних пластов раскопа «Мясные ряды». 1–3 – ключи; 4, 5 – кудельные иглы; 6, 7, 11 – накладки; 8 – браслет; 9 – писало; 10 – замок; 12 – проволочная монета. 1–5, 10, 11 – железо; 6, 7, 9 – цветной металл; 8 – стекло; 12 – серебро

Рис. 3. Находки из нижних пластов раскопа «Малые мучные ряды». 1-4 – наконечники стрел; 5 – псалий; 6, 7 – накладки; 8 – проволочная монета; 9-12 – браслеты; 13 – бусина; 14 – пряслице; 15 – кресало; 16 – венчик сосуда. 1-7, 15 – железо; 8 – медь; 9-13 – стекло; 14, 16 – керамика

Длительность накопления городского культурного слоя, изученного в нижних пластах раскопок (мощностью 0,2–0,6 м), в одном из раскопов («Малые мучные ряды») нарушенных и частично переработанных кладбищем (Лазарев, 2020), составляла, по-видимому, не менее полутора столетий, о чем свидетельствует присутствие в составе находок кудельных булавок с перекрученным стержнем и фигурным завершением, ключа типа Д или Е, краснолощеной керамики (рис. 2: 4, 5, 1; 3: 16).

Интересна находка в раскопе у Малых мучных рядов в 13-м пласте стержневидного псаля с большой петлей (рис. 3: 5), который имеет достаточно широкую датировку (Двуреченский, 2018б. С. 22, 120. Рис. 30. № 668), но, исходя из контекста, вряд ли может быть датирован позднее 2-й половины XIV в., и серии из 4 наконечников стрел, только один из которых может быть отнесен к боевым (рис. 3: 1–4). Это срезь в виде узкой вытянутой лопаточки с тупоугольным лезвием (рис. 3: 4) (тип 67, по А. Ф. Медведеву – Медведев, 1966. С. 75–76) с выраженным упором, датирующийся 2-й половиной XIII – XIV в.

Еще два снаряда – плоские наконечники без упора (рис. 3: 1, 3) вытянутой ромбовидной (тип 46) и листовидной формы (тип 61 или 63), имеющие широкую датировку, относятся, скорее всего, не к боевому, а к промысловому оружию. Четвертый наконечник – уплощенный двушипный черешковый с черешком прямоугольного сечения (рис. 3: 2), вероятнее всего, может быть датирован временем более ранним, чем начало формирования городского культурного слоя.

Довольно выразительны находки железных накладок разной формы, которых в предматериковых слоях (вне пределов сооружений) было найдено пять. Наиболее крупная из них (рис. 2: 11), длиной 13,5 см, происходит из 11-го пласта раскопа у Мясных рядов – это вытянутая полоса металла (стержень) шириной около 0,9 см, толщиной 0,2 см, с ромбовидным расширением под крепеж на одном из окончаний и в средней части, с другого конца полоса обломана, перед сломом имеет вытянутое прямоугольное расширение, также со следами отверстий под крепеж. Судя по сохранившимся в отверстиях гвоздикам, накладка крепилась на твердую (деревянную или костяную) основу. Фрагмент сходной накладки, происходящей из раскопок во Владимире (ул. Вокзальная), хранится в фондах ГВСМЗ (№ ГК 39236161); данный фрагмент отличается от костромской находки наличием тонкого проработанного декора.

К числу относительно ранних предметов, бытование которых, скорее всего, не выходит за рамки рубежа XIII–XIV вв., относится фрагментарно сохранившийся ременной наконечник или разделитель (под сходящиеся ремни) вытянутых пропорций с раздвоенным завершением в виде «ласточкина хвоста» и ромбовидным расширением в средней части пластины (рис. 3: 7). Изделие может быть отнесено к числу вещей «аскизского стиля», к типу Д8, по типологии К. А. Руденко, близкие аналоги происходят из раскопок в Торговых рядах Владимира (Шполянский, 2019. С. 228, 229. Рис. 2: 7, 8), известны подобные находки в Ростиславле Рязанском (Коваль, 2022. С. 236. Рис. 9: 9) и литовской Кернаве.

Еще одна находка – это обломок пластины (рис. 3: 6), от которой сохранился лишь край с треугольным выступом, с отверстиями и остатками крепежа по углам. Полные размеры изделия определить нельзя, ширина сохранившейся части составляет не менее 5 см. Тем не менее, исходя из формы и размеров сохранившегося фрагмента, его можно соотнести с пятиугольными пластинами, найденными при

раскопках в с. Кибол под Суздалем и определенных первоначально как панцирные (*Шполянский*, 2023. С. 129, 131. Рис. 58: 1, 2). Такую их атрибуцию нельзя теперь рассматривать как однозначную, поскольку сейчас можно назвать серию морфологически близких изделий, которые могут быть определены как часть ременных наборов.

Фигурному ремённому наконечнику (рис. 2: б) из 13-го пласта раскопа у Мясных рядов нельзя привести известных аналогий, но, исходя из формы и особенностей крепежа, он может относиться к подражаниям поясной фурнитуре европейского происхождения.

Последняя железная накладка представлена небольшим обломком с фигурным завершением сложной формы с выступами по углам, у основания которого располагается шпенец крепления (рис. 2: 7).

Еще одной интересной находкой на участке 2 раскопа «Мясные ряды» на уровне 15-го пласта является обломанное писало-стилос (рис. 2: 9). Обнаруженный фрагмент имеет круглый в сечении стержень (сохранившаяся длина – около 3 см), завершающийся шарообразным утолщением и лопаточкой с валиком по рабочей кромке. Писала подобной формы выделены Б. Б. Овчинниковой, которая вслед за А. А. Медынцевой относит их к орудиям для письма по воску, в 19-й тип, датирующийся периодом XIII–XIV вв. (*Овчинникова*, 2000. С. 60–63. Рис. 17; *Древняя Русь. Быт и культура*, 1997. С. 151, 336. Табл. 90).

Представительные вещевые комплексы, происходящие из углубленных частей средневековых сооружений, исследованных в раскопах в костромских Торговых рядах, собраны в трех крупных ямах, которые можно интерпретировать как подклеты жилых построек.

Яма № 9 (раскоп «Мясные ряды») частично примыкала к северо-восточной стенке раскопа и имела в плане форму прямоугольника размерами около 4 × 4,2 м, ориентированного с небольшим отклонением по направлению северо-восток – юго-запад (рис. 4). Глубина от уровня фиксации составляла 1,5 м. Стены ямы были укреплены вертикально забитыми бревнами небольшого диаметра (прослежены в виде тлена по северо-западной стенке ямы) и столбами по углам и у северо-восточной и юго-западной стен. В западной части подклета размещалась яма № 9А размерами около 1 × 1,4 м и глубиной 0,5 м, которая, вероятно, использовалась для дренажа.

Заполнение ямы в верхней части представлено темно-серой супесью с включениями угля (до 0,7 м). Ниже фиксируется слой серой супеси с включениями угля (до 0,35 м), который прорезает прослойка серой супеси с желтым песком (до 0,15 м), на фоне которой фиксируется небольшое пятно слоя светло-серой супеси. В нижней части ямы заполнение представлено слоем серой супеси с рыжим суглинком с включениями угля (до 0,25 м). По краям ямы и в придонной части заполнение представлено желтым песком.

При разборе ямы № 9 зафиксированы 53 индивидуальные находки из черного металла (43 ед.), цветных металлов (4 ед.), глины (1 ед.), кожи (2 ед.), камня (1 ед.), стекла (2 ед.). Еще одна индивидуальная находка из черного металла происходит из заполнения ямы № 9А – это язычок от пряжки.

В составе набора вещей из ямы № 9 есть отдельные предметы, которые позволяют говорить о довольно раннем (не позднее 1-й половины XIII в.) начале его формирования, либо культурный слой поселения конца XII – 1-й половины XIII в. был

разрушен при сооружении постройки. Это ключ типа Б (рис. 5: 2), обломок стеклянного крученого браслета темно-зеленого цвета, перевитый тонкой желтой полоской (рис. 5: 7). Не имеет точной хронологической привязки, но значима для характеристики комплекса находка миниатюрного цельнокованого ножа с небольшим лезвием и ручкой, декорированной точками и полосками (рис. 5: 1).

Остальные вещи позволяют относить время формирования заполнения ямы ко 2-й половине XIII – XIV в. Это короткое овальное кресало (рис. 5: 4), фрагмент стеклянного перстня плоско-выпуклого сечения бирюзового цвета (рис. 5: 6), перстень из цветного металла с изображением ладони на щитке (рис. 5: 8), замок типа Г (рис. 5: 3). Среди находок присутствует ювелирный пинцет-тисочки с загнутыми под 90 градусов губками, затяжным кольцом для фиксации и двумя звеньями цепочки-подвеса (одно звено обломано) (рис. 5: 15). Такие пинцеты использовались в древнерусских городах вплоть до XIV в. (Древняя Русь. Город, замок, село, 1985. С. 264).

Так же как и в нижних пластах раскопок, в заполнении ямы № 9 была собрана представительная серия железных накладок и наконечников стрел.

Наиболее выразительной деталью ременной фурнитуры является целая Т-образная застежка с вытянутым щитком асимметрично овальной формы с двумя шпеньками для крепления на основу (рис. 5: 9). Такие изделия уже хорошо известны на средневековых русских селищах и в городах Владимиро-Суздальской земли. (Шполянский, 2019. С. 232–233). К настоящему моменту собрано около полутора десятков таких застежек, происходящих с памятников Залесской Руси, их обычно соотносят с фурнитурой саадачных (стрелковых) поясов и колчаных подвесов степного происхождения (Сташенков и др., 2021. С. 318. Рис. 5: 17, 18).

Рис. 4. Яма № 9 на раскопе «Мясные ряды» на уровне материка. Вид с северо-востока

Рис. 5. Находки из ямы № 9 («Мясные ряды»). 1 – нож; 2 – ключ; 3 – замок; 4 – кресало; 5, 9 – накладки; 6, 8 – перстни; 7 – браслет; 10 – застежка; 11–14 – наконечник стрел; 15 – ювелирный пинцет; 16 – удила; 17 – стрема. 1–5, 9–17 – железо; 6, 7 – стекло; 8 – цветной металл

Плоская накладка подквадратной формы с прямоугольным вырезом в центре также может быть отнесена к числу ременных (рис. 5: 5). Подобные изделия разной формы (круглые, овальные, прямоугольные) крепились на поясах для фиксации краев сквозных отверстий, использовавшихся под разные подвесы, известны как на европейских поясах (*Wywrot-Wyszowska, Janowski, 2017*), так и в степи.

Третья накладка представлена сломанным концевым крючком – застежкой, крепящейся на окончании ремня на одном штифте (рис. 5: 10). Два подобных крючка известны из раскопок средневекового Плеса, еще один происходит с селища Большое Саврасово в Москворечье.

Предметы вооружения в заполнении ямы представлены четырьмя наконечниками стрел, две из которых могут уверенно отнесены к экземплярам степного происхождения. Это еще один срезень 67-го типа (*Медведев, 1966. С. 75–76*) (рис. 5: 11), и короткий т. н. кунжутолистный наконечник (тип 72) (рис. 5: 12). Выпадение в культурные слои поселений стрел с наконечниками таких форм в Северо-Восточной Руси обычно связывают с военной активностью Орды. Две другие стрелы (рис. 5: 13, 14), происходящие из ямы, можно отнести к широко датируемому типу 40 – ромбовидные с упором вытянутых пропорций с расширением в нижней трети пера (*Медведев, 1966. С. 64–67*).

К всадническому снаряжению относится обломок стремени – фрагмент дуги и верхней части с прямоугольным отверстием для крепления стремянного ремня (подножка обломана) (рис. 5: 17) и грызло удила (рис. 5: 16). Сохранившаяся часть стремени позволяет отнести его к стремени «смягченной угловатости» VII типа, по А. Н. Кирпичникову (*Кирпичников, 1973. Рис. 29, 66*), получившим наибольшее распространение в XIII в.

Массовый материал из заполнения ямы представлен фрагментами гончарной керамики (всего 243 ед., из них стенок – 123 ед.). В связи с тем, что в настоящее время единая типология костромской керамики не разработана, обработка керамического материала на раскопе 2017–2018 гг. велась с применением сокращенной («московской») системы статистической фиксации керамики эпохи русского Средневековья, разработанной В. Ю. Ковалем (*Коваль, 2016*). Наибольшая группа представлена керамикой с примесью в тесте дресвы – это 84,3 % от общего количества (204 ед.). В составе группы доля 49 %² относится к керамике серого цвета на поверхности или изломе: 119 ед. (из них 26 ед. венчиков, 80 ед. стенок, 13 ед. днищ); к керамике красного, розового, коричневого, бурого цветов на поверхности с крупной дресвой: 11,5 %, 28 ед. (из них 16 ед. венчиков, 3 ед. стенок, 9 ед. днищ); с большим количеством мелкой дресвы: 18,9 %, 46 ед. (из них 19 ед. венчиков, 26 ед. стенок и 1 фрагмент крышки); с малым количеством мелкой дресвы: 4,5 %, 11 ед. венчиков. Следующая по количеству фрагментов группа представлена керамикой с примесью в формовочной массе только песка (14 %; 35 ед.). В ее составе 9,1 % составляет керамика серого или коричневого цвета в изломе, серого или черного цвета на поверхности без лощения: 22 ед. (из них 8 ед. венчиков, 11 ед. стенок, 3 ед. днищ); 4,9 % – керамика красного (коричневого, бурого) цвета на изломе с красной поверхностью без лощения – 12 ед. (из них 7 ед. венчиков, 2 ед. стенок, 1 фрагмент днища и 2 фрагмента крышек

² Здесь и далее во всех случаях проценты указаны от общего объема керамического материала, найденного в конкретном объекте.

от горшков). Одиночными фрагментами представлены керамика с примесью дресвы белого цвета на поверхности (1 ед.), с примесью песка серого или черного цвета на поверхности с лощением (2 ед.), без примесей с черной поверхностью, серого цвета на изломе без лощения (1 ед.) и с разреженным лощением (1 ед.). 15,6 % фрагментов орнаментированы линейным и волнистым орнаментом.

Большинство венчиков в полученной из ямы коллекции сильно профилированы, т. е. изогнуты в наружную сторону с черновым краем, завернутым внутрь сосуда и деформированным в уплощенный валик или ярко выраженный валик округлого сечения (рис. 6). Аналогами венчикам подобной формы являются 5-й, 7-й и 8-й типы сокращенной системы, имеющие широкую датировку XII–XIV вв. В составе коллекции выделяются нетипичные для костромской керамики единичные фрагменты грубой лепной керамики черно-серого на поверхности цвета, имеющей небольшой прямой венчик со срезанным краем, слегка отогнутый наружу (рис. 6: 12).

Яма № 1 (раскоп «Малые мучные ряды») примыкала к северо-западной стенке раскопа и имела первоначально в плане пятно неопределенной формы, размерами около $3,4 \times 5,4$ м (после разбора размеры котлована $3,8 \times 4,6$ м) (рис. 7). Глубина от уровня фиксации составляла 1,5–2 м. Определение контуров ямы затрудняло то, что непосредственно над ней и на ее границе находилось не менее 8 взрослых погребений исследованного выше некрополя, могильные ямы которых врезались в заполнение ямы.

Верхняя и юго-западная части заполнения ямы представлены в основном темно-серой супесью с включениями угля и выходами светло-серой супеси и оранжевого суглинка с углем; северо-восточная – оранжевым суглинком с желтым песком и тонкими линзами глина по северо-восточной стенке и дну (вероятно, остатками деревянных конструкций). Характер заполнения позволяет сделать вывод о том, что сооружение имело как минимум два периода использования и яма № 1 представляет из себя подклеты двух сменявших друг друга построек, выкопанные на одном и том же месте со смещением к юго-западу. На это же указывает и следующее наблюдение. В процессе разбора юго-западной части ямы № 1 на ее дне была выявлена яма № 1А овальной формы размерами около $0,6 \times 0,95$ м и глубиной около 0,3 м. Индивидуальные находки и массовый материал в яме не обнаружены. После разбора заполнения на всей площади ямы, включая северо-восточную часть, углубление ямы № 1А практически перестало прослеживаться, зато в северной части ямы было расширено вытянутое углубление в материке размерами около $0,4 \times 1$ м, выполнявшее, очевидно, аналогичные функции. К сожалению, наиболее древняя часть не содержала какого-либо вещественного материала – полученные из ямы № 1 находки связаны со вторым, поздним периодом.

При разборе ямы всего зафиксировано 46 индивидуальных находок из черного металла (36 ед.), цветных металлов (6 ед.), стекла (3 ед.), глины (1 ед.), кости (1 ед.).

Из ямы происходит выразительный набор находок, достаточный для определения датировки комплекса. Среди них – обломки двух стеклянных браслетов (рис. 8: 9, 10) темно-зеленого цвета, в одном случае браслет перевит тонкой двойной желтой нитью. Также найдены ключи типа В-1 (рис. 8: 3, 4), цилиндрический замок типа Г (рис. 8: 2), перстнеобразное височное кольцо (рис. 8: 11), круглая железная пряжка из дрота круглого сечения с пластинчатым язычком (рис. 8: 6), ледоходный шип (рис. 8: 7), обоймица от широкого ремня (около 7 см) (рис. 8: 8).

Рис. 6. Керамический материал из ямы № 9 («Мясные ряды»)

Одна из наиболее ярких находок в сооружении – почти целая колесцовая шпора (рис. 8: 1) VII типа, по О. В. Двуреченскому (*Двуреченский*, 2018а. С. 129–130) – имеет плавно изогнутые С-видные дуги с крепежом в виде сдвоенных отверстий (вариант 7, по А. Н. Кирпичникову), в которых располагались крепежные скобы – крючки

Рис. 7. Раскоп «Малые мучные ряды» на материке. Аэрофотосъемка. 1, 3–13, 3А – ямы; П. 40, П. 45, П. 50 – погребения

(один из которых сохранился у шпоры из ямы 1), и пряжка для крепления околостопных ремней (Кирпичников, 1973. С. 68–70. Рис. 37; 38). Шпора из ямы № 1 оснащена пяточным выступом – стержнем располагавшегося над местом крепления держателя колесика (утрачено), игравшего роль ограничителя-упора.

В заполнении ямы найден целый портупейный крюк – застежка с прямоугольным щитком и четыремья шпеньками его по углам для крепления на основу (рис. 8: 5). Это довольно редкая находка в культурных слоях поселений, большая часть таких предметов происходит сейчас из кочевнических погребений степной зоны. Однако в последнее время подобного рода предметы все чаще стали встречаться на памятниках русского Средневековья. Сейчас находки портупейных крючков в Северо-Восточной Руси известны в Суздале (Шполянский, 2019), на подмосковном селище Лешково 1. Кроме памятников Залесской Руси такие крюки известны в округе Ельца на верхнем Дону (Тропин, 2018. С. 50. Рис. 2: 33), а главное – на саадачном поясе из Новгорода, выставленном в 9-м зале постоянной экспозиции ГИМ (Горелик, 2008. С. 122–124).

Массовый материал представлен фрагментами гончарной керамики (всего – 326 ед., их них стенок – 230 ед.). Подавляющее большинство керамического материала содержит в тесте примесь дресвы – это 93 % от общего количества (303 ед.). В составе группы 47,9 % относятся к керамике серого цвета на поверхности или изломе:

Рис. 8. Находки из ямы № 1 («Малые мучные ряды»). 1 – шпора; 2 – замок; 3, 4 – ключи; 5 – португейный крюк; 6 – пряжка; 7 – ледоходный шип; 8 – обеймица от ремня; 9, 10 – браслеты; 11 – височное кольцо. 1–8 – железо; 9, 10 – стекло; 11 – цветной металл

156 ед. (из них 18 ед. венчиков, 119 ед. стенок, 19 ед. днищ); к керамике красного, розового, коричневого, бурого цветов на поверхности с крупной дресвой: 18,4 %, 60 ед. (из них 5 ед. венчиков, 54 ед. стенок и 1 фрагмент днища); с малым количеством мелкой дресвы: 13,5 %, 44 ед. (из них 10 ед. венчиков, 33 ед. стенок и 1 фрагмент днища); с большим количеством мелкой дресвы: 12,3 %, 40 ед. (из них 25 ед. венчиков, 7 ед. стенок, 8 ед. днищ); 0,9 % – к керамике белого цвета на поверхности: 3 фрагмента венчиков. Керамика с примесью только песка составляет 6,8 % – 22 фрагмента. 10,1 % фрагментов орнаментировано линейным и волнистым орнаментом.

Большинство венчиков в полученной из ямы коллекции сильно профилированы, т. е. изогнуты в наружную сторону с черновым краем, завернутым внутрь сосуда и деформированным в уплощенный валик или ярко выраженный валик округлого сечения (рис. 9). Аналогами венчикам подобной формы являются типы 5, 7 и 8 сокращенной системы, имеющие широкую датировку XII–XIV вв.

Яма № 3 (раскоп «Малые мучные ряды»), в отличие от двух других объектов, вошла в сетку раскопа не полностью, частично уходя в юго-западную стенку раскопа (рис. 7). Пятно видимой части – неопределенной формы, размерами около 2,8 × 2,4 м (после разбора размеры котлована – 3,2 × 2,4 м). Глубина ямы составляла около 1,5 м. Заполнение в верхней части было представлено темно-серой супесью с включениями угля, в нижней – перемешанными слоями светло-серой и серой супесей с включениями желтого песка, угля и кирпичной крошки. В центральной части ямы прослеживалась линза угля мощностью до 0,08 м.

Как и в других двух объектах, на дне ямы № 3 в восточной части была выявлена яма № 3А, размерами около 0,6 × 0,8 м и глубиной около 0,3 м.

Непосредственно при разборе ямы зафиксированы 22 индивидуальные находки из черного металла (16 ед.), цветных металлов (1 ед.), глины (5 ед.).

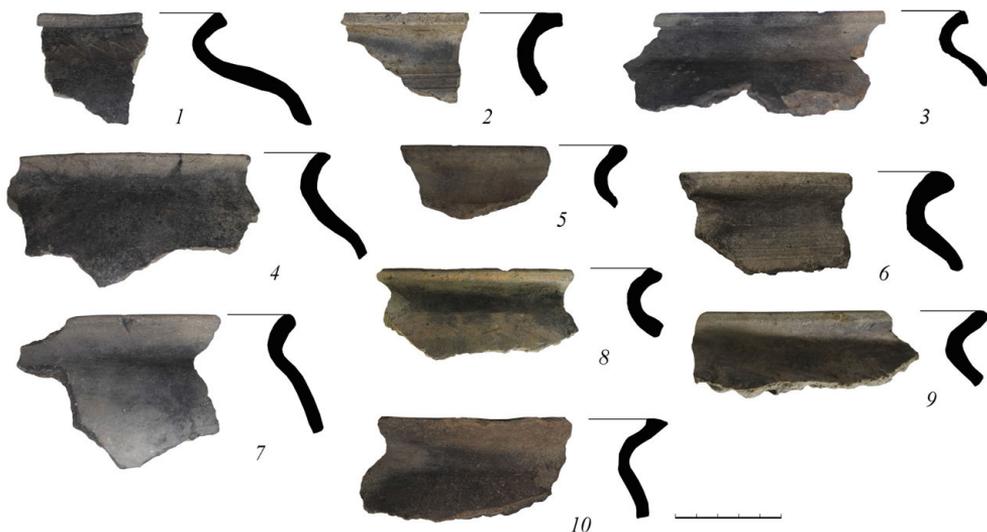

Рис. 9. Керамический материал из ямы № 1 («Малые мучные ряды»)

Наиболее интересной среди находок в яме № 3 является фрагмент узкорогой подвески-лунницы с орнаментом из выпуклых точек, образующих в центре, под ушком, крест и расходящиеся от него рельефные линии (рис. 10: 1). Несмотря на утраты, она имеет близкие аналогии в материалах костромских курганов (*Анучин*, 1899. С. 18–19. Табл. V: 36, 37; *Рябинин*, 1986. С. 72–73, 134. Табл. IV: 1). Исследователи определяют поздний период бытования подобных украшений как XII–XIII вв. (Там же. С. 73; *Седова*, 1981. С. 23–25).

С верхней частью заполнения ямы № 3 могут быть связаны еще две находки, первоначально рассматривавшиеся в другом контексте.

Первая – это маленькая арочная иконка с изображением двух фигур (рис. 10: 2). Иконка была найдена в районе груди детского погребения в парном захоронении 46 (взрослое) и 46А (детское), которое нарушило верхнюю часть заполнения ямы. Малый размер и плохая сохранность, а также качество отливки затрудняют интерпретацию сюжета на иконке. Аналогичная иконка была найдена на территории Старого города Костромского кремля в ходе археологических раскопок 2007 г. под руководством Л. А. Беляева. В отчете предположительным сюжетом изображения указано Благовещение Пресвятой Богородицы, датировка предмета – XII–XIII вв. (*Беляев*, 2008. № 25. Илл. 4). Другим возможным вариантом трактовки является сюжет, основанный на апокрифическом сказании «Архангел Сихаил перед святым Сисинием» (*Гнутова, Зотова*, 2000. № 59).

Последняя из заслуживающих внимания находок, которые могут быть связаны с поздним периодом формированием заполнения ямы, – круглая костяная прикладная печать-матрица с изображением на лицевой стороне фигуры человека с поднятыми руками и четвероногого животного (рис. 10: 3). Исходя из существующего круга аналогий и условий обнаружения, печать датируется в пределах XV – 1-й половины XVI в.³

Массовый материал представлен фрагментами гончарной керамики (всего 171 ед., из них стенок – 91 ед.). Керамика с примесью в тесте дресвы составляет 95,9 % от общего количества (164 ед.). Фрагменты серого цвета на поверхности или изломе: 14 %, 24 ед. (из них 18 ед. венчиков, 4 ед. стенок, 2 ед. днищ); красного, розового, коричневого, бурого цветов на поверхности с крупной дресвой – наибольшее количество фрагментов – 57,3 %, 98 ед. (из них 14 ед. венчиков, 70 ед. стенок, 14 ед. днищ); с большим количеством мелкой дресвы – 15,2 %, 26 ед. (из них 11 ед. венчиков, 14 ед. стенок, 1 фрагмент днища); с малым количеством мелкой дресвы – 7 %, 12 ед. венчиков; керамика белого цвета на поверхности – 2,3 %, 4 ед. (из них 3 ед. венчиков и 1 фрагмент стенки). Керамика с примесью только песка составляет 3,5 % – 6 фрагментов. 11,1 % фрагментов орнаментировано линейным и волнистым орнаментом.

Большинство венчиков в полученной из ямы коллекции сильно профилированы, т. е. изогнуты в наружную сторону с черновым краем, завернутым внутрь сосуда

³ Археологический контекст обнаружения и круг аналогий костяной прикладной печати-матрицы был представлен в докладе А. С. Лазарева «Находка костяной прикладной печати на раскопе “Малые мучные ряды” в г. Костроме в 2018 г.» на конференции «SUB SPECIE AETERNITATIS. Средневековая археология Восточной Европы» (К 100-летию со дня рождения Василия Дмитриевича Белецкого (1919–1997)) в 2019 г. в Государственном Эрмитаже (в настоящее время материалы находятся в печати).

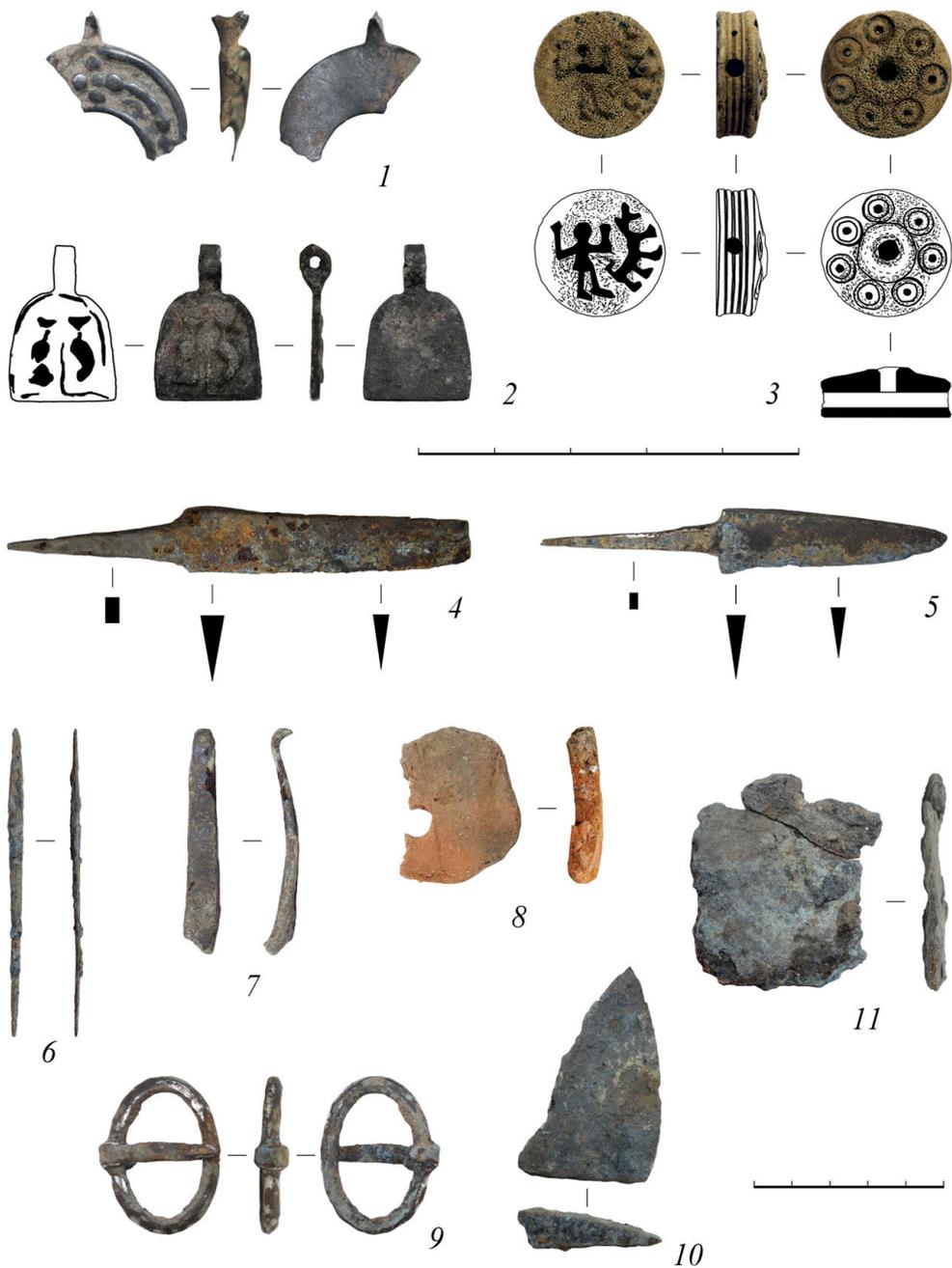

Рис. 10. Находки из ямы № 3 («Малые мучные ряды»). 1 – лунница; 2 – иконка; 3 – печать-матрица; 4, 5 – ножи; 6 – шило; 7 – язычок от пряжки; 8 – пряслице; 9 – пряжка; 10 – лезвие топора; 11 – пластина. 1, 2 – цветной металл; 3 – кость; 4-7, 9-11 – железо; 8 – керамика

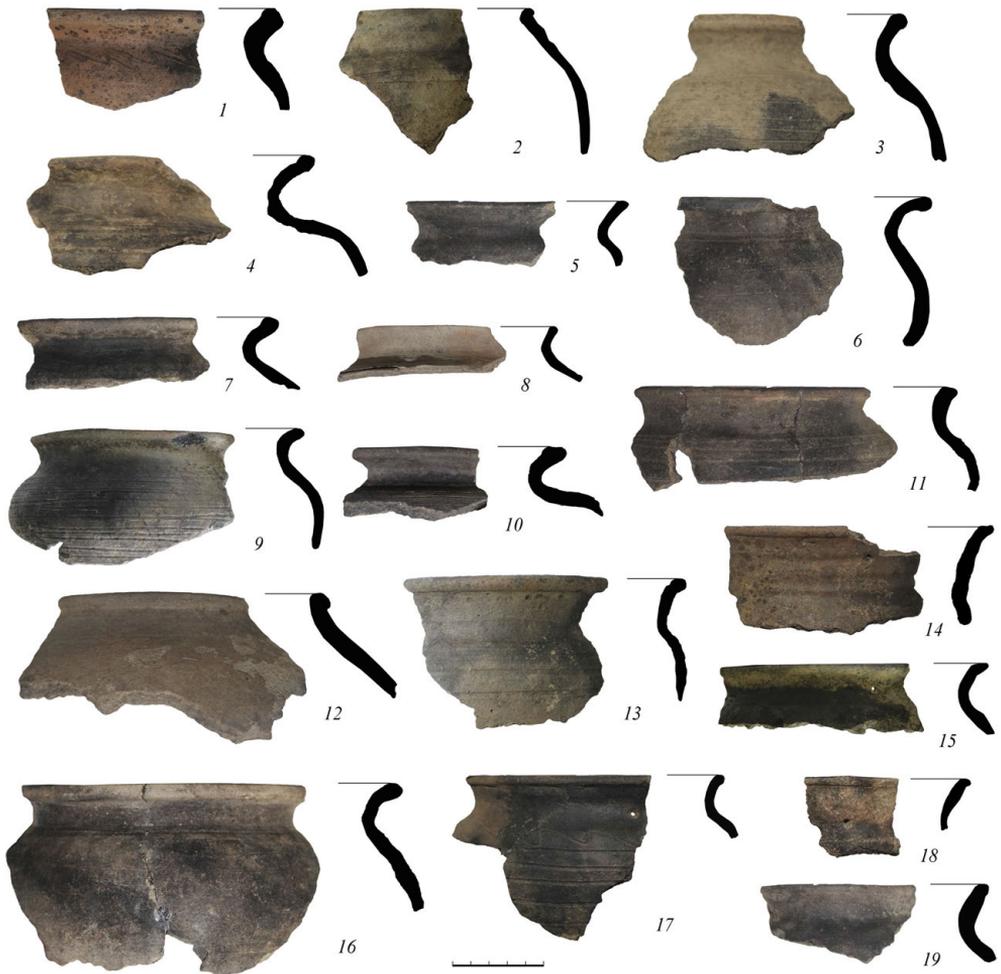

Рис. 11. Керамический материал из ямы № 3 («Малые мучные ряды»)

и деформированным в уплощенный валик или ярко выраженный валик округлого сечения (рис. 11). Аналогами венчикам подобной формы являются типы 5, 7 и 8 сокращенной системы, имеющие широкую датировку XII–XIV вв.

Нужно отметить, что керамика схожего облика в меньшем количестве встречена практически на всей площади в нижних пластах и в других материковых объектах меньшего размера на обоих раскопах (ямы № 1, 4, 5, 6 на раскопе «Мясные ряды» и ямы № 2, 5 на раскопе «Малые мучные ряды»).

Небольшая площадь раскопов не дает возможности сделать выводы о характере застройки нижнего посада, однако все исследованные постройки располагались параллельно р. Волге и известной нам по писцовым книгам Десятильничьей улице.

В целом набор находок, происходящий из нижней части свиты культурных напластований обоих раскопов и из наиболее крупных материковых ям, позволяет говорить, что в результате исследований 2017–2018 гг. впервые исследован культурный слой и элементы застройки «нижнего посада» города, представляющие материальную культуру Костромы XIII–XIV столетий.

Довольно ярко в составе коллекции выражен воинский комплекс, представленный набором стрел с явным доминированием степных типов, ременной гарнитурой, в том числе, вероятно, от «стрелковых» поясов. Эти предметы могут быть как свидетельством ордынских походов, так и демонстрировать особенности состава вооружения русских воинских контингентов в золотоордынское время. В пользу последнего предположения говорит находка колесцовой шпору, обычной именно для комплекса русского всаднического снаряжения.

Литература

- Анучин Д. Н.*, 1899. О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах. М.: Тип. Н. Н. Шарапова. 23 с.
- Гнутова С. В., Зотова Е. Я.*, 2000. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI – начала XX в. Из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева. М.: Интербук-бизнес. 126 с.
- Горелик М. В.*, 2008. Золотоордынские предметы и их местные подражания на материалах древнерусских городов // КСИА. Вып. 222. С. 117–125.
- Двуреченский О. В.*, 2018а. Колесцовые шпору, происходящие с территории Русских княжеств и Московского государства второй половины XIII – XVII в. // Военная археология: сб. материалов науч. семинара. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 118–182.
- Двуреченский О. В.*, 2018б. Тушинский лагерь (публикация коллекции В. А. Политковского из собрания ГИМ). М.: ИА РАН. 196 с.
- Древняя Русь. Быт и культура / Отв. ред.: Б. А. Колчин, Т. И. Макарова. М.: Наука, 1997. 368 с. (Археология).
- Древняя Русь. Город, замок, село / Отв. ред. Б. А. Колчин. М.: Наука, 1985. 432 с. (Археология СССР).
- Киртичников А. Н.*, 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л.: Наука. 140 с. (САИ; вып. Е1-36).
- Коваль В. Ю.*, 2016. Первичная фиксация массового керамического материала (на памятниках эпохи Средневековья и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы). М.: ИА РАН. 128 с.
- Коваль В. Ю.*, 2022. Дворец золотоордынского времени в цитадели Ростиславля Рязанского: проблемы интерпретации // Русский средневековый город. Археология. Культура: к юбилею Алексея Владимировича Чернецова. М.: ИА РАН. С. 217–248.
- Колчин Б. А.*, 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок в Новгороде. М. С. 156–177.
- Лазарев А. С.*, 2019. Археологические разведки и наблюдения на территории Торговых рядов в г. Костроме в 2014–2018 гг. // Костромской край и сопредельные территории в древности, Средневековье и в Новое время: к 110-летию со дня рождения П. Н. Третьякова: сб. науч. тр. / Под ред. А. С. Лазарева, И. С. Наградова, В. Л. Щербакова. Кострома: Костромской музей-заповедник. С. 51–64.
- Материалы для истории Костромской епархии. Костромская десятина жилых данных церквей 1628–1710 и 1722–1746 гг. / Сост. Г. Холмогоров. Кострома: Губ. тип., 1908. 277 с.

- Медведев А. Ф.*, 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. М.: Наука. 154 с. (САИ; вып. Е1-36).
- Овчинникова Б. Б.*, 2000. Писала-стилосы древнего Новгорода X–XV вв. Свод археологического источника // Проблемы истории России. Вып. 3. Новгородская Русь. Историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург: Банк культурной информации. С. 45–105.
- Писцовая книга г. Костромы 1627/28 – 1629/30 гг. / Сост.: Л. А. Ковалева, О. Ю. Кивокурцева. Кострома: КОСТРОМАИЗДАТ-850, 2004. 432 с.
- Рябинин Е. А.*, 1986. Костромское Поволжье в эпоху Средневековья / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. Л.: Наука. 159 с.
- Седова М. В.*, 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 196 с.
- Сташенков Д. А., Кочкина А. Ф., Турецкий М. А., Газимзянов И. Р., Гасилин В. В., Хохлов А. А.*, 2021. Элитное погребение золотоордынской эпохи в Самарском Поволжье: человек, лошади и культурный комплекс // *Stratum plus*. № 5. С. 309–334.
- Тропин Н. А.*, 2018. Материальная культура военного сообщества Елецкого княжества как отражение повседневности на границе русских земель с Ордой второй половины XIV – первой половины XV веков (по материалам раскопок поселения Аргамач – Пальна 3) // *История: факты и символы*. № 4 (17). С. 42–51.
- Шполянский С. В.*, 2019. Накладки из черного металла со средневековых памятников Суздальского Ополя // *Археология Подмосковья: материалы науч. семинара*. Вып. 15. М.: ИА РАН. С. 227–245.
- Шполянский С. В.*, 2023. Вооружение и всадническое снаряжение // *Археология Суздальской земли. Т. II. Культура, общество, идентичность*. М.; Вологда: Древности Севера. С. 103–138.
- Wywrot-Wyszowska B., Janowski A.*, 2017. Mieszczkański pas naddługi z późnośredniowiecznego Kołobrzegu // *Kwartalnik historii kultury materialnej*. Т. 65. № 2. Р. 209–220.

Архивные материалы

- Беляев Л. А.*, 2008. Отчет об археологических исследованиях на территории бывшего Успенского собора г. Костромы. М. 177 с. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 44528.
- Лазарев А. С.*, 2020. Научный отчет о проведенных археологических раскопках на территории г. Костромы в 2017–2018 гг. (раскопы «Мясные ряды» и «Малые мучные ряды») // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 64543-64550. 8 т. (243 + 161 + 117 + 228 + 233 + 229 + 193 + 200 с.)
- План города Костромы с проектом 3-х кладбищ, с селом Городищи. Копия. С описанием, в красках, составлен и подписан помощником землемера Ермолаем Соловым, копирован учеником Ильей Беляевым. 17 января 1774 г. РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Ед. хр. 1976.
- РГАДА. Ф. 248. Из подписей. Оп. 160. Ед. хр. 1976.

Сведения об авторах

Лазарев Алексей Станиславович, ОГБУ «Наследие» (г. Кострома);
e-mail: alexxdiams@mail.ru;

Шполянский Сергей Владимирович, Государственный исторический музей;
e-mail: shpol@yandex.ru

A. S. Lazarev, S. V. Shpolyansky

**COMPLEXES OF THE SECOND HALF OF THE 13th–14th CENTURIES
FROM BUILDINGS ON THE NIZHNY POSAD OF KOSTROMA
BASED ON THE MATERIALS OF 2017–2018 EXCAVATIONS**

Summary. In 2017–2018 large-scale archaeological research was carried out in Nizhny Posad of the Kostroma Kremlin due to the landscaping and restoration of the buildings of Saddlery and Fish Rows. In addition to archaeological observations, two excavations were laid for the first time in this urban area, which gave extensive collections of finds covering the period from the 13th to the beginning of the 20th century. The paper presents complexes of the second half of the 13th–14th centuries from buildings on the Nizhny Posad of Kostroma.

Keywords: Kostroma, XIII–XIV centuries, trading arcades, Nizhny Posad, weapons complex, arrowheads, spurs, glass bracelets.

В. Л. Щербаков

КУЗНЕЧНАЯ СЛОБОДА КОСТРОМЫ ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2022 г. НА ул. ШАГОВА

Резюме. В 2022 г. в г. Костроме проведены археологические раскопки на участке строительства на ул. Шагова, 29. Раскоп расположен в центральной части Кузнечной слободы. Изучена площадка с колодцами, которая, по мнению автора, выполняла функцию общественного пространства в XVII – 1-й половине XIX в. Ту же функцию площадка могла выполнять в XVI в. Свидетельства использования территории раньше XVI в. отсутствуют.

Ключевые слова: археологические раскопки, Кострома, общественное пространство.

Под наименованием «Участок культурного слоя бывшей Кузнечной и Гашеевой слобод, у Вологодской и Галичской дорог» XIV–XVIII вв. в г. Костроме поставлена на государственную охрану обширная территория, ограниченная современными улицами Шагова, Калиновской, Ленина и Князева. Существующая сеть городских улиц складывалась только с конца XVIII в., когда началась реализация «регулярного» плана города, принятого в 1781 г. (после пожара 1773 г.). Костромская Кузнечная слобода существовала задолго до пожара. В конце XVIII – XIX в. территория бывшей слободы входила в состав города и уже не была периферийной. Данный топоним относится к структуре городской и пригородной территории предшествующего периода, частично зафиксированной в Писцовой книге Костромы 1627/28–1629/30 гг. (ПКК, 2004). На момент ее составления конфигурация улиц кардинально отличалась от «регулярной». Планы города конца XVIII в. также фиксируют несовпадение трасс большей части древних улиц с вновь проектируемыми. Таким образом, описание границ Кузнечной слободы в рамках современной уличной сети не в полной мере отражает исторические реалии. В Писцовой книге Костромы 1627/28–1629/30 гг., содержащей подробнейшее описание города до пожара 1773 г., сведений о Кузнечной слободе немного. Формулировка «в Кузнецах» сопровождается наименования сразу нескольких церквей: «В Златоустенской улице в Кузнецах церковь ружная с трапезою древена, клетки, святых мученик Фрола и Лавра. Да место церковное Иоанна Златоустаго» (Там же. Л. 584 об.); «Игнатова ж улица в Кузнецах Кузмодемьянская тож. Церковь

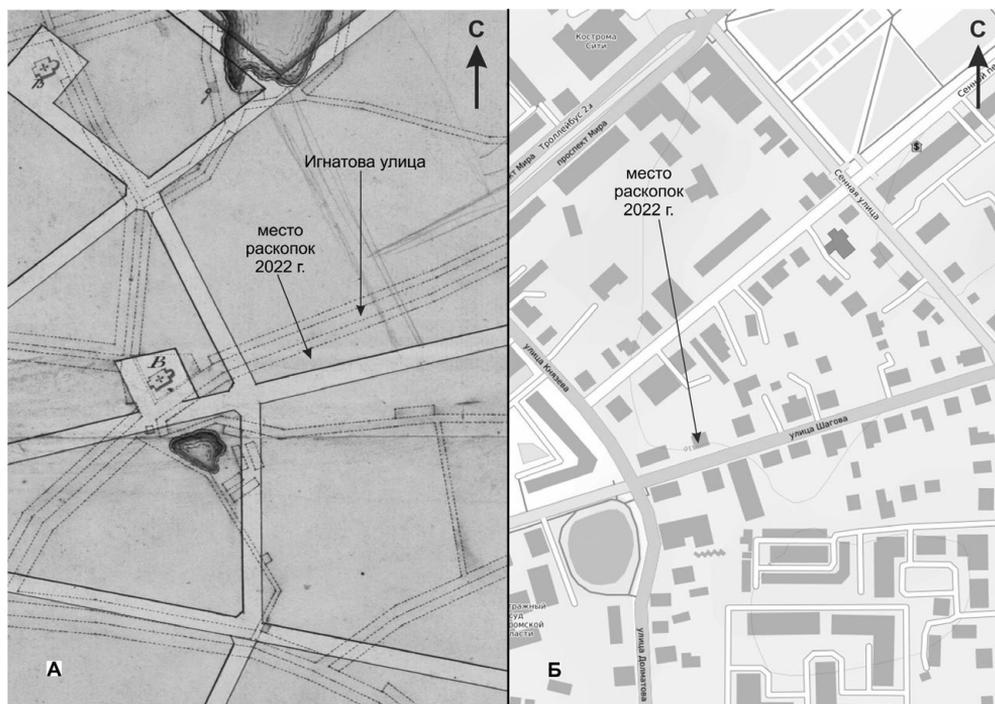

Рис. 1. Место раскопок 2022 г. на плане Костромы 1780 г. (А) и на современной карте (Б)

святых чудотворец безребренников Козмы и Домьяна древена, вверх. Да церковь другая с трапезною древяна, клецки, святые христовы мученицы Парасковеи, нарицаемые Пятницы» (Там же. Л. 580). Определение точных границ слободы по этому источнику вряд ли возможно. С бывшей слободской территорией надежно ассоциируются улицы Кузюдемьянская и Игнатова. Игнатова улица благодаря описанию 1627/28–1629/30 гг. и плану 1780 г. (РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 7. Л. 1) хорошо локализуется вблизи современной ул. Шагова, почти параллельно ей (рис. 1).

В 2022 г. на участке строительства по ул. Шагова, 29 под руководством автора проводились археологические раскопки (рис. 2). В раскопе площадью 166 кв. м исследованы напластования культурного слоя XVI–XX вв. (Щербаков, 2023). Суммарная мощность антропогенных отложений вне ям составила около 150 см. Верхняя часть культурного слоя была сильно повреждена в XIX–XX вв., многочисленные перекопы этого времени фиксируются в основном в северо-западной части раскопа.

Коллекция индивидуальных находок характеризуется практически полным отсутствием привычных бытовых и хозяйственных предметов (ножей, ключей и др.), тогда как представительную серию образуют монеты XVI–XIX вв., встречаются пуговицы, обувные подковы, украшения, курительные трубки (рис. 3; 4). Керамическая коллекция сравнительно немногочисленна, насчитывает около 2500 фрагментов глиняной посуды. Доля поливной керамики XIX–XX вв. в массовом материале не превышает 10 %.

Рис. 2. Прилегающая к колодцам площадка и канавка ограды в границах участка 3 раскопа 2022 г.

Стратиграфия участка и конфигурация выявленных объектов указывают на существование на месте работ переулка, примыкавшего к древней Игнатовой улице. Вероятно, переулок вел от улицы Игнатовой к колодцу, обеспечивавшему потребности окрестного населения в воде. Два одновременных колодца были изучены в пределах участков 1 и 3 раскопа (рис. 5). Более ранний из них относится к XVII – 1-й половине XVIII в. (рис. 5: А), второй колодец – к 1-й половине XIX в. (рис. 5: Б). В конструктивном отношении колодцы неодинаковы. Первый из них представлял собой сруб шириной около 80 см из тонких (диаметр не более 10 см) жердей. Сохранилось пять сильно истлевших венцов. Стенки сруба вертикальные, сруб впущен в водоносный слой примерно на 0,5 м. Второй колодец представлял собой капитальное сооружение, также углубленное в водоносный песчаный горизонт примерно на 0,5 м. Сохранилось 11 венцов сруба из бревен диаметром до 15 см. Размеры в плане в верхней части – 100 × 100 см, на высоту 6 венцов стенки вертикальные. Нижняя часть колодезного сруба коническая, расширяется почти до 170 см. Такая конструкция позволяла накапливать больший объем воды в углубленной в водоносный слой части колодца. Глубина обоих колодцев составляла не более 2,5 м, эксплуатировался первый водоносный горизонт.

Вопрос, являлся ли каждый из колодцев частным или общественным, остается открытым. В Писцовой книге Костромы 1627/28–1629/30 гг. описание колодца на данном участке не обнаружено. Другие колодцы, включая расположенные в слободах, названы общими: «...а колодезь вопче слободки Полянской слободкою Пищальной крестьян» (ПКК. Л. 611 об.). Каждым из упомянутых в описании города 1-й трети XVII в. колодцев пользовались несколько городских усадеб. Характер индивидуальных находок указывает скорее на общественный статус изученных в 2022 г. колодцев, доступ к которым имел широкий круг лиц.

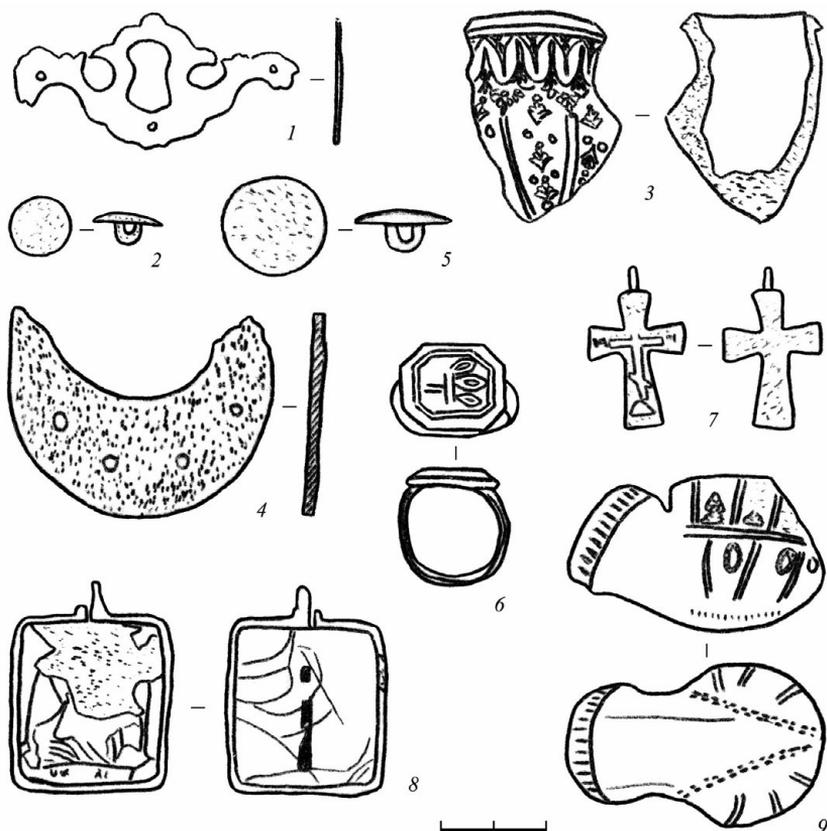

Рис. 3. Некоторые индивидуальные находки XVIII–XIX вв. из культурного слоя раскопа 2022 г. 1 – личина замка, медный сплав; 2, 5 – пуговицы, медный сплав; 3 – фрагмент курительной трубки, глина; 4 – обувная подкова, железо; 6 – перстень, медный сплав; 7 – крест нагельный, медный сплав; 8 – подвеска-иконка, металл белого цвета, перламутр; 9 – трубка курительная, глина

Если предположить общественный статус выявленных колодцев и принять атрибуцию прилегающего участка в качестве ведущего к ним переулка, изученную в 2022 г. территорию вблизи колодцев можно определить как одно из общественных пространств бывшей Кузнечной слободы. Применение термина «общественное пространство» в данном контексте представляется вполне оправданным в отношении участка городской территории, доступ к которому, видимо, не был ограничен и осуществлялся широким кругом лиц. Данный термин активно используется в урбанистике в контексте проблем формирования и функционирования городской среды (см., например: *Вотинов*, 2014. С. 36, 38; *Захарова*, 2017. С. 122–124; *Акимова*, 2022. С. 35, 36).

Площадка между колодцами отличается от прилегающей территории отсутствием углубленных в материк объектов (ям) (рис. 2). На близлежащих участках разновременные ямы многочисленны. С юго-запада площадка была ограничена ори-

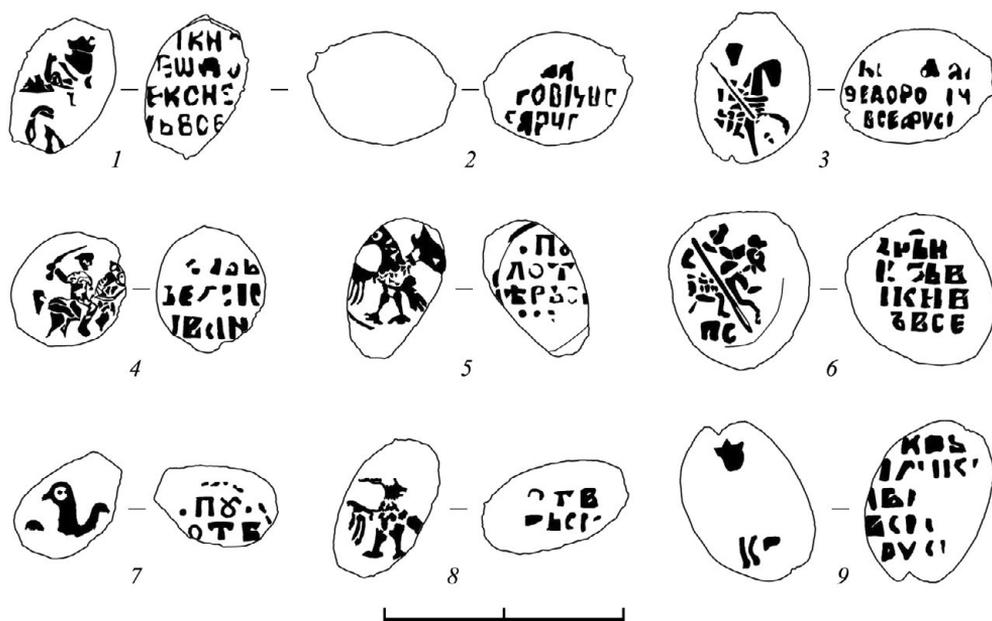

Рис. 4. Монеты XVI–XVII вв. из культурного слоя участка 3 раскопа 2022 г. 1 – копейка, 1676–1682; 2, 3 – копейки, 1613–1645; 4 – денга, 1535–1538 гг.; 5, 7, 8 – пула, 1540–1560-е гг.; 6 – копейка, 1547–1584 гг.; 9 – копейка, 1535–1538 гг.

ентированной с севера-северо-запада на юг-юго-восток изгородью, прослеженной в виде канавки в материке. Исследованная местность, согласно данным современных геологических изысканий (Технический отчет..., 2021. Л. 3), была чрезвычайно удобной для устройства колодцев: грунтовые воды залегали на небольшой глубине. Расположенный поблизости пруд существовал еще до составления Писцовой книги Костромы 1627/28–1629/30 гг. и подпитывался именно грунтовыми водами. Водоносный песчаный горизонт, как показали раскопки 2022 г., перекрыт незначительным по мощности слоем серого суглинка. Не вызывает сомнений, что пространство переулка было весьма топким. В профиле раскопа читаются слои истлевшего деревянного настила в виде тонких горизонтальных полос тлена (рис. 6). Проследить какие-либо особенности конструкции настила не удалось. Не исключено, что пространство около колодцев было просто забросано щепой и ветками, образовавшими гать. Той же цели служила плотная глинистая забутовка вокруг каждого из колодцев.

Функционирование этого общественного пространства приходится на период до введения «регулярного» плана города и некоторое время в процессе его реализации, т. е. на XVII – 1-ю половину XIX в. Существование Кузнечной слободы в XVI в. иллюстрируют найденные в предматериковом слое раскопа и в переотложенном состоянии предметы, не выходящие за рамки этого столетия, главным образом проволочные монеты (рис. 4: 4–9). К числу определимых экземпляров, имеющих удовлетворительную сохранность, относятся, например, три пула 1540–1560-х гг. (Гайдуков,

Рис. 5. Колодцы XVII – 1-й половины XVIII в. (А) и первой половины XIX в. (Б) на участке раскопок

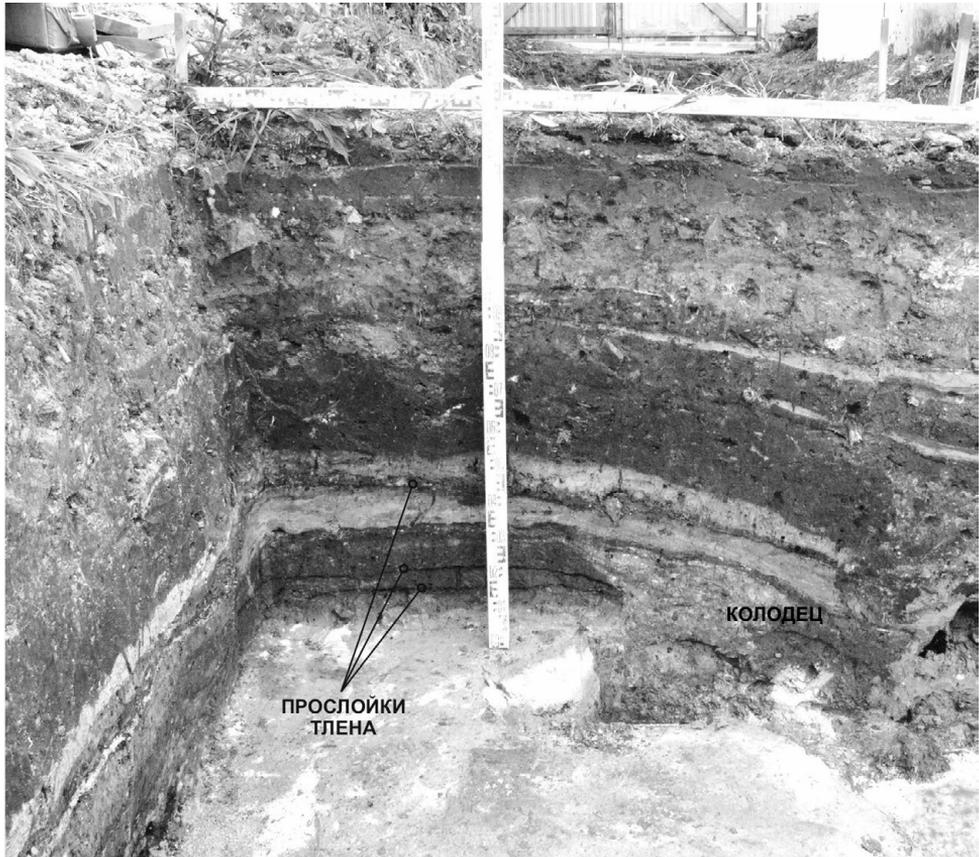

Рис. 6. Разновременные углубленные в материк ямы на участке 1 раскопа в стороне от колодцев

1993. № 360), денга 1535–1538 гг. (Мельникова, 1989. Табл. 1), копейка 1535–1538 гг. (Там же), копейка 1547–1584 гг. (Там же). Всего из 12 поддающихся узкой датировке монет к XVI в. относятся восемь экземпляров, к XVII – только четыре¹.

Все находки монет XVI–XVII вв. приурочены к площадке у колодцев. В XVI в. планировка слободы в целом и статус изученной в 2022 г. территории в частности могли быть иными. Колодца, относящегося к XVI в., в раскопе не выявлено. Однако отсутствие на площадке у колодцев ям этого периода при явном наличии соответствующего культурного слоя и находок позволяют с осторожностью спроецировать наблюдения об организации пространства в XVII – 1-й половине XIX в. на предшествующий период, т. е. на XVI столетие. В то же время материалы, позволяющие уверенно отнести освоение участка ко времени ранее XVI в. на данном (центральном) участке бывшей Кузнечной слободы, не выявлены.

¹ Атрибуция и прорисовка монет выполнена начальником научно-изыскательского отдела ОГБУ «Наследие» г. Костромы А. С. Лазаревым.

Литература

- Акимова Ю. А., 2022. Общественные пространства как территории развития // Контентус. № 1. С. 34–41.
- Вотинов М. А., 2014. Особенности формирования общественных пространств в городской среде // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова. № 4. С. 36–40.
- Гайдуков П. Г., 1993. Медные русские монеты конца XIV – XVI веков. М.: Наука. 293 с.
- Захарова Е. Е., 2017. Общественные пространства как факторы социокультурного развития локальных территорий // Вестник культуры и искусств. № 2 (50). С. 122–127.
- Мельникова А. С., 1989. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (История русской денежной системы с 1533 по 1682 г.) М.: Финансы и статистика. 318 с.
- ПКК – Писцовая книга г. Костромы 1627/28–1629/30 гг. / Археограф. подгот. Л. А. Ковалевой; сост. Л. А. Ковалева, О. Ю. Кивокурцева. Кострома: КОСТРОМАИЗДАТ-850, 2004. 432 с.

Архивные материалы

- РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 7. Л. 1.
- Технический отчет по результатам инженерно-геологических изысканий. Многоэтажный жилой дом по ул. Шагова, д. 29 в г. Костроме / ООО «ГЕОСТРОЙЭКОЛОГИЯ». Кострома, 2021. 48 с.
- Щербаков В. Л., 2023. Отчет об археологических раскопках на территории объекта культурного наследия «Участок культурного слоя бывшей Кузнечной и Гашеевой слобод, у Вологодской и Галичской дорог», XIV–XVIII вв. на ул. Шагова, 29 в г. Костроме в 2022 г.: в 3 т. // Архив ИА РАН.

Сведения об авторе

Щербаков Виталий Леонидович, АНО «Центр историко-культурных исследований и проектирования»;
e-mail: Scherbakov-V-L@yandex.ru

V. L. Scherbakov

THE BLACKSMITH'S DISTRICT OF KOSTROMA CITY ACCORDING TO RESULTS OF ARCHEOLOGICAL EXCAVATIONS IN 2022 (SHAGOVA ST., 29)

Summary. In 2022, archaeological investigations in Kostroma were launched on construction area on Shagova st., 29. The area was located in the central part of the Blacksmith's district. The investigated yard with two wells was a public space since 17th to the first half of 19th century, according to the author's opinion. This area could play the same role in the 16th century. There is no evidence of this area being used before 16th century.

Keywords: archeological excavations, Kostroma city, public area.

В. А. Аверин, В. Ю. Барышников, А. Д. Никифорова

РАСКОПКИ В РОСТОВЕ ВЕЛИКОМ ЛЕТОМ 2013 г.: СТРАТИГРАФИЯ И ОБЩАЯ ХРОНОЛОГИЯ

Резюме. В статье рассматриваются результаты охранных раскопок, проводившихся в Ростове во внутреннем дворе дома № 9 по ул. Маршала Алексеева. Дается описание стратиграфических слоев средневекового времени. Предложена датировка исследованных напластований на основе анализа распределения индивидуальных находок и керамики. Исследованные слои датированы периодом 1-й четверти – середины XI – XIII в.

Ключевые слова: Ростов, охранные раскопки, древнерусский город, стратиграфия, хронология, XI–XIII вв.

Летом 2013 г. Ивановская археологическая экспедиция провела раскопки в Ростове Великом. Исследованный участок представлял собой дворовую территорию дома № 9 по ул. Маршала Алексеева. Участок находится в непосредственной близости от главных топографических привязок: в 110 м к северо-востоку от Успенского собора, в 70 м к востоку от городского вала XVII в. (ул. К. Маркса, д. 7). Он достаточно удален от линии воды: в 497 м к северу от оз. Неро и в 212 м к западу от русла засыпанной р. Пижермы (ул. Володарского, д. 10).

В 80-х гг. XVIII в. участок был застроен каменными зданиями, принадлежавшими купцам Хлебниковым. Постройки на внутренней дворовой территории снесены в 30–70-х гг. XX в., после чего здесь располагались хозяйственные сараи и была устроена свалка бытового мусора.

Строительная активность стартовала до начала археологических работ: заложены бетонные основания под фундамент нового здания. Бетонные блоки опоясывали с юга, востока и частично севера площадь раскопа. Стесненность бетонными блоками стала фактором, который ограничивал возможности исследования. Первоначальная площадь раскопа (6 × 14 м) в целях предотвращения оползания бетонных блоков была сокращена до 72 кв. м.

Верхний уровень был снят при помощи экскаватора на глубину -140 см. Далее слой разбирался вручную. Сначала сняты 3 пласта мощностью по 20 см. Далее культурный слой разбирался более тщательно, пластами по 10 см. Таких пластов было снято 22. Совокупная мощность антропогенных напластований – 420 см; мощность

культурных напластований, исследованных методом археологических раскопок, – более 280 см.

В толще культурных напластований можно выделить четыре слоя.

Первый слой – битая кирпичная крошка, битый красный кирпич с более крупными фрагментами кладки, частично перемешанные с почвой, – это остатки каменных лавок Хлебниковых 1780-х гг.

Более ранние напластования характерны для Ростова: мощный переувлажненный культурный слой с большим количеством остатков деревянных конструкций, щепы, навоза, торфообразного органического вещества.

Второй слой представляет собой суглинок темно-коричневого цвета с навозом и щепой. В нем много линз глин и суглинков серо-голубого цвета, серовато-желтого песка, есть угольные прослойки. Совокупная мощность слоя достигает 145 см, он соответствует уровню второго (а на некоторых участках и первого) – 10–11-го условных пластов. В верхней части, на уровне 2–4 пластов, слой существенно нарушен перекопами Нового и Новейшего времени.

В толще второго слоя частично расчищена обширная постройка, ориентированная по сторонам света, состоящая из нескольких помещений (рис. 1). Одно из них, с восточной стеной, выполненной частоколом, имело размеры по линии запад – восток до 320 см; не менее 380 см по линии север – юг. Второе примыкало к нему с юга (запад – восток – до 370 см, южная стена уходит под южный борт раскопа). Далее – третье помещение примыкает ко второму с востока: его западная и северная стены фиксируются наиболее отчетливо, а оба северных угла положены на вертикально вкопанные в землю столбы с плоским основанием – «стулья». Постройка имела продолжение в восточном направлении: к восточной стене третьего помещения примыкает еще одно, практически полностью выходящее за пределы раскопа. Вероятно, постройки этого строительного горизонта погибли при пожаре: здесь много оплавленной керамики и других находок, в том числе стеклянных браслетов, подверженных термическому воздействию; фрагменты деревянных конструкций обуглены.

Для датировки второго слоя наиболее значимы следующие находки (номер по коллекционной описи) (рис. 1):

– коллекция стеклянных браслетов (30 фрагментов), 20–30-е гг. XII – начало XIV в., в том числе № 148 – треугольный в сечении сочно-синий браслет византийского производства, 1-я четверть XII – начало XIII в. (Ростов) (*Самойлович*, 2000. С. 269, 270);

№ 64 – шарообразная бусина из непрозрачного белесо-голубого стекла, XII–XIII вв. (*Самойлович*, 2006. С. 372);

№ 106 – шарообразная хрустальная бусина, не позднее конца XII в. (Древняя Русь, 1997. С. 82, 83. Табл. 15);

№ 157 – геометрическая плоскогранная трапецевидная бусина из полупрозрачного зеленого стекла, модификация т. н. рыбовидных бус (*Захаров*, 2004. Рис. 286: 2), XI – начало XIII в. (*Фехнер*, 1959. С. 182. Прил. VI);

№ 102 – костяной двусторонний наборный гребень с накладкой, украшенной двумя рядами кружкового орнамента (о), чередующегося с двумя рядами медных заклепок (з), в ритме 1з – 2о – 1з, XII–XIII вв. (*Колчин*, 1958. С. 100. Рис. 5: 11; 1982. С. 166);

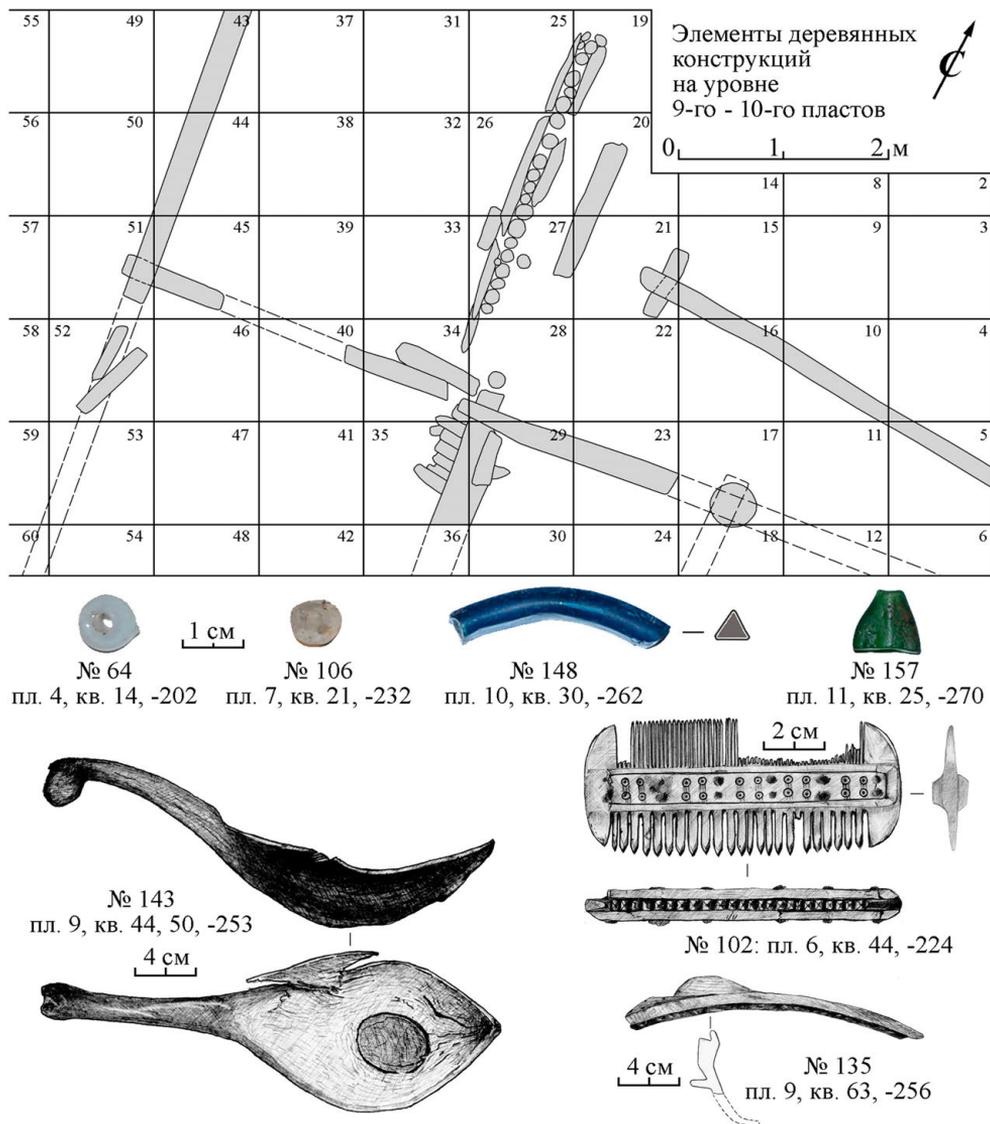

Рис. 1. Элементы деревянных конструкций на уровне 9–10-го пластов (2-й стратиграфический слой) и индивидуальные находки из стратиграфического слоя 2 (рисунки А. А. Цветкова)

– предметы деревянной утвари, в том числе № 135 – фрагмент боковой стенки точеного ставца с внешним выемом для сочленения с крышкой по венчику и с плоской боковой ручкой (ср.: ставцы новгородского Неревского раскопа, X–XI вв. (*Колчин*, 1968. С. 38)); и № 143 – ковш со слегка изогнутой ручкой и мордой дракона в ее окончании (ср.: ковши с мордами драконов в Новгороде, до начала XII в. (Там же. С. 46)).

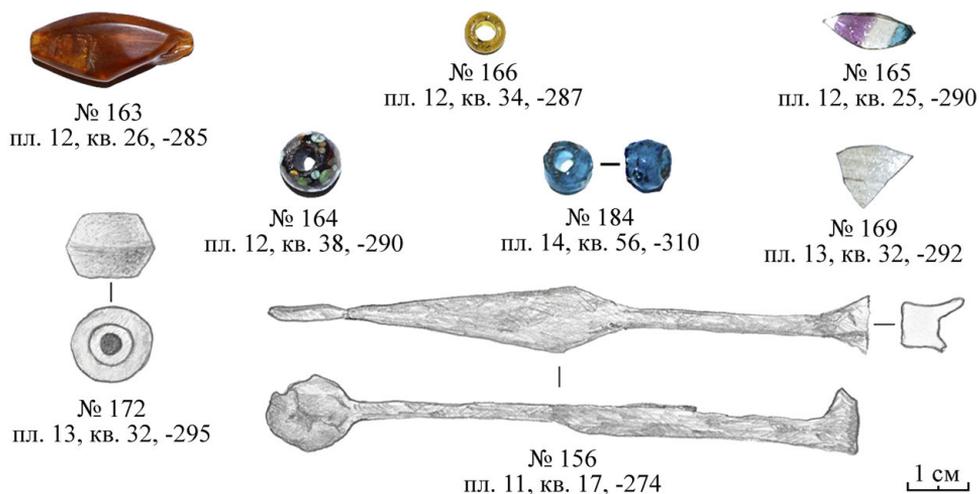

Рис. 2. Индивидуальные находки из стратиграфического слоя 3а (рисунки А. А. Цветкова)

Ниже деревянных конструкций существенно меньше. **Третий слой** – это суглинок темно-коричневого цвета с большим содержанием навоза и щепы. Совокупная мощность слоя достигает 130 см (11–23-й или 24-й пласты). В нижней половине (16–23-й пласты) этот слой представляет собой практически чистую прессованную древесную щепу. Поэтому в пределах третьего слоя выделены уровни 11–15-го пластов (3а) и 16–23-го пластов (3б).

Слой 3а лишен как таковых деревянных конструкций. Здесь встречены деревянные гати в виде длинных слег или досок, уложенных по две-три в ряд, либо хаотично набросанный молодой ельник (стволики длиной не более 1,2 м). Деревца не были уложены в мощенную ветками дорожку, как, например, на Конюшенном раскопе (Самойлович, 2007. С. 21, 69, 70. Рис. 33–35). Эти набросы исчезают с уровня 16 условного пласта.

В качестве хроноиндикаторов обозначим следующее (рис. 2):

– стеклянные браслеты в этом слое отсутствуют (что необязательно связано со временем отложения слоя);

№ 163 – сердоликовая бипирамидальная бусина, до 1-й четверти XIV в. с апогеем распространения в начале XII в. (Древняя Русь, 1997. С. 82, 83. Табл. 15);

№ 164 – пятнистая шарообразная бусина из глухого черного стекла с округлыми зелеными, голубыми, серо-коричневыми крапинами, конец XIII – начало XIV в., Ростов (Самойлович, 2006. С. 377), но конец XI – начало XII в., Саркел (Львова, 1959. С. 329, 328. Рис. 6: 17);

№ 166 – зонная желтая бусина из полупрозрачного стекла, не ранее начала XII в. (Самойлович, 2006. С. 383. Табл. 1);

№ 184 – ярко-синяя прозрачная битрапецидная бусина, середина XI в., Ростов, Григорьевский раскоп (Там же. С. 373. Рис. 10);

– два стеклянных осколка, вероятно, представляющих собой фрагменты тонкостенных стеклянных сосудов, прозрачные, белые, один из них (№ 165) – рифленый, второй (№ 169) имеет две цветные полосы, бирюзовую и лиловую; середина XI – 1-я половина XIII в., максимум – 60-е гг. XII в., Новгород (*Щапова*, 1972. С. 43, 44, 63);

№ 172 – шиферное пряслице (еще два шиферных пряслица найдены ниже – в слое 3б и 4); не ранее 10–30-х гг. XI в. – сер. XIII в., Ростов (*Самойлович*, 2000. С. 271);

№ 156 – плоский коленчатый ключ от висячего замка типа В, не ранее 2-й трети XII в., Новгород, Неревский раскоп (*Колчин*, 1959. С. 82. Табл. 26; 1982. С. 156).

В слое 3б деревянные конструкции также отсутствуют, здесь встречены отдельные фрагменты досок, жердей и бревен, не связанные друг с другом. В нижней части слоя прослежена линза навоза едкого желто-зеленого цвета мощностью до 32 см, рассекающая слой щепы в восточной и северо-восточной частях раскопа.

Датирующие находки из слоя 3б следующие (рис. 3):

№ 257 – фрагмент расписной бусины из непрозрачного белого, бордового и черного стекла со сложным декором (разноцветные линии, петли, волны), возможно, восточного (египетского?) происхождения, не позднее начала XI в. (*Щапова*, 1972. С. 75);

№ 303 – бусина глухого желтого стекла шарообразной, слегка уплощенной с торцов формы, орнаментированная двумя реснитчатыми рельефными глазками, X – середина XI в. (*Самойлович*, 2006. С. 376; *Щапова*, 1956. С. 178);

№ 287 – фрагмент стеклянного прозрачного желтовато-зеленого перстня с литым щитком, начало – 3-я четверть XI в. (*Щапова*, 1972. С. 98);

№ 199 – перстень-печатка щитковый, фигурносрединный, с замкнутым обручем, с плоским круглым щитком, XI – начало XIII в. (*Недошивина*, 1967. Рис. 31: 10. Прил. IV); на щитке – княжеский знак Рюриковичей в форме трезубца прямолинейных очертаний: центральный зубец выполнен двумя параллельными линиями с загибом вправо и по диагонали в верхней части; левый и правый зубцы – с загибом от центра и вниз, скруглены на загибе; нижний отрог заменен четырьмя ресничками, направленными вниз и расходящимися в направлении от центра, каждая ресничка соответствует одному из элементов трезубца в верхней части тамги;

№ 200 – энколпион с простыми концами и квадратным средокрестием, с изображением равноконечного креста с диагональными лучами в средокрестии на одной стороне и равноконечного креста с точками в средокрестии на оборотной стороне, 2-я половина XII – 1-я половина XIII в., Ярополч Залесский (аналогичный по внешнему облику и размерам экземпляр: Нагрудные кресты. 2013. С. 21. № 6);

№ 312 – трехлопастноконечный бронзовый крестик с выемчатой желтой эмалью, XI–XII вв., в городской среде – до XIII в. (*Мальм*, 1968. С. 116, 117);

№ 234 – подвеска-лунница, круторогая, литая, малого размера (менее 2 см), лицевая сторона орнаментирована точками, напоминающими зернь; вероятно, один из ранних вариантов круторогих лунниц, середина XI в. (?) (*Журжалина*, 1961. С. 133, 134; *Седова*, 1981. С. 24, 25. Рис. 6: 2; *Успенская*, 1967. С. 103);

№ 250 – комбинированная подвеска: два металлических кольца, внутри которых – шаровидный бубенчик с шелевидной прорезью, без орнаментального пояса по тулову, 1-я половина XI в. (?) (*Журжалина*, 1961. С. 138; *Мальм*, *Фехнер*, 1967. С. 137);

же голова святого, у другой – процветший шестиконечный крест; оттиск на третьей пломбе: на одной из сторон – крест (видны четыре конца и еще какие-то линии), изображение на противоположной стороне отсутствует, 10–40-е гг. XIII в., Ростов (Самойлович, 2007. С. 16), рубеж XI–XII вв., Новгород (Янин, 1953. С. 381; Колчин, 1956. С. 128, 129);

№ 210 – массивная пломба или вислая печать (диаметр – 1,8 см) с качественным оттиском кудрявого святого на лицевой стороне и процветшим шестиконечным крестом на тыльной стороне, XI–XII вв. (Перхавко, 1996. С. 225; Янин, 1953. С. 151–152);

№ 267 – деревянный гребень трапецевидной формы, неорнаментированный, с двумя прорезанными узкими чертами, отделяющими области зубьев от центральной плоскости, рубеж X–XI – начало XIII в. (костяные гребни аналогичной формы в составе новгородских древностей – Колчин, 1982. С. 164, 165. Рис. 5);

№ 327 – шиферное бочонковидное пряслице, 10–30-е гг. XI – середина XIII в. (Самойлович, 2000. С. 271);

Четвертый слой (23–25-й пласты) представлен оглееным суглинком серо-коричневого цвета. Количество щепы и навоза существенно сокращается. Вновь появляются элементы деревянных конструкций: несколько полуистлевших бревен – ориентированных по сторонам света, под прямым углом друг другу, частично внахлест, несколько коротких досок. Бревна слегка заглублены ниже уровня четвертого стратиграфического слоя (рис. 4).

Находки в четвертом слое немногочисленны. К датирующим можно отнести следующие (рис. 4):

№ 340 – шиферное пряслице уплощенной шаровидной формы, 10–30-е гг. XI – середина XIII в. (Там же);

№ 347 – железный стержень с лопаточкой на одном конце, интерпретированный как писало, середина XI – 1-я половина XII в. (Медведев, 1960. С. 73–74);

№ 360 – грушевидный крестопорезной бубенчик, конец X – начало XII в. (Журжалина, 1961. С. 129; Мальм, Фехнер, 1967. С. 136).

Ниже слоя 4 шел слой серо-голубой глины (10–15 см), который перекрывал горизонт дерново-подзолистой глееватой погребенной почвы. Погребенная почва прокопана во всех технических дренажных колодцах, устроенных по углам раскопа: ее мощность не превышала 30 см, она была совершенно стерильной, не содержала керамики, иных артефактов, костей животных. Под слоем погребенной почвы в прокопах выявлена однородная голубая материковая глина.

Для хронологической оценки стратиграфических данных составлен график с обозначением каждой из находок, датировка которой более или менее ясна (график 1). При анализе графика следует учитывать несколько методических принципов. Во-первых, хронологической оценке должен подвергаться весь комплекс находок, поскольку судьба каждой отдельной вещи, в том числе в период ее нахождения в культурном слое, может быть весьма разнообразна. Во-вторых, на графике отражены не датировки вещей, найденных в раскопе, а время бытования известных аналогий. Третий принцип состоит в том, чтобы при итоговой датировке слоя ориентироваться не на нижнюю, а скорее на верхнюю хронологическую границу бытования предметов. Это, в свою очередь, обусловлено различным сроком «жизни» вещей в быту и инертностью их распространения в культуре.

Несмотря на все методические ограничения, данный график позволяет уловить общее удревнение более глубоких пластов, что совершенно ожидаемо. Это удревнение происходит очень плавно. Второй стратиграфический слой довольно обобщенно может быть отнесен к XIII–XII вв., некоторые вещи свидетельствуют о том, что слой (на уровне 7–11-го условных пластов) начал формироваться в XII в. (№ 106 – бусина из горного хрусталя, № 148 – фрагмент стеклянного браслета византийского производства). Ключевой является датировка третьего стратиграфического слоя, отложения которого укладываются в промежуток между 1-й четвертью XI и серединой XII в. Отложения стратиграфического слоя 3а, а также двух верхних пластов слоя 3б также тяготеют к XII в. и, вероятно, маркируют рубеж двух столетий. В частности, желтая зонная бусина (№ 166) выглядит слишком молодой для XI в. Материалы слоя 3б,

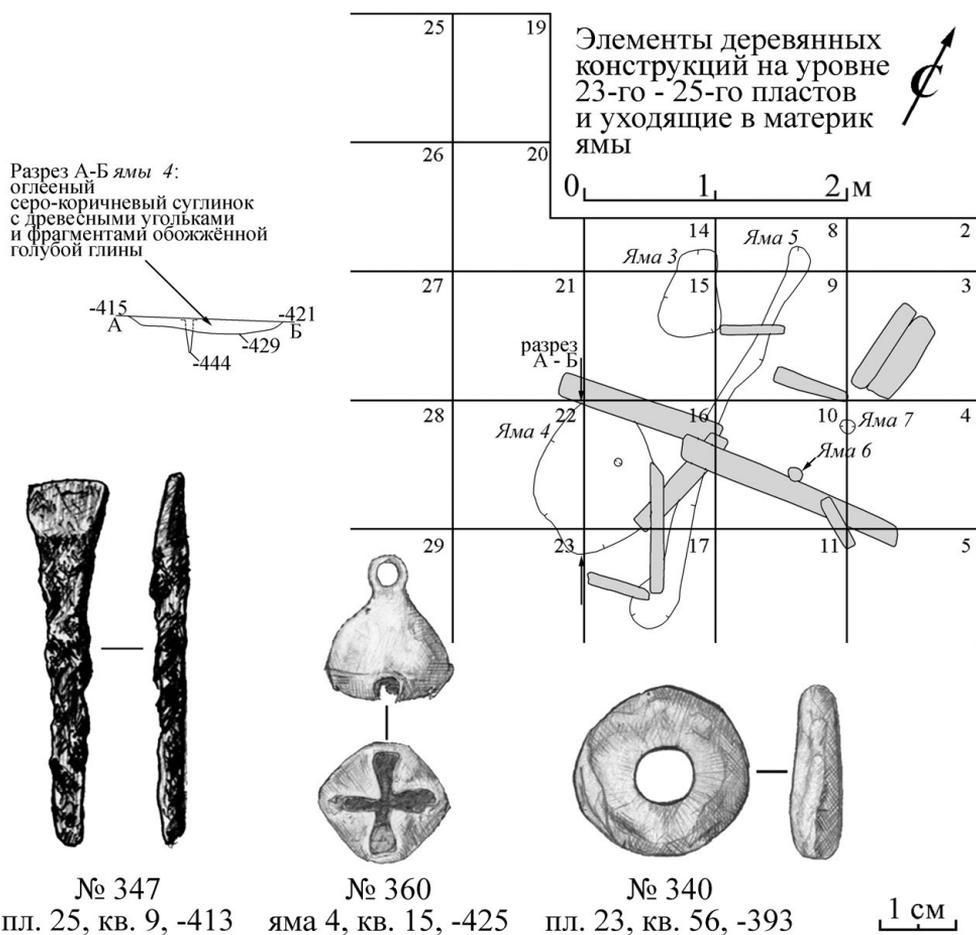

Рис. 4. Элементы деревянных конструкций на уровне 23–25-го пластов и уходящие в материк ямы. Индивидуальные находки из стратиграфического слоя 4 (рисунки А. А. Цветкова)

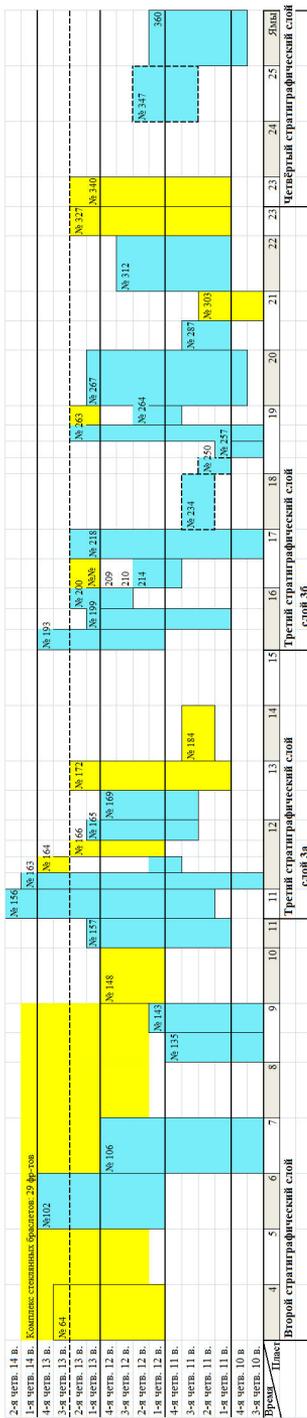

График 1. Хронологическое распределение находок из разновременных напластований раскопа на улице Маршала Алексеева, 9а в Ростове Великом

начиная с 18-го пласта, довольно уверенно могут быть отнесены к XI в. Две стеклянные бусины из этого слоя имеют архаичный облик, хотя одна из них (№ 257) представлена маленьким, трудноатрибутируемым фрагментом. Никаких данных, позволяющих отнести четвертый слой ко времени ранее 1-й четверти XI в., нет.

Анализ керамического материала не противоречит этим выводам, но корректирует их интерпретацию. В ходе статистической обработки и классификации керамического материала использованы понятийный аппарат, методологические принципы и методы, разработанные Е. К. Кадиевой для создания общей типологии посуды центра Ростово-Суздальской земли (Кадиева, 1996). В исследовании не учитывались материалы балласта – четвертого условного пласта, так как эти напластования нарушены многочисленными перекопами XVIII–XX вв.

Вся учтенная керамика относится к древнерусской круговой. В тесте зафиксированы примеси мелкой дресвы, мелкой дресвы и песка, средней дресвы.

В результате керамический материал разделен на три хронологических периода.

Первый из них – от середины XII до начала XIV в. Ему соответствуют материалы 5–10-го условных пластов, т. е. первого стратиграфического слоя, включающего строительный горизонт. Здесь найдено 569 фрагментов сосудов. Из 67 нижних частей сосудов 39 изготовлены на ручном круге легкого типа, 28 – на ручном круге тяжелого типа. Найдено 4 клейма. Из них 3 фрагментарных: 1) вращающееся колесо (2-я четверть XII – XIII в.) (рис. 5: 7); 2) две концентрические окружности с точкой в центре (2-я половина XII – 1-я четверть XIV в.) (рис. 5: 8); 3) прямая линия (возможно, случайный отпечаток) (рис. 5: 9). Есть одно целое клеймо – шестиконечный крест (рис. 5: 10); сосуд с клеймом в виде шестиконечного креста из курганного могильника Еремейцево в Мышкинском районе Ярославской области Е. К. Кадиева датирует 1-й половиной – серединой XII в. Исследовано 180 верхних частей горшков. Среди венчиков

доминируют венчики с округлым краем, несколько утолщенным снаружи (7 д-ж, по Е. К. Кадиевой – XII – начало XIV в.) (рис. 5: 1–4) – 109 фрагментов (60,56 %). Распространение этого варианта свидетельствует о процессе унификации в производстве керамических сосудов (ввиду простоты формы). Встречается вариант 8а (2-я половина XI – начало XIV в.) со скругленным, загнутым внутрь краем, который образует желобок для крышки (рис. 5: 5, 6), хотя он менее популярен по сравнению со слоями ниже (39 фрагментов, 21,67 %). К пятому пласту этот вариант оформления венчиков исчезает. Иные варианты представлены единичными фрагментами.

Ко второму хронологическому периоду отнесена керамика из 11–15-го пластов (слой 3а). Найдено 385 фрагментов сосудов. Из 42 нижних частей сосудов 31 изготовлен на ручном круге легкого типа, 11 – на ручном круге тяжелого типа. Исследовано 124 фрагмента верхних частей горшков. Среди венчиков доминирует вариант 8а со скругленным, загнутым внутрь под крышку краем – 46 фрагментов, 37,1 % (рис. 5: 11–13), довольно распространен вариант 9в со срезанным внутрь краем и же-

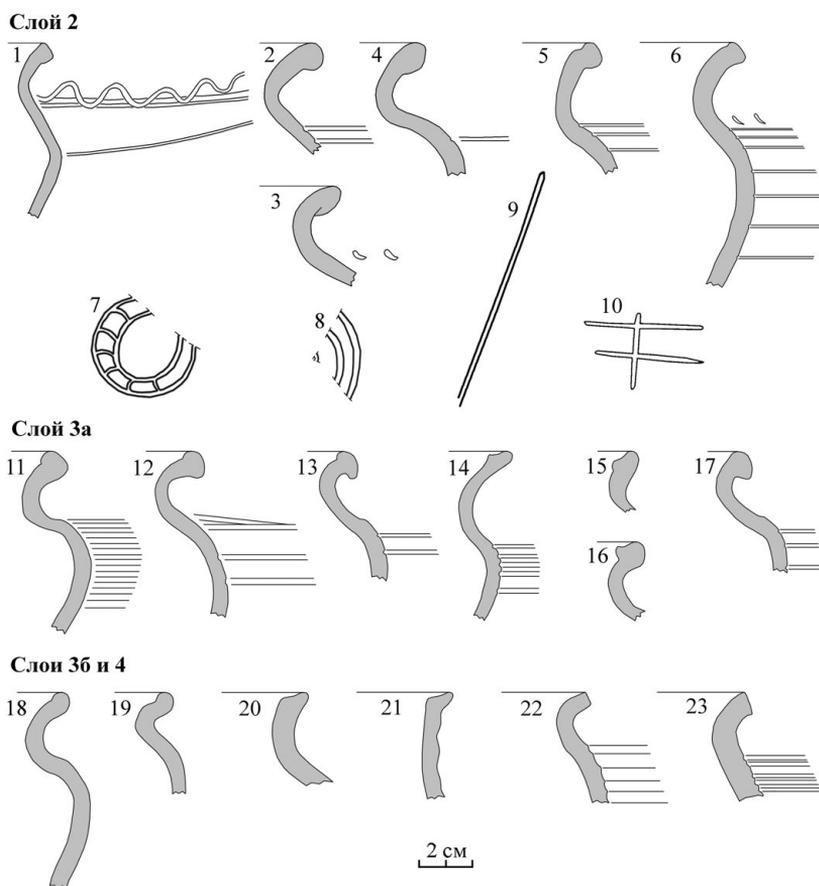

Рис. 5. Образцы массового керамического материала (прорисовки А. Д. Никифоровой)

лобком по срезу – 10 фрагментов, 8,06 %, 2-я половина XI – XIII в. (рис. 5: 14–16). Относительно часто встречаются разновидности варианта 7 с округлым, утолщенным снаружи краем, в том числе 7и – с отогнутым наружу и вниз, но не заглаженным черновым краем – 6 фрагментов из 11–13-го пластов, 4,84 % (рис. 5: 17): этот вариант Е. К. Кадиева датирует по керамическим комплексам 2-й половиной XII – началом XIV в. Таким образом, морфологически керамика из слоя 3а существенно отличается от керамики из 2-го стратиграфического слоя большим разнообразием форм, отсутствием безусловного доминирования 7-го варианта оформления венчиков. Начало складывания этой группы может быть отнесено к концу XI – XII в.

Наконец, к третьей хронологической группе отнесена керамика из пластов 16–25, т. е. из слоев 3б и 4. В этой группе учтено 497 фрагментов керамики. В тесте керамики этой группы появляется примесь крупной дресвы. Все сохранившиеся нижние части сосудов сформованы на ручном гончарном круге легкого типа. Исследовано 83 верхние части сосудов. Все они принадлежат к горшкам. Оформление края венчиков отличается разнообразием; всего учтено 30 различных вариантов. Большинство принадлежит уже описанному варианту 8а – 23 фрагмента, 27,71 % (рис. 5: 18, 19). Довольно распространены варианты 10а с горизонтально срезанным краем – 8 фрагментов, 9,64 % (рис. 5: 20, 21), появляющийся в начале XI и доживающий до XIV в., и 1а с косым срезом, слегка отогнутым наружу, – 5 фрагментов, 6,02 % (рис. 5: 22, 23); этот вариант оформления венчиков фиксируется с конца X в. до рубежа XII–XIII вв. Таким образом, в целом третья хронологическая группа может быть датирована XI–XII вв.

Другими словами, анализ хронологического распределения керамики по стратиграфическим слоям ничем не противоречит выводам, сделанным относительно датировки слоев по распределению датированных индивидуальных находок, но допускает при этом смещение в сторону более молодых датировок – от середины XI в. для слоев 3б и 4 до рубежа XIII–XIV вв. для слоя 2.

Литература

- Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997.
- Журжалина Н. П., 1961. Древнерусские привески-амулеты и их датировка // СА. № 2.
- Захаров С. Д., 2004. Древний город Белоозеро. М.
- Кадиева Е. К., 1996. Круговая керамика второй половины X – начала XIV веков центральных районов Ростово-Суздальской земли. М.
- Кирпичников А. Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. М.
- Колчин Б. А., 1956. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. I. М. (МИА; № 55).
- Колчин Б. А., 1958. Хронология новгородских древностей // СА. № 2.
- Колчин Б. А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. (Продукция, технология) // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II. М. (МИА; № 65).
- Колчин Б. А., 1968. Новгородские древности. Деревянные изделия. М. (САИ; вып. Е1-55).
- Колчин Б. А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.
- Львова З. А., 1959. Стекланные браслеты и бусы из Саркела – Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II. М.; Л. (МИА; № 75).
- Мальм В. А., 1968. Крестики с эмалью // Славяне и Русь. М.

- Мальм В. А., Фехнер М. В., 1967. Привески-бубенчики // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. (Тр. ГИМ; вып. 43).
- Медведев А. Ф., 1960. Древнерусские писала X–XV вв. // СА. № 2.
- Нагрудные кресты древнерусского времени из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника: каталог. Владимир, 2013.
- Недошивина Н. Г., 1967. Перстни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. (Тр. ГИМ; вып. 43).
- Перхавко В. Б., 1996. Распространение пломб дрогичинского типа // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994 г. Новое в нумизматике. М.
- Рябинин Е. А., 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X–IX вв. Л.
- Самойлович Н. Г., 2000. Стратиграфическое распределение и хронология массовых находок в культурном слое Ростова Великого // Сообщения Ростовского музея. Вып. X. Ростов.
- Самойлович Н. Г., 2006. Стекланные бусы Ростова Великого // Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К. И. Комарова). М.
- Самойлович Н. Г., 2007. Конюшенный раскоп в Ростове Великом. М. (Материалы охранных археологических исследований; т. 9).
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.
- Успенская А. В., 1967. Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. (Тр. ГИМ; вып. 43).
- Фехнер М. В., 1959. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. (Тр. ГИМ; вып. 33).
- Щапова Ю. Л., 1956. Стекланные бусы древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. I. М. (МИА; вып. 55).
- Щапова Ю. Л., 1972. Стекло Киевской Руси. М.
- Янин В. Л., 1953. Печати из новгородских раскопок 1951 г. // СА. Т. XVIII.

Сведения об авторах

Аверин Вадим Александрович, ООО «Ивановская Археологическая Экспедиция»;

e-mail: iv-ae@yandex.ru;

Барышников Вячеслав Юрьевич, ООО «Ивановская Археологическая Экспедиция»;

e-mail: althing-29@yandex.ru;

Никифорова Алёна Дмитриевна, ООО «Научно-производственное объединение “Археологическое проектирование и изыскания”»;

e-mail: aleny.k@yandex.ru

V. A. Averin, V. Yu. Baryshnikov, A. D. Nikiforova

EXCAVATIONS IN ROSTOV VELIKY IN SUMMER 2013: STRATIGRAPHY AND GENERAL CHRONOLOGY

Summary. The article discusses the results of rescue excavations in Rostov, in the backyard of the house No. 9 Marshall Alekseev St. A description of medieval stratigraphic layers is provided. The dating of the investigated layers is proposed based on the analysis of individual finds and pottery distribution. Researched layers are dated to the period of the early 11th–13th cc.

Keywords: Rostov, salvage excavations, ancient Russian city, stratigraphy, chronology, 11th–13th centuries.

С. В. Очеретина, О. В. Зеленцова, С. И. Милованов,
И. А. Афонькин, И. С. Аникин

ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДИЩА «ГОРОДОК» В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ В 2022 г.

Резюме. В статье освещены результаты исследования памятника археологии «Городище «Городок»» XV – начала XVI в. в Нижнем Новгороде в 2022 г. Археологические работы проведены на всей площади городища, составляющей 8030 кв. м. В ходе работ обнаружены и исследованы остатки оборонительных сооружений, позволяющие сделать вывод о том, что «Городок» был хорошо укрепленным мысовым городищем, небольшой крепостью. Изучена пространственная организация поселения, представляющего не просто укрепленный военный лагерь, а городище с усадебной застройкой и уличной планировкой. Собрана богатая коллекция индивидуальных находок, дающая представление о материальной культуре нижегородцев XV в. Высокохудожественные, дорогие предметы свидетельствуют о высоком статусе их владельцев.

Ключевые слова: Нижний Новгород, мысовое городище, оборонительные сооружения, усадебная застройка, коллекция индивидуальных находок.

В 2022 г. Волжской экспедицией ИА РАН в ходе охранных археологических работ исследован уникальный памятник археологии на территории Нижнего Новгорода – «Городище «Городок»» XV – начала XVI в.

Памятник, располагавшийся на правом коренном берегу Оки, на высоком мысу, образованном Большим и Малым Красными оврагами, был открыт в 1988 г. нижегородским археологом А. Ю. Рогачевым. Первые раскопки на городище проведены в 2003–2004 гг. под руководством Н. Н. Грибова. Исследователем памятник интерпретирован как мысовое городище, расположенное за пределами средневековой застройки Нижнего Новгорода. Он располагался в 1,8 км к юго-западу от Нижегородского кремля, на территории, которая вошла в состав города только в середине XIX в. «Период наиболее активной хозяйственной деятельности на поселении очерчен серединой XV – началом XVI в.» (Грибов, 2018. С. 76). Итоги археологических работ проанализированы и изложены Н. Н. Грибовым в монографии «Нижний Новгород в XV веке: поиски утраченного города».

В 2022 г. исследование памятника проведено на всей сохранившейся площади, составившей 8030 кв. м. Городище занимает всю мысовую площадку, вытяну-

то по оси северо-запад – юго-восток на 115–145 м при максимальной ширине 75 м. Склоны мыса крутые, каньонообразные, подвержены оползням, в результате которых часть памятника безвозвратно утрачена.

В ходе археологических работ 2022 г. открыты и изучены остатки оборонительных сооружений, располагавшиеся вдоль кромки оврага, ограничивающего памятник с северо-восточной стороны и с напольной стороны городища. Вдоль Большого Красного оврага остатки укреплений прослежены на протяжении 98 м. Они представляли собой руины древо-земляной стены, состоявшей из двух линий, взаимосвязанных друг с другом, заполненных грунтом срубов размерами 1,7–1,8 × 0,9–1 м.

Древо-земляная стена стояла вдоль кромки древнего оврага, повторяя его очертания, не совпадающие с современными. Обнаруженные угольные прослойки, линзы прокаленной глины, следы термического воздействия, зафиксированные на материковой поверхности, свидетельствуют о сильном пожаре, во время которого стена разрушилась. Она рухнула частично на край площадки городища, образовав небольшой вал, частично – на склон оврага.

В северо-западной и центральной частях под остатками древо-земляной стены обнаружены 2 линии столбовых ям, расположение которых повторяет ее очертания. Возможно, это следы наиболее ранних укреплений городища.

С напольной стороны поселение также было защищено древо-земляной стеной, возведенной на эскарпированном склоне отвершка оврага, выполнявшего роль оборонительного рва. Остатки этой стены обнаружены на 1,2–1,3 м ниже площадки памятника и зафиксированы на протяжении 7,5 м. Стена состояла из одной линии взаимосвязанных заполненных грунтом узких вытянутых срубов размерами 0,65–0,8 × 1,65–1,7 м. Она также разрушилась во время пожара, рухнув частично на эскарп, частично – на край площадки городища, образовав еще один небольшой вал.

В комплекс укреплений с напольной стороны, вероятно, входят также 2 ямы, расположенные рядом с эскарпированным склоном: округлая и четырехугольная с остатками сруба, чье назначение неясно. Дополнительно городище с напольной стороны было защищено рвом, переходящим в отвершек оврага. Максимальная зафиксированная ширина углубления – 14,5 м, глубина – 3,3 м. Оно не было заполнено водой. Наличие на дне углубления оглеенного суглинка указывает на скопление влаги, связанной с атмосферными осадками.

Около Малого Красного оврага следов оборонительных сооружений не обнаружено. Городище, вероятно, было укреплено по всему периметру, но древние склоны в других частях мыса значительно пострадали от оползней.

Таким образом, результаты археологических исследований 2022 г. доказывают, что «Городок» являлся хорошо укрепленным мысовым городищем, небольшой крепостью-осадой. На высоком мысу, образованном двумя оврагами, в XV в. была создана система укреплений, включающая в себя как естественные природные преграды, так и искусственно возведенные сооружения.

Материалы, полученные в ходе археологических раскопок, позволяют реконструировать многие стороны жизни на городище. Изучена пространственная организация поселения. Это был не просто укрепленный военный лагерь, а городище с усадебной застройкой и уличной планировкой. Всего исследовано 592 углубленных в материк объекта, среди них 70 частокольных канавок, ограничивающих усадебные комплексы (рис. 1).

Рис. 1. Нижний Новгород, «Городище “Городок”», 2022 г. Зачистка по материк центральной части памятника

В ходе археологических работ 2022 г. собрана богатая коллекция индивидуальных находок – порядка 3000 предметов – и массового керамического материала – более 114 000 единиц.

О размещении в хорошо укрепленном городище военного гарнизона свидетельствуют находки предметов вооружения – наконечников стрел от луков и арбалетов, доспешных пластин, деталей клинкового оружия и др. (рис. 3). Снаряжения всадника и верхового коня представлено фрагментами шпор, стремян, различными накладками от конской сбруи, колчанов, ременными пряжками.

В перерывах между несением военной службы служилые люди играли в настольные игры, на что указывают находки игральных фишек и костяных кубиков.

Найдены предметы, говорящие о занятиях жителей городища бронзолитейным, кузнечным, косторезным ремеслом. Находки грузил и рыболовных крючков, а также томаров, говорят о занятиях рыбной ловлей и охотой.

Рис. 2. Нижний Новгород, «Городище “Городок”», 2022 г. Крест-энколпион (цветной металл). А – находка in situ; Б – вид после реставрации

Значительную часть коллекции составляют бытовые вещи, используемые ежедневно: ножи, замки, ключи, кресала, инструменты, гвозди, пробой и др. (рис. 4).

В небольшой крепости проживали семьи с детьми, об этом говорят находки женских украшений, таких как перстни и кольца, серьги в виде знака вопроса, височные кольца с фигурной лопастью, и детских игрушек из глины и кости (рис. 5: 12–20). Свидетельствами женского домашнего ремесла являются находки пряслиц, игл, игольников.

Богатая коллекция предметов христианского культа кроме обычных нательных крестов из цветного металла, насчитывающих более 90 предметов, представлена и высокохудожественными изделиями (рис. 5: 21–26). Уникальную группу из 19 предметов составляют кресты-энколпионы, квадрифолии, кресты-складни, представленные различными вариантами и типами (рис. 2).

Первостепенное значение для определения хронологических границ памятника и датировки отдельных комплексов имеют нумизматические находки. В ходе археологических работ 2022 г. найдено 247 монет (рис. 5: 1–8). Преобладают русские серебряные монеты Московского княжества чеканки великих князей Василия II Васильевича (1425–1462 гг.) и Ивана III Васильевича (1462–1505 гг.). В коллекции представлены немногочисленные монеты русских удельных княжеств Можайского, Верейского, Серпуховского, Ярославского, а также правителей Золотой Орды, Тюменского и Крымского ханств. Отдельную часть коллекции составляют медные анепиграфные пуло¹.

Богатая коллекция индивидуальных находок дает представление о материальной культуре нижегородцев XV в., ранее малоизвестной. Высокохудожественные, дорогие предметы свидетельствуют о высоком статусе их владельцев.

Полные раскопки памятника археологии «Городище “Городок”» дали новые данные для понимания как истории Нижнего Новгорода в XV в., так и общерусских процессов формирования единого централизованного государства.

¹ Определение и описание нумизматического материала выполнено Н. Н. Грибовым (ИА РАН) при консультации П. Н. Петрова (Центральный государственный музей Республики Казахстан, г. Алматы).

Рис. 3. Нижний Новгород, «Городище “Городок”», 2022 г. Находки предметов вооружения. 1, 2 – наконечники стрел; 3 – втульчатый наконечник арбалетной стрелы; 4 – шпора; 5 – гарда сабельная. 1–5 – черный металл

Рис. 4. Нижний Новгород, «Городище «Городок»», 2022 г. Находки. 1 – замок; 2 – ключ; 3, 4 – ножи с остатками рукояток; 5 – форма литейная; 6 – молоток для ювелирных работ; 7 – топор. 1, 2, 6, 7 – черный металл; 3, 4 – черный металл, кость; 5 – камень

Рис. 5. Нижний Новгород, «Городище «Городок»», 2022 г. Находки. 1–8 монеты; 9 – весы монетные; 10, 11 – пуговицы; 12–15 – перстни; 16 – кольцо; 17, 18 – височные кольца с фигурной лопастью; 19, 20 – серьги в виде знака вопроса; 21–25 – кресты нательные; 26 – иконка нательная. 1–9, 12–19, 22–26 – цветной металл; 10, 11 – цветной металл, позолота; 20 – цветной металл, стекло; 21 – кость

История появления и существования небольшой крепости-осады, расположенной за пределами исторического ядра города, непосредственно связана с событиями XV в. на нижегородской земле, которые во многом носили трагический характер.

Утрата в 1392 г. Нижним Новгородом политической независимости, растянувшийся на десятилетия процесс вхождения нижегородских земель в состав единого русского государства, сопровождаемый военными столкновениями и вражескими набегами с Востока, привели к тому, что на рубеже XIV–XV вв. земли в устье Оки были разорены, а многие поселения разрушены.

Многолетние археологические исследования на территории древнего детинца и посада Нижнего Новгорода фиксируют отсутствие культурного слоя XV в., обнаруженные материалы этого времени редки, разрозненны и малопредставительны (Грибов, 2005. С. 69). Это указывает на запустение ранее освоенной городской территории и сокращение численности городских жителей.

Исследователи, опираясь на данные письменных источников, отмечают, что к началу XV в. городские укрепления Нижнего Новгорода находились в неудовлетворительном состоянии (Чеченков, 2002. С. 114–115). Их восстановление требовало значительного времени и сил. Ситуация в регионе отличалась нестабильностью и не способствовала крупному крепостному строительству.

Для формирующегося в XV в. единого централизованного Русского государства одной из важнейших задач стала защита восточных рубежей, проходивших по нижегородским землям. Для выполнения этой задачи необходимо было иметь боеспособную крепость на стратегически важном месте в устье Оки или недалеко от него. Тогда и была построена небольшая крепость на подступах к городу. В ней размещался военный гарнизон. При угрозе вражеского нападения здесь могло укрываться население сельской округи.

Письменные источники середины XV в. упоминают Нижний Новгород Меньший и Нижний Новгород Старый. Городище «Городок», вероятно, и было тем летописным Нижним Новгородом Меньшим или Новым. В середине – 2-й половине XV в. эта новая крепость на высоком мысу стала военно-административным центром Нижегородской земли.

Судьба небольшой крепости-осады полна драматических событий. Она сжигалась как минимум дважды. Окончательно разрушена, сожжена, а потом и заброшена крепость была в начале XVI в. в результате военного нападения. Разрушение Городка предположительно можно связать с набегом казанских татар во главе с ханом Мухаммед-Эмином в 1505 г.

После разрушения крепость не возобновлялась. Строительство каменного Нижегородского кремля завершает историю небольшого городка на высоком берегу Оки. С этого времени административные функции и ведущая роль в защите и управлении восточных рубежей государства вновь возвращаются Старому Нижнему Новгороду.

Литература

- Грибов Н. Н., 2005. Русское городище второй половины XV в. из Нижегородской округи // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып. 9. Нижний Новгород. С. 69–82.

- Грибов Н. Н.*, 2018. Нижний Новгород в XV веке: поиски утраченного города. М.: ИА РАН. 592 с. (Материалы спасательных археологических исследований; т. 24).
- Чеченков П. В.*, 2002. Нижегородский кремль XIV–XV веков // Нижегородский кремль: к 500-летию памятника архитектуры XVI века: материалы второй обл. науч.-практ. конф. (5–6 декабря 2001 г.). Нижний Новгород. С. 111–118.

Сведения об авторах

- Очеретина Светлана Владимировна*, ИА РАН;
e-mail: svetoch0412@yandex.ru;
- Зеленцова Ольга Викторовна*, ИА РАН;
e-mail: olgazelentsova2010@yandex.ru;
- Милованов Сергей Иванович*, ИА РАН;
e-mail: milovan@bk.ru;
- Афонькин Иван Александрович*, ИА РАН;
e-mail: afonkin.ivan.85@mail.ru;
- Аникин Илья Сергеевич*, ИА РАН;
e-mail: ilya-anik@yandex.ru

**S. V. Ocheretina, O. V. Zelentsova,
S. I. Milovanov, I. A. Afonkin, I. S. Anikin**

**RESEARCH OF THE “GORODOK” SETTLEMENT
IN NIZHNY NOVGOROD IN 2022**

Summary. The results of a study of the archaeological site “Gorodishche Gorodok” of the 15th – early 16th centuries in Nizhny Novgorod in 2022 are presented in the article. Archaeological works have been carried out on the entire area of the settlement, which is 8030 sq. m. The remains of defensive structures are discovered and investigated, allowing us to conclude that the “Gorodok” was a well-fortified cape settlement, a small fortress.

The spatial organization of the settlement, which is not just a fortified military camp but a settlement with manor buildings and street layout, has been studied. A rich collection of individual finds has been collected, giving the representation of the material culture of Nizhny Novgorod residents in the 15th century. Highly artistic, expensive items indicate the high status of their owners.

Keywords: Nizhny Novgorod, the cape settlement, fortifications, manor buildings, collection of individual finds.

С. В. Томсинский

УКРЕПЛЕНИЯ УГЛИЧА В XI–XIV ВВ. ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Резюме. Система укреплений города Углича X–XIV вв. реконструируется только по материалам археологических исследований. В X в. здесь довольствовались линиями частоколов по периметру зоны заселения. В XI в. появляется и в XII в. совершенствуется типичная для большинства древнерусских городов фортификация из рядов срубных клетей, просуществовавшая и в XIII–XIV вв.

Ключевые слова: Углич, Древняя Русь, укрепления.

Конфигурация линии укреплений средневекового Углича, как и прочих «великих» и «малых градов» Древней Руси, определяется топографией ареалов зон заселения и обитания и уверенно реконструируется даже при полном отсутствии следов этих укреплений на уровне современной дневной поверхности. Неправильно-треугольная небольшая мысовая площадка, образованная Волгой, Каменным ручьем и Шелковкой, с напольной стороны отрезана от коренного берега двумя глубокими оврагами, один из которых был полностью засыпан в XVIII в., а от другого остался пруд к юго-западу от Спасского собора (Томсинский, 2004. С. 24). Следовательно, а priori можно предполагать, что именно по периметру этой площадки и были сооружены первоначальные дерево-земляные укрепления (рис. 1). Пунктир напольной линии укреплений мысовой площадки первым провел И. В. Дубов, ссылаясь на результаты исследований О. М. Иоаннисяна 1983 г. Однако на обобщенной схеме, представленной Игорем Васильевичем, эта линия сильно сдвинута к югу и фактически проходит не перед, а за руслом одного из засыпанных позднее оврагов; тем самым и первоначальная площадь самой мысовой площадки (предположительно, около 2 га) оказывается значительно увеличена (Дубов, 1985. С. 131–132, 176). Эта же ошибка, усугубленная вольным обращением с масштабом и полным игнорированием весьма выразительного и до настоящего времени рельефа территории угличского кремля, повторилась и в других реконструкциях местной фортификации X–XIV вв. (Русское градостроительное искусство, 1994. С. 217; Воротникова, Неделин, 2013. С. 542, 545).

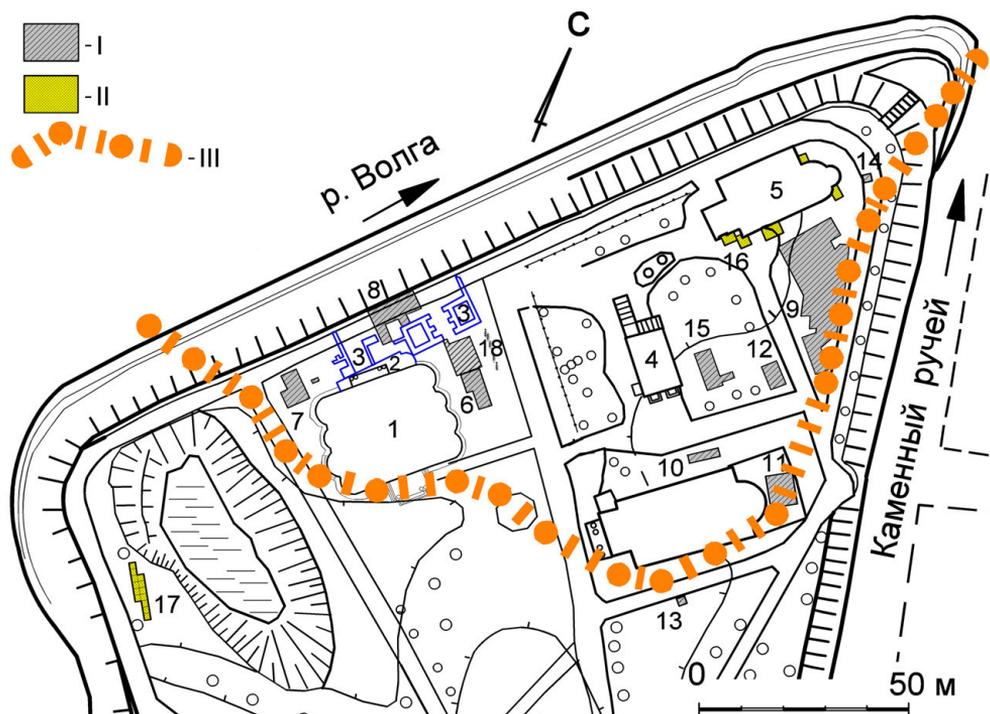

Рис. 1. Реконструкция планировки линии укреплений мысовой площадки угличского кремля в X–XIV вв.

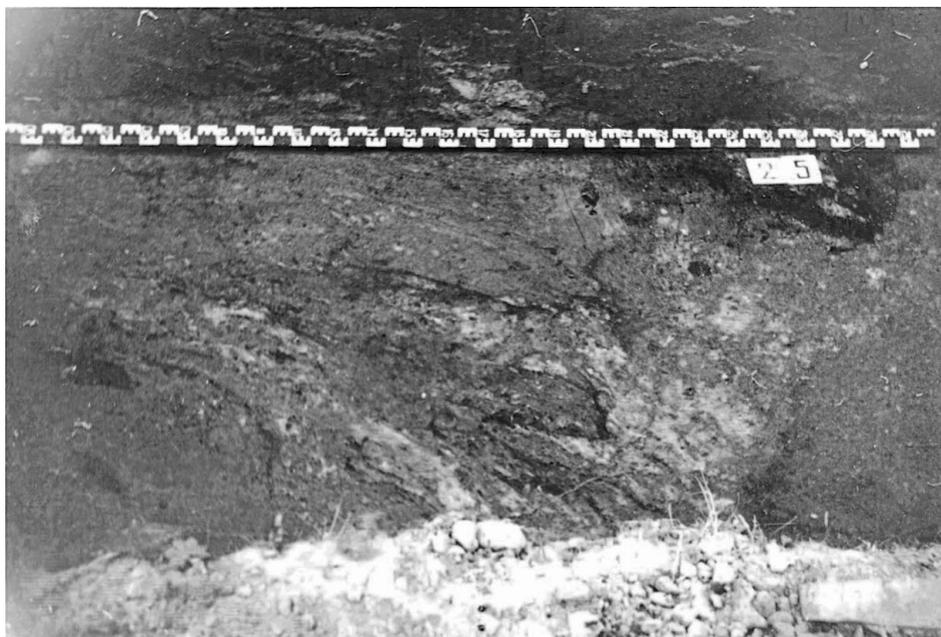
Исходя из топографии мысовой площадки кремля и всей совокупности информации об укреплениях древнерусских городов, которой к настоящему времени располагают исследователи, можно было еще до начала исследований уверенно предполагать, что в антропогенных отложениях памятника остатки укреплений средневекового Углича будут представлять собой песчаные прослойки различной мощности, возможно, с фрагментами деревянных конструкций разной степени сохранности. В конструктивном отношении угличская фортификация не должна представлять собой ничего уникального: это могла быть либо «перекладка», либо срубные клетки в одну или две линии (Моргунов, 2009. С. 44, 45, 47, 49, 207–210; Коваль, 2020. С. 269–271). Более того, были все основания ожидать обнаружение почвенных структур, отложившихся в результате по крайней мере двух ремонтов и усиления укреплений либо на всем протяжении периметра мысовой площадки, либо на отдельных участках после зафиксированных летописью захватов города в 1149, 1293 и 1371 гг. и, наконец, масштабной перепланировки кремля в XV в. Археологические исследования, проводившиеся в 1994, 2004, 2014 гг., подтвердили эти предположения и дали интересный материал для конкретизации хронологии возведения укреплений по периметру мысовой площадки угличского кремля.

В 1994 г. на участке небольшого раскопа 9, заложенного среди существовавших в то время зеленых насаждений к юго-востоку от церкви Св. Царевича Димитрия «на Крови», мы впервые зафиксировали остатки дерево-земляных укреплений в виде песчаных прослоек мощностью до 0,8 м и валунных выкладок под нижний венец срубных конструкций, потревоженных более поздними перекопами (рис. 2). Площадь и конфигурация раскопа не позволяли сделать более определенные выводы, однако вполне позволяли сделать заключение об основательности конструкции укреплений, возведенных не ранее XII в.

Раскоп 19, заложенный в 2003 г. у алтарных абсид Богоявленского со-

Рис. 2. Углич. Кремль. Раскоп 9 1994 г. Остатки дерево-земляных укреплений

бора, т. е. непосредственно перед руслом одного из оврагов, отделявших мысовую площадку от коренного берега, дал наиболее интересный материал для характеристики углических укреплений X–XIV вв. Частично материалы этих исследований были опубликованы в 2006 г., поэтому позволим себе напомнить и конкретизировать результаты этих исследований (Томсинский, 2006).

Материалы раскопок 2003 г. показали, что задолго до сооружения первых укреплений этой части мысовой площадки сформировался слой углистой супеси общей мощностью до 0,3 м, из которого, помимо бытовых предметов, происходят находки, свидетельствующие о занятиях литейным ремеслом: глиняная льячка и слиток медно-оловянистого сплава. Верхняя дата периода формирования этого слоя определяется находкой шиферного пряслица, меченого свастикой – в Волго-Окское междуречье шиферные пряслица начали поступать не ранее середины X в.; нижняя дата остается неопределенной.

Формирование этого слоя завершилось сооружением линии укреплений из четырех линий частоколов, траншеи которых отнесены нами к 5-му и 6-му строительным периодам на участке раскопа 19 (рис. 3). Частоколы были уничтожены пожаром и разобраны, траншеи тщательно забутованы. Вскоре после пожара на площадке раскопа появляются некие сооружения, также сгоревшие, от которых остались ямы, отнесенные к 7-му строительному периоду. 8-й строительный период представлен остатками

Рис. 3. Углич. Кремль. Раскоп 19 2003 г. Остатки линии укреплений – частоколов

новой системы укреплений из узких рубленых клетей, заполненных песком и культурным слоем – очевидно, поднятым со склона берега оврага или Каменного ручья. Судя по находкам в заполнении единственной клетки этой линии укреплений, сохранившейся только потому, что основание сруба было впущено ниже уровня дневной поверхности, они появились здесь не ранее 1-й четверти XI в. и также были уничтожены пожаром. Сколько рядов таких клетей включала в себя новая линия укреплений, остается неясным. Это *первая линия* дерево-земляных укреплений мысовой площадки Угличского кремля. Если исходить из свидетельства летописи о событиях 1149 г., то можно предположить, что эта система укреплений была разобрана после «похода племянников». Можно констатировать, что строители первых фортификаций мысовой площадки больше уповали на весьма основательные естественные преграды с напольной стороны, чем на сложные конструкции укреплений. Наконец, в 1–3-м пластах на участке раскопа 19 зафиксированы остатки сnivelированной песчаной насыпи вала, в которой не просматривались остатки полностью истлевших деревянных конструкций. Это *вторая линия* укреплений мысовой площадки кремля с напольной стороны, сооружение которой мы относим к 1150-м гг. (Томсинский, 2006. С. 335–339) (рис. 4; 5). Исходя из результатов работ на участке раскопа 19, можно полагать, что клетки (размерами 4 × 4 м) здесь могли стоять в два ряда.

Более определенные данные (после раскопок 1994 г.) о дерево-земляных укреплениях мысовой площадки были получены на участке раскопа 23 2014 г. Здесь, как и на участке раскопа 19, были зафиксированы мощные прослойки сnivelированной насыпи второй линии дерево-земляных укреплений, но с отчетливо фиксируемыми

Рис. 4. Углич. Кремль. Раскоп 19 2003 г. Остатки клетки из первой линии дерево-земляных укреплений

Рис. 5. Углич. Кремль. Раскоп 19 2003 г. Остатки сnivelированной песчаной насыпи на месте второй линии дерево-земляных укреплений

остатками прямоугольных клеток общими размерами, насколько можно было судить при небольшой площади раскопа, 4×4 м (Томсинский, 2017. С. 162) (рис. 6; 7). Клетки были заполнены песком и супесью – культурным слоем, содержащим индивидуальные находки и керамику, суммарно датированные XI–XII вв.

Нет никаких оснований сомневаться в том, что эти укрепления мысовой площадки, возникнув в XII в. на месте более ранних и подвергнувшись ремонтам после разорений города в XIII в., продолжали существовать и в XIV в., т. е. в тот период истории Углича, о котором письменные источники содержат крайне мало информации.

Такой нам представляется хронология угличской фортификации X–XIV вв. по северо-восточному, юго-восточному и юго-западному периметрам мысовой площадки кремля. Возникает закономерный вопрос о верхней дате напольной полосы укреплений: функционировали ли эти укрепления во 2-й половине XV–XVI вв., когда территория кремля значительно увеличилась и обрела неправильно-трапециевидную форму в сохраняющихся поныне границах? В свое время мы констатировали, что окончательно на участке, исследованном в 2003 г., вал был сnivelирован не ранее XVIII в., однако речь шла уже об остатках насыпи, а не о дерево-земляных укреплениях, хотя бы и сильно разрушенных и давно заброшенных (Томсинский, 2006. С. 339). С другой стороны, само предположение о продолжении существования наполь-

Рис. 6. Углич. Кремль. Раскоп 23 2014 г. Остатки клеток второй линии дерево-земляных укреплений

ной линии укреплений мысовой площадки XI–XIV вв. в XV–XVI вв. можно было бы признать вполне логичным. Если предположить, что дело обстояло именно так, то сохранявшаяся линия укреплений мысовой площадки с напольной стороны оставалась бы внутренней линией обороны собственно княжеского двора в новых границах кремля после перепланировки, в то время как к югу от этой линии располагались осадные дворы и монастырские подворья. И в этом случае внутренняя линия обороны оставалась бы актуальной до самой окончательной ликвидации угличского удела в 1591 г., а окончательная разборка этой линии должна была бы состояться в XVII в. – в процессе строительства новой крепости после разорения Смутного времени. Уместно напомнить, что писцовая книга 1671–1674 гг. не упоминает ни «осыпь» в этой части кремля, ни русло оврага, исток которого находился к востоку от алтарных абсид ныне существующего здания Богоявленского собора, ни, наконец, руины дворца удельных князей, который образовывал с укреплениями мысовой площадки единый комплекс сооружений. Однако принять это предположение мешает недостаточная исследованность важнейшего участка мысовой площадки – южного угла, где князь Андрей Васильевич возвел Спасский собор «на высоких папертах» (Тумов, 1892. С. 31–34). Ответ на вопрос о существовании или разборке напольной линии укреплений после перепланировки кремля следует искать именно здесь – но проведение в этой части

Рис. 7. Углич. Кремль. Раскоп 23 2014 г. Остатки клеток второй линии дерево-земляных укреплений

кремля раскопок в ближайшее время представляется маловероятным. Впрочем, следует напомнить, что у нас нет достоверных данных, полученных в результате археологических исследований, и о времени возведения первых укреплений по линии современных границ кремля к югу от мысовой площадки, равно как и о времени сооружения рва со стороны Успенской площади.

Иначе обстояло дело на верхней береговой террасе Волги по северной линии укреплений. Стратиграфия раскопа 12 1996–1997 гг., заложенного на руинах дворца удельных князей, весьма выразительна (рис. 8). Здесь на глинистом материке отложился слой 4, формировавшийся в период существования на верхней береговой террасе Волги поселений дяковской культуры и мери. Выше отложилась метровая толща навоза с прослойками глины и щепы и остатками срубных сооружений 2, 3 и 4. Эти отложения навоза есть все основания признать сформировавшимися в 3-й четверти IX – 1-й четверти XI в. и, следовательно, хронологически соотнести их верхние горизонты с первой линией укреплений – частоколами, зафиксированными на участке раскопа 19 (Томсинский, 2003. С. 96–100). Очевидно, линия частоколов через значительный перепад уровней дневной поверхности продолжалась и на верхнюю береговую террасу, которая просто не могла оставаться беззащитной. Следует подчеркнуть, что раскопки на самом краю коренного берега в 1985, 1986, 2018 гг. не выявили ника-

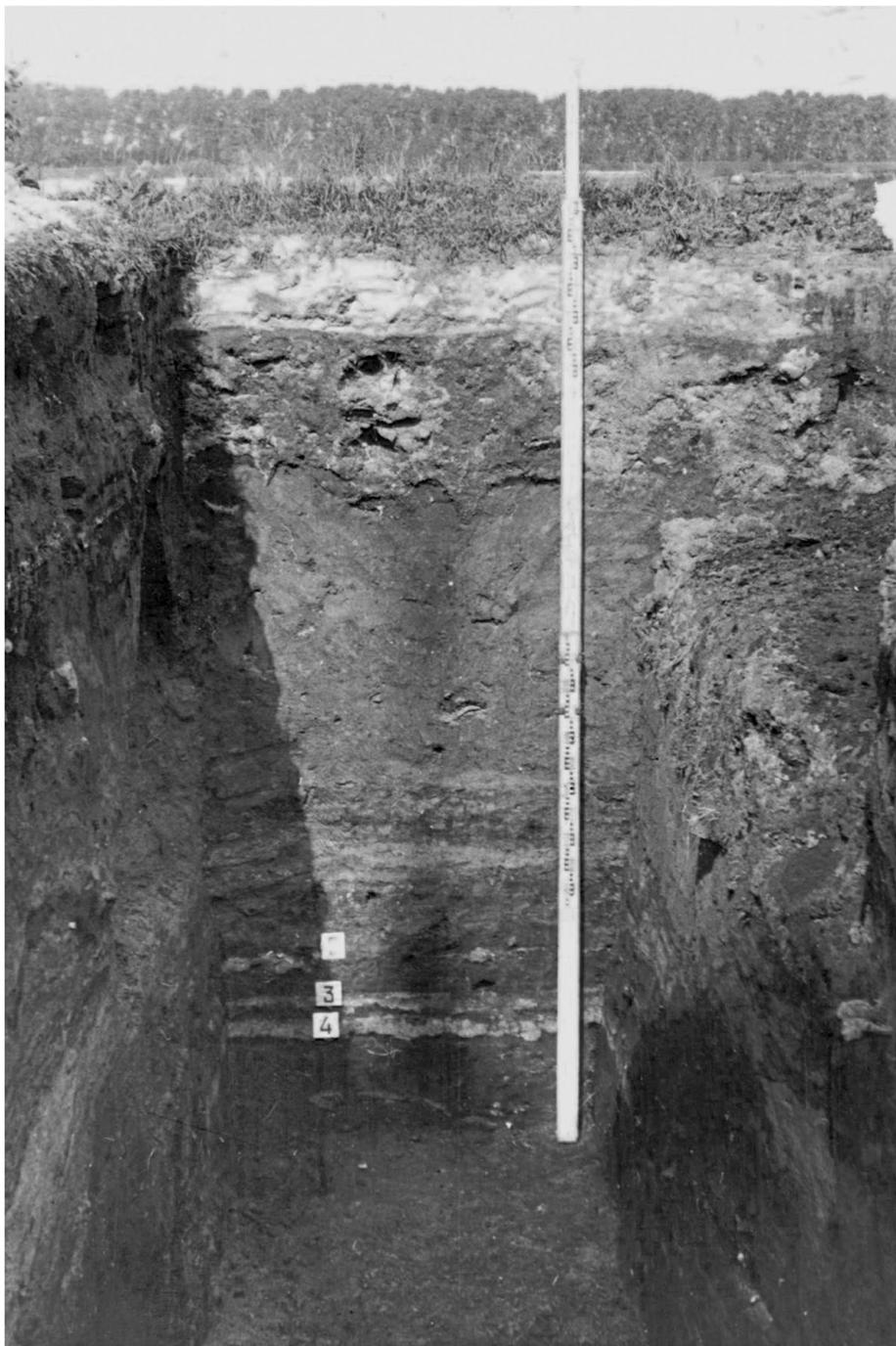

Рис. 8. Углич. Кремль. Раскоп 12 1996 г. СЗ стенка. Стратиграфия

ких траншей для установки частоколов. Как были защищены края верхней береговой террасы при устьях Шелковки и Каменного ручья, в настоящее время установить невозможно. Возможно, здесь находились, например, башнеобразные сооружения как узлы линий укреплений, но это даже не предположение – догадка. Возможно, и даже более вероятно, частоколы верхней береговой террасы просто упирались в крутой склон плато коренного берега.

Непосредственно на навозе отложилась прослойка плотного суглинка мощностью до 0,3 м. Полагаем, что формирование этой прослойки свидетельствует о перепланировке верхней береговой террасы Волги в процессе сооружения укреплений в виде срубных клетей, сменивших частоколы в 1-й четверти XI в. Установка клетей на береговой террасе, несомненно, потребовала первого дополнительного укрепления последней срубной конструкцией – «обрубом» – и выравнивающей подсыпки за этой конструкцией (см. статью Е. А. Туровой в настоящем сборнике).

Следующая перестройка укреплений на плато коренного берега на верхней береговой террасе Волги должна быть соотнесена с зафиксированными на участке раскопа 12 мощными прослойками глины и суглинка. Эти прослойки не стерильны – в них обнаружены отдельные фрагменты керамики, кости животных, уголь, однако они не структурированы и не могут быть признаны собственно культурным слоем, отложившимся в ареале хозяйственной активности и тем более в зоне заселения. Именно в эти прослойки, которые можно уверенно признать мощной нивелировкой верхней береговой террасы, были впущены первые погребения кладбища Спасского собора (*Томсинский, 2001*). Собор впервые упоминается как уже существующий под 1249 г. в связи с погребением первого угличского князя Владимира Константиновича – без указания материала, из которого был построен (*ПСРЛ. Т. I. 1846. С. 202*). Следовательно, имела место очередная перепланировка верхней береговой террасы мысовой площадки, в процессе которой и появился храм на самом краю плато коренного берега, оказавшийся на небольшом возвышении над сnivelированной террасой. Эта масштабная перепланировка, надо полагать, была произведена после разорения города в 1149 г. во время «похода племянников». Поскольку на участке раскопа 12 не зафиксировано никаких песчаных прослоек, аналогичных прослойкам песка, маркирующим линию укреплений на плато коренного берега мысовой площадки, можно уверенно утверждать, что северо-западный участок этой линии проходил на достаточном удалении от собора и здесь при строительстве укреплений явно использовали не песок, а глину и суглинок, которыми нивелировали верхнюю береговую террасу. Остается предположить, что обруб, на котором с 1-й четверти XI в. уже стояла стена, в XII в. был существенно усилен и поднят, поскольку именно со 2-й половины XII в. уровень Волги начал подниматься. Для того чтобы оценить, какое значение придавалось после «похода племянников» укреплению городов в верхнем течении Волги, следует признать, что для сооружения обруба было необходимо собрать весьма значительный контингент рабочей силы и располагать немалыми ресурсами. И в XVII в. кремлевская стена стояла на этом же обрубе, разумеется, неоднократно ремонтировавшемся в течение столетий (*Тумов, 1892. С. 32*). Именно на насыпной площадке, образованной обрубом, в XV в. был поставлен кирпичный дворец угличских удельных князей.

Нам остается высказаться еще по одному вопросу, ответа на который, строго говоря, материалы раскопок угличского кремля сами по себе не требуют. Это вопрос

о конструкции безвозвратно утраченных деревянных конструкций укреплений XI–XIV вв. Отвечать не хочется – но и умолчание было бы неправильно понято. Посему ограничимся здесь только общими соображениями на сей счет. В настоящее время достоверно установленным можно считать только то, что дерево-земляные укрепления Углича изначально имели срубную конструкцию, а не закладную, зафиксированную в некоторых городах Волго-Окского междуречья. Но и эта достоверность с неизбежностью ведет на поле даже не гипотез, а догадок – без которых в реконструкциях отдаленного прошлого тоже обойтись невозможно и пренебрегать которыми никогда не стоит.

Итак, мы склонны в целом принять постепенно утверждающуюся в отечественной археологии интерпретацию валов древнерусских городов как остатков срубных стен, забитых утрамбованным грунтом и, надо полагать, присыпанных по нижнему ярусу для придания конструкции большей устойчивости. В Угличе, как отмечалось выше, можно уверенно предполагать наличие двух-трех рядов городен. Местоположение и количество ворот однозначно не определяется, можно только предполагать с большой долей вероятности, что ворота находились в северо-западной части мысовой площадки, там, где в XV–XVII вв. находились Спасские ворота. С напольной стороны, напротив, наличие ворот представляется маловероятным, но и полностью исключено быть не может.

Неясно, имела ли угличская крепость в XI–XIV вв. башни. Мы не видим особых оснований присоединяться к выводам В. М. Ковалева о «ненужности» и «крайней редкости» башен в древнерусских фортификациях (Коваль, 2020. С. 272–274). Действительно, до распространения огнестрельного оружия выносные за линию стены башни, поставленные через определенные интервалы по всей линии, были не нужны. Но башни, причем именно выносные, были определенно необходимы при воротах, ибо позволяли осажденным наносить максимальный ущерб осаждавшим; несомненно, на каких-то участках линий укреплений были столь же необходимы «узловые» башни, в т. ч. как необходимые при осадах точки обзора выше стены. Такие башни вполне могли не выступать за линию стен, «вырастая» из линии городен. В Угличе помимо воротной таких башен могло быть две – на склонах плато коренного берега к верхней береговой террасе в устьях Шелковки и Каменного ручья.

И последний вопрос: насколько серьезной представляется угличская фортификация XI–XIV вв. в сравнении с другими «малыми градами» Древней Руси? Следует признать, что крутые берега Каменного ручья и Шелковки и два глубоких оврага с неразличимыми в настоящее время весьма надежной в обороне. За интересующий нас период трижды – в 1149, 1293, 1371 гг. – Углич был взят неприятелями, но эти факты свидетельствуют не о слабости фортификации, а о слабости собственно гарнизона, боевом опыте нападавших и, возможно, каких-то оставшихся неизвестными потомкам смелых тактических решениях их предводителей. Уместно напомнить, что в 1447 г. Василий Темный, подступив к Угличу с большим войском, потребовал на подмогу тверскую артиллерию – очевидно, в этом случае готовность к осаде и стойкость осажденных не сулили осаждавшим быстрой победы, которой, собственно, и не получилось: город продержался две недели.

Литература

- Воротникова И. А., Неделин В. М.*, 2013. Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV–XVII веков. Крепости центральной России. М. Градостроительство Московского государства XVI–XVII веков / Под общ. ред. Н. Ф. Гуляницкого. М.: Стройиздат, 1994. (Русское градостроительное искусство).
- Дубов И. В.*, 1985. Города, величием сияющие. Л.: Ленинградский гос. ун-т. 184 с.
- Коваль В. Ю.*, 2020. Проблемы реконструкции русской средневековой деревянной фортификации // Археологические вести. 30. С. 263–276.
- Моргунов Ю. Ю.*, 2009. Дерево-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков. М.: Наука. 303 с.
- ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб., 1846. 300 с.
- Титов А. А.*, 1892. Выпись из писцовых книг писма и меры стольника Михайла Федоровича Самарина да подьячего Михайла Русинова 132, 133, 134 гг. (1674, 1675 и 1676) годов // Труды ЯГУАК. Вып. 2. М. С. 1–412 (паг. 3).
- Томсинский С. В.*, 2001. Некрополь Спасского собора в Угличе в XII–XVI вв. // АСГЭ. 35. СПб.: Гос. Эрмитаж. С. 178–193.
- Томсинский С. В.*, 2004. Угличе Поле в IX–XI вв. СПб.: Гос. Эрмитаж. 320 с.
- Томсинский С. В.*, 2006. Материалы раскопок на территории Угличского кремля как источник для уточнения хронологии фортификации средневекового Углича // Археология: история и перспективы: вторая межрегион. конф. Ярославль: Ярославский музей-заповедник: Ростовский кремль: Рыбинский Дом печати. С. 332–341.
- Томсинский С. В.*, 2017. Остатки языческого святилища на территории Угличского кремля по материалам раскопок 2014 г. // АВСЗ. Вып. 7. М.: ИА РАН. С. 154–163.

Сведения об авторе

Томсинский Сергей Владимирович, Государственный Эрмитаж;
e-mail: s.tomsinsky@yandex.ru

S. V. Tomsinsky

FORTIFICATIONS OF UGLICH IN THE 11th–14th CENTURIES BASED ON THE MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

Summary. The system of fortifications of the city of Uglich in the 10th–14th century is reconstructed only based on the materials of archaeological research. In the 10th century, they were content with the lines of palisades along the perimeter of the settlement zone. Fortification typical for most ancient Russian cities made of rows of log cabins, which existed in the 13th–14th centuries appeared in the 11th century and was improved in the 12th century.

Keywords: Uglich, Ancient Rus, fortifications.

Е. А. Турова

СПАССКАЯ БАШНЯ И СПАССКИЙ МОСТ УГЛИЧСКОГО КРЕМЛЯ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЙ АРХИТЕКТУРНОГО ОТРЯДА ДРЕВНЕРУССКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА В 2003–2004 гг.

Резюме. В статье рассматриваются итоги археологических исследований архитектурно-отряда Древнерусской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа 2004 г. на площадке северо-западной оконечности угличского кремля в контексте особенностей топографии крепостных сооружений Углича 2-й половины XV – XVII в. Раскопками раскрыты остатки валунного основания Спасской башни деревянного угличского кремля, возобновленной в 1660-х гг. и заглубленный «казенный» (оружейный, пороховой) погреб конца 1660-х – начала 1670-х гг. Определено местоположение Спасского моста через р. Шелковку, с учетом археологических работ 2003 г., и моста через овраг внутри крепости. Рассмотрена существенная роль древо-земляной конструкции обруба, подпорного сооружения из системы срубов, со стороны Волги в формировании градостроительных характеристик угличского кремля. Пересмотрены некоторые выводы обобщающих работ о его топографии.

Ключевые слова: Углич, кремль, крепость, Спасская башня, градостроительство, обруб, дворец удельных князей.

Результаты работ 2004 г. на небольшом участке берега р. Шелковки в северо-западной оконечности угличского кремля (рис. 1) были кратко опубликованы сразу после их окончания (Турова, 2005). Объекты не были раскрыты полностью. Но дальнейшие исследования могли привести к обрушению берега с остатками древних сооружений и гибели старых деревьев мемориального¹ парка угличского музея – первого в России общественного парка при музее, связанного в т. ч. с памятью его основа-

¹ Парк воспринимался именно так уже к 1841 г. («Итак, можно ли быть равнодушным, ходя по бывшей крепости между Княжеским дворцом, церквами и цветущим садом, выросшим на земле, утучненной кровью Угличан?» (Киссель, 1844. С. 384))

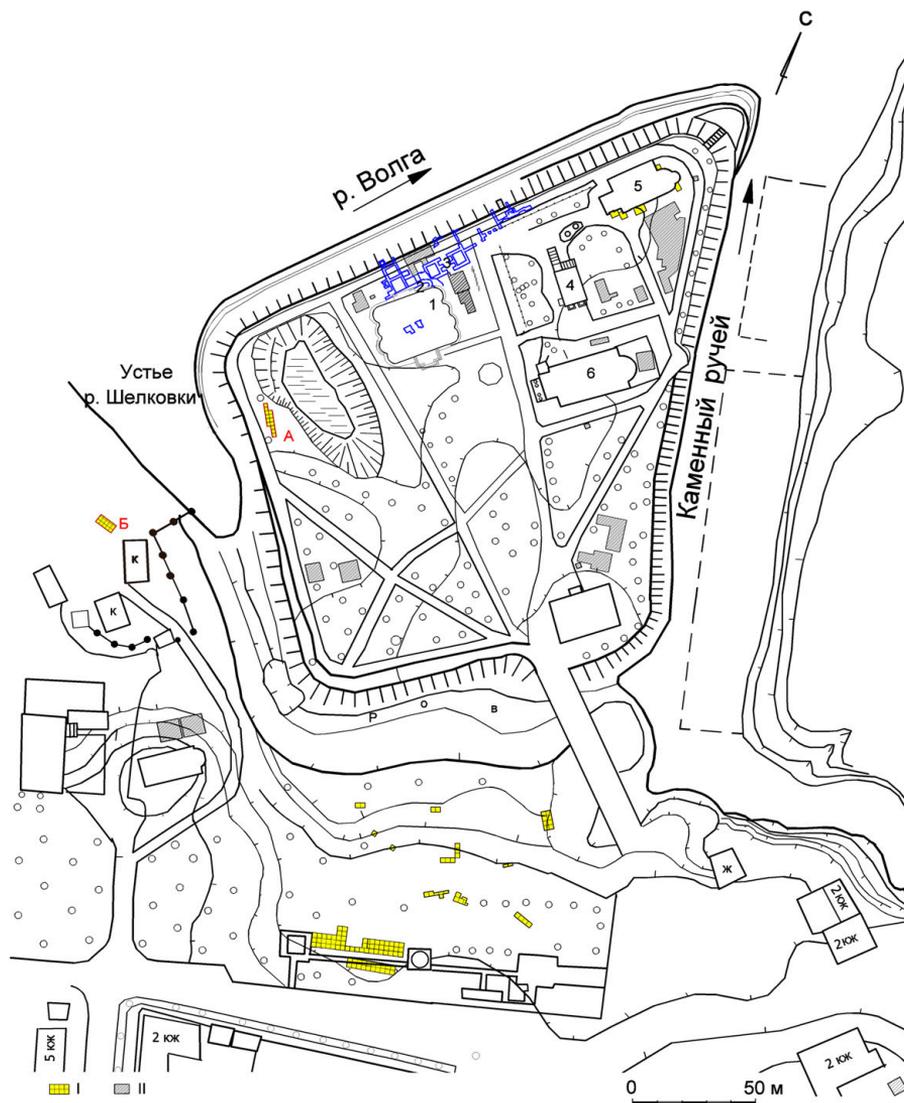

Рис. 1. План угличского кремля (Топоподоснова 2000-х гг.). Топография шурфов и раскопов Угличской археологической экспедиции ГЭ. 1 – Спасо-Преображенский собор. 1700-е гг.; 2 – кладка северной абсиды древнего Спасо-Преображенского собора (ок. 1436 г.), раскрытая раскопками 1903 и 1980-х гг.; 3 – кладки палат дворца удельных князей (ок. 1480–1484 гг.), раскрытые в 1980-х гг., в т. ч. ранее раскрытые в 1903 г.; 4 – палата дворца удельных князей (ок. 1480–1484 гг.) («Палата Царевича Дмитрия»); 5 – церковь Св. Царевича Дмитрия; 6 – Богоявленский собор 1827 г. А – раскоп 1 АО ДАЭ ГЭ, 2004 г.; Б – раскоп 2 АО ДАЭ ГЭ 2003 г. I – раскопы и шурфы архитектурного отряда Угличской экспедиции ГЭ (АО ДАЭ ГЭ) 1992–2004 гг. II – раскопы и шурфы археологического отряда Угличской (Древнерусской) экспедиции ГЭ 1985–2004 г.

Рис. 2. Уglich. Северо-западная часть кремлевского холма. Местоположение объекта «Грот» (стрелки). 1 – береговая площадка перед Спасо-Преображенским собором. Кладки древнего собора и дворца XV в. На заднем плане: северная часть пруда с деревьями береговой аллеи. Фото 1990-х гг.; 2 – западный берег пруда с видом на Волгу и берег р. Шелковки. Фото 1970–1980-х гг.; 3 – вид на пруд с западной оконечности кремля со стороны насыпной перемычки на слиянии Волги и Шелковки. Фото 1980-х гг.; 4 – правый берег р. Шелковки с аллейнными посадками по берегу пруда. Осыпи берега. Вид с юго-запада. Фото 1950-х гг.

телей² (рис. 4). Посадка лип, вязов и берез и их бережное сохранение в течение двух столетий были также связаны с необходимостью закрепления осыпавшейся кромки древнего берега Шелковки (рис. 2: 4).

До последнего времени сведения, приведенные в публикации, доступной в сети, казались достаточными для корректировки характеристик угличской крепости позднего периода ее существования. Появившиеся после 2005 г., в т. ч. обобщающие, публикации, воплотившие фантазии, крайне далекие от реальной топографии памят-

² К ним относятся как известные и уважаемые ярославцы и угличане А. Я. Фриде, Я. С. Колмогоров, Л. Ф. Соловьев, Д. В. Лавров, К. Н. Евреинов, способствовавшие созданию и развитию угличского музея в середине – 2-й половине XIX и на рубеже XX в., так и члены императорской фамилии, в т. ч. великий князь Сергей Александрович.

ника, и события последних месяцев в самом г. Углич³ заставляют нас снова и более подробно вернуться к теме.

Площадка раскопа 1 2004 г. (рис. 1; 4) отделена от коренного берега прудом – древним рассекающим кремль оврагом, исток которого у Никольского моста через крепостной ров и устье, выходявшее к слиянию Шелковки и Волги, были засыпаны ко 2-й половине XV в. Основанием для такого вывода стала локализация раскрытых раскопками 1903 и 1985–2018 гг. зданий дворца Андрея Большого и древнего Спасского собора вплотную к северному берегу оврага, что исключало сохранение за ним к этому времени фортификационного значения.

Целью работ 2004 г. была проверка предположений ряда историков о существовании здесь кирпичного порохового погреба, сооруженного в княжение Андрея Большого (после 1469 г.). Данное предположение предсказуемо не нашло подтверждений, поскольку единственным весомым основанием для него было указание документа 1620 г.⁴ о казенном погребе на «городовом дворе» в каменных погребах под сохраняющейся ныне палатой. Хранившаяся в этом погребе вблизи каменной княжеской домово́й церкви Константина и Елены и вынесенная поляками казна имела явно другой характер.

На том же участке, в пологом западном берегу пруда (рис. 2), располагался, согласно запискам угличских краеведов 30–50-х гг. XX в., оформленный гранитными блоками и выкладкой из булыжника вход в заглубленное сооружение «Грот» (Русинов, 1998. С. 126–127; Евреинов, 2014. С. 17–18). В середине XIX в., по сообщению краеведов, сооружение использовалось офицерами квартировавшего в Угличе полка как винный погреб, а с 1886 г. было заброшено. Любительская фотография входа в «Грот» 1950-х гг. была предана в угличский музей (рис. 3). Оформление входа дало повод краеведу Н. Д. Русинову в 1950-х гг. отождествлять сооружение с языческим святилищем «Калеметь»⁵ (Русинов, 1957), упомянутым в кремле купчей 1615 г.⁶

Работами 2004 г. раскрыты остатки валунного фундамента, (рис. 5: 1, 3, 4) вероятнее всего, прямоугольного в плане сооружения, ориентированного вдоль западной бровки кремлевского холма, представляющего собой восточный берег р. Шелковки.

³ Голицын А. https://www.kommersant.ru/doc/6199957?from=76_top_main_2; [https://www.yarregion.ru/depts/dookn/docsDocuments/Акт%20ГИКЭ.%20Углич%20Крепость%20\(Кремль\).pdf](https://www.yarregion.ru/depts/dookn/docsDocuments/Акт%20ГИКЭ.%20Углич%20Крепость%20(Кремль).pdf); <https://www.yarregion.ru/depts/dookn/docsDocuments/Углич%20Меры%20по%20обеспечению%20сохранности%20ОКН%20%20Крепость.pdf>; Чицова А. <https://kommersant-ru.turbopages.org/kommersant.ru/s/doc/6466914>

⁴ «И в той же крепости городской двор был благоверного царевича Дмитрия Ивановича и в нем полаты каменные, в коих жил благоверный царевич. И под теми подклетами были погреба государевы каменные же казенные. И над погребами своды каменные... И тот царский дворец, тако ж и погреба его и казну государеву... литовские люди всё разграбили и в погребах сокровенную казну выграбили ж... И от тоя остался дом государев весь обожжен огнем... И ныне оные полаты стоят целы и неразрушенные...». «Выписано ис книги письма осмотру о городе Угличе (по разорении его) Никиты Федоровича Панина, да писца Государева дворца Наума Петровича и прочих от лета 7128 году». (Угличский летописец. Ярославль, 1996. С. 97). Именно это описание дало основание К. Н. Евреинову (ЯГВ, № 39, 20 мая 1888 г.) считать погреб возведенным в кирпиче (Евреинов, 2014. С. 17).

⁵ В 2004 г. его местоположения еще не было подтверждено окончательно, и предположение требовало проверки. Святилище было раскрыто раскопками С. В. Томсинского в северной части мысовой площадки кремля. Его изучение завершено позднее, в 2014 г. (Томсинский, 2017).

⁶ Данные опубликованы среди угличских актов еще в XIX в. (Шумаков, 1899. С. 109–110; Томсинский, 2004. С. 147–149).

Рис. 3. Вход в «Грот». Фото 1950-х гг.
Частная коллекция

уходящим, как и более ранняя кирпичная вымостка, за пределы границы раскопа. Размеры кирпича мощения (26,0–27,0 × 5,5–7,0 см) позволяют датировать мощение XVII в.

Местоположение валунной кладки дает возможность определить ее как кладку северного угла основания деревянной Спасской воротной башни западной городской стены, въездной от торговых рядов, и соотносить с сообщением Писцовых книг Углича 1663 г. о возведении вновь двух из трех существовавших до смутного разо-

Фундамент сложен насухо из гранитных валунов размерами до 70–120 см в поперечнике. Он прослежен на уровне верхнего обреза на площади 4,10 × 1,70 м. Вплотную к фундаменту, к востоку от него, зафиксировано два участка мощения (рис. 5: 1, 5, 6). Нижнее – «в елочку» из кирпича, поставленного на ложок, местами подтесанного по тычку для примыкания к валунам, уложено в материковый песок, без раствора. Культурный слой в этом месте снят полностью при строительных работах для выравнивания площадки в пологом склоне берега кремлевского оврага (рис. 6). Кирпичное мощение частично перекрыто несколькими валунами, уложенными позднее, а на небольшом участке – расположенным на 15–25 см выше участком вымостки из мелкого булыжника и фрагментов желтовато-белого известкового раствора во вторичном использовании,

Рис. 4. Углич. Кремль. Раскоп 1 ДАЭ ГЭ АО 2004 г. Площадка до начала работ. 1 – вид с востока в сторону Волги и Шелковки; 2 – вид с юга в сторону пруда и Спасо-Преображенского собора начала XVIII в.

рения воротных башен: «И на осыпи города стены сосновые рубленные в два ряда делаются и с башнями высокими вновь по литовском разорении... И во внутреннем вновь построиша при стенах и двои ворота прозываемые Спасские и Никольские, въездные от рядов и с площади от Оуспения. А Фроловских ворот вновь не построиша, толко место одно глухое как быть воротам...» (Угличский летописец, 1996. С. 107–108; по Барсовскому списку: Царе-Угличский летописец, 2013. С. 218–219).

Их существование и состояние до возобновления фиксируют источники вскопе после польско-литовского разорения города 1611 г. Грамота царя Михаила Федоровича 1615 г.⁷ и рапорт воеводы Дашкова около 1617 г.⁸ сообщают о разрушенных деревянных городских стенах и башнях крепости и обветшавших укреплениях (остроге) окольного города, к началу XVII в. окружавшего посад.

Согласно Выписи из писцовой книги 1620 г.,⁹ к этому времени приняты посильные меры по восстановлению обороноспособности разрушенных крепостных стен после польского разорения 1611 г.¹⁰: «Город Оуглич на реке на Волге... И где была у него береговая крепость и осыпь, при ней же ров глубокий, ныне позасорен. И осыпь земляная над рвом поразрушена и стены рубленные деревянные городовые, и с высокими башнями, вси разбиты и сожжены же. И на осыпи городской ныне поставлен деревянный же сосновый острог» (Угличский летописец. 1996. С. 97). Это укрепление сохранялось до начала 1660-х гг.¹¹, когда городские стены с башнями, включая и воротные башни (кроме волжской Фроловской – наугольной на северо-восточной мысовой площадке кремля), были вновь сооружены на старых местах и, возможно, на прежних основаниях.

В четырех метрах к северо-западу от фундамента башни работами 2004 г. рас-

⁷ Грамота царя Михаила Федоровича Угличскому воеводе 15 ноября 1615 г. предупреждает об ожидаемом приходе вора Литовского «в заволжские города к Угличу», приказывая воеводе «и по городу б у тебя и по острогу всякие осадные люди стояли по местам совсем наготове, беспрестанно и сторожи б у вас около города и острогу дальние и на городе и на остроге б были крепки... и всяких осадных людей к узду и из слобод в осаду город и в острог собрать тот час» (Соловьев, 1895. Приложение. С. 108–109). Грамота четко разделяет городские стены (кремль) и острог – укрепления с частоколом на валах окольного города.

⁸ Рапорт воеводы Петра Дашкова около 1617 г. характеризует состояние города Углича: «Вся угличская рать на государевой службе и разослана в другие области России. Всего только шесть пушкарей, да и те голодные, казны нет, хлеба нет, острог обветшал, крепостной ров после польского повреждения не подкопан, мосты не мощены, стены города развалились, башни на оных разрушились... Шесть казаков сидят в худой тюрьме и стеречь некому» (Соловьев, 1895. Приложение. С. 109–110). Разная сохранность городских стен и острога снова указывает на то, что речь идет о разных укреплениях – крепости и остроге на валах окольного города.

⁹ Выписано ис книги письма осмотру о городе Угличе (по разорении его) Никиты Федоровича Панина, да писца Государева дворяна Наума Петровича и прочих от лета 7128 году (Угличский летописец, 1996. С. 97).

¹⁰ Строительство частокола вместо разрушенных крепостных стен произошло, очевидно, сразу после литовского разорения, поскольку в купчей на «двор свой в городе от Волги подле острогу», по другим топографическим ориентирам однозначно определяемый как находящийся на территории кремля, наличие «острога» фиксируется уже в августе 1613 г., затем в 1515–1516 гг. (Шумаков, 1899. С. 109).

¹¹ Данные о строительстве острога в 1643 или 1644 гг., приведенные в издании 2013 г. (Воротникова, Неделин, С. 546), в источниках подтверждения не находят. Здесь и в характеристике города в 1617 г. авторы путают сведения о крепости угличского кремля и остроге окольного города. Указание описания 1663 г. о строительстве стен кремля «вновь по литовском разорении» (Царе-Угличский летописец, 2013. С. 218) также свидетельствует об отсутствии других строительных мероприятий, кроме возведения временного частокола, зафиксированного документами 1613–1616 гг. и пришедшего в ветхость через полстолетия.

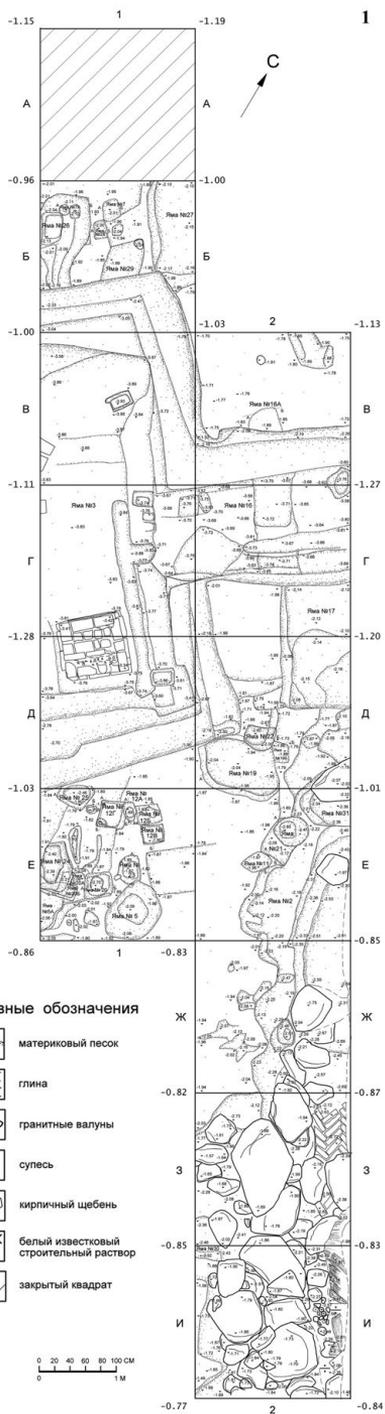

Рис. 5. Углич. Кремль. Раскоп 1 ДАЭ ГЭ АО 2004. 1 – Углич. Кремль. Раскоп 1 ДАЭ ГЭ АО 2004. Материк. Выбранные ямы. М. 1:20; 2 – заглубленная часть Казенного погреба (яма № 2). Обрушенные конструкции дощатой обшивки конца XIX – начала XX в. в заполнении постройки. Вид с ЮЗ; 3 – материк, выбранные ямы. Заглубленная в материк часть «казенного погреба» с участком входного коридора (яма № 16) со стороны пруда (до 1674 г.). Кирпичная кладка конца XIX – начала XX в. Вид с северо-запада; 4 – раскрытая часть валунного фундамента Спасской башни. Вид с юга; 5 – участок бульжного мощения с фрагментами известкового раствора во вторичном использовании к востоку от основания башни. Фрагменты многослойного позднейшего (XIX в.) деревянного настила. Вид с северо-запада; 6 – участок кирпичного мощения XVII в. (?), к востоку от валунного основания башни. Вид с юго-запада

крыта восточная часть заглубленного в материк и, по всей видимости, в полу городского вала с внутренней стороны прямоугольного в плане сооружения 5,80–6,35 м глубиной 2,5–2,6 м (рис. 5: 1–3). Со стороны берега пруда в подземелье вел выбранный в плотном материковом песке коридор той же глубины, шириной в нижней части 1,08–1,20 м, в верхней – возможно, расширенной в позднейший период – 1,80–2,0 м. Входной коридор прослежен на расстоянии 2,4 м. Каменная кладка на входе в него, в откосе пруда, в пределы раскопа не вошла и не расчищалась по недостатку сил и времени. Но его местоположение дает основание отождествлять входной коридор (рис. 5: 1–3, 6) со входом в т. н. «Грот», зафиксированным фотографией 1950-х гг. (рис. 3).

Стратиграфическая датировка обоих раскрытых в 2004 г. сооружений затруднена. Перекоп 1950-х гг. (прослойки (2), (2')), отложившийся при выборке остатков пивной палатки того же времени, повредил культурный слой на значительной части площади раскопа, уничтожив уровень дневной поверхности времени строительства башни (рис. 6). Уровень кирпичного и булыжного мощения не является показательным в силу незначительности раскрытого участка и его расположения на уступе склона природного оврага. Средние горизонты перекрывшего их дощатого мощения (рис. 5: 5, 6) датируются находками монет серединой XIX в. Разборка верхней части фундамента башни датируется не ранее середины XIX в.

Другой перекоп связан с новым приспособлением подземного сооружения не ранее рубежа XIX–XX вв. (рис. 5: 2; 6). В этот период стены были обшиты новым бревенчатым срубом, сохранившим тянущие гвозди, на полу была сложена на сырой глине кирпичная выкладка размерами 0,83 × 0,83 м, высотой 0,4 м (рис. 5: 1, 3). Размер кирпича (25,3–26,5 × 11,5–12,5 × 6,5–7,2 см) и механическая формовка типичны для Углича конца XIX – начала XX в. Развал того же кирпича без следов раствора по дну постройки свидетельствует об устройстве тогда же нового кирпичного пола, сменившего первоначальный деревянный настил¹². Окончательная засыпка погреба произведена в 1950–1970-х гг.

Однозначно трактуемых остатков перекрытия (первоначального или позднего) не зафиксировано. Следы (отпечатки) изъятых бревен в верхних горизонтах стратиграфии засыпки сооружения могут быть как остатками части смещенных перекрытий, так и части обрушенных надземных конструкций (в т. ч. амбара) (рис. 6).

Никаких следов каменных (булыжных) конструкций перекрытий или стен, описанных Н. Д. Русиновым, не найдено даже в качестве развала, в связи с чем можно предположить, что выкладки булыжником, которые исследователь вспомнил более чем через шестьдесят лет из своего дошкольного детства¹³, могли являться частью булыжного или валунного заполнения истлевших к середине XX в. срубных клеток,

¹² На дне ямы зафиксированы отпечатки лаг деревянного пола в материке и включения древесного тлена.

¹³ «Внешне он представлял собою холм, сверху засыпанный землей и заросший травой, имел вход с северо-востока из двух диких высоких кремневых плит в виде неправильных треугольников, сомкнутых друг с другом верхними частями и удаленными на ширину 2 или 2,5 метров одна от другой нижними, образующими конусообразный проход внутрь постройки. Он имел видимость короткого дромоса и вел в сводчатое помещение... Свод над внутренней частью строения возвышался до 2 или 3 метров. Сводчатые круглые стены были кольцеобразно выложены округлым булыжником – у основания калеметя более толстым, не менее метра в диаметре, выше шли ряды менее объемные. Причем вся стена хорошо держала полусферическую часть потолка.» (Русинов, 1998. С. 126–127).

укреплявших левый берег пруда, располагавшихся по сторонам от входа и оставшихся за пределами раскопа.

Сооружение впущено с уровня верхней границы прослойки (3) мощностью до 46–65 см, представляющей собой перекоп, подсыпку, сформированную линзами переотложенных предматериковых напластований, включая темную углистую супесь, золистую супесь, а также линз речного песка и древесного тлена (рис. 6).

С долей осторожности она может быть определена как подсыпка полы вала («осыпи») западной стены крепости. Включения линз мелкого кирпичного щебня, крошки известкового раствора и прямоугольная яма № 17, впущенная в период формирования прослойки (3) и определяемая как творило (рис. 6), дают основание ограничить нижнюю дату формирования прослойки XV в., когда в Угличе впервые зафиксировано строительство из кирпича. При этом следов кладок на растворе в раскопе не найдено. Фрагменты чернолощенной керамики сужают нижнюю дату формирования прослойки (3) до конца XV в. Другие найденные в ней предметы явно относятся к более раннему периоду (в т. ч. до 1-й четверти XI в.) и попали в прослойку (3) в результате многократных перемещений антропогенных отложений при ремонте и подсыпке насыпей вала (рис. 17). Находок, датируемых позднее XVII в., в прослойке (3) не зафиксировано.

Снаружи у юго-восточного и северо-восточного углов постройки зафиксированы впущенные с того же уровня столбовые ямы (диаметр столба – 25–30 см), которые могут быть интерпретированы как остатки ее наружных деревянных столбовых конструкций (рис. 5: 1, 3).

Вместе с тем нет оснований однозначно связывать столбовые ямы, зафиксированные с юга от сооружения (рис. 5: 1) и расположенные как на краю склона оврага, так и на расстоянии 2–2,5 м к западу от склона, с заглубленным сооружением. Возможно, ямы имеют отношение к деревянным конструкциям крепостной стены или моста через кремлевский овраг. Глубина некоторых из этих столбовых ям составляет до 0,8–1,0 м. В одном случае не было уверенности, что дно достигнуто. При этом столбы толщиной 35–40 см, сохранявшиеся в виде включений тлена, были вбиты в материк.

Опись города 1665 г. фиксирует «каков на Угличе город рубленой»¹⁴, указывая размеры и стен и башен¹⁵: в том числе «2 башни проѣзжихъ воротнихъ», одна из которых – Волская. Название происходит от Волской улицы, берущей начало от Волги, у

¹⁴ На момент описания 1663 г. находившийся в процессе постройки.

¹⁵ «Городъ рубленой; да въ городовыхъ стѣнахъ 2 башни проѣзжихъ воротнихъ, мѣрою обѣ башни по 5 сажень съ полусаженью мѣрныхъ сажень трехъ-аршинныхъ, всего 11 сажень; да глухихъ наугольныхъ и въ стѣнахъ 7 башень, мѣрою всѣ 7 башень, по 4 саж. башня, всего 28 саж.; а городовые стѣны стѣна отъ ц. Николы чюд. Подстѣнного отъ наугольной Филиповской башни до проѣзжей Никольской башни 23 саж., а отъ проѣзжей Никольской башни по другую сторону до наугольной Алексѣевской башни 32 саж., всеѣ стѣны 55 саж.; стѣна отъ площади отъ наугольной Алексеевской башни до проѣзжіе Волскіе башни 33 саж. съ 1/2 саж., а отъ проѣзжіе Волскіе башни по другую сторону до наугольной Волской башни 29 саж., всеѣ стѣны 62 саж. съ 1/2 саж.; стѣна отъ Волги р. отъ наугольной Волской башни до средней глухой башни 49 саж., а по другую сторону до наугольной Фроловской башни 39 саж. съ 1/2 саж., всего 88 саж. съ 1/2 саж.; стѣна отъ Каменого ручья отъ наугольной Фроловской башни до средней глухой башни 35 саж., по другую сторону до другой средней глухой башни 28 саж. съ 1/2 саж., отъ другой средней башни до наугольной Филиповской башни 23 саж., всего стѣны 85 саж. съ 1/2 саж.; и всеѣ городовые стѣны 292 саж. съ 1/2 саж.; да въ башняхъ въ проѣзжихъ и въ глухихъ 39 саж.: и всего города, башни и стѣны городовые по мѣрѣ 330 и 1/2 саж.» (Опись 1665 г., 1887. С. 5).

посадского хлебного торгога, к западу от кремля, на противоположном берегу Шелковки. Уточнение «стѣна отъ площади отъ наугольной Алексеевской башни до проѣзжіе Волскіе башни 33 саж. съ 1/2 саж., а отъ проѣзжіе Волскіе башни по другую сторону до наугольной Волской башни (т. е. угловой башни на берегу Волги. – *Е. Т.*) 29 саж.» указывает, что найденный нами валунный фундамент принадлежит проезжей Волской башне, занимающей среднее, со сдвигом в сторону Волги, положение между двумя угловыми башнями западной стены крепости. В описи 1663 г. она фигурировала как «прозываемая Спасская». Не устоявшееся название объясняется тем, что внешней стороной башня обращена к началу Волской улицы¹⁶, а внутренней, со стороны города, – к главному западному входу в Спасский собор (рис. 9: 1, 2; 11; 12; 15).

В писцовых книгах 1674–1676 гг. дано подробное описание раскрытых нами сооружений, дающее сведения и об их относительной датировке:

Городъ Угличъ на рѣкѣ Волгѣ на берегу осыпи¹⁷, рубленой въ двѣ стѣны въ сосновомъ обломѣ лѣсу, обломы тесаны въ брусъ, крытъ тесомъ... Отъ на угольные башни до Спасскихъ воротъ городской стѣны тритцать четьре сажени безъ трети. На воротахъ образъ Всѣмилостиваго Спаса въ кіотѣ, ворота на пятахъ, створчатые засовы у воротъ и у калитки и колца желѣзные; извнутри города на воротахъ образъ Успенія Прѣсвятя Богородицы въ кіотѣ. И противъ Спасскихъ во воротъ черезъ ровъ мосту девятнатцать сажень, поперегъ три сажени съ четью, въ воротахъ мостужъ пять сажень, рѣшетка запуская деревянная; около воротъ до городской стѣны сѣдмь сажень съ четью. А отъ Спасскихъ воротъ къ Волгѣ рѣкѣ до наугольной башни, которая стоитъ на обрубъ городской стѣны, тритцать сажень...

А Николскія и Спасскія ворота и наугольныя глухія башни рублены въ лапу о шести углахъ, а вышина тѣмъ башнямъ отъ осыпи до обломовъ шесть сажень, обломы сажень съ полтретью до кровли съ стропиломъ, а съ караулнами по седми сажень, а индѣ и менше....

Въ городѣ погребѣ казенной построень вновь въ сосновомъ лѣсу, длина три сажени съ четью, поперегъ три сажени безъ пол-полтрети. Выходъ каменной, длина и попережникъ полсажени двери и засовъ желѣзной, замокъ висячей. Надъ погребомъ анбаръ сосновой, покрытъ тесомъ, длина четьре сажени, поперегъ три сажени съ полполтретью; двери створчатыя деревянные на крюкахъ, замокъ висяшей. Отъ казеннаго погреба и отъ Спасскихъ воротъ къ соборной церквѣ мостъ на рѣку въ длину дватцать одна сажень, поперегъ три сажени» (Выпись с писцовых книг 1674–1676 гг., 1892. С. 30–34).

Указанные в описи размеры стен и положение башни дают основание утверждать, что на обнаруженном нами валунном основании была в 1663 г. году возобновлена и в 1665 и 1670-х гг. описана существовавшая еще до 1611 г. деревянная шестиугольная воротная башня, возведенная на валу западной стены угличского кремля с мостом на посад через реку Шелковку и другим, продолжающим его, вну-

¹⁶ Позднее фигурировала на планах города как Фалеева улица (Выпись с писцовых книг 1674–1676 гг., 1892. С. 129). Улица начиналась у хлебного торгога на западном берегу Шелковки, напротив Спасских ворот, и проходила параллельно набережной Волги.

¹⁷ В данном списке документа допущена ошибка, искажающая смысл. Следует читать «на берегу, на осыпи». Такое написание зафиксировано другим списком документа в составе Барсовского летописца из собрания Ростовского музея (ГМЗРК, № Р-48, Л. 185 об.; Царе-Угличский летописец. С. 267)

три крепости за пределами воротного проезда, мостом через овраг, ведущим к западному входу в Спасский собор кремля и берегу Волги («на реку»). Твердых оснований для датировки самого валунного основания, подвергавшегося неоднократным переделкам, работы 2004 г. не дали. Наиболее вероятной датировкой башни является 1663 г., но нельзя исключать возведение валунного фундамента и в более ранний период.

Обнаруженное заглубленное сооружение (рис. 5: 1–3), исходя из размеров, конструкции и уточнения писцовых книг о «выходе каменном», зафиксированном и фотографией 1950-х гг. (рис. 3), определяется как новый казенный погреб, возведенный незадолго до 1674 г.¹⁸ Работами 2004 г. зафиксирована ширина погреба, длинная сторона которого располагалась перпендикулярно городской стене. Обнаруженные по углам снаружи постройки столбовые ямы могут быть определены как часть конструкций установленного над погребом амбара, упомянутого в описи 1674–1676 гг. Столбовые ямы к югу от постройки, вероятнее всего, являются частью начального участка конструкции моста через овраг к Спасскому собору (рис. 12; 15).

Судьба этого сооружения через 20 лет отражена в челобитной 1695 г. на государю имя: «Казенный погреб мост над ним провалился и землю снаряд и всякие припасы засыпало и двери завалило и мосты» (Сведение о состоянии города в 1695 году, 1887. С. 166). Линзы, которые могли быть частью засыпки этого времени, зафиксированы в стратиграфии сооружения (рис. 6), но вследствие отсутствия находок однозначно отделить их от позднейшей засыпки, близкой по составу, невозможно.

Остатков моста через Шелковку, положение которого, впрочем, довольно точно определяется положением башни на кремлевской стороне, ожидаемо, не найдено. Наложение размеров башни и погреба по описи 1674 г. на современную топографию (рис. 15) участка приводит к выводу, что вал и деревянная городская стена толщиной в две сажени между брусными стенами¹⁹, к которым примыкал погреб, располагались по самой кромке существующего берега, а частично – за ее пределами – на обвалившейся к началу XX в. его части. То же можно сказать о площадке снаружи перед башней и начале Спасского моста.

Предположительно, одна из опор моста была зафиксирована нами на противоположном берегу Шелковки в ходе работ 2003 г. (рис. 1) по изучению остатков каменного здания 2-й половины XVII в. Столбовая яма от столба размерами не менее 0,70 × 0,70 м, глубиной по материку не менее 80 см (дно не достигнуто) была зафиксирована на южной границе раскопа, частично за его пределами (рис. 7). Судя по тому, что прослойка времени сооружения здания 2-й половины XVII в. перекрывала яму, а уровень впуска ямы был зафиксирован практически с верхней границы древнейшей прослойки времени освоения участка (до 1-й четверти XI в.), и с учетом того, что слой на этом участке явно был срезан при строительстве, можно датировать сооружение моста через Шелковку не позднее 1-й половины XVII в., а возмож-

¹⁸ На 1665 г., согласно описи, «государева казна» находилась в подклете Спасского собора: «В казне наряду, а поставлен соборные церкви Преображения Спасова под пределом Похвалы Пречистые Богородицы, а государева казенного погреба нет...» (Опись 1665 г., 1887. С. 5).

¹⁹ «А городской стѣнѣ вышина и съ обломы по три сажени съ полусаженью, а въ иномѣ пряслѣи больше; а по всему городу во всѣхъ пряслахъ поперегъ городской стѣны межъ стѣнъ двѣ сажени, а противъ обломовъ двѣ сажени съ четью» (Выпись с писцовых книг 1674–1676 гг. 1892. С. 32).

Рис. 7. Углич. Левый берег р. Шелковки. Раскоп 2 ДАЭ ГЭ АО 2003. Стратиграфия. Северная и восточная стенки. Столбовая яма от опоры Спасского моста через Шелковку в северо-восточном углу раскопа. Вид с юго-запада. На заднем плане, слева, площадка раскопа 1 ДАЭ ГЭ АО 2004

но, и ранее²⁰.

Археологические данные о положении Спасской башни позволяют уточнить топографию остальных стен и башен угличского кремля XVII столетия, в частности, положение крепостной стены со стороны Волги, до сих пор известной только по описаниям XVII в.²¹ При наложении размеров по описям 1665 и 1674–1676 гг. на современную топографию при любых вариантах положения прясла стены от Спасской башни в направлении к Волге наугловая Волжская башня кремля оказывается за пределами современного уреза воды (рис. 15), а учитывая подъем воды при строительстве Угличской ГЭС, ее место, как и место волжской стены, однозначно определяется в центре нижней террасы Кремлевского холма, известной по многим фотографиям XIX – начала XX в. (рис. 8).

Объяснение этому факту находим в описи 1674–1676 гг.:

²⁰ На схеме (рис. 15) положение Спасского моста, выявленное по результатам работ 2003–2004 гг., нанесено с учетом размера (длины и ширины) моста, зафиксированного описью 1674–1476 гг.; первоначальный мост, яма от опоры которого зафиксирована в 2003 г., вероятнее всего, был длиннее.

²¹ Два изображения крепости на картах конца XVII в., выполненных в связи с судебными разбирательствами земельных споров по участкам в окрестностях Углича, имеют крайне условный характер. Первое, на карте 1688 г., дает представление о количестве башен (девять) и, возможно, их соотношении по размерам (РГИАФ. 1209. Оп. 77. Стб. по Угличу. Ед. хр. 35785. Л. 151). Второе – о форме башен, хотя однозначно идентифицировать башни на миниатюре, изображающей кремль, не представляется возможным (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 77. Ед. хр. 35837. Ч. I. Л. 44). На обоих изображениях крепость отстоит от Волги.

Рис. 8. Уglich. Панорама Волги с видом на кремль с северной стороны. Уступы мысовой площадки в местах расположения разрушенных конструкций обруба. Фото конца XIX – начала XX в. Собственное издание фотографа М. Дмитриева, Нижний Новгород. № 388

«А отъ Спаскихъ воротъ къ Водгѣ рѣкѣ до наугольной башни, которая стоитъ на обрубѣ городской стѣны, тритцать сажень, отъ городовыя стѣны кругомъ башни до городской же стѣны девять сажень съ полусаженью. А отъ наугольной башни обрубъ насыпанъ землею въ низъ по рѣкѣ Волгѣ во всю городовую стѣну отъ Волги рѣки; а вышина тому обрубѣ четыре сажени, а въ иномъ мѣстѣ и болше; а отъ наугольной башни по обрубѣ городской стѣны внизъ Волги рѣки до глухой средней башни пятьдесятъ двѣ сажени, а около башни до городской же стѣны пять сажень съ четью, а отъ той башни по обрубѣ жь до наугольной башни, что у церкви благовѣрнаго царевича Димитрія, городской стѣны сорокъ сажөнъ съ подусаженью» (Выпись с писцовых книг 1674–1676 гг. С. 31).

В практике древнерусского крепостного строительства термин и топоним «обруб», «обруб стены» (Улица Обруб) обозначает защитную бревенчатую (обвязку), а чаще срубную конструкцию, устанавливаемую вдоль высокого обрывистого берега для его защиты от осыпания и размывания, в т. ч. при наводнении, половодье и ледоходе (Словарь русского языка, 1987. С. 160). Внутренняя часть (клетки) обруба заполнялись землей или хрящем. Пространство между обрубом и берегом также засыпалось грунтом, образуя насыпную площадку. Использовалась как площадка непосредственно над срубом²², так и насыпная часть берега.

²² По нему прокладывались набережные улицы, проходящие вдоль реки или канала и сохранявшие одноименное название. Они сохраняются на Русском Севере (в деревнях на р. Мезени, в т. ч. в Юроте (Мильчик, 1971. С. 126), в Сибири (Томск, Иркутск). В крепостных сооружениях обруб зафиксирован в XVII в. в Пскове, Суздале, Архангельске (Словарь русского языка. 1987 С. 160) как дополнительное укрепление снаружи городских стен. В Олонецкой крепости в середине и 2-й половине XVII в. обрубом укреплялись откосы крепостного рва и подмываемые берега городского мыса (Мильчик, 2007). В практике фортификации волжских городов обрубывались, в т. ч., для размещения дополнительного артиллерийского вооружения на ограждаемых ими площадках при башнях, возводимых одновременно

О том, что в данном случае мы имеем дело именно с такой модификацией конструкции «обруба», свидетельствует и дополнительный комментарий, внесенный автором списка той же Выписи из писцовых книг 1674–1676 гг. в вариант Барсовского летописца из собрания Ростовского музея: «И от оной же башни западной с самого оуглу, и по всей внизе Волги городской стене, – обруб наметан камением мелким и землю насыпан, вышиною на четыре сажени, чтоб водою не подмывало берег городовыя стороны»²³ (датировка списка по бумаге – 1792 г. (Царе-Угличский летописец, 2013. С. 595–596)).

Локализация Спасской башни работами 2004 г. дает возможность однозначно определить местоположение основания обруба волжской стены на нижней береговой террасе, что соответствует и определенной описью высоте обруба до основания крепостной стены (около 8,5 м и больше). Следы этой конструкции можно различить на фотографиях Углича, выполненных до подъема уровня Волги при строительстве Угличской ГЭС²⁴ (рис. 8).

Учитывая данные о наводнениях при ледоходе в Угличе XVIII²⁵ – 1-й половины XIX в., сопровождавшихся заторами, когда льдины доходили до южной оконечности кремля, крепостного рва и торговой площади на посаде, очевидная необходимость в сооружении конструкции обруба могла появиться довольно рано. Археологические исследования Угличской²⁶ археологической экспедиции Государственного Эрмитажа 1989, 1996–1997 гг. выявили насыпной характер волжской береговой площадки верхней террасы угличского кремля к северо-северо-западу от древнего Спасо-Преображенского собора 1-й половины XV в., формировавшейся в несколько этапов – начиная с 1-й четверти XI в. до последней четверти XV в. (см. статью С. В. Томсинского в настоящем сборнике). Работы 1660-х гг., исходя из данных археологических исследований на этом участке, не изменили трассу установленной на обрубе волжской стены крепости, а только обновили конструкции.

Согласно челобитной воеводы Андрея Порошина от 7 мая 1695 г. на государево имя, «на Угличе... город весь обветшал и кровли во многих местах нет, и лесницы, которые были на взрубех²⁷, все погнили и всходу по ним на город нет и в стенах лесницы и забирка дощаная по городу и по перилам брусья во многих местах нет же... и мосты, что в городе и за городом, что через ров против проезжей Спасской башни, что к земской избе, и те мосты оба згнили и ров, что около города, весь запыл землю и прислоны и чеснок и надолобы всё згнило и башни науголные от Волги ре-

с башнями и обновлявшимися по мере ветшания в Нижнем Новгороде (Агафонов, 1976. С. 31, 92, 98, 101), в Астрахани (Словарь русского языка, 1987. С. 160; *Торопыцын*, 2012. С. 161). На площадке обруба костромского Ипатьевского монастыря, устроенного со стороны подмываемого берега, позднее сменившего деревянную конструкцию на каменную, был разбит сад (*Бочков, Тороп*, 1971).

²³ ГМЗРК, № Р-48, Л. 187. (цит. по: Царе-Угличский летописец. С. 269).

²⁴ Строительство начато осенью 1935 г.

²⁵ «И когда бывает большая весною вода, или и среди лета и в осеннее время... обходит по тем рвам вокруг всего города, кругом осыпей волжная прибылая вода. И стоит на многи дни...» (Царе-Угличский летописец, 2013. С. 268; *Киссель*, 1844. С. 368; *Соловьев*, 1895. С. 69); о разрушительном наводнении 1719 г. сообщает Барсовский извод Угличского летописца (Царе-Угличский летописец, 2013. С. 281–284).

²⁶ С 2003 г. экспедиция получила наименование Древнерусской.

²⁷ Взруб – 1. бревенчатый сруб, служащий основанием чего-либо, 2. искусственно поднятое и укрепленное место, фундамент (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2. 1975. С. 162).

ки башню преж вешнею водою подмыло и башня от стены отшатилась и у башни, что против Филипа апостола²⁸, земля оплыла и под нею подлаз в город...» (Сведение о состоянии города в 1695 году, 1887. С. 166).

Это описание свидетельствует об утрате укреплениями своей функции через три десятилетия после возобновления и фиксирует начало разрушения обруба, следствием которого стала деформация волжских башен.

Местоположение обруба довольно точно определяется планами Углича конца XVIII – начала XIX в.²⁹, на время создания которых все деревянные конструкции городских оборонительных сооружений со стороны Волги уже отсутствуют (рис. 10: 1, 2). Тем не менее, эти планы фиксируют городской вал, обрывающийся в приволжской части, именно там, где, согласно описаниям XVII в., начиналась крепостная стена, установленная не на осыпи (валу), а на обрубе. В западной части кремля, исходя из этих планов, обруб примыкал к валу южнее устья раскрывающегося в Шелковку оврага³⁰, перекрывая овраг и превращая его во внутренний пруд. С востока крепостной вал небольшим участком под углом огибает верхнюю бровку мысовой площадки кремля и обрывается в месте, где по описи 1774–1776 гг. располагалась выходная башня с калиткой (Выпись с писцовых книг 1674–1676 гг. С. 31). На плане 1817 г. еще в значительной мере сохраняется насыпная береговая площадка к северо-северо-западу от Спасо-Преображенского собора и церкви Царевича Димитрия, ранее предохраняемая от разрушения срубной конструкцией обруба³¹.

План Углича 1798 г.³² (рис. 10: 1) при достаточной доле условности фиксирует важную особенность – значительный изгиб волжской береговой линии кремля в ее центральной части, на участке напротив Спасского собора и до западной паперти церкви Царевича Димитрия, определяющий наиболее подверженную размыву часть кремлевского «ostrova». Это обусловило в дальнейшем неравномерное обрушение береговой площадки.

Следует упомянуть³³ о планах Углича середины – 3-й четверти XVIII в., составляющих отдельную группу чертежей, выполненную с одного общего оригинала, созданного до 1700 г.³⁴, и изображающих реалии, никогда не существовавшие одновременно: собор в конфигурации, прекратившей существование в 1700 г., и колокольня,

²⁸ К этому храму обращена угловая башня в юго-восточном углу кремля в месте соединения Каменного ручья и крепостного рва.

²⁹ 1797 г. (ЦГВИА, опубликован: Градостроительство Московского государства XVI–XVII веков, 1994. С. 216), около 1800 г. (ГАЯО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 380. Л. 3) и 1817 г. (ГАЯО. Ф. 560. Оп. 1. Д. 393. Л. 12), 1798 г. (РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 47. Л. 15).

³⁰ Овраг проходил от южных Никольских ворот.

³¹ Возможно, основания разрушенных и оплывших конструкций обруба сохранялись на мысовой площадке кремля в виде уступов, зафиксированных фотографиями конца XIX в. (рис. 10).

³² Атлас Ярославской губернии. 1798 г. (РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 47. Л. 15). Воспроизведен: *Тверской*, 1953. С. 115. Ссылка (Там же. С. 206) ошибочно датирует план 1837 г.

³³ Подробный анализ этих графических листов выходит за рамки данной статьи, ему необходимо посвятить отдельную работу.

³⁴ На это указывает прорисовка плана Спасского собора в формах XV в., существовавших до строительства ныне сохраняющегося здания в 1700 г.: две граненые паперти вокруг алтарных апсид с востока и массивный прямоугольник основания западной паперти с колокольней. Граненые формы апсид и восточной паперти зафиксированы раскопками 1985–1989 гг. под руководством В. А. Булкина. Существующее здание начала XVIII в. полностью сохранилось и имеет другие характеристики.

возведенная в 1730 г. Самый ранний из них – акварельный план 1751 г.³⁵ (рис. 9: 1) – изображает угличскую крепость без угловой Фроловской башни («отшатилась» в 1695 г.) и с выходной калиткой к Каменному ручью на мысовой площадке, устроенной на «глухом» месте³⁶ (обозначена, как башня, литерой «I»). В 1767 и в 1775 гг. были гравированы планы³⁷, прилагаемые к одновременно гравированным ведомостям угличской провинциальной канцелярии, содержащим статистические и географические сведения о городе (рис. 9: 2). Планы практически полностью воспроизводят ситуацию, отраженную на плане 1751 г.³⁸ При этом крепость, которая, согласно ведомостям³⁹, сохраняла на эти даты только земляные валы, изображена как существующая со всеми стенами и башнями, включая утраченную уже на 1751 г. Фроловскую башню, и собором в формах XVII в. Выходная калитка на мысовой площадке на этих планах отсутствует, на ее месте изображены клетки стены. Надо полагать, последующие воспроизведения гравированных планов выполнялись по необходимости за неимением другого оригинала и без соотнесения его с реальностью.

Все планы этой группы вычерчены с существенными искажениями направлений и спрямлением кривых, свидетельствующими о построении первого чертежа по словесному описанию с минимальной инструментальной съемкой или совсем без нее. В гравированных планах 2-й половины XVIII в. нарушены и масштабные соотношения. Вынос площадки верхней террасы в сторону Волги оказался существенно меньше не только размера на планах 1751 г. и рубежа XVIII–XIX вв., но и ширины, фиксируемой по современной топографии, ставшей следствием многочисленных обвалов по береговой линии.

В контексте темы данной работы мы не можем обойти эти планы как в силу их относительно ранней датировки, так и в силу того, что рассмотрение их в качестве полноценного и достоверного источника информации о планировке угличского кремля на протяжении всего XX в. стало первопричиной путаницы и нестыковок и основной некорректных реконструкций, в последние годы начавших оказывать влияние не только на научные построения, но и на судьбу сохранившихся памятников угличского кремля.

Подробные данные описей XVII в. не могли не вызвать попыток воссоздать об-

³⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 1803: выполнен в связи с ремонтом кровли сохранившейся палаты угличского дворца. Опубликовано: Булкин, Салимов, 2017. С. 77.

³⁶ Небольшая четырехугольная башня с калиткой отсутствовала в 1663 и 1665 гг. и была устроена позже (описана в 1674 г.), вероятнее всего, на старом месте проезжей Фроловской башни, не возобновленной в 1760-х гг. Обозначение калитки на плане 1751 г. носит характер правки по акварели. Не исключено, что на исходном чертеже этой башни с калиткой не было, что позволяет с долей осторожности предполагать его создание между 1665 и 1674 гг.

³⁷ Гравированные экземпляры сохранились в собраниях РГБ (Ко 111/VII-52) – 1767 г., этот экземпляр был вновь издан в 1901 г. (Шангин, 1901) с дефектами оригинала (задир бумаги на плане собора и волжской стене крепости воспроизведен в гравюре) и РГИА (Ф. 1399. Оп. 1. Д. 850) – 1775 г. – воспроизведен: Тверской, 1953. С. 116. Он же прорисован в издании 2013 г. (Воротникова, Неделин, 2013. С. 547).

³⁸ Латинские литеры плана 1751 г. заменены на русские с той же огласовкой.

³⁹ «Ведомость Угличской провинциальной канцелярии» 1767 г. описывает крепость как существовавшую раньше. «Город Углич... был огражден деревянною стеною с башнями и земляным валом» (РГБ Ко111/VII-52). Аналогичная Ведомость за 1775 г. сообщает, что «на том земляном валу городских стен и ворот нет» (Описания 1775 и 76 гг., 1887. С. 155).

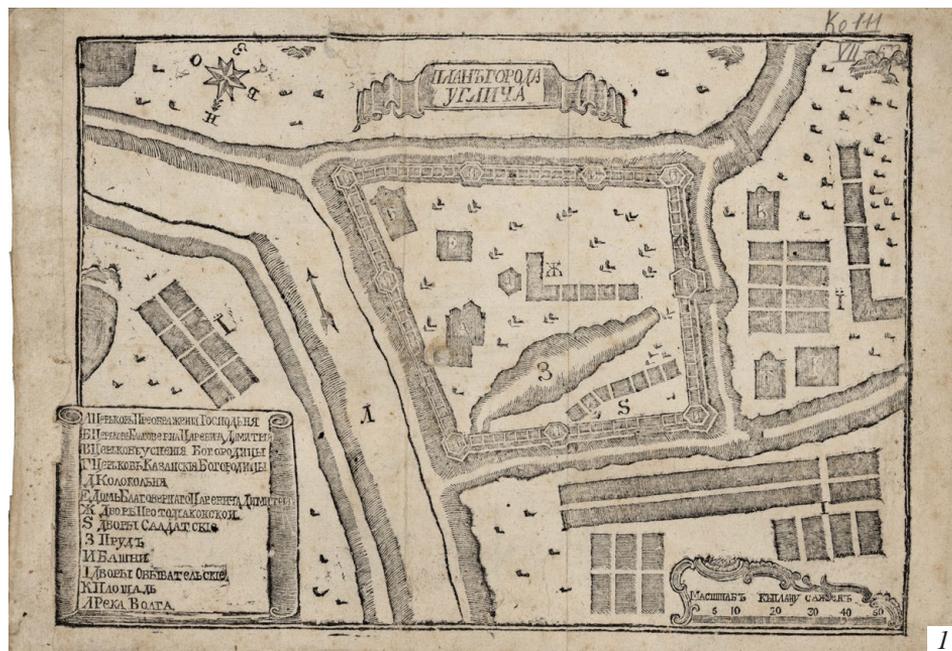

Рис. 9. 1 – план г. Углича 1751 г. РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 1803. Опубликовано: Булкин, Салимов, 2017. С. 77; 2 – план города Углича. Ведомость Угличской провинциальной канцелярии с указанием сословий и собираемых денежных средств; Геогр. описание г. Углич с уездом. После 1767 г. НЭБ. Ко 111/VII-52; https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_008697147?page=1&rotate=0&theme=white

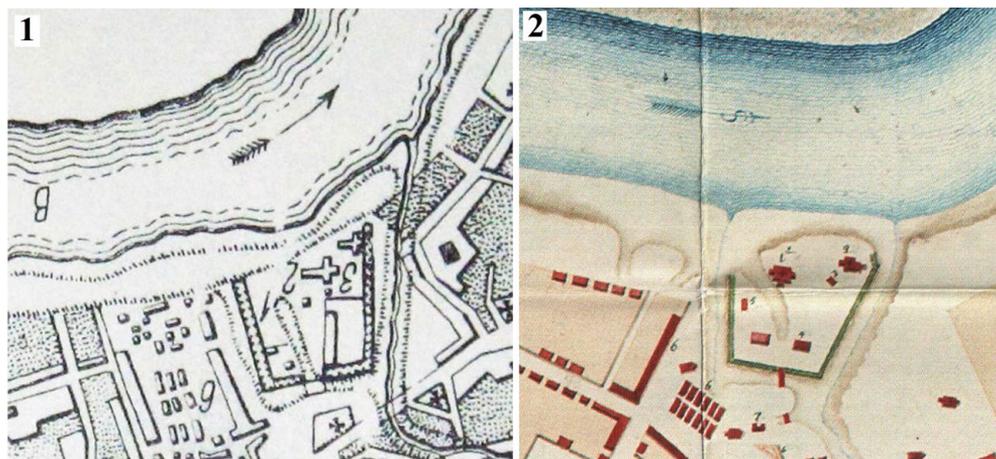

Рис. 10. Планы города Углича рубежа XVIII–XIX вв. 1 – план 1798 г. Атлас Ярославской губернии. РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 47. Л. 15; 2 – план 1817 г. Атлас Ярославской губернии. ГАЯО. Ф. 560. Оп. 1. Д. 393. Л. 12

лик угличской крепости уже на рубеже XIX–XX вв. Но данные о размещении волжской крепостной стены на обрубе никогда прежде не учитывались исследователями, что давало повод к реконструкциям, согласно которым стена располагалась на верхней площадке кремля, чего в действительности никогда не было.

Начало было положено схемой угличской крепости 1901 г., сопоставляющей ее размеры по двум описаниям XVII в. (Платонов, 1903. С. 227) (рис. 11).

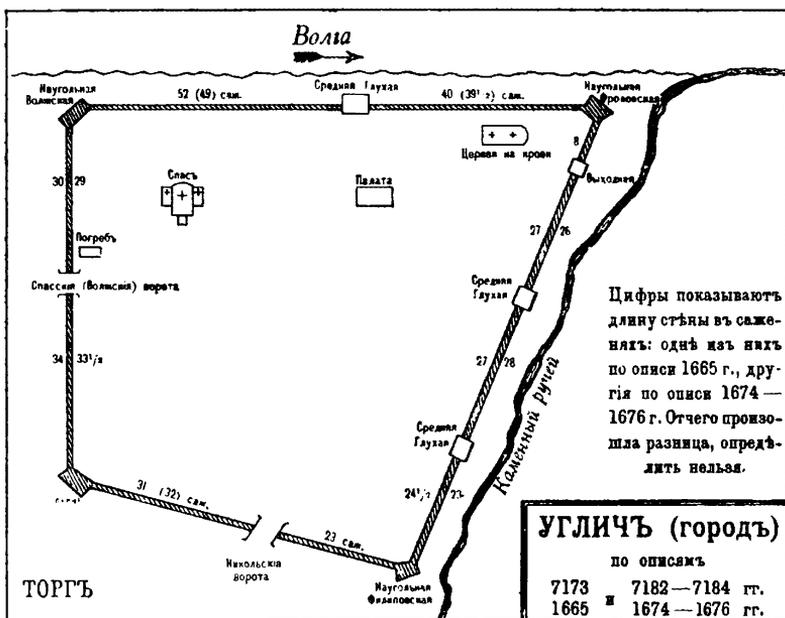
Наиболее востребованной⁴⁰ впоследствии стала реконструкция И. А. Тихомирова, который, не найдя в ходе раскопок следов крепости, ввел понятие городской стены – наружной, как он полагал, со стороны Волги, кирпичной стены дворцового комплекса, которая имела большую, чем другие, ширину. В реконструкции крепости по описанию писцовых книг, плана 1784 г. и, очевидно, гравированных планов 2-й половины XVIII в. Тихомиров разместил крепость XVII в. поверх этой дворцовой стены, считая ее частью фортификации XV в. (Тихомиров, 1906. Вклейка к с. 414) (рис. 12).

Раскопки Тихомирова не подходили к кромке берега Волги, существовавшего на 1900 г., соответственно, от кромки верхней террасы отстояла и линия, признанная Тихомировым береговой стеной. Волжская береговая линия не фигурирует в его реконструкции, подразумевается, что крепость со всех сторон ограничена линиями подошвы валов.

Уже после наводнения 1955 г. подмытая и обвалившаяся часть берега обнажила кирпичную кладку других помещений дворца, расположенных ближе к Волге за пределами линии т. н. береговой стены (Викторов, 1956. С. 40) (рис. 14). Вскоре они были скрыты уложенными после наводнения по склону берега бетонными плитами

⁴⁰ Ее взял за основу И. В. Дубов (Дубов, 1985. С. 176. Рис. 15). А. М. Салимов принял построения И. А. Тихомирова относительно существования каменной «береговой стены» дворца, но поставил под сомнение ее функцию как основания крепости XVII в. (Булкин, Салимов, 2017. С. 89, 92, 99, 100).

с но-
бор-
ным
не м
верх-
кром-
(рис.

ВЫМ
ДЮР-
КАМ-
ПО
НЕЙ
КЕ
16).

Рис. 11. План г. Углича по описям 1665 и 1674–1676 гг. Реконструкция С. Ф. Платонова (Платонов, 1903. С. 227)

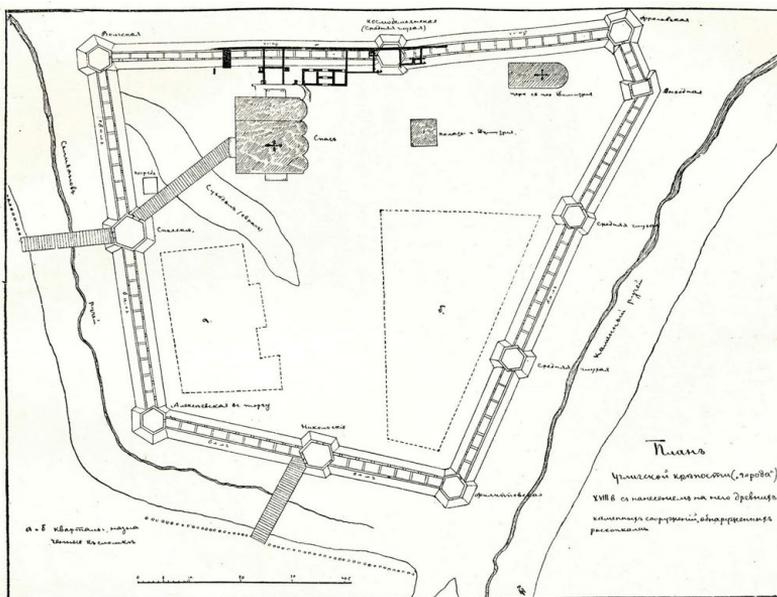

Рис. 12. План угличской крепости («города») XVIII в. Реконструкция И. А. Тихомирова по результатам раскопок 1900 г. (Тихомиров, 1906. С. 414)

Раскопки 1980-х гг. не обнаружили непрерывной стены, как выяснилось, реконструированной Тихомировым по отдельным участкам. Работы В. А. Булкина 1989 г. выявили помещения второй, расположенной ближе к Волге линии кирпичных построек дворца⁴¹, стены которых видны на фото 1955 г. (Викторов, 1956. С. 40).

Это положение стен дворцовых построек (рис. 14; 16) в совокупности с данными о местоположении на нижней террасе кремлевского холма конструкций деревянного обруба с установленной на нем волжской крепостной стеной определяет и ширину верхней приволжской площадки кремля, позволяя утверждать, что насыпная площадка уже в XV в. доходила до линии обруба и на ней была возведена значительная часть каменных зданий дворца Андрея Большого.

Утрата обруба вместе с разборкой стен⁴² во 2-й половине XVIII в. положила начало череде обвалов насыпной волжской площадки кремля, последние из которых отмечены в XX в.

Согласно акту, составленному сотрудниками Ярославского и Угличского музеев при участии И. А. Тихомирова, в июле 1931 г. был произведен осмотр церкви музея «Дмитрия на крови» с целью выявления угрозы ее обвала. Комиссия констатировала, что «здание... опасности не представляет. Опасность грозит со стороны весенних разливов Волги. В настоящее время церковь отстоит от берегового откоса в расстоянии всего 5,5 м. Берег около 7 м шириной, 12 м высотой, 55 м длиной оторвался, сполз и обвалился вниз к береговой отмели... Для предупреждения разрушений берега в указанном месте на будущее время необходимо всю верхнюю часть берегового откоса... покрыть каменной одеждою из среднекрупного валунника... Последний имеется на противоположном берегу» (Вглядись в минувшее..., 1995. С. 296–297).

В 1939–1940 гг. для защиты от подпора воды, возникшего в связи с постройкой ГЭС, берега Волги были замощены специально завезенными крупными валунами. (Викторов, 1956. С. 40) (рис. 13: 1, 2). Эти валуны, уложенные и вдоль берега Каменного ручья, были определены авторами фантазийных реконструкций развития г. Углича как «остатки древнейшей постройки» и «развал камней в Каменском⁴³ ручье от укреплений X–XI вв.» (Градостроительство Московского государства XVI–XVII веков, 1994. С. 217) (рис. 13: 3).

Границы этого «развала» определили, согласно тем же построениям, «трассу укреплений кремля на приступе X–XI в.» (Там же) и, как следствие, контуры первоначальной крепости. При этом апсида храма Царевича Дмитрия «на Крови» (1638, 1683 г., освящен в 1692 г., малая апсида пристроена около 1723 г.), постройка которой уверенно датирована многими письменными и археологическими (Турова, 2002. С. 52–53) источниками, была «атрибутирована» авторами научного издания как «остатки храма-ротонды князя Яна Плесковича (X в.)» (Градостроительство Московского государства XVI–XVII веков. 1994. С. 217). В силу той же ничем не мотивированной логики «трасса укреплений конца XV в.» (рис. 13: 3) обозначена по руслу западной ветви кремлевского оврага, превращенного в пруд, что не соотно-

⁴¹ В т. ч. с фрагментом пола из дворцового кирпича, уходящего за бордюрный камень под бетонные плиты берегового откоса.

⁴² К 30-м гг. XIX в. были срыты валы.

⁴³ Топоним фигурирует в издании с ошибкой, которую мы не исправляем.

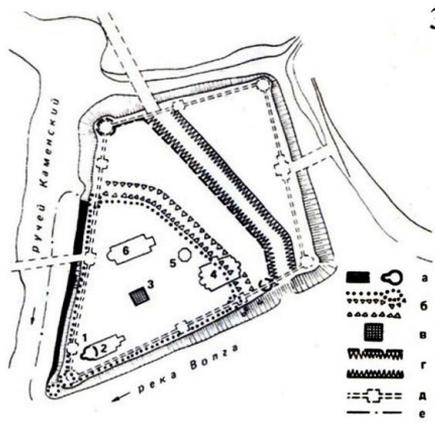
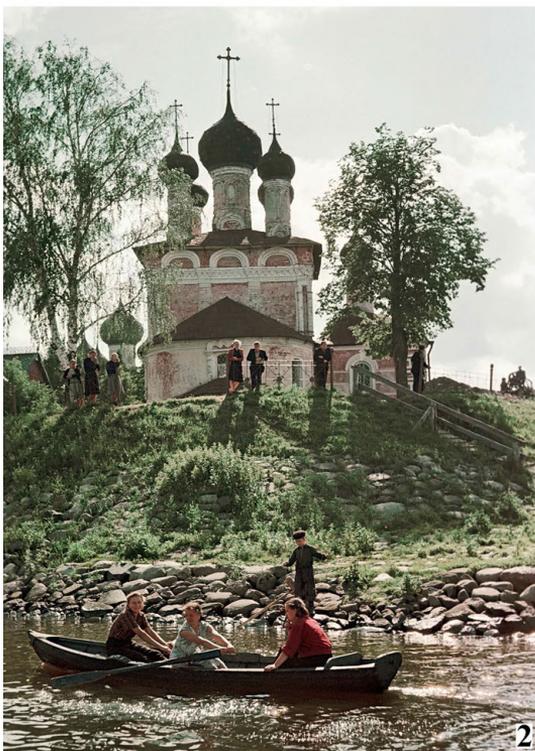

Рис. 13. 1 – Углич. Укладка валунов для укрепления берегов Волги и Каменного ручья после строительства Угличской ГЭС. Фото 1940-х гг. Опубликовано: *Осетров*, 1996. Валуну атрибутированы М. П. Кудрявцевым как остатки древнейших укреплений (см. «е» на рис. 13: 3); 2 – валуны, уложенные вдоль берега Каменного ручья в 1939–1940 гг. для защиты от подпора воды. Фото 1957 г. А. Воротынского. РИА Новости. https://fr.russiabeyond.com/tourisme/2017/07/15/voyage-dans-le-temps-13-photos-depoque-de-lanneau-dor-de-russie_803600; 3 – эволюция угличского кремля с X по XVII в. (Реконструкция М. П. Кудрявцева: а – остатки древнейшей постройки (предположительно X–XI вв.); б – предположительно трасса укреплений кремля на приступе в X–XI вв.; в – постройка конца XV в. (князя Андрея Большого); г – трасса укреплений конца XV в.; д – стены и башни XVII в.; е – граница развала камней в Каменском ручье от укреплений X–XI вв.: 1 – предположительно, остатки храма-ротонды князя Яна Плесковича (малая апсида храма, ок. 1723 г. – *Е. Т.*); 2 – церковь Св. Царевича Дмитрия «на Крови»; 3 – Тронная палата дворца XV в. князя Андрея Большого; 4 – Спасо-Преображенский Собор конца XVII – начала XVIII в.; 5 – соборная колокольня; б – зимний собор XIX в. (Русское градостроительное искусство. 1994. С. 217))

сится с положением собора и дворца XV в., известным уже по результатам раскопок 1900 г. (рис. 12) и уточненным работами 1985–1989 гг. (рис. 1; 16). Эту линию укреплений (рис. 13: 3) возможно уместить на схеме только в случае ее безмасштабности и приблизительной локализации на ней зданий и сооружений.

При этом смелое отождествление валунных выкладок 1930–1940-х гг., размывтых наводнением 1955 г., с древнейшими укреплениями дает авторам раздела ложное основание оперировать современным контуром береговой линии кремлевского холма как площадкой, полностью сохранившей древние размеры и конфигурацию.

К сожалению, тот же подход к проблеме реконструкции укреплений и планировки угличского кремля демонстрируют авторы сравнительно недавнего фунда-

Рис. 14. Обрушение верхней береговой террасы Угличского кремля после паводка весной 1955 года. Кладки дворцовых построек из кирпича. Фото 1955 г. Опубликовано: *Советская архитектура*. 1956. № 1. С. 40

ментального труда по русскому градостроительству и фортификации (*Воротникова, Неделин*, 2013. С. 545, 546). Полная свобода в отношении всего комплекса исторических источников, как письменных, так графических и археологических, поражает масштабом и разнообразием проявлений. Авторы вновь определяют современную топографическую ситуацию как историческую, помещая волжскую крепостную стену на кромке верхней береговой террасы – там, где вдоль всего берега существуют раскрытые археологическими работами 1903 и 1985–1996 гг. кладки дворцовых построек (рис. 15). На стенах дворца в откосе современного берега помещен и обруб. Раскрытое работами 2004 г. существующее основание Спасской башни находится при этом на кромке берега реконструируемого авторами пруда. Остальные башни и стены установлены вдоль существующих, но сильно схематизированных и нивелирующих остатки древней топографии береговых линий, с отклонениями от указанных в описях 1665 и 1674–1676 гг. размеров. Чтобы сгладить это несоответствие, автор датирует реконструкцию началом XVII в., хотя писцовые книги довольно ясно говорят о восстановлении крепости в 1660-х гг. на старых местах. При этом состав строений внутри крепостных стен реконструируется по книгам 2-й половины XVII в. Часть их на обозначенное время не существовала, в т. ч. раскрытый в 2004 г. пороховой (казенный) погреб, помещенный авторами реконструкции на определенное письменными источниками и археологическими работами место Богоявленского монастыря в юго-западной части кремля. Размеры и конфигурация дворцовых зданий целиком порождены фантазией авторов, игнорируются и письменные источники, и все результаты раскопок.

Хорошо читающаяся на современной топосъемке (рис. 15) и неоднократно прослеженная⁴⁴ археологическими работами 1988–1989 гг. (*Томсинский*, 2004. С. 24, 261) основная, восточная, ветвь оврага, прорезавшая кремль с востока от Каменного ручья на запад-северо-запад и выходящая устьем к Волге (в месте расположения юго-западной – западной части существующего Спасского собора), отделяя мысовую площадку кремля от его южной-юго-западной части и определяющая как древнейшую (см. статью С. В. Томсинского в настоящем сборнике), так и последующую топографию Углича, вообще не учтена авторами, которые оперируют только одним превращенным в пруд западным ответвлением оврага, известным по поздним планам города. Границы укреплений до реконструкции кремля в княжение Андрея Большого (1462–1491) оказались бесосновательно сдвинутыми с восточного берега восточного оврага на восточный берег западного оврага, причем в конфигурации пруда XVIII в., без учета сложной конфигурации слияния двух ветвей оврагов в районе западного входа в древний Спасский собор.

Факт соединения устья двух оврагов в западном углу кремлевской площадки с учетом максимального воздействия течения Волги на этом участке береговой линии делал невозможной постановку наугольной Волжской западной башни без дополнительных мощных искусственных конструкций обруба и подсыпок площадки, которые должны были одновременно служить плотиной для протоки, превращаемой в пруд. Именно этот участок оказался наиболее уязвимым и был необратимо разрушен раньше всех, что видно на планах Углича рубежа XVIII–XIX вв. (рис. 10: 2).

⁴⁴ Этот рукав оврага также был обнаружен при ремонте коммуникаций и зафиксирован сотрудником аварийной службы к югу от существующего Спасского собора при работах в январе 2007 г.

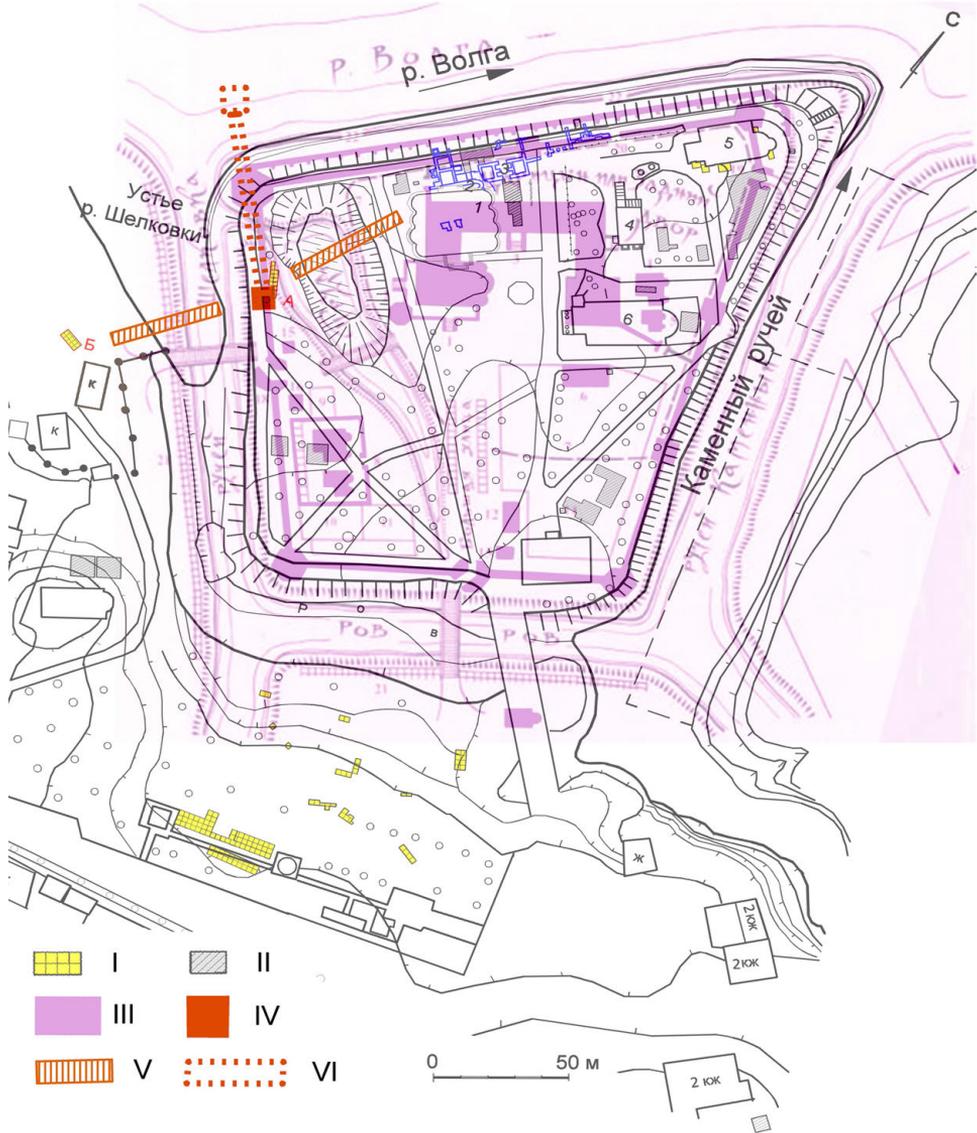

Рис. 15. Углич. Кремль. План на топоподоснове 2000-х гг. I – раскопы и шурфы архитектурного отряда Угличской (Древнерусской) археологической экспедиции ГЭ 1992–2004 гг.; II – раскопы и шурфы археологического отряда УАЭ ГЭ (ДАЭ ГЭ) 1988–2018 гг.; III – план угличского кремля в начале XVII в. Реконструкция В. М. Неделина (*Воротникова, Неделин, 2013. С. 546*) – наложение на существующую топографию; IV – местоположение Спасской башни угличского кремля по результатам раскопок ДАЭ ГЭ 2004 г.; V – предположительное местоположение мостов: Спасского через р. Шелковку и от Казенного погреба «на реку»; VI – предположительная трасса участка крепостной стены и местоположение наугольной Волжской башни по результатам раскопок ДАЭ ГЭ АО 2004 г. и описям 1665 и 1674–1676 гг.

В этом контексте выглядит более чем странным предположение (*Воротникова, Неделин*, 2013. С. 543) о соединении кремлевского пруда с Волгой для использования его в качестве «внутренней гавани» в XVI–XVII вв. Учитывая, что высота обрuba от поверхности нижней береговой террасы до основания волжской береговой крепостной стены составляла около 8,5 м и более, перепад уровня воды между кремлевским прудом и уровнем Волги и Шелковки⁴⁵ в ее устье составлял не меньше этой величины. При этом вхождение даже лодок в эту «гавань» через обруб, против течения протоки, и на восьмиметровую высоту представляется крайне проблематичным.

Пытаясь вместить все исторические реалии XV–XVII вв.⁴⁶ в габариты современной топосъемки кремля и не преуспев в этом, авторы реконструкций (Там же. 2013. С. 545, 546) сдвигают все, в т. ч. существующие древние каменные постройки, на 20 м от Волги вопреки их нынешнему положению (рис. 15). В результате раскрытый раскопками древний Спасский собор оказывается в существующем пруду. Реконструируемое авторами положение Спасской башни смещено к югу на 25 м, и мост от нее через пруд («на реку») ведет в центр кремля, а существующая палата дворца, увеличенная в два раза и смещенная еще и по отношению к собору, оказывается совпадающей с существующим же Богоявленским храмом. Локализованный историческими документами вокруг сохранившейся палаты дворца позднейший воеводский двор из северо-восточной части кремля смещается более чем на 70 м и оказывается в его южной части.

Фигурирующий в реконструкции новый топоним «Царицын или Задний двор», отождествляющий глухой угол кремля, где погиб царевич, с Царицыным двором и распространение этого странного наименования на всю территорию древней княжеской резиденции завершает череду исторических анекдотов на угличскую тему в изданиях по русскому градостроительству.

Особенности топонимики угличского кремля могли бы остаться предметом научной дискуссии, если бы результаты безответственной научной интерпретации и авторитет обстоятельных изданий с участием крупнейших специалистов не послужили основанием для воплощения этих реконструкций на территории древнего памятника с возведением фантазийной деревянной крепости в натуральную величину на местах и в формах, указанных их авторами, подвергая опасности реально существующие древнейшие архитектурные сооружения.

Работы архитектурного отряда Дрeвнерусской экспедиции ГЭ только положили начало археологическим исследованиям древней фортификации Углича XV–XVII вв., установив реперные точки для ее изучения и позволив уточнить некоторые аспекты топографии этого участка крепости: положение башни, Спасского моста через Шелковку, полы крепостного вала, характеристики и датировку казенного погребца и положение отрезка линии древнего берега пруда с началом моста к Волге и западно-

⁴⁵ В качестве гавани, вероятнее всего, использовалось устье Шелковки с учетом близости древнейшего торгового порта на посаде на ее левом берегу.

⁴⁶ Не касаясь подробно размещенной в том же издании реконструкции плана Углича XII–XIV вв. (*Воротникова, Неделин*, 2013. С. 542), отметим, что вряд ли продуктивна гипотеза о размещении «княжеского двора» на площадке, которая по итогам археологических исследований 1985–2018 гг. в указанный период была занята деревянным собором, кладбищем и руслом второго крупного ответвления кремлевского оврага, не учтенного авторами раздела.

Рис. 16. Углич. Площадка верхней береговой террасы перед Спасо-Преображенским собором 1700-х гг. Кладки дворца удельных князей, открытые в 1980-х гг. (раскопки под рук. Вал. А. Булкина) после неудачных консервационных работ. Фото 1990-х гг.

му входу в Спасский собор (рис. 15). Стали очевиднее местоположение конструкций обруба волжской стены крепости и его роль в формировании и разрушении приволжской территории кремлевского холма, топографии и логике развития на этом участке княжеской резиденции XV в. с обширным ансамблем каменного дворца.

При установленной нами локализации Спасской башни размеры существовавшей до обвалов береговой площадки, до обруба стены, без противоречий вмещают две параллельные Волге линии помещений дворца, там, где они были зафиксированы раскопками и фотографией 1955 г., делая логичным положение между ними внутреннего двора резиденции, а положение волжской стены крепости на обрубе наконец-то не совпадает со стенами дворца и соответствует писцовым книгам (рис. 14; 15; 16).

Работы 2004 г. также впервые позволили констатировать наличие за прудом культурных напластований раннего периода существования города Углича Поле (конец X – начало XIII в.) при отсутствии следов распашки на этой территории. К этому времени следует относить находки амулета из клыка бобра, костяной проколки, финно-угорской бронзовой привески в форме гусиной лапки, стеклянной бусины-«лимонки», бронзового проволочного височного кольца, стеклянного браслета (рис. 17), фрагменты лепной и гончарной посуды. Ряд предметов, представляющих инте-

Рис. 17. Предметы, происходящие из предматериковых антропогенных отложений, обнаруженные в ходе работ в раскопе 1 ДАЭ ГЭ АО 2004 г., в т. ч. в перекопах. Стратиграфическая локализация: 1 – фрагмент фибулы железной (№ 12), кв. 2Д, -1.40, прослойка 3; 2 – амулет из клыка кабана (№ 2), кв. 1Б, -1.58, прослойка 5; 3 – фрагмент браслета стеклянного (№ 20), кв. 2В, -1.49, прослойка 3; 4 – фрагмент браслета стеклянного (№ 26), кв. 2Д, -1.70, яма № 2; 5 – подвеска бронзовая гусиная лапка (№ 15), кв. 2В, -1.41, прослойка 6; 6, 7 – кольцо височное, медный сплав (№ 5), предмет костяной (писало?) (№ 7), кв. 1Е, -1.62, прослойка (3Г); 8 – бусина стеклянная (№ 4), кв. 1Е, -1.65, прослойка (3Г)

рес, найден в поздних перекопах: круглая серебряная накладка с геометрическим орнаментом (анalogии нам не известны), фрагмент железной фибулы, фрагмент турецкой красноглиняной курительной трубки с клеймом, два железных светца.

Литература

- Агафонов С. Л.*, 1976. Нижегородский кремль. Архитектура, история, реставрация. Горький.
- Бочков В. Н., Торон К. Г.*, 1971. Кострома: путеводитель. Ярославль.
- Булкин Вал. А., Салимов А. М.*, 2017. Строительство Андрея Большого в Угличском кремле по материалам архитектурно-археологических исследований 1985–1989 гг. // SEMINARIUM BULKINIANUM. IV. К 80-летию со дня рождения Валентина Александровича Булкина. СПб. С. 72–104.
- «Вглядиись в минувшее бесстрастно...» Культурная жизнь Ярославского края 20–30-х гг.: документы и материалы / Под ред. А. М. Селиванова. Ярославль, 1995.
- Викторов А.*, 1956. О защите памятников архитектуры при гидротехнических работах // Советская архитектура. № 1.
- Воротникова И. А., Неделин В. М.*, 2013. Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV–XVII веков. Крепости Центральной России. М. Выписано из книги 1620 г. – Выписано из книги письма осмотру о городе Угличе (по разорении его) Никиты Федоровича Панина, да писца Государева дворца Наума Петровича и прочих от лета 7128 году // Угличский летописец. Ярославль, 1996. Выпись с писцовых книг 1674–1676 гг. – Выпись с писцовых книг писма и меры стольника Михаила Федоровича Самарина да подъячева Михаила Русинова 132 и 133 и 134 годов // Труды ЯГУАК. Вып. 2. М., 1892. С. 1–412 (паг. 3).
- Голицын А.* год? Макет деревянного кремля в Угличе хотят построить уже в этом году [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6199957?from=76_top_main_2 (дата обращения: 16.05.2024).
- Градостроительство Московского государства XVI–XVII веков / Под общ. ред. Н. Ф. Гуляницкого. М.: Стройиздат, 1994. (Русское градостроительное искусство).
- Дубов И. В.* 1985. Города, величием сияющие. Л.
- Евреинов К. Н.*, 2014. Переложения и выписки публикаций в периодической печати 1883–1901 гг. Углич. 32 с.
- Киссель Ф. Х.*, 1844. История города Углича. Ярославль.
- Мильчик М. И.*, 1971. По берегам Пинеги и Мезени. Л.
- Мильчик М. И.*, 2007. Олонецкая крепость: градостроительные аспекты ее строительной истории [Электронный ресурс] // Рябининские чтения – 2007 / Отв. ред. Т. Г. Иванова. URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2007/387.html> (дата обращения: 16.05.2024).
- Описания 1775 и 76 гг. // Углич. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1887. С. 150–167.
- Опись 1665 г. // Углич. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1887. С. 1–5.
- Опись 1678 г. // Углич. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1887. С. 6.
- Осетров Е. И.*, 1996. Святая Русь. Мир древних городов. М.
- Платонов С. Ф.*, 1903. О топографии угличского «кремля» в XVI–XVII веках // Платонов С. Ф. Лекции по русской истории (1883–1902). СПб., С. 225–230.
- ПСРЛ. Т. XV. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. СПб., 1863.
- Русинов Н. Д.*, 1957. Из записок об угличской топонимике. Калеметь // Исследования и ма-

- териалы по истории Угличского Верхневолжья. Вып. 1 / Под ред. Н. Д. Русинова. Углич. С. 13–14.
- Русинов Н. Д., 1998. Из воспоминаний бывшего угличского архивиста // Исследования и материалы по истории Угличского Верхневолжья. Вып. 5. Документальные собрания Углича (статьи, публикации). Углич. С. 126–133.
- Сведение о состоянии города в 1695 году // Углич. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1887. С. 166.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 12. М., 1987.
- Слово Похвальное – Смиренного инокa Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче. О том же великом князе Борисе Александровиче слово от летописца вкратце. Лета 6953 // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 269–322.
- Соловьев Л. Ф., 1895. Краткая история города Углича. Изд. 2, репринт. и доп. Углич.
- Тверской Л. М., 1953. Русское градостроительство до конца XVII века. М.; Л.
- Тихомиров И. А., 1906. Раскопки в Угличском кремле // Труды Второго областного Тверского археологического съезда 1903 года 10–20 августа. Тверь: Тверская ученая архив. комис. С. 401–422.
- Томсинский С. В., 2004. Угличе Поле в IX–XIII веках. СПб.
- Томсинский С. В., 2017. Остатки языческого святилища на территории Угличского кремля по материалам раскопок 2014 г. // ABC3. Вып. 7. М. С. 154–163.
- Торопицын И. В., 2012. Строительство и реконструкция крепостей в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе в начале 1740-х годов // Новые материалы по истории фортификации: сб. ст. и материалов Первой междунар. науч.-практ. конф. «Памятники фортификации: история, реставрация, использование» (Архангельск, 18–19 сентября 2009 г.). Архангельск. С. 157–167.
- Турова Е. А., 2002. Работы архитектурного отряда Угличской экспедиции ГЭ в 2001 г. // Государственный Эрмитаж. Отчетная археологическая сессия за 2001 год: тез. докл. СПб. С. 51–55.
- Турова Е. А., 2005. Работы архитектурного отряда Древнерусской экспедиции в 2004 году // Государственный Эрмитаж. Археологические экспедиции за 2004 г. СПб. С. 22–27.
- Царе-Угличский летописец. Углич, 2013.
- Чижова А. год? Проект «Крепость, которой нет...» в Угличе завершили без крепости [Электронный ресурс]. URL: <https://kommersant-ru.turbopages.org/kommersant.ru/s/doc/6466914> (дата обращения: 16.05.2024).
- Шангин В. В., 1901. Город Углич во второй половине XVIII ст. (по весьма редкой ведомости Углицкой провинциальной канцелярии). С планом древняго Углича. Калуга.
- Шумаков С. А., 1899. Угличские акты (1400–1749 гг.). М.

Архивные источники не включены?

Сведения об авторе

Турова Екатерина Алексеевна, ООО «Экспертный центр по вопросам охраны памятников истории и культуры»;
e-mail: e.turowa@yandex.ru

E. A. Turova

**SPASSKAYA TOWER AND SPASSKY BRIDGE
OF THE UGLICH KREMLIN
ACCORDING TO THE RESULTS OF THE RESEARCH
BY THE ARCHITECTURAL TEAM OF THE ANCIENT RUSSIAN
ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION OF THE STATE HERMITAGE
IN 2003–2004**

Summary. The article considers the results of archaeological research by the architectural detachment of the Ancient Russian Archaeological expedition of the State Hermitage Museum in 2004 at the site of the northwestern tip of the Uglich Kremlin in the context of the topography of the fortifications of Uglich in the 15th–17th centuries. Excavations revealed the remains of the boulder base of the Spasskaya Tower of the wooden Uglich Kremlin, reconstructed in the 1660s, and a “for the state reserve” cellar for gunpowder and weapons from the late 1660s – early 1670s. The location of the Spassky Bridge over the Shelkovka River was determined taking into account archaeological work carried out in 2003, and the position of the bridge over the ravine inside the fortress was determined. The essential role of the tree-earthen structure of the “obrub”, a retaining structure made of a system of log cabins on the Volga side in the formation of urban planning characteristics of the Uglich Kremlin is considered. Some conclusions of generalizing works on its topography have been revised.

Keywords: Uglich, Kremlin, fortress, Spasskaya Tower, urban planning, log retaining structure, palace of appanage princes.

МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Т. П. Тимофеева

НОВГОРОДСКИЙ СЛЕД В ДРЕВНЕМ ВЛАДИМИРЕ. К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Резюме. Согласно летописным данным, новгородские переселенцы появились во Владимире в XV в. Однако есть основания предполагать, что это произошло уже в XII в. В 1213 г. в летописи среди четырех сгоревших церквей упоминается Ипатьевская. Св. Ипатий считался покровителем Новгорода. Находилась церковь в восточной части Владимира, где археологические раскопки (Ю. Э. Жарнов, 1993–1999 гг.; Д. Н. Григорьев, 2007 г.) дали материал домонгольского времени, сходный с новгородским. Кроме того, в восточной части города в XVII в. еще существовала полуразрушенная церковь Св. Онуфрия, также почитавшегося в древнем Новгороде.

Ключевые слова: Владимир, Новгород, Ипатьевская церковь, Онуфриевская церковь, археология.

Принято считать, что новгородские переселенцы появились во Владимире в XV в. Владимирские краеведы XIX в. относят это событие ко времени присоединения Новгорода к Москве, т. е. 1477–1478 гг., после которого часть боярских семей была выслана из Новгорода на территории Московского княжества. В. В. Косаткин приводит чтение под 1489 (6997) г. из принадлежавшего ему летописного списка: «И то же зимы князь Василий Иванович приведе из Новгорода великого многих бояр и житейских людей и гостей, головами всех более тысячи, и давал им поместья на Москве и во Володимире и в иных Московских городах, а в Новгород послал на их место москвич и из иных городов гостей и детей боярских» (Косаткин, 1905. С. 1–17). Неизвестно, какой летописью располагал Косаткин. Но подобные сообщения содержатся во Владимирском летописце под 1487 и 1488 гг.: «В лето 6995... Того же лета князь великий Иван Васильевич вывел из Новагорода купцов Новгородских 50 человек и посла их в Володимерь на житие. В лето 6996. Князь великий Иван Васильевич вывел из Новагорода Новгородцов торговых людей много и посажа их на житие по всем городом Московским» (ПСРЛ. Т. 30. 1965. С. 226). Московский летописный свод конца XV в. также говорит о выселении новгородцев в 1484 г.: «Тое же зимы поимал князь великы болших бояр Новгородских и боярынь, и казны их и села все велел отписати на себя, а им подавал поместья на Москве под городом» (Там же. Т. 25. 1949.

С. 484 об.). Сообщает об этом и Свод 1497 г.: «Тое же зимы (1488) посла князь великий, и привели из Новгорода более семи тысяч житиих людей на Москву... В лето 6997 (1489). Тое же зимы новгородцев князь великий повеле вывести из Новагорода житиих людей» (ПСРЛ. Т. 28. 1963. С. 430).

Переселенцы XV в. основали во Владимире, как считается, слободу Варварку за р. Лыбедью, восточнее Воскресенской церкви, с одноименным деревянным храмом. В конце XIX в. в нижнем этаже Ильинской церкви, находившейся в восточной части города, имелся придел во имя св. мученицы Варвары, устроенный в память одноименной церкви в слободе новгородских переселенцев Варварке. В этом приделе хранилась икона св. Варвары, перенесенная туда из храма, который исчез в раннее время и не числился ни в писцовой книге 1625–1626 гг., ни в окладных патриарших книгах 1628 г. (*Добронравов, Березин*, 1893. С. 65–66). Однако Варваринская церковь возобновлялась между 1625 и 1646 гг., но ненадолго, и к 1715 г. уже не существовала (*Мазур*, 2006. С. 31, 60 – примеч. 202; 71 – примеч. 203). Во всяком случае, «чертеж» Владимира 1715 г. ее не показывает (*Воронин*, 1946. С. 150–151). После ее упразднения икона св. Варвары и оказалась в деревянном Ильинском храме. Каменная Ильинская церковь, заменившая в 1773 г. деревянную, снесена в 1932 г.

Но, возможно, волны переселений из Новгорода достигали Владимира и раньше XV в. История некоторых владимирских приходских церквей восходит к домонгольскому времени. В Воскресенской летописи сообщается о пожаре 4 июня 1213 г., в котором сгорело 200 дворов и 4 церкви: Иоанна Предтечи, Иоанна Богослова, Ильинская и Евпатьевская (священномученика IV в. Ипатия Гангрского) (ПСРЛ. Т. 7. 1856. С. 119). Это известие заимствовано из Московского летописного свода конца XV в. (Там же. Т. 25. 1949. С. 110). Ипатьевская церковь могла быть основана новгородскими колонистами в XII в. Исследователи костромского Ипатьевского монастыря установили, что церквей с таким посвящением известно крайне мало, и по преимуществу в Новгороде, поскольку этот святой считался покровителем Новгорода: «Святой Ипатий в Новгороде почитался как покровитель новгородских посадников – выборных руководителей Новгородской республики... В XII–XV вв. в Новгороде существовало по крайней мере два храма, посвященных священномученику Ипатию. В 1183 г. на Рогатой улице (или Рогатице) в Славенском конце (этот конец традиционно считается одной из древнейших частей города) была построена деревянная церковь “Святого Еупатия чудотворца и епископа Ганьгранского”. В 1369 г. взамен ее был заложен каменный храм “святого Еупатия на Рогатице”. Но эта церковь была не единственным Ипатьевским храмом в Новгороде. Под 1496 г. летопись упоминает еще церковь Святого Ипатия на Щеркове (Ширкове) улице (эта улица также находилась на Славенском конце Новгорода)... Скорее всего, существование этого храма в стольном граде северо-восточной Руси связано с характерными для XII–XIII столетий постоянными притязаниями великих князей владимирских на новгородское княжение» (*Зонтиков*, 2006). Правда, неясно, каким образом притязания владимирских князей на новгородское княжение могли быть причиной появления приходского храма во Владимире. Более естественно предположить, что Ипатьевский храм мог быть основан новгородскими гостями или переселенцами, т. е. во Владимире следует искать археологические следы присутствия новгородцев уже до 1213 г. Поскольку владимирские князья неоднократно зани-

мали Новгородский стол, отношения с северо-западными землями вполне могли быть настолько тесными, чтобы во Владимире обосновалась новгородская диаспора. Не могла ли сыграть какую-либо роль битва с новгородцами и их победа в начале 1170 г.?

Ипатьевская церковь находилась, скорее всего, в восточной трети города, в XVI–XVII вв. называвшейся «ветшаным (ветчаным) городом», там же, где горевшие вместе с ней в 1213 г. Ильинская и Богословская церкви, или на южном склоне. Каменные здания XVIII в. заменили прежние деревянные церкви и простояли до сноса их в советское время. Именно так считал Н. Н. Воронин: «На месте названных храмов Ветчаного города до недавнего времени существовали церкви позднейшей постройки – Иоанна Богослова и Ильинская» (Воронин, 1961. С. 353).

Археологические исследования в этой части города («22 квартал», раскопки 1993–1998 гг.) обнаружили крупную усадьбу с художественной мастерской: «...принадлежность усадьбы священнослужителю и существование на ее территории художественной мастерской сближают это городское владение со знаменитой усадьбой Олисея Гречина, новгородского художника и священнослужителя второй половины XII – начала XIII в. По-видимому, данное сходство не случайно и отражает один из вариантов организации в Древней Руси производства предметов декоративно-прикладного искусства, предназначенных в первую очередь для удовлетворения массового спроса на культовые вещи, в частности на нательные кресты и небольшие иконописные произведения». На раскопе 1999 г., расположенном поблизости, чуть севернее, на ул. Чехова, обнаружены остатки двух художественных мастерских – ювелирной и косторезной. Находки в косторезной мастерской позволили сопоставить ее «с материалами исследований данного ремесла в Новгороде» (Жарнов, 2003. С. 50, 57). Автор раскопов не приводит в статье сравнительных аналогов из других городов. Но не может ли быть такое сходство не типологическим, а буквальным, т. е. следствием принадлежности этой усадьбы и мастерских выходцам из Новгорода?

Автор раскопов связал усадьбу с Ильинским или Богословским храмами: «Специфический характер вещей клада 1993 г. и ряда других предметов позволил предположить, что владельцем усадьбы являлся священнослужитель. Возможно, он был связан с Ильинской или Богословской церквями, упомянутыми среди сгоревших в 1214 (1213?) г. храмов; их каменные здания XVIII в. до разрушения в 1932–1933 гг. находились в 70–100 метрах восточнее раскопа» (Там же. С. 55). Но с таким же или даже большим успехом можно связать эту усадьбу с Ипатьевским храмом, сгоревшим в том же пожаре. А сходство с новгородским вариантом организации производства изделий определенно наводит на мысль именно об Ипатьевском храме. Нельзя исключить, что среди городского населения сохранялась память о древнем новгородском храме. Возможно, потому и перенесли икону из Варваринского храма в Ильинский, территориально близкий к исчезнувшему Ипатьевскому и к тому же ближайший к слободе Варварке (рис. 1).

Аналоги новгородских изделий домонгольского времени прослеживались археологами и на месте Зачатьевского вала, т. е., опять же, в восточной части Владимира, но в ее северной стороне, – в образцах кожаной обуви, кожаных скоморошских масок, некоторых изделиях обнаруженной здесь косторезной мастерской. Интересно, что, по наблюдению автора раскопа Д. Н. Григорьева, вал был насыпан на освоенном при

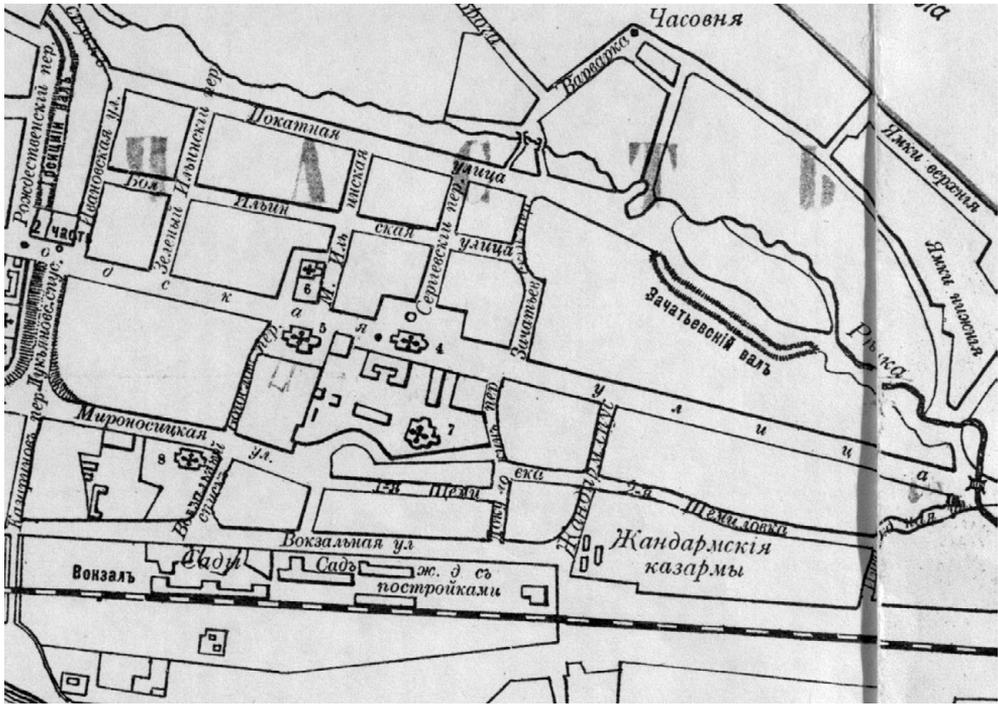

Рис. 1. План губ. города Владимира 1899 г. Восточная часть (ГАВО. НСБ. Отдел картографии. № 64)

Андрее Боголюбском месте перед самым татарским нашествием, причем с заметной поспешностью (Григорьев, 2008. С. 98, 99, 101).

Ипатьевская церковь после упоминания о пожаре 1213 г. больше ни разу в документах не встречается; может быть, она не восстанавливалась либо исчезла в последующие века. Зато известна Онуфриевская церковь, которая также вызывает новгородские ассоциации: в Новгороде в башне собора Рождества Богородицы в Антониевом монастыре 1117–1119 гг. был придел, посвященный преп. Онуфрию Великому. Онуфриевская церковь во Владимире упоминается начиная с XVII в. (более ранних документов о владимирских приходских храмах не сохранилось либо не обнаружено), причем уже бездействующая и полуразрушенная. Находилась она также в восточной части города, но за пределами крепости, на южном склоне холма, рядом с Мироносицким храмом. Возможно, появление Онуфриевской церкви также связано с новгородцами. Известно о ней следующее.

Онуфриевская церковь указана как существующая в единственном документальном источнике – Топографическом описании г. Владимира 1761 г.: «Церковь во имя Св. Онуфрия великого деревянная построена в 1720 году» (Топографическое описание..., 1880. Стб. 60). Однако здесь имеется в виду историческое место не этого храма, а Богословского. 2 ноября 1720 г. по челобитью попа церкви Иоанна Богослова Василия Григорьева (Егорова) вышел указ: «...велено ему за Ивановскими вороты

на прежнем церковном погорелом месте построить вновь теплую церковь во имя преподобного Ануфрия Великаго» – т. е. в пределах крепости, на прежнем месте Богословской церкви (Материалы для истории Владимирской епархии, 1894. С. 49).

Однако то, что церковь с таким посвящением в древности существовала, бесспорно. Но писцовая книга 1625–1626 гг. указывает уже только ее землю: «Двор мироносицкова попа Дмитрея Кузьмина... да за ним же церковные земли Онуфрия Великаго подле ево двора, вдоль дватцать осм сажен, поперег девять сажен с четью» (*Мазур*, 2010. С. 44). Запустение церкви в это время и говорит о ее древности. Не упоминают эту церковь ни патриаршие окладные книги XVII в., ни указ о содержании ружных церквей 1671 г., ни переписная книга ландрата Ухтомского 1715 г., нет ее и на «чертеже» 1715 г.

Но в книгах пустовых церковных и оброчных земель содержится целое расследование о ее земле (с остатками бывшей церкви), проведенное в сентябре 1720 г. протопопом Успенского собора Стефаном Яковлевым. Из этого расследования выясняется, что по переписной (писцовой) книге 1625–1626 гг. церковная земля Онуфриевской церкви, в длину 20, поперег 10,5 саж., находилась возле двора бывшего в то время мироносицкого попа Дмитрия Кузьмина и числилась за ним. Позже по челобитью мироносицкого попа Афанасия из переписных книг была дана выпись на земли Онуфриевской и Мироносицкой церквей, которыми впоследствии также владели мироносицкие попы, но в 1719 г. у попа Александра Яковлева эта выпись сторела (Материалы для истории Владимирской епархии, 1895. С. 59–60).

Мироносицкая церковь, как значится в окладных книгах (Материалы для истории Владимирской епархии, 1894. С. 27), находилась «на посаде за городом», поэтому и священник жил на этой же земле, а в смежности располагалась соседняя Онуфриевская церковь со своей землей. Во время этого расследования оказалось, что церковь Онуфрия Великаго и кладбище были против двора посадского человека Ивана Михайлова сына Сомова (Материалы для истории Владимирской епархии, 1895. С. 60–62).

Сомовы считались принадлежащими к числу 17 выселенных в XV в. семейств (*Косаткин*, 1905. С. 1–17). Очень соблазнительно было бы связать церковь с новгородскими переселенцами Сомовыми, в XVII в. обитавшими по соседству. Увы! Эту землю они купили у другого владельца. В купчей крепости 1657 (7165) г., по которой эту землю с двором и огородами получил отец Ивана Михайловича Михаил Алексеевич Сомов, говорится: «Се аз Прокофей Яковлев сын Решетников володимерец посадский человек в нынешнем во сто шестдесят пятом году, продал я Прокофей двор свой в Володимере на посаде за Ивановскими вороты против Онуфрия Великаго володимерцу же посадскому человеку Михаилу Алексееву сыну Сомову» (*Тихонравов*, 1857. С. 196). К тому же по описи 1625/26 гг. у представителей семейства Сомовых имелся дом и в кремле (*Косаткин*, 1905. С. 1–17). Купчая крепость 1657 г. всплыла в ходе расследования 1729 г. о повреждении валов, когда внук Михаила Алексеевича Сомова Иван Иванович показал, что «в Володимере де на посаде за ветшаным земляным городом, против Богородицкаго монастыря ево, Сомова, сад» (*Тихонравов*, 1857. С. 196). Это упоминание земли Онуфриевской церкви дополнительно подтверждает ее локализацию за пределами, но вблизи южного вала «ветшаного» города.

Таким образом, Онуфриевская церковь находилась «на посаде за городом» недалеко от Мироносицкой церкви, между двором мироносицкого попа и посадским двором Доронина, напротив двора Сомовых. В 1620-е гг. церковь уже не действовала, а ее землей по выписи из писцовой книги владел мироносицкий поп. Известен размер участка, на котором стояла церковь (4×4 саж.), и размер алтарного места (в длину 2 саж.). К началу XVII в. от храма оставались какие-то срубы, а в пожар 1719 г. «достальное церковное строение ветхое» сгорело. К востоку от алтаря простиралось кладбище, размер которого также известен (8×14 саж.). Кладбище использовалось под огороды, и по купчим крепостям его земля принадлежала посадским людям. Всего (вероятно, вместе с кладбищем) церковь занимала $28 \times 9\frac{1}{4}$ саж. по писцовой книге (или $20 \times 10,5$ во владении мироносицкого попа, по опросу со ссылкой на эту книгу); существовал межевой план этой земли – «чертеж», очевидно, рисованный, не инструментальный (Тимофеева, 2022. С. 80–96).

В середине XIX в. краевед В. И. Доброхотов обнаружил на Богородицкой улице, под южным склоном «ветчаного города», некие развалины фундаментов: «...заметен квадрат из белых и диких камней, положенных довольно правильно; квадрат значительно углубляется в самую улицу» (Доброхотов, 1850. С. 1). Воронин считал, что, «судя по материалу, постройка могла относиться к древнему времени» (Воронин, 1946. С. 163), что не противоречит предположению об Онуфриевской церкви. Известные планы XIX в. не показывают Богородицкой улицы, хотя Богородицкий переулок упоминается в XVI в. (ЧОИДР. 1902. С. 57). Возможно, это район между Богородицкой и Мироносицкой церквями, т. е. улица 1-я Щемиловка на плане г. Владимира 1899 г. (ГАВО. НСБ. Отдел картографии. № 64), с 1927 г. ул. Железнодорожная. Охранные раскопки 2008 г. обнаружили примерно в этом районе, по адресу: ул. Железнодорожная, д. № 4 и № 6, остатки трех погребений (Григорьев, 2008). Скорее всего, это остатки древнего кладбища (погоста) Онуфриевской церкви. Сама церковь находилась западнее, т. е. ближе к Мироносицкому храму. Судя по наблюдению Доброхотова, древняя деревянная церковь с прирубленным алтарем, возможно, стояла на каменном фундаменте.

Не исключено, что Онуфриевская церковь принадлежит к древнейшим храмам г. Владимира, т. е. к домонгольскому времени. Вряд ли позже, в тяжелые времена ордынского владычества и в последующие века, обедневший посад за пределами крепости нуждался в новых храмах. Запустеть же церковь могла после литовского разорения начала XVII в. или даже раньше – после какого-либо локального пожара.

Но Онуфриевская церковь – не единственное напоминание во Владимире об этом святом пустынножителе. В Успенском соборе сохраняется фреска с изображением св. Онуфрия, написанная в 1408 г. Андреем Рублевым и Даниилом Черным (рис. 2). Находится она на границе с южной галереей, на арке под хорами. В этой арке помещены два святых отшельника: Макарий Египетский и Онуфрий Великий, хотя рядом с Макарием мог оказаться и Петр Афонский. Не исключено, что иконописцы повторили древнее, совсем или частично утраченное изображение, как это делали они в других частях храма (Плугин, 2001. С. 55). В этом свете появление образа Онуфрия Великого в древнем соборе также не кажется случайным и может косвенным образом указывать на какие-то новгородские реминисценции при перестройке и росписи собора при Всеволоде Большое Гнездо.

Есть и другие обстоятельства, указывающие на новгородский след. Во Вкладной книге Рождественского монастыря указано о пожаловании монастырю великими князьями Василием Дмитриевичем, Василием Васильевичем и Иваном Васильевичем в 1409 г. села Новгородского (ГВСМЗ. Инв. № В-5636/511. Л. 9), находившегося в 13 верстах к северу от Владимира при речке Акулинке, правом притоке р. Рпень (*Добронравов, Березин, 1893. С. 191*). Во Вкладной же книге содержится такая запись: «В лето 7103 [1595], благоверный государь царь и великий князь Феодор Иванович всеа России дал в дом Пречистыя Богородицы и чудотворцу великому князю Александру луга новгородские за Рпенью рекою» (*Тихонравов, 1864. С. 8; ГВСМЗ. Инв. № В-5636/511. Л. 12*). Чтобы топоним утвердился за местностью или угодьями, должно было, думается, пройти достаточно времени. А если первоначально принадлежавшие новгородцам луга можно было передать другому владельцу, то этого времени должно было пройти еще больше, т. е. вряд ли название лугов относится к переселению новгородцев в XV в.; гораздо вероятнее, что первые владельцы, потерявшие уже в XVI в. право на свои земли, появились гораздо раньше.

Вопрос о новгородском влиянии во Владимиро-Суздальской Руси интересовал А. Д. Варганова. Отвечая на его письмо, Г. К. Вагнер писал 21 февраля 1970 г.: «В последнем Вашем письме меня очень заинтересовала брошенная Вами вскользь мысль о новгородизмах в суздальском соборе. Насколько я понимаю, это касается кладок Юрия Долгорукого... Со своей стороны скажу Вам, что, изучая резной орнамент на порталах Суздальского собора, я смог найти ему аналогии только в новгородской деревянной резьбе (на бытовых предметах) начала XIII в. К Вашему вопросу это не имеет непосредственного отношения, но все же интересно! Думаю, что в начале XIII в. (а, может быть, уже и в XII в.) влади́миро-суздальские заказчики пользовались услу-

Рис. 2. Преп. Онуфрий Великий. Фреска XV в. Успенский собор г. Владимира

гами не только своих мастеров. В резьбе юрьев-польского собора тоже есть новгородизмы...» (ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 213. Л. 16–16 об.).

В драпировке одежд святых Георгиевского собора Г. К. Вагнер находит «ближайшие аналогии... в изображениях святых на полях оклада новгородской иконы Петра и Павла XIII в.» и помещает фрагмент с фигурой св. Прокопия (Вагнер, 1966. С. 25). В другом месте он обнаруживает сходство скульптурного лика апостола Петра с его изображением на новгородской иконе конца XII в. (Там же. С. 48–49). В книге «Белокаменная резьба древнего Суздаля» он поместил орнамент булавы из Новгорода (Вагнер, 1975. С. 78. Рис. 55) и упомянул среди орнаментального арсенала мастеров суздальского Рождественского собора растительный орнамент на колонках Большого сиона Софийского собора в Новгороде (Там же. С. 78. Рис. 55; С. 79).

Многочисленные археологические следы новгородского присутствия или влияния обнаружила в Суздале М. В. Седова (Седова, 1997. С. 48, 105, 107 – примеч. 144; 113, 119 – примеч. 133, 144; 120 – примеч. 164; 133).

Таким образом, новгородский след на Владимирской земле и в древнем Владимире обретает реальные очертания.

Литература

- Вагнер Г. К., 1966. Мастера древнерусской скульптуры. Рельефы Юрьева-Польского. М. 66 с.
- Вагнер Г. К., 1975. Белокаменная резьба древнего Суздаля. М. 186 с.
- Воронин Н. Н., 1946. Социальная топография Владимира XII–XIII вв. и «чертеж» 1715 г. // СА. VIII. С. 145–173.
- Воронин Н. Н., 1961. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. I. М. 583 с.
- Григорьев Д. Н., 2008. Раскоп 2007 г. на Нижегородской ул. г. Владимира // АВСЗ. Вып. 2. М. С. 92–103.
- Добронравов В. Г., Березин В. М., 1893. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 1. Владимир. 283 с.
- Доброхотов В. И., 1850. Богословская церковь в г. Владимире // ВГВ. № 1. Часть неофициальная. 200 с.
- Жарнов Ю. Э., 2003. Археологические исследования во Владимире и «проблема 1238 года» // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М. С. 48–58.
- Зонтиков Н. А., 2006. Когда и кем был основан Ипатьевский монастырь? // Костромская земля: краевед. альманах. Вып. 6. Кострома. С. 7–19 с.
- Косаткин В. В., 1905. Часть города Владимира от кремля до Золотых ворот (по летописным сказаниям и архивным материалам) // Труды ВУАК. Кн. VII. Владимир. С. 1–17.
- Мазур Л. Д., 2006. Русский город XI–XVIII вв. Владимирская земля. М. 111 с.
- Мазур Л. Д., 2010. Владимир 1625–1626 годов. Реконструкция плана подворных владений // АН. Вып. 53. М.: КРАСАНД. С. 33–45.
- Материалы для истории Владимирской епархии. Вып. 1. Отд. 1. Владимирская десятина жилых данных церквей. 1628–1746 гг. Владимир, 1894. 314 с.
- Материалы для истории Владимирской епархии. Вып. 3, отд. 2. Владимирская десятина пустовых церковных оброчных земель. 1638–1746 гг. Владимир, 1895. 66 с.
- Плугин В. А., 2001. Мастер Святой Троицы. М. 625 с.
- ПСРЛ. Т. 7. Воскресенская летопись. СПб., 1856. 345 с.
- ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949. 463 с.
- ПСРЛ. Т. 28. Московский летописный свод 1497 г. М.; Л., 1963. 413 с.

- ПСРЛ. Т. 30. Владимирский летописец. М., 1965. 239 с.
- Седова М. В., 1997. Суздаль в X–XV веках. М. 236 с.
- Тимофеева Т. П., 2022. Владимирские приходские церкви, утраченные в XVII–XVIII вв. // АВСЗ. Вып. 11. М. С. 80–96.
- Тихонравов К. Н., 1857. Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. М. 199 с.
- Тихонравов К. Н., 1864. Вкладная книга Владимирского Рождественского монастыря // Труды ВГСК. Вып. III. Владимир. С. 1–15.
- Топографическое описание Володимирской, Суздальской, Переславской-Залесской и Юрьевской-Польской провинции городов в 1760 годах, 1880 // Ежегодник ВГСК. Вып. III. Владимир. Стб. 59–62.
- ЧОИДР. Кн. 2. М., 1902. Материалы исторические. Сотницы (1537–1597), грамоты и записи (1561–1696). 272 стр.

Архивные материалы

- Библиотека Академии наук. Отдел рукописей. Собр. рукописных карт. Основная опись. № 735: «Чертеж» г. Владимира 1715 г.
- ГАВО. НСБ. Отдел картографии. № 64: План губ. города Владимира 1899 г.
- ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 213.
- ГВСМЗ. Инв. № В-5636/511: Вкладная книга Рождественского монастыря г. Владимира.
- Научный архив Государственной инспекции по охране объектов культурного наследия при администрации Владимирской области. Шифр: Вл-1: Григорьев Д. Н., 2008. Заключение о проведении археологических исследований (г. Владимир, ул. Железнодорожная, № 4 и 6).

Сведения об авторе

Тимофеева Татьяна Петровна, ГВСМЗ;
e-mail: tata2010vl@mail.ru

T. P. Timofeeva

ADDRESSING NOVGOROD TRACE IN ANCIENT VLADIMIR

Summary. According to chronicle data, Novgorod settlers appeared in Vladimir in the 15th century. However, it is possible that this happened already in the 12th century. In 1213, the chronicle mentions Ipatievskaya church among the four burned churches. St. Hypatius was considered the patron saint of Novgorod. There was a church in the eastern part of Vladimir, where archaeological excavations (Yu. E. Zharnov, 1993–1999; D. N. Grigoriev, 2007) yielded material of pre-Mongol time similar to Novgorod. In addition, in the eastern part of the city in the 17th century, there was also a dilapidated church of St. Onufriy, also revered in ancient Novgorod.

Keywords: Vladimir, Novgorod, Ipatievskaya Church, Onufrievskaya Church, archeology.

Н. В. Белов

О ДАТАХ ЗАКЛАДКИ И ОСВЯЩЕНИЯ СУЗДАЛЬСКОГО РИЗОПОЛОЖЕНСКОГО СОБОРА XVI в.

Резюме. Вопрос о времени строительства белокаменного собора Ризоположения в Суздале является предметом дискуссии. В условиях отсутствия письменных сведений о ранней истории собора учеными предложены различные датировки: с 1520-х по 1580-е гг. Новые данные содержит введенный в оборот автором статьи памятник – Краткий Суздальский летописец. Он был составлен в окружении суздальского архиепископа Серапиона между 1645 и 1652 гг. Летописец сообщает даты закладки (июль 1583 г.) и освящения (25 сентября 1584 г.) Ризоположенского собора по велению царя Ивана IV Грозного, а также имя главы строительной артели, мастера Захария Яковлева. Храмовая постройка была возведена «над гробом» почившей в XIII в. княжны Евфросинии и освящена в день памяти этой святой. Таким образом, строительство собора Ризоположения стало не только следствием общерусской канонизации Евфросинии Суздальской в 1576 г. (как еще на рубеже XIX–XX вв. полагал В. Т. Георгиевский), но и важной частью оформления ее церковного почитания. Источником летописной записи могла стать каменная закладная плита, традиция установки которых (а также использования их текста при создании историко-литературных сочинений) была распространена в XVI в. К статье приложена публикация исследуемой записи Краткого Суздальского летописца.

Ключевые слова: суздальский Ризоположенский собор, суздальский епископ Варлаам, Иван IV Грозный, мастер Захарий Яковлев, Евфросиния Суздальская, позднее летописание, Краткий Суздальский летописец.

*1000-летию первого упоминания Суздаля
и 440-летию со дня освящения Ризоположенского собора
посвящается*

Ризоположенский собор женского Суздальского в честь Положения Ризы Пресвятой Богородицы во Влахерне монастыря является одним из замечательных образцов русского каменного зодчества XVI в. и одним из старейших храмов города Суздаля. Тем не менее вопрос о времени его строительства вплоть до настоящего дня не решен.

Считалось, что «церковь камена Ризоположенья Пречистые Богородицы» с приделом во имя святой княжны Евфросинии Суздальской впервые упомянута на страницах писцовой книги 1628–1629 гг. (Гор. Суздаль..., 1905. С. 35). Отсутствие более ранних письменных свидетельств о соборе привело к появлению нескольких точек зрения относительно даты его возведения. Исходя из особенностей архитектуры храмовой постройки, историки называли различные датировки в промежутке с 1520-х по 1580-е гг.

Долгое время в научной литературе прослеживалась тенденция к удревнению истории Ризоположенского собора.

Первый описатель монастыря Ризоположения, знаток владимирских древностей В. Т. Георгиевский связывал строительство каменного храма с канонизацией святой Евфросинии в 1570–1580-х гг. и сопровождавшим ее ростом монастырских доходов за счет «усердно посещавших» обитель богомольцев (*Георгиевский*, 1900. С. 15).

Следуя за Георгиевским, ко 2-й половине XVI в. приурочивали возведение собора и другие историки предреволюционного Владимира (Монастыри..., 1906. С. 249–250; *Ушаков*, 1913. С. 221; *Достоевский*, [1919]. С. 31).

Версию о более раннем времени основания храма Ризоположения предложил искусствовед А. Д. Варганов. Сперва он осторожно отнес сооружение собора «к началу второй половины XVI в. (около 1560)», ссылаясь на «некоторые предания», которые «приписывают его заказу царя Ивана Грозного в связи с походом на Казань» (*Варганов*, 1944. С. 28). Позднее – уверенно писал, что собор «построен в середине XVI века» (*Варганов*, 1971. С. 74).

Большим радикализмом отличалась гипотеза археолога Н. Н. Воронина, допустившего, что собор был возведен в 1520-х гг. (или около 1526 г.¹) на средства царедворца И. Ю. Шигоны Поджогина² (*Воронин*, 1958. С. 222). Будучи исполнителем насильственного пострига «неплодной» первой жены великого князя Василия III Соломонии Сабуровой, сосланной в Суздальский Покровский монастырь, фаворит Шигона, как полагал Воронин, «замаливал» свое участие» в этом «преступном деле», соорудив храм в соседнем с Покровским монастыре Ризоположения (Там же. С. 235).

Позднейшие исследователи либо соглашались с версиями А. Д. Варганова (Памятники истории..., 1996. С. 427) и Н. Н. Воронина (*Вагнер*, 1969. С. 16; *Выголов*, 1988. С. 55; *Анисимов*, 2001. С. 104; *Тимофеева*, 2003. С. 32; 2019. С. 29; *Салимов*, *Булкин*, 2007. С. 47), либо называли иные, в том числе явно компромиссные – но оттого не менее условные – даты строительства Ризоположенского собора: начало, вторую треть и третью четверть XVI в. (см., соответственно, *Столетов*, 1958. С. 137; *Ильин и др.*, 1955. С. 363; *Мельник*, 2000. С. 233)³.

¹ Так в ранней работе: *Воронин*, 1945. С. 70.

² Начиная с работы Н. Н. Воронина (*Воронин*, 1945. С. 70), в историко-архитектурной литературе Иван Шигона неверно именуется боярином. Статус Шигоны соответствовал позднему чину думного дворянина, официально же в состав Думы он так и не был включен (см.: *Зимин*, 1988. С. 221–222; *Korzinin*, *Shtykov*, 2017. С. 333–334).

³ См. также датировки в наиболее авторитетных альбомах: начало XVI в., по А. В. Столетову, (*Полунина*, 1974. С. 17. Илл. 76) и 1-я половина XVI в. (*Косточкин*, 1972. С. 118–119).

Наконец, четверть века назад историк архитектуры Вл. В. Седов вернулся к идее, высказанной некогда В. Т. Георгиевским. В рамках специальной работы Седов убедительно показал, что «конструктивные, типологические и декоративные аналогии отдельных форм Ризоположенского собора сосредоточены внутри новгородской школы 1550–1580-х гг.». Развивая гипотезу А. Д. Варганова (см.: *Варганов*, 1944. С. 28–29), ученый допустил возведение собора «бродячей» артелью новгородских мастеров, «согнанной с места» в ходе опричного разгрома Новгорода царем Иваном IV в 1570 г. Основываясь на указании Варганова о пристройке к собору в 1586 г. каменного придела в честь святой Евфросинии⁴, Седов считал эту дату «условной верхней границей построения храма», хотя и замечал, что, вероятнее, «такой границей будет 1584 г. – год смерти Ивана Грозного или даже 1579 г. – начало нарастающих неудач в Ливонской войне, когда строительство практически остановилось». Суммируя приведенные сведения, Седов определил примерную дату собора временным промежутком между 1570 и 1586 гг. (*Седов*, 2000). Позднее ученый еще более сузил возможное время строительства храма, ограничив его 1570-ми гг. и отметив, что он выстроен, «вероятно, новгородскими мастерами и, возможно, по заказу царя Ивана Грозного» (*Седов*, 2008. С. 81).

Выводы Вл. В. Седова получили поддержку в научной литературе (например, *Свод...*, 2004. С. 58; *Маштафаров*, *Масиель Санчес*, 2008. С. 496; *Баталов*, 2010. С. 65). Последующая попытка Н. Э. Куприяновой вновь поставить вопрос о сооружении собора в 1520-х гг., точнее, в 1522–1525 гг., основанная на анализе особенностей архитектурного декора и строительного материала здания, едва ли может быть признана удачной и не опровергает высказанные Седовым идеи (*Куприянова*, 2006)⁵.

Как сказано, главным препятствием на пути к выяснению точной даты строительства Ризоположенского собора долгое время являлось отсутствие письменных свидетельств. Оно оказалось преодолено с находкой в Румянцевском фонде Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки неизвестного ранее сочинения по истории Суздаля – Краткого Суздальского летописца. Летописец изучен и подготовлен к изданию автором этих строк⁶. Анализ текста летописца и кодикологические особенности содержащей его рукописи позволяют утверждать, что этот памятник был создан в 1645–1652 гг. в окружении суздальского архиепископа Серапиона. Среди немногих оригинальных его известий особое место занимает запись о строительстве храма Ризоположения (см.: НИОР РГБ. Ф. 256. № 380. Л. 381–381 об.)⁷.

⁴ Источник приведенной Варгановым (*Варганов*, 1957. С. 62) даты постройки придела – 1586 г. – неясен (см.: *Седов*, 2000. С. 194). Этих сведений нет в главных сочинениях по истории Суздаля, составленных в середине XVIII в. – «Летописи о построении Суздаля» и «Историческом собрании». Допустимо полагать, что Варганов искусственно вывел дату, исходя из данных П. М. Строева (*Строев*, 1877. Стб. 655) о смерти в этом году суздальского епископа Варлаама (хотя на самом деле Варлаам скончался в 1585 г.).

⁵ Выражаю признательность В. А. Антонову, И. В. Мишиной и Т. П. Тимофеевой за помощь в ознакомлении с этой недоступной мне работой.

⁶ Введению летописца в научный оборот посвящены мои доклады на XI заседании «Летописного семинара» НИУ ВШЭ СПб (10.XI.2022), заседании ОДРЛ ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН (14.XII.2022) и конференции ОДСЛ ИМЛИ РАН (17.VI.2023). Основные вопросы, касающиеся истории его создания и ценности как исторического источника, рассмотрены в подготовленной к печати статье (*Белов*, 2024).

⁷ Текст записи опубликован в Приложении к настоящей статье.

Летописец сообщает, что 20 июля 1583 г. «на память святого пророка Ильи» по приказу Ивана IV в Суздаль прибыл Дружина Иванович Голубин с артелью мастеров каменного дела. И если имя главы мастеровых людей, Захария Яковлева, по другим источникам не известно⁸, то личность Дружины Голубина не является тайной. Десятью годами ранее в списке Двора Ивана Грозного от 20 марта 1573 г. он числился подключником Сытного дворца с окладом в четыре рубля (Список..., 2003. С. 101). Приехавшим в Суздаль мастеровым надлежало «смечати, как ставити храм» над гробом усопшей в XIII в. княжны Евфросинии. Это обстоятельство чрезвычайно важно: оно позволяет связать возведение Ризоположенского собора с общерусской канонизацией Евфросинии Суздальской в 1576 г. и составлением новой редакции ее Жития и чудес по инициативе суздальского епископа Варлаама в 1579–1585 гг. (см.: Клосс, 2001. С. 376; Клосс и др., 2008. С. 518, 520). Обозначена в летописце и дата окончания строительных работ: освящение храмовой постройки состоялось 25 сентября 1584 г., в день памяти святой Евфросинии.

Свидетельство новонайденного летописца всецело подтверждает гипотезу, интуитивно высказанную еще до революции В. Т. Георгиевским, а в наши дни подкрепленную историко-архитектурными аргументами Вл. В. Седова – о постройке Ризоположенского собора в период канонизации святой Евфросинии. Теперь мы знаем, что возведение этого храма было не только современно общерусскому прославлению суздальской преподобной, но и являлось, по-видимому, важной частью этого процесса. Кроме того, показание летописца позволяет принять другую догадку Седова – о построении собора по заказу царя Ивана IV⁹, который, как видим, принял активное участие в развитии церковного почитания Евфросинии Суздальской.

В заключение скажем несколько слов о происхождении исследуемой записи Краткого Суздальского летописца. Характер летописной статьи вкуче с несомненным знанием автором летописца памятников суздальской эпитафики (во всяком случае, надгробий суздальских епархиальных владык) побуждает усматривать в ее источнике закладную плиту, традиция установки которых была распространена в XVI в. Известны случаи использования текстов подобных плит при написании церковно-исторических сочинений. Таковы Повесть о свершении «большая церкви» Переславского Никитского монастыря 1564 г. (Тихомиров, 1958. С. 252–255; ср.: Тихонравов, 1857. С. 94–95) и храмозданная запись краткого летописца из сборника Прохора Коломятина (1668 г.) о возведении в 1566 г. Вознесенской церкви Ростова (Памятники лексикографии..., 2023. С. 31; ср.: Гириберг, 1960. С. 10. Табл. I. Рис. 3). Утрату подобной плиты Ризоположенского собора, если таковая существовала в действительности, можно объяснить неоднократными перестройками этого храма в конце XVII и 1-й четверти XVIII в. (см.: Седов, 2000. С. 187).

⁸ К рассматриваемому периоду относятся сведения о деятельности одного только «церковного мастера» Захара. На рубеже 1580–1590-х гг. этот Захар «подошву завел и сваи набил и камнем до половины выбутил» для церкви Св. Троицы в Антониево-Сийском монастыре (Макарий, 1878. С. 30–31; Булкин, Овсянников, 1986. С. 80). Однако данных, позволяющих говорить о тождестве двух мастеров, нет.

⁹ Напомним идею В. Т. Георгиевского (1900 г.) о строительстве собора по инициативе и за счет казны Ризоположенского монастыря, а также гипотезу Н. Н. Воронина (1945 г.) о ктиторстве И. Ю. Шигоны Поджогина.

Приложение

Запись Краткого Суздальского летописца о закладке и освящении в 1583–1584 гг. Ризоположенского собора города Суздаля

Текст воспроизводится с сохранением букв «ѣ» и «ъ», после выносной согласной в конце слова буква «ъ» не реконструируется. Выносные и восстановленные буквы внесены в основной текст. Киноварный инициал передан полужирным шрифтом. Знаки препинания расставлены по современным правилам.

Лѣта 7091-го июля въ 20 день на память // святого пророка Ильи по повелѣнню благочестиваго государя царя и великаго князя Ивана Василиевича всеа Русии приехал в Суздаль на посад Дружина Ивановъ сынъ Голубинъ да с ним государевъ каменнаго дѣла подмастерье Захареи Яковлевъ – смечати, какъ ставити храм Пречистые Богородицы честнаго и славнаго ея Положение Ризы, каменной храм над гробомъ преподобныхъ и благовѣрныхъ княжны Еуфросинии Суздальские чудотворные в Девичье монастыре. А совершили храм камень 93-го году и святили его на праздникъ ея сентября въ 25 день.

НИОР РГБ. Ф. 256 (собр. Н. П. Румянцева). № 380. Л. 381–381 об.

Литература

- Анисимов В. М.*, 2001. История и архитектура древнего суздальского кремлевского собора: к 900-летию начала строительства. Владимир. 144 с., 9 л. табл., ил.
- Баталов А. Л.*, 2010. Церковь Преображения Господня в селе Остров. Вопросы датировки и происхождения мастеров. М.: Северный паломник. 72 с.
- Белов Н. В.*, 2024. Было ли летописание в Суздале XVII в.? // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 23. М.: ИМЛИ РАН. С. 469–482.
- Булкин В. А., Овсянников О. В.*, 1986. Троицкий собор Сийского монастыря // КСИА. Вып. 187. С. 80–84.
- Вагнер Г. К.*, 1969. Суздаль. М.: Искусство. 138, [2] с.
- Варганов А. Д.*, 1944. Суздаль. М.: Изд-во Акад. архитектуры СССР. 33 с., 15 л. ил.
- Варганов А. Д.*, 1957. Суздаль: Историко-экономический очерк. Владимир: Владимирское кн. изд-во. 82 с., 12 л., ил.
- Варганов А. Д.*, 1971. Суздаль: Очерки по истории и архитектуре. Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во. 181 с.
- Воронин Н. Н.*, 1945. Древнерусские города. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 103 с., 32 л. ил.
- Воронин Н. Н.*, 1958. Владимир. Боголюбово. Суздаль. Юрьев-Польской. Книга-спутник по древним городам Владимирской земли. М.: Искусство. 342 с.
- Выголов В. П.*, 1988. Архитектура Московской Руси середины XV века. М.: Наука. 226, [4] с.
- Георгиевский В. Т.*, 1900. Суздальский Ризоположенский женский монастырь. Историко-археологическое описание. Владимир: Типо-лит. Губ. правл. 283 с., 38 л. ил.
- Гиришберг В. Б.*, 1960. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. Ч. 1. Надписи XIV–XVI вв. // Нумизматика и эпиграфика. Вып. 1. М.: Изд-во АН СССР. С. 3–77.
- Гор. Суздаль в 7136–7138 (1628–1630) гг. Список с писцовой книги гор. Суздаля. Владимир: Тип. Губ. правл., 1905. [2], 87 с.

- Достоевский М. Ф.*, [1919]. Суздаль. М.: Образование. 52 с., 15 л. ил.
- Зимин А. А.*, 1988. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М.: Наука. 350 с.
- Ильин М. А., Максимов П. Н., Косточкин В. В.*, 1955. Каменное зодчество эпохи расцвета Москвы // История русского искусства. Т. 3 / Под общ. ред. И. Э. Грабаря, В. С. Кеменова и В. Н. Лазарева. М.: Изд-во АН СССР. С. 282–481.
- Клосс Б. М.*, 2001. Избранные труды. Т. 2. Очерки по истории русской агнографии XIV–XVI веков. М.: Языки русской культуры. 488 с., [1] л. портр.
- Клосс Б. М., Маштафаров А. В., Басова М. В.*, 2008. Евфросиния // Православная энциклопедия. Т. 17. М.: Православная энциклопедия. С. 517–520.
- Косточкин В. В.*, 1972. Древнерусские города: Памятники зодчества XI–XVII вв. / Фотогр.: А. Александров, Д. Белоусов, В. Гиппенрейтер [и др.]. М.: Искусство. 446 с.
- Куприянова Н. Э.*, 2006. К вопросу о дате строительства и мастерах Ризоположенского собора в г. Суздале // Материалы областной краеведческой конференции (22 апреля 2005 г.). Т. 2. Владимир. С. 23–27.
- Макарий (Миролюбов, еп.)*, 1878. Исторические сведения об Антониевом Сийском монастыре // ЧОИДР. 1878. Кн. 3 (июль – сентябрь). М.: Унив. тип. С. 1–122.
- Маштафаров А. В., Масиель Санчес Л. К.*, 2008. Евфросиниев Суздальский в честь Положения Ризы Пресвятой Богородицы во Влахерне женский монастырь // Православная энциклопедия. Т. 17. М.: Православная энциклопедия. С. 494–502.
- Мельник А. Г.*, 2000. О русских шестистолпных пятиглавых храмах XVI в. // Сообщения Ростовского музея. Вып. 10. Ростов. С. 193–251.
- Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии, построенные до начала XIX столетия. Ч. 1. Монастыри / Под ред. прот. В. В. Косаткина. Владимир: Тип. Губ. правл., 1906. [2], VIII, 353 с.
- Памятники истории и культуры Владимирской области: каталог / [Сост. В. А. Косткин и др.]. Владимир: Покрова, 1996. 518 с., [43] л. ил.
- Памятники лексикографии в «Цветнике» Прохора Коломнятина 1668 г. Исследования и тексты / Изд. подгот. Н. В. Савельева [и др.]; ред. Н. В. Савельева. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2023. 634 с., 16 с. вкл.
- Полунина К. С.*, 1974. Памятники архитектуры Владимира, Суздаля, Юрьева-Польского / Фотогр. А. Александров. Л.: Аврора. 97 с.
- Салимов А. М., Булкин Вал. А.*, 2007. Успенский собор тверского Отроча монастыря // АН. Вып. 47. М.: Изд-во ЛКИ. С. 34–49.
- Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Владимирская область: в 6 ч. Ч. 1 / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука, 2004. 752 с.
- Седов Вл. В.*, 2000. Собор Ризоположенского монастыря в Суздале // Новгородские древности. Вып. 5. М.: О-во историков архитектуры. С. 184–199.
- Седов Вл. В.*, 2008. Собор монастыря Снагов в Валахии: портрет претендента // Искусствознание. № 1. С. 69–85.
- Список опричников Ивана Грозного / Подгот. текста Д. Н. Альшица. СПб.: Рос. нац. б-ка, 2003. 152 с.
- Столетов А. В.*, 1958. Памятники архитектуры Владимирской области. Владимир: Владимирское кн. изд-во. 240 с.
- Строев П. М.*, 1877. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб.: Тип. В. С. Балашева. X с., 1064, 68 стб.
- Тимофеева Т. П.*, 2003. Суздаль. Владимир: Аркаим. 79, [1] с.
- Тимофеева Т. П.*, 2019. Суздаль. 6-е изд., перераб. Владимир: ГВСМЗ. 95 с.
- Тихомиров М. Н.*, 1958. Новый материал об Иване Грозном // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 14. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 247–255.

- Тихоцравов Н. К.*, 1857. Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. М.: Унив. тип. 199, [3] с., [1] л. ил.
- Ушаков Н. Н.*, 1913. Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии. Владимир: Тип. Губ. правл. [4], VIII, 473, [5], II, II, III с., 44 л. ил.
- Korzinin A. L., Shtykov N. V.*, 2017. The Structure of the Boyarskaya Duma and the Court Administration in Vasily III's Reigning // *Bylye Gody*. Vol. 44. Iss. 2. P. 330–341.

Архивные материалы

Российская государственная библиотека. Научно-исследовательский отдел рукописей. Ф. 256 (Собр. Н. П. Румянцева). № 380.

Сведения об авторе

Белов Никита Васильевич, библиотека РАН;
e-mail: belovnikita1997@yandex.ru

N. V. Belov

ON THE TIME OF FOUNDATION AND CONSECRATION OF THE 16th CENTURY SUZDAL CATHEDRAL OF THE DEPOSITION OF THE ROBE

Summary. The time of construction of the white-stone Suzdal Cathedral of the Deposition of the Robe (“Rizopolozhensky”) is a subject of discussion. In the absence of written information about the early history of the cathedral, scientists have proposed various dates: from the 1520s to the 1580s. New data are contained in a chronicle introduced by the author of the article – the Brief Suzdal Chronicle. It was compiled during the reign of Archbishop Serapion of Suzdal between 1645 and 1652. The Chronicle gives the dates of the foundation (July 1583) and consecration (September 25, 1584) of the Cathedral of the Deposition of the Robe at the command of tsar Ivan IV the Terrible, and also contains the name of the head of the construction company, Zakharii Yakovlev. The cathedral building was erected “over the coffin” of Princess Euphrosyne, who died in the 13th century, and was consecrated on the name day of this saint. Thus, the construction of the cathedral was not only a consequence of the all-Russian canonization of Euphrosyne of Suzdal in 1576 (as Vasily T. Georgievsky believed at the turn of the 19th–20th centuries), but also an important part of the design of her veneration. The source of the chronicle record could be a stone mortgage slab, the tradition of installing those (as well as using their text in the creation of historical and literary works) was widespread in the 16th century. A publication of the studied record of the Brief Suzdal Chronicle is included.

Keywords: Suzdal Cathedral of the Deposition of the Robe, Bishop Varlaam of Suzdal, Ivan IV the Terrible, architect Zakharii Yakovlev, Euphrosyne of Suzdal, late chronicles, Brief Suzdal Chronicle.

С. В. Шполянский, О. А. Несмиян, В. Г. Несмиян, Н. А. Баранов

СУЗДАЛЬСКИЕ НАКЛАДКИ С РАСТИТЕЛЬНЫМ ДЕКОРОМ: К ВОПРОСУ О «ВОСТОЧНОМ КОМПОНЕНТЕ» В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ ВО 2-й ПОЛОВИНЕ XIV – XV в.

Резюме. В статье представлены ремешковые накладки – с растительным декором в виде побега, скрученного в спираль, и сумочные – в форме многолепестковой розетки из раскопок в Суздале разных лет. Контекст находок и круг аналогий позволяют отметить широкую географию распространения и свидетельствуют о местном производстве части изделий, что говорит об устойчивой моде на их использование. Начало бытования таких накладок на Руси определяется в пределах 2-й половины XIV – начала XV в. Появление их в культурных слоях русских поселений вполне соотносится с представлениями о влиянии культуры Востока на русское декоративно-прикладное искусство, архитектуру и материальную культуру в целом. Наличие ясного археологического контекста позволяет говорить не только о хронологии вещей, но и наполняет конкретным содержанием представления о «восточном компоненте» в материальной культуре Северо-Восточной Руси позднего Средневековья.

Ключевые слова: растительный орнамент, накладка, позднее Средневековье, Северо-Восточная Русь, культура Востока.

Многолетние раскопки, ведущиеся в Суздале с 30-х гг. XX в., привели к накоплению обширных вещевых коллекций, которые стали основой для формирования представлений о характере материальной культуры средневекового города (Седова, 1997; Федорина и др., 2023. С. 231–252).

По вполне понятным причинам основное внимание исследователей было сфокусировано на материалах, относящихся к начальному этапу существования Суздаля и периоду его расцвета накануне монгольского нашествия. Комплексы и отдельные находки, документирующие позднесредневековую историю города, хоть и рассматривались в соответствующих разделах монографий, но – за довольно редкими исключениями – целенаправленно не изучались, и немногочисленные работы (Шполянский, 2015), посвященные древностям 2-й половины XIII – XV в., ситуацию не меняли.

В целом общая оценка этого времени как «периода стагнации» и «обеднения» городской материальной культуры, контрастирующей с культурой «столичного» периода, доминирует в современных характеристиках археологических реалий (*Федорина и др.*, 2023. С. 250).

Очевидно, по ряду параметров такой взгляд может быть справедлив, но, тем не менее, статус города как удельной столицы (до 1341 г.), где велось активное монастырское строительство (*Седова*, 1997. С. 24), места постоянного размещения князей Суздальско-Нижегородского княжеского дома, их дворов и слуг, с 1347 г. – суздальской митрополии (*Кучкин*, 1984. С. 109–112, 219–220), а после присоединения к Московскому княжеству в 1392 г. – представителей княжеской администрации и великокняжеского двора (*Седова*, 1997. С. 82), не позволяет принять такую оценку полностью.

В такой ситуации атрибуция предметов, которые могли бы служить выразительными маркерами изменений, происходивших в материальной культуре Северо-Восточной Руси в позднем Средневековье, представляется довольно значимой задачей. И повторное, более внимательное рассмотрение даже отдельных находок из раскопок прошлых лет, и соотнесение их с материалами, полученными за последнее время, дают иногда довольно интересные результаты.

В 1986 г. М. В. Седовой и Н. Е. Чалых в северо-западной части Суздальского кремля, в раскопе *Детинец*, в котором были исследованы древнейшие городские укрепления (Там же. С. 47. Рис. 2), располагавшемся к северу от Рождественского собора, вблизи обрыва берегового склона р. Каменки (рис. 1А: 1), на участке под названием *Детинец V* (рис. 1Б), была найдена небольшая накладка из цветного металла (Там же. С. 177. Рис. 64 № 16). Отнесенный к числу изделий суздальских ювелиров предмет в публикации не получил никакого дополнительного описания, но в тексте отчета о раскопках в 1986 г. был назван поясной орнаментированной накладкой и датирован золотоордынским временем (*Седова, Чалых*, 1987. С. 67). Находка была сделана при разборке 6-го пласта в квадрате 67 на глубине более 1 м, в слое, лежавшем над заполнением ямы 10, датируемой, по-видимому, не позднее XIV в. (Там же. С. 81–82, чертеж 15).

Для оценки характера формирования культурного слоя в этой части кремля стоит отметить заключение исследователей, что на раскопанном участке доминируют материалы XIV–XVIII вв., а культурные напластования XI–XIII вв. слабо выражены (Там же. С. 109).

Накладка представляет собой предмет щитовидной формы с выступающим треугольным завершением, тремя штифтами для крепления на основу, один из которых помещен в центре завершения, а еще два – по углам. Наибольшую ширину изделие имеет в средней части щитка (21 мм), немного сужается у верхнего края (до 20 мм), его высота (вместе с треугольным завершением) составляет 33 мм, размеры завершения – 11 × 8 мм (рис. 2: 1). На лицевой стороне накладки располагался литой орнамент, но опубликованное изображение не позволяло его хоть как-то описать.

При осмотре предмета в июле 2023 г. в фондах Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника¹ (шифр в музейном хранении В-60659/96, номер

¹ Авторы пользуются случаем выразить благодарность Д. А. Четвериковой за помощь в работе в фондах Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника.

Рис. 1. Расположение на карте Суздаля мест находок вещей, упомянутых в статье. *А* – спутниковый снимок Суздальского кремля и его ближайших окрестностей: 1 – раскоп Детинец 1985–1987 гг.; 2 – раскоп на ул. Ярунова гора, 27; 3 – раскоп на ул. Пролетарская, 6. *Б* – Схема расположения раскопов М. В. Седовой в Суздальском кремле с указанием расположения раскопа Детинец

Госкаталога 40447869)² выяснилось, что растительный орнамент, украшающий накладку, представляет собой две двухвитковые горизонтально расположенные спирали, частично пересекающиеся между собой в центральной части щитка, дополнительно украшенные расположенными по внутренней стороне спиралей мелкими побегамии или завитками (рис. 2: 1а). Остальные детали орнаментальной композиции из-за невысокого качества литья были неразличимы. Но благодаря недавним находкам, которые оказались близкими аналогиями кремлевской накладке, стало возможным полнее представить композицию литого декора и получить дополнительные данные по датировке теперь уже хоть и небольшой, но серии вещей.

Вторая подобная накладка была найдена в 2019 г. при охранных раскопках Волжской экспедиции ИА РАН, проводившихся под руководством Е. В. Гакель в Суздале на ул. Ярунова гора, дом 27, на расстоянии 270 м к востоку от кремлевского вала за пределами укреплений околного города, в непосредственной близости от них (рис. 1А: 2). Она происходит из ямы (объекта) 6 второго раскопа, это прямоугольный котлован с отвесными стенками размерами 2,9 на 2,2 м и глубиной чуть более метра. Накладка была найдена в придонной части заполнения, представлявшего собой двухэтапную засыпку котлована, датированную на основании состава керамической серии

² <https://goskatalog.ru> (дата обращения: 07.05.2024).

Рис. 2. Суздальские накладки щитовидной формы с орнаментом в виде побега, скрученного в спираль, и их аналоги. 1–1а – из раскопа 1986 г. в Суздальском кремле; 2–2а – из раскопа на ул. Ярунова гора, 27 в 2019 г.; 3–3а – из раскопок на городище Городок в Нижнем Новгороде 2022 г.; 4 – из фондов Александровского художественно-краеведческого музея; 5 – г. Болгар (по: Полякова, 1996); 6 – Рюриково городище, из фондов Новгородского музея-заповедника; 7 – Хадьжинский могильник, из фондов Государственного исторического музея; 8 – курганы у станции Белореченской, из фондов Государственного исторического музея; 9 – Московский Кремль, раскоп 2007 г.

XV–XVII вв. (*Гакель*, 2023. С. 42–43). Судя по глубине залегания, вещь попала в заполнение ямы в начале его формирования.

Сохранность и качество литья находки с Яруновой горы позволяют дополнить описание украшающего ее орнамента, который, очевидно, повторяет декор кремлевской накладки (рис. 2: 2–2а). Здесь композиция из двухвитковых пересекающихся спиралей ограничена нешироким бортиком, обрамляющим зону со слабо заглубленным фоном, над которым выступает литой орнамент. Эта зона имеет форму овала с килевидными завершениями в верхней и нижней частях своей формы, в которых размещены побег, оканчивающиеся трилистниками. Лучше видна на накладке с Яруновой горы и форма треугольного выступа – завершения, которое имеет волнистый край, а на лицевой стороне рельефную фигуру, также напоминающую трилистник, в основании которого помещен крепежный штифт.

Еще одна накладка, морфологически очень близкая суздальским находкам, происходит из масштабных раскопок 2022 г. (исследована площадь более 8000 кв. м), Волжской экспедиции ИА РАН³ на городище «Городок», расположенном в городской черте современного Нижнего Новгорода, на правом берегу Оки, на удалении 1,8 км от Нижегородского кремля.

Этот памятник отождествляется с летописным Нижним Новгородом Новым или Нижним Новгородом Меньшим, существовавшим со 2-й трети XV и до рубежа XV–XVI вв. Результаты первых раскопок и развернутое убедительное обоснование локализации, интерпретации и хронологии городища было представлено Н. Н. Грибовым в монографии опубликованной в 2018 г. (*Грибов*, 2018).

Накладка найдена в мысовой части памятника при разборке 3-го пласта и может быть датирована только в целом, в рамках периода его существования. По своим размерам и декору она похожа на суздальские находки (рис. 2: 3–3а). Вместе с тем некоторые мелкие особенности формы, отличающие вещи друг от друга, имеются. У накладок из «Городка» и с Яруновой горы в верхней трети формы находится плавное сужение щитка с последующим расширением к углам. В результате углы смотрятся как остроугольные выступы, в основании которых находятся крепежные штифты. У накладки с Яруновой горы угловые выступы дополнительно подчеркнуты небольшими симметрично расположенными треугольными вырезами по верхнему краю изделия. Находка из Суздальского кремля таких особенностей формы не имеет и просто плавно сужается к верхнему краю от места максимального расширения в средней своей части. У всех трех накладок с обратной стороны хорошо читается миндалевидной формы слабо вогнутое углубление, ограниченное уплощенным бортиком, расширяющимся у мест расположения крепежа, что обеспечивает лучшее прилегание накладки к основе.

Почти полная идентичность размеров, близость формы и литого декора позволяют видеть в рассматриваемых предметах если и не продукцию одной мастерской, то изготовление по образцу с целью получить одинаковые изделия. Это предполагает примерно одно время бытования, которое, исходя из контекста обнаружения находок, можно определить в рамках 2-й половины – конца XIV – XV в. Учитывая минимальные различия в морфологии предметов, вероятнее всего, датировка может быть сужена, но сейчас для этого нет достаточных оснований.

³ Авторы признательны С. В. Очеретиной и С. И. Милованову за возможность использования в работе материалов, полученных при раскопках 2022 г. на городище «Городок» в Нижнем Новгороде.

Поиск аналогий этой небольшой серии накладок может развиваться в двух направлениях: среди изделий близкой функции и морфологии (украшений наборных поясов, других элементов костюма, узды) и соответствия отдельных элементов орнамента и декоративной композиции в целом. Наборные пояса безусловно активно использовались в позднесредневековой Руси (*Мурашева*, 2000. С. 77), но их детали крайне слабо представлены в публикациях археологического материала. Поэтому круг аналогий подобных вещей, происходящих с памятников русского Средневековья, сейчас может быть обозначен небольшим количеством предметов, не всегда имеющих ясное происхождение.

Накладка, хранящаяся в Александровском художественно-краеведческом музее (АХКМ – 7420/62, номер Госкаталога 33594612), поступившая в фонды из сборов на территории Александровского района Владимирской области, отличается своими размерами (3,1 на 2,45 см) и особенностями декора: в пределах орнаментальной зоны, имеющей прорезной фон, располагаются не две, а одна крупная спираль в два с половиной оборота с хорошо читающимися мелкими завитками, расположенными внутри спирали и иногда ее пересекающими. Трилистники в едва намеченных килевидных завершениях орнаментальной зоны не читаются. Верхний край прорезной накладки имеет скобчатую форму с выступом посередине (рис. 2: 4). Но в целом, исходя из общей формы изделия и орнаментальной композиции, александровская накладка вполне сопоставима с вещами из Суздаля и нижегородского «Городка».

Довольно близкой аналогией накладке из Александровского музея представляется находка из Болгара (рис. 2: 5), опубликованная Г. Ф. Поляковой и отнесенная к отделу В-Х ее классификации (пятиугольные) к типу В-Х-1 – с ажурным растительным декором. Размеры изделия 2,6 × 2,1 см. Орнамент представлен «тонким, скрученным в спираль побегом. Фон прорезной» (*Полякова*, 1996. С. 203. Рис. 67: 37).

В числе вещей, сопоставимых с накладками с прорезным фоном и растительным орнаментом, можно назвать еще один предмет из случайных находок на Рюриковом городище под Великим Новгородом (НГМ КП 41481/20) (рис. 2: 6)⁴ – пятиугольной формы, с дугообразным верхним краем, асимметрично-треугольными выступами по углам и завершением, украшенным литым декором, напоминающим трилистник. Растительный орнамент на прорезном фоне в центральной части изделия отличается от суздальских вещей: он представлен двумя смыкающимися в центре накладки спиралями, которые с внутренней стороны украшены довольно крупными завитками и соединены маленькими колечками, которые охватывают их смыкающиеся края. В нижней трети накладки располагается прорезная фигура ромбовидной формы с рельефным бортиком, также соединенная со спиралями такими же колечками. Несмотря на различия, городищенская находка вполне сопоставима по размеру, общему абрису контура и основным мотивам орнаментальной композиции с вещами рассматриваемой серии.

Накладка с Рюрикова городища очень похожа на два подобных изделия из фондов ГИМ (ГИМ-91637/1-2, номера Госкаталога 32131880, 32131850), различия видны только в мелких деталях и материале (предметы из ГИМ – серебряные) (рис. 2: 7). Эти вещи найдены далеко за пределами средневековой Руси – на севе-

⁴ <https://novgorod-iss.kamisccloud.ru/entity/OBJECT/214306?query=41481%2F20&index=0> (дата обращения: 07.05 2024).

ро-западном Кавказе, происходят из Хадыжинского могильника (Конь и всадник. 2003. С. 59: 118), входящего в группу погребальных памятников, которые по месту первых исследований у станицы Белореченской (раскопки Н. И. Веселовского 1896–1897 и 1906–1907 гг.) получили собирательное название Белореченских курганов. Среди погребального инвентаря курганов, датируемых исследователями XIV – началом XVI в. (Веселовский, 1898. С. 2; Левашева, 1953. С. 209; Дружинина, 2022. С. 201–232; 2024. С. 170–172), в составе наборных поясов есть целая серия деталей ременной фурнитуры, с которыми изделия, найденные на русских памятниках, находят достаточно очевидные параллели, – прежде всего среди накладок или бляшек, названных В. И. Левашевой «мелкоажурными» (Левашева, 1953. С. 199–201. Рис. 8: 7, 8; 9: 1–5). В их числе есть семь серебряных накладок с прорезным фоном и литым орнаментом, композиция которого сходна с той, которая украшает суздальские находки (Веселовский, 1898. С. 5. Рис. 6; Левашева, 1953. Рис. 8: 8; ГИМ-37258/430-436, номера Госкаталога 28603795, 28603767, 28603910, 28603972, 28603783, 28603791, 28606841) (рис. 2: 8). Вообще растительный орнамент в виде спирали – один из наиболее распространенных на металлических деталях костюма из позднесредневековых захоронений Закубанья, что позволяет предположить общее происхождение этой декоративной традиции в древностях и Руси и Предкавказья 2-й половины XIV – XV в.

Близкую вариацию формы и орнамента белореченских вещей представляет фрагментарно сохранившаяся накладка из раскопок 2007 г. в Московском Кремле (рис. 2: 9)⁵. Кремлевская находка сделана гораздо грубее, но, тем не менее, хорошо заметна схожесть общего абриса предмета, присутствуют прорезной фон и рельефный литой декор в виде соприкасающихся в центральной части накладки двойных спиралей.

Кроме накладок щитовидной или пятиугольной формы можно привести еще несколько аналогий из числа ременной или сбруйной фурнитуры. У крупной (4 × 3,6 см), треугольной бляхи, найденной в 1998 г. на селище Сатино-Татарское 1Б в окрестностях Перемышля Московского (Подольский район Московской области – работы М. И. Гоняного), литой декор из смыкающихся полуторооборотных спиралей покрывает полностью лицевую сторону изделия, за исключением ромбовидного выступа в его центре (рис. 3: 5). И хотя качество литья невысокое, орнамент достаточно узнаваем (Гоняный, 1999. С. 6–7, 42. Рис. 11).

С бляхой из Подмосковья можно сравнить две находки, обнаруженные в процессе охранных раскопок в Новгороде Великом на территории Славенского конца (ул. Славная, 22) в 2020 г., происходившие с двух разных усадеб (раскопы Нутный III и IV), разделенных настилом мостовой. Правда, в публикации приведено изображение только одной из них (Шуреев, Петров, 2022. С. 74–75. Рис. 5: 2). Изделие представляет собой наладку подтреугольной формы с контурами, оформленными в виде сегментов окружности, ограниченными симметрично расположенными углублениями, со скобчатым верхним краем и килевидным завершением. Литой орнамент из спиралей занимает все поле лицевой стороны накладки, в центре располагается выступ миндалевидной формы (рис. 3: 6). Датированы новгородские находки XIV–XV вв.

⁵ Авторы пользуются случаем выразить благодарность В. С. Курмановскому за предоставленную информацию.

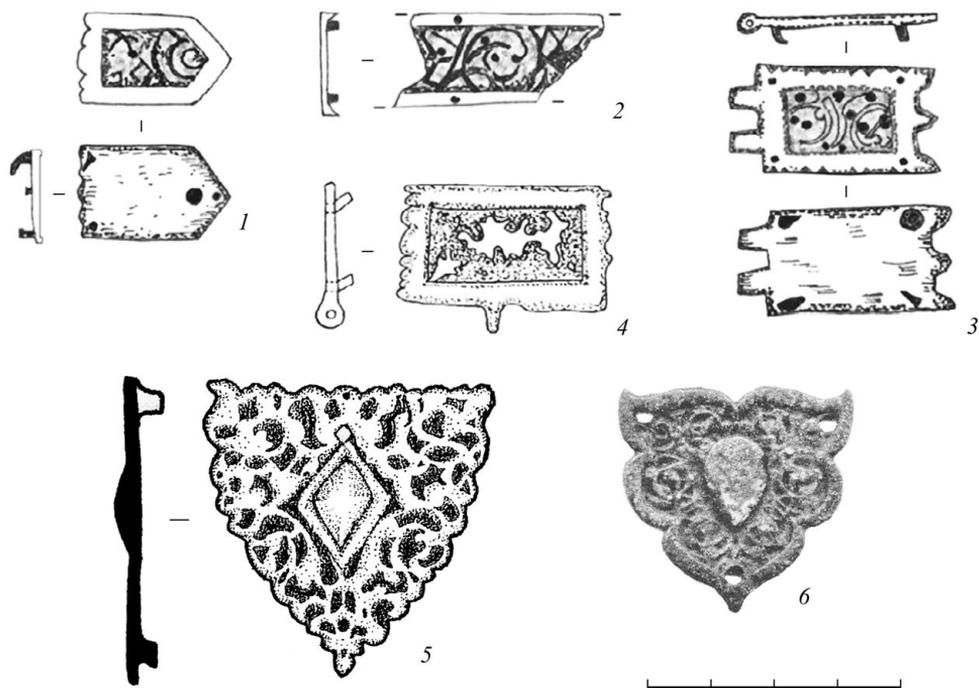

Рис. 3. Накладки с орнаментом в виде побега, скрученного в спираль разных форм.
1–4 – накладки с поселения Аргамач-Пальна 3 под Ельцом (по: Тропин, 2021); 5 – треугольная
бляха с селища Сатино-Татарское 1Б из окрестностей Перемышля Московского; 6 – накладка
из раскопа в Славенском конце Новгорода Великого (по: Шуреев, Петров, 2022)

Интересным примером использования растительного декора в виде совмещенных спиралей может служить серия накладок, собранная на верхнем Дону в пределах территории Елецкого княжества. Находки происходят с поселения Аргамач-Пальна 3, были опубликованы Н. А. Тропиным и датируются автором 2-й половиной XIV – 1-й половиной XV в. (Тропин, 2021. С. 339–340, 351–352. Рис. 5: 2, 3, 5).

В числе деталей ременной фурнитуры, найденных на поселении, есть три предмета с важными особенностями орнамента. Это наконечник ремня пятиугольной формы (рис. 3: 1), накладки – одна из которых сохранилась полностью – с петлями для крепления подвеса или небольшой пряжки (рис. 3: 3) и фрагмент вытянутой накладки, обломанной с двух сторон (рис. 3: 2). При публикации вещей орнамент на них был просто описан как растительный, и его особенности стали видны только при знакомстве с материалами, представленными Елецким городским краеведческим музеем в Госкаталоге (№ 22202294, 22202295, 22202296, ЕКМ ОФ 13749/2-4).

Все предметы имеют с лицевой стороны широкую рамку по периметру, обрамляющую зону со слабозаглубленным фоном, заполненную рельефными элементами декора. Изделия украшены композициями, состоящими из совмещенных спиралей, с одной особенностью: свернутые в спирали побеги лишь частично попали в поле,

ограниченное рамками, изображения обрезаны по периметру, иногда так сильно, что читаются только в виде сегментов окружностей. Вероятнее всего, в процессе подготовки формы для литья при изготовлении этих вещей (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 89–91) в качестве модели использовалось изделие большего размера, чем было необходимо, и рельефный орнамент, покрывавший его, лишь частично был отображен в отгиснутой форме. Это обстоятельство свидетельствует о местном производстве накладок, что подтверждается и наличием среди вещей, обнаруженных на поселении, предметов с литейным браком (Тропин, 2021. С. 352. Рис. 5: 4) (рис. 3: 4).

Таким образом, старая находка из Суздальского кремля теперь может рассматриваться в контексте бытования ременной или сбруйной фурнитуры с растительным декором, основой которого является побег, скрученный в спираль. Количество вещей, включенных в круг аналогий, пока невелико, но широкая география находок и свидетельства местного производства хотя бы части изделий позволяет говорить об устойчивой моде на их использование. Начало бытования таких накладок на Руси можно определить в пределах 2-й половины XIV – начала XV в.

Не углубляясь в историю происхождения орнамента в виде «большой» или «многовитковой» спирали, подробно рассмотренной Н. В. Жилиной при изучении сканного декора Шапки Мономаха, надо обратить внимание на два момента: широкое его распространение в Европе, Византии и на Ближнем Востоке начиная с XIII в. (Жилина, 2001. С. 40–41) и появление собственных изделий, украшенных «большой спиралью», на Руси во 2-й половине – конце XIV в. (Там же. С. 29), что (во втором случае) совпадает с археологической датировкой рассматриваемых вещей.

Как результат транзита культурных традиций между Византией, Западом, исламским миром и Русью XIV – 1-й половины XV в. рассматривается использование филигранного орнамента в виде спирали на поздневизантийском кресте Виссариона, датированном 1347–1354 гг. Он сопоставляется с декоративным убранством Шапки и окладом иконы Владимирской Богоматери из Оружейной палаты Московского Кремля (сделанным между 1410 и 1431 гг.), что не противоречит датировкам, которые были предложены Н. В. Жилиной (Bosselmann-Ruickbie, 2017. P. 189). И, наконец, появление в культурном пространстве Европы и Ближнего Востока филигранны «спирального стиля» связывается М. Г. Крамаровским с процессами глобализации в Евразии эпохи империи Чингизидов, а сам стиль он называет монгольским (Крамаровский, 2017. С. 19–24). В этом контексте автор предлагает рассматривать и крест Виссариона, который датирует 1355 г.

Конечно, при изучении орнаментов, выполненных в технике скани, речь идет об изделиях элитарного характера, и распространение орнаментальной традиции и ременных накладок новых (для Руси) форм связано с более широким процессом, чем просто тиражирование престижных вещей в демократичном исполнении. Вероятно, можно говорить о следовании моде на изделия с таким декором уже без привязки к конкретным образцам.

Ситуация с использованием более простых в изготовлении изделий прослеживается в погребальном инвентаре уже упоминавшихся Белореченских курганов, где наряду с предметами высокохудожественными довольно крупными сериями представлены детали костюма, в том числе украшенные растительным декором, являющиеся вполне ординарными вещами, которые вряд ли принадлежали к предметам дальнего импорта (Левашева, 1953. С. 195, 197–201).

Иногда при сохранении морфологии менялось назначение изделий. Отражением этого явления может быть еще одна суздальская находка узнаваемой формы, но функционально отличающаяся от своего возможного прототипа.

В раскопе на ул. Пролетарская, дом 6 в 2022 г. примерно в 130 м на удалении от правого берега р. Каменки (рис. 1А: 3) были открыты следы застройки конца XII – 1-й половины XV в., возникшей на ранее неосвоенном участке (Буланова, 2024. С. 21–22). В верхней части заполнения ямы 17 (рис. 4: 1) была найдена крупная восьмилепестковая бляха, изготовленная из цветного металла. Датировка сооружения (2-я половина XIV – 1-я треть XV в.) документирована небольшой керамической серией, в составе которой – лежавший на дне ямы раздавленный красноглиняный кувшин (рис. 4: 1б) (Там же. С. 33, 44), и находкой серебряной деньги Василия Дмитриевича Московского (определение П. Г. Гайдукова) (рис. 4: 1а).

Кроме вещей из ямы 17 поблизости от нее найдено несколько предметов, хронологически близких времени существования постройки. Среди них тыльная створка энколпиона, криноконечный крест-тельник, ажурная полая пуговица грушевидной формы (рис. 4: 4–6). Для общей характеристики материалов, происходящих из раскопа, стоит упомянуть свинцовую plombу дрогиченского типа и долотовидный наколочник стрелы (тип 100, вариант 1 – Медведев, 1966. С. 86), относящихся, очевидно, к более раннему времени (рис. 4: 2–3).

Накладка представляет собой круглое изделие диаметром $49 \times 49,5$ мм с краем, оформленным в виде восьми лепестков килевидной формы (рис. 4: 8). В центре каждого из лепестков размещались крепежные штифты с грибовидными шляпками диаметром 3,3–3,6 мм, в ряде случаев – с уплощенными вершинами. Два из восьми штифтов утеряны, диаметр округлых отверстий, в которые они были вставлены, составлял 2–2,3 мм. В центральной части бляхи находилось круглое отверстие диаметром 15 мм. По периметру накладки с внутренней стороны располагался бортик высотой 3,5–4 мм.

На лицевой поверхности изделия не было никакого орнамента, и при внимательном рассмотрении в ее центральной части, примерно до уровня основания лепестков, фиксировалась округлая зона со следами коррозии, диаметром 35–37 мм. С обратной стороны бляхи по краю внутреннего отверстия отчетливо читалась узкая полоска небольшого уступа, утопленного относительно ее внутренней поверхности примерно на 0,5 мм, шириной 2–3 мм.

Найденный предмет, имея выразительную форму, представлял собою часть сложносоставного изделия. Морфология суздальской находки снова заставляет обратиться к материалам раскопок Белореченских курганов, где в женском погребении кургана № 8 Н. И. Веселовским в 1896 г. была найдена двусторонняя серебряная позолоченная шестилепестковая бляха (Веселовский, 1898. С. 48, 50. Рис. 248: а, б), входившая в состав одного из наиболее известных поясных наборов золотоордынского времени (Золотая Орда и Северное Причерноморье..., 2019. С. 388–389. № 297) (рис. 4: 9). Несмотря на отличия в количестве лепестков и размерах (диаметр обоймицы из погребения – 5,4 см) и на разницу в статусе предметов, очевидна морфологическая близость изделий, что говорит о единстве ювелирной традиции, в которой они изготовлены. Важной характеристикой детали ременного набора из Белореченских курганов является использование в качестве орнаментального фона в ее лепестках совмещенных спиралей.

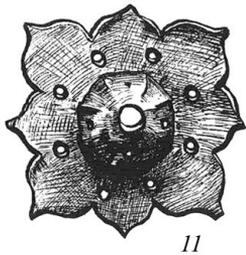
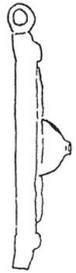

Рис. 4. (с. 230). Находки из раскопа на ул. Пролетарская, 6 в Суздале и их аналогии. 1 – общий вид на яму 17 с развалом кувшина на дне; 1а – монета князя Василия Дмитриевича Московского из заполнения ямы 17; 1б – верхняя часть красноглиняного кувшина из заполнения ямы 17; 2 – долотовидный наконечник стрелы; 3 – свинцовая пломба дрогичинского типа; 4 – обратная створка энколпиона; 5 – криноконечный крест-тельник; 6 – ажурная грушевидная пуговица; 7 – фрагмент восьмилепестковой накладки с селища Нижние Шелаболки 1 (Республика Марий Эл); 8 – восьмилепестковая накладка из заполнения ямы 17; 9 – шестилепестковая орнаментированная бляха из погребения в кургане 8 Белореченских курганов (по: *Крамаровский*, 2019. С. 50, илл. 25); 10а, б – сумочный замок из погребения в окрестностях Рикликяй (Литва) (по: *Svetikas*, 2003); 11 – бляха от конического головного убора с селища Большое Янгильдино (Чувашия) (по: *Мясников, Грибов*, 2024).

Однако есть и очевидные различия: на лепестках бляхи из погребения отсутствуют крепежные штифты и бортик по периметру, придающий суздальской накладке коробчатую форму. Различается и назначение предметов, что становится ясно при привлечении еще одной аналогии, очень близкой для суздальской находки. Это полностью сохранившийся сумочный замок из позднесредневекового погребения в окрестностях населенного пункта Рикликяй (Riklikų) на территории Литвы (*Svetikas*, 2003. Р. 246) (рис. 4: 10а, б).

Замок состоит из коробчатого корпуса в виде восьмилепестковой розетки, центральная часть которого украшена вставкой меньших размеров сходной формы (различается форма лепестков), с литым растительным орнаментом и шлемовидным центральным выступом. В верхней части корпуса замка в него вставлялся фиксатор в виде шпильки с кольцевидной головкой, а с тыльной стороны корпуса, видимо, находилась пластина с прорезью для скобы, крепившаяся на клапане сумки. Как и у суздальского экземпляра, у литовской находки в центре каждого из лепестков располагались крепежные штифты с грибовидными шляпками.

Подтверждением широты распространения сумочных замков такой формы можно считать находку на селище Нижние Шелаболки 1 в Горномарийском районе Республики Марий Эл⁶. В 2018 г. при разборке культурного слоя в раскопе 3 на глубине 30 см от поверхности был найден обломок накладки из цветного металла, аналогичной суздальской бляхе. Сохранилось только два лепестка килевидной формы с отверстиями под крепеж и бортиком по краю (рис. 4: 7). Размер найденного обломка – 30 × 19 мм (*Никитина*, 2019. С. 105. Рис. 76: 1).

Совсем недавно была опубликована еще одна находка, форма и датировка которой близки суздальской накладке, но интерпретирована она как бляха от конического головного убора (*Мясников, Грибов*, 2024. С. 143–144. Рис. 3: 1). Накладка происходит из материалов раскопок селища Большое Янгильдино, расположенного на севере Чувашии, в 15 км к югу от Чебоксар, раскопки которого велись в 50–60-е гг. XX в. Судя по публикации, изделие с Большеянгильдинского селища цельнолитое, со шлемовидным полусферическим выступом в центре и отверстиями для крепежа, которые располагаются не в центре лепестков, а по углам у их основания (рис. 4: 11). К сожалению, в материалах публикации нет изображения обратной стороны бляхи и ин-

⁶ Авторы очень признательны руководителю работ доктору исторических наук Татьяне Багишевне Никитиной за предоставленную информацию.

формации о наличии или отсутствии бортика по краю и небольшой выпуклости, что характерно для деталей головных уборов (Полякова, 1996. С. 166–167. Рис. 60: 1–4). Атрибуция суздальской находки как части сумочного замка представляется намного более вероятной.

Несмотря на небольшое количество рассмотренных вещей, обширная география находок, выразительная и довольно устойчивая морфология, особенности декора, наличие признаков их местного производства и сохранение узнаваемых форм при смене назначения изделия позволяют видеть в этой группе накладок свидетельство значимых изменений в культуре позднесредневековой Руси. Характер и причины этих изменений уже давно обсуждаются в контексте формирования материальной культуры Московского великого княжества как системного явления, затрагивающего все земли будущей Московской Руси (Беляев, 2021. С. 166–177). Основные источники ее формирования уже назывались, но при недостатке исследований, посвященных конкретным сюжетам, раскрывающим содержание происходивших изменений, составить целостную картину довольно сложно (Там же. С. 166–167).

Представленные детали ременной и сумочной фурнитуры обладают рядом признаков, которые дают возможность связать их появление на Руси с влиянием художественных и ремесленных традиций Малой Азии и золотоордынского Крыма (Крамаровский, 2016. С. 69–72), мамлюкского Египта – вероятно, особенно во времена Бурджидов (после 1382 г.) (Bosselmann-Ruickbie, 2017. Р. 194–196, 200; Дружинина, 2022. С. 201–232). Нельзя, по-видимому, исключать византийского и итальянского влияний или прямого переноса традиций мастерами из золотоордынских городов (Крамаровский, 2015. С. 101–107; Bosselmann-Ruickbie, 2017. Р. 200).

В целом можно сказать, что появление в культурных слоях русских поселений 2-й половины XIV – XV в. накладок с растительным «спиральным» декором и в виде многолепестковой розетки вполне соотносится с формирующимися сейчас представлениями о влиянии культуры Востока (точнее – Восточного Средиземноморья) на русское декоративно-прикладное искусство и архитектуру (Беляев, 2021; Баталов, 2018; Стерлигова, 2019; Панова, 2022). Наличие ясного археологического контекста позволяет говорить не только о хронологии вещей, но и делает возможным наполнить представления о «восточном компоненте» в материальной культуре Северо-Восточной Руси позднего Средневековья конкретным содержанием.

Литература

- Баталов А. Л. 2018. «Арабский цветок»: к вопросу о генезисе декоративных мотивов в московской архитектуре XIV–XV вв. // Российская археология. № 3. М. С. 153–163.
- Беляев Л. А., 2021. Московские типы: к истокам традиций // Русь в XIII–XV веках. Новые открытия в области археологии и истории / Ред. Л. А. Беляев, Е. Л. Конявская. М.: Индрик. С. 166–177.
- Веселовский Н. И., 1898. Производство археологических раскопок и разведок. Кубанская область // Отчет Императорской Археологической комиссии за 1896 г. СПб. С. 1–65. Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: <https://goskatalog.ru> (дата обращения: 07.05 2024).

Грибов Н. Н., 2018. Нижний Новгород в XV веке: в поисках утраченного города. М.: ИА

- РАН. 592 с. (Материалы спасательных археологических исследований; 24).
- Дружинина И. А.*, 2022. Мамлюки на Северном Кавказе в XIV – начале XVI в. // *ByzantinoCaucasica*. Вып. 2. М. С. 201–232.
- Дружинина И. А.*, 2024. Связи черкесов Закубанья и Мамлюкского султаната в XIV – начале XVI в. по материалам раскопок Белореченских курганов // *Древности Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии: от открытий Н. И. Веселовского к современной науке: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 175-летию Николая Ивановича Веселовского (1848–1918)*. СПб.: ИИМК РАН. С. 170–172.
- Жилина Н. В.*, 2001. Шапка Мономаха. Историко-культурное и технологическое исследование. М.: Наука. 247 с.
- Зайцева И. Е. Сарачева Т. Г.*, 2011. Ювелирное дело «Земли вятичей» во второй половине XI – XIII в. М.: Индрик. 404 с.
- Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи: каталог выставки. М.: Фонд Марджани, 2019. 509 с.
- Конь и всадник. Взгляд сквозь века: каталог выставки. М. ГИМ, 2003. 64 с.
- Крамаровский М. Г.*, 2015. Крест Виссариона (около 1355 года). О генезисе византийской филигранный спирального стиля // *Византия в контексте мировой культуры: материалы конф., посвящ. памяти А. В. Банк (1906–1984)*. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 101–107, 411. (Тр. Гос. Эрмитажа; т. LXXIV).
- Крамаровский М. Г.*, 2016. Крым и Рум в XIII–XIV столетиях (Анатолийская диаспора и городская культура Солхата) // *Золотоордынское обозрение*. № 1. С. 55–88.
- Крамаровский М. Г.*, 2017. Рах Mongolica и проблемы глобализации культуры Евразии // *Золотоордынская цивилизация*. № 10. С. 19–24.
- Крамаровский М. Г.*, 2019. Рах Mongolica и чингисидская глобализация // *Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи: каталог выставки*. М.: Фонд Марджани. С. 15–58.
- Кучкин В. А.*, 1984. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука. 348 с.
- Левашева В. И.*, 1953. Белореченские курганы // *Археологический сборник*. М.: ГИМ. С. 163–213. (Тр. ГИМ; вып. XXII).
- Медведев А. Ф.*, 1966. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. VIII–XIV вв. М.: Наука. 184 с. (САИ; вып. Е1-36).
- Мурашева В. В.*, 2000. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.: Эдиториал УРСС. 136 с.
- Мясников Н. С., Грибов Н. Н.*, 2024. Большеянгильдинское селище XIV–XV вв. в Чувашско-Марийском Поволжье // *Новгород земли Низовской*. М.: ИА РАН. С. 133–155.
- Панова Т. Д.*, 2022. О некрополе Архангельского собора Московского Кремля: очевидное и... невероятное // *Русский средневековый город. Археология. Культура: к юбилею Алексея Владимировича Чернецова*. М.: ИА РАН. С. 420–433.
- Полякова Г. Ф.*, 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов // *Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков*. Казань: Ин-т языка, литературы и истории. С. 154–257.
- Седова М. В.*, 1997. Суздаль в X–XV веках. М.: Русский мир. 235 с.
- Стерлигова И. А.*, 2019. К изучению «монгольского» периода в истории древнерусской торевтики // *Вестник сектора древнерусского искусства: журнал по истории древнерусского искусства*. № 1. М. С. 42–52.

Тропин Н. А., 2021. Предметы вооружения и воинского снаряжения второй половины

XIV – начала XV в. Елецкого княжества // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 262. С. 339–358.

Федорина А. Н., Макаров Н. А., Милованов С. И., Баранов Н. А., 2023. Суздаль: формирование городской территории в X–XV вв. // Археология Суздальской земли. Т. 2. М.; Вологда: Древности Севера. С. 231–252.

Шполянский С. В., 2015. Датированные находки второй половины XIII – первой половины XV в. из Суздаля и селищ Суздальского Ополя (по материалам археологических исследований последних лет) // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Николая Андреевича Макарова. М.; Вологда: Древности Севера. С. 199–212.

Шуреев А. В. Петров М. И., 2022. Спасательные археологические исследования на территории Славенского конца Великого Новгорода в 2020 г. (Славная, 22) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 35. Материалы XXXV научной конференции, посвященной 80-летию А. С. Хорошева. Великий Новгород. С. 70–78.

Bosselmann-Ruickbie A., 2017. The Ornamental Decoration of the Late Byzantine Bessarion Cross: Medieval Cultural Transfer Between Byzantium, the West, the Islamic World and Russia. // La stauroteca di bessarione fra Costantinopoli e Venezia. Venezia: Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti. P. 183–223.

Svetikas E., 2003. Tretininkų odiniai kapšeliai: jų apkalų tipologija, chronologija ir simbolika // Lietuvos archeologija. T. 24. Vilnius. P. 241–266.

Архивные материалы

Буланова Н. Н., 2024. Отчет о результатах археологических раскопок на территории объекта археологического наследия «Культурный слой, валы, рвы города Суздаля X–XIII, XIV–XVII вв.» по адресу: Владимирская область, г. Суздаль, ул. Пролетарская, д. 6 в 2022 г. Шуя // Архив ИА РАН.

Гакель Е. В., 2023. Научный отчет о проведении археологических раскопок по ул. Ярунова гора, д. 27 в г. Суздаль Владимирской области в 2019 году. М. // Архив ИА РАН.

Гоняный М. И., 1999. Отчет об археологических исследованиях, проведенных Государственным Историческим музеем в Подольской и Чеховском районах Московской области. М. // Архив ИА РАН.

Никитина Т. Б., 2019. Отчет о раскопках на объекте археологического наследия «Нижние Шелаболки. Селище 1» в Горномарийском районе Республики Марий Эл летом 2018 г. Йошкар-Ола // Архив ИА РАН.

Седова М. В., Чалых Н. Е., 1987. Отчет Владимиро-Суздальской экспедиции за 1986 г. Раскопки в Суздале. М. // Архив ИА РАН. P-1. 11962.

Сведения об авторах

Шполянский Сергей Владимирович, ФГБУК «Государственный исторический музей;
e-mail: shpol@yandex.ru;

Несмиян Ольга Альбертовна, некоммерческое партнерство «Шуйская археологическая экспедиция»;
e-mail: nesmiyn@yandex.ru;

Несмиян Владимир Геннадьевич, некоммерческое партнерство «Шуйская археологическая экспедиция»;
e-mail: nesmiyn@yandex.ru;

Баранов Николай Анатольевич, ИА РАН;
e-mail: dr.till2011@yandex.ru

S. V. Shpolyanskiy, O. A. Nesmiyan, V. G. Nesmiyan, N. A. Baranov

**SUZDAL OVERLAYS WITH FLORAL DECORATION:
TO THE QUESTION OF THE “ORIENTAL COMPONENT”
IN THE MATERIAL CULTURE OF NORTH-EASTERN RUSSIA
IN THE SECOND HALF OF THE 14th–15th CENTURIES**

Summary. Belt overlays with a floral decoration in the form of a sprout twisted into a spiral, and handbag’s, in the form of a multi-petalled rosette, are excavated in Suzdal during different years. Considering context and analogies, there is a wide geography of spreading, evidence of local production of some goods, which indicates a stable fashion for their use. The emergence of such overlays in Russia is determined within the limits of the late 14th – early 15th centuries. Their appearance in the cultural strata of Russian settlements may confirm influence of Oriental culture on Russian decorative art, architecture and material culture in general. The presence of a clear archaeological context not only allows us to speak about the chronology of things, but also presents explicit evidence for “eastern component” in the material culture of North-Eastern Russia of the late Middle Ages.

Keywords: floral ornament, overlay, late Middle Ages, North-Eastern Russia, culture of the East.

С. В. Шполянский, М. Д. Бутковская, Д. А. Градникова

УКРАШЕНИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ КОНЦА XII – XIV в. ВО ВЛАДИМИРЕ, СУЗДАЛЕ И СЕЛИЩАХ ОПОЛЯ

Резюме. Задачей представленной работы является атрибуция украшений западноевропейского происхождения, выявленных к настоящему моменту в фондах Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника и полученных в результате исследования сельских поселений суздальской округи, их общая характеристика и датировка. Основное внимание уделено двум категориям находок: замкнутым пластинчатым фибулам и перстням со вставкой на прямоугольном щитке.

Учитывая небольшое количество украшений, скорее всего, они могут рассматриваться как маркеры дальних контактов с Западной Европой и, вероятно, являются свидетельством более широких процессов, влиявших на формирование облика материальной культуры региона в позднем Средневековье.

Ключевые слова: украшения, Западная Европа, Суздаль, культурный импульс.

Экономическое и культурное взаимодействие центра Владимиро-Суздальской земли с Западной Европой неоднократно оказывались в поле зрения исследователей. Археологическим свидетельствам взаимных контактов посвящены и сравнительно небольшие обзоры, и целые главы в историко-археологических работах по международным связям Северо-Восточной Руси. Основное внимание в них уделялось северо-европейским (как правило, скандинавским) импортам и их подражаниям X–XI вв. или преимущественно изделиям т. н. престижного потребления (*Седова*, 1997. С. 187–190; *Родина*, 2004. С. 86–133). Металлические украшения европейского происхождения периода развитого и позднего Средневековья ранее не рассматривались как заметная составляющая материальной культуры населения региона. Исключением, наверно, были только перстни с изображением ладони на овальном щитке, принадлежность которых к числу западноевропейских вещей сейчас подвергается сомнению (*Серезникова*, 2018. С. 218–219).

Обращение к собранной в последние годы на средневековых поселениях Ополья обширной вещевой коллекции (*Макаров*, 2023а. С. 19) и материалам из раскопок в Суздале и Владимире позволяет выделить некоторые наиболее очевидные группы

предметов, которые можно связать с западноевропейским влиянием. Конечно, речь пока не идет о полной сводке таких изделий. Цель гораздо скромнее: атрибуция украшений западноевропейского происхождения, выявленных к настоящему моменту в фондах Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника и полученных в результате исследования сельских поселений суздальской округи, их общая характеристика и датировка.

Дополнительным импульсом для введения в научный оборот этих находок стало появление работ, посвященных западноевропейским предметам, происходящим из раскопок Новгорода Великого и памятников новгородско-шведского пограничья на Карельском перешейке и в Северном Приладожье (*Бельский, 2015; Сережникова, 2022*), что существенно расширило источниковую базу для сравнения материалов из разных регионов средневековой Руси и сопредельных территорий.

Замкнутые фибулы

Наиболее выразительными изделиями, которые могут быть отнесены к числу украшений западноевропейского происхождения, изготовленных из цветного металла, представляются замкнутые пластинчатые фибулы со вставками. Всего их найдено три. Согласно типологии, предложенной Д. С. Сережниковой с опорой на новгородские материалы (*Сережникова, 2013. С. 171–172*), две могут быть определены как круглые: одна из них – литая, другая вырезана из пластины, на которую прикреплены (по-видимому, припаяны) гнезда под вставки. Третья фибула – фигурная, довольно редкой крестовидной формы.

Круглая литая фибула была обнаружена при разведочных работах в ближайшей округе Суздаля на селище Вышеславское 5 (рис. 1: 1). Это крупное средневековое село, существовавшее более трех веков – с конца XI до 1-й половины XV в. (*Макаров и др., 2019. С. 22–25. Рис. 9: 15*). Размеры изделия – 3,1 × 2,9 см, ширина плоско-выпуклой пластины – около 0,4 см, она имеет четыре выраженных расширения, расположенных друг напротив друга. Два из них размещены в месте крепления иглы и ее завершения, имеют форму треугольника с дуговидным основанием. Два других расположены на пластине симметрично в виде усеченных пирамидок или башенок прямоугольной формы высотой около 0,3 см. В них помещены гнезда под круглые вставки, они частично сохранились, изготовлены из непрозрачного стекла красно-коричневого цвета. Поверхность фибулы в месте расширений под крепление и приемник иглы декорирована орнаментом в виде рядов точечных вдавлений, выполненных пуансоном.

Явных аналогий вышеславской фибуле среди новгородских находок назвать нельзя, нет полных соответствий и в материалах современных публикаций скандинавских и прибалтийских кольцевидных брошей (*Valk, 1999. P. 85–100; Søvstø, 2009. P. 183–210; Skare, 2023. P. 9–28*). Морфологически ее можно считать сопоставимой с типом 2.5 датской типологии этих украшений (*Søvstø, 2009. P. 186*), хотя сходство, конечно, неполное. Исходя из формы изделия, наиболее близка фибуле из Вышеславского одна из лондонских брошей с двумя пирамидальными гнездами под вставки (*Egan, Pritchard, 1991; 2002. P. 249. № 1309*).

Остальные две фибулы найдены в результате охранных археологических исследований во Владимире, в «Ветшаном» (Ветчаном) городе – восточной части

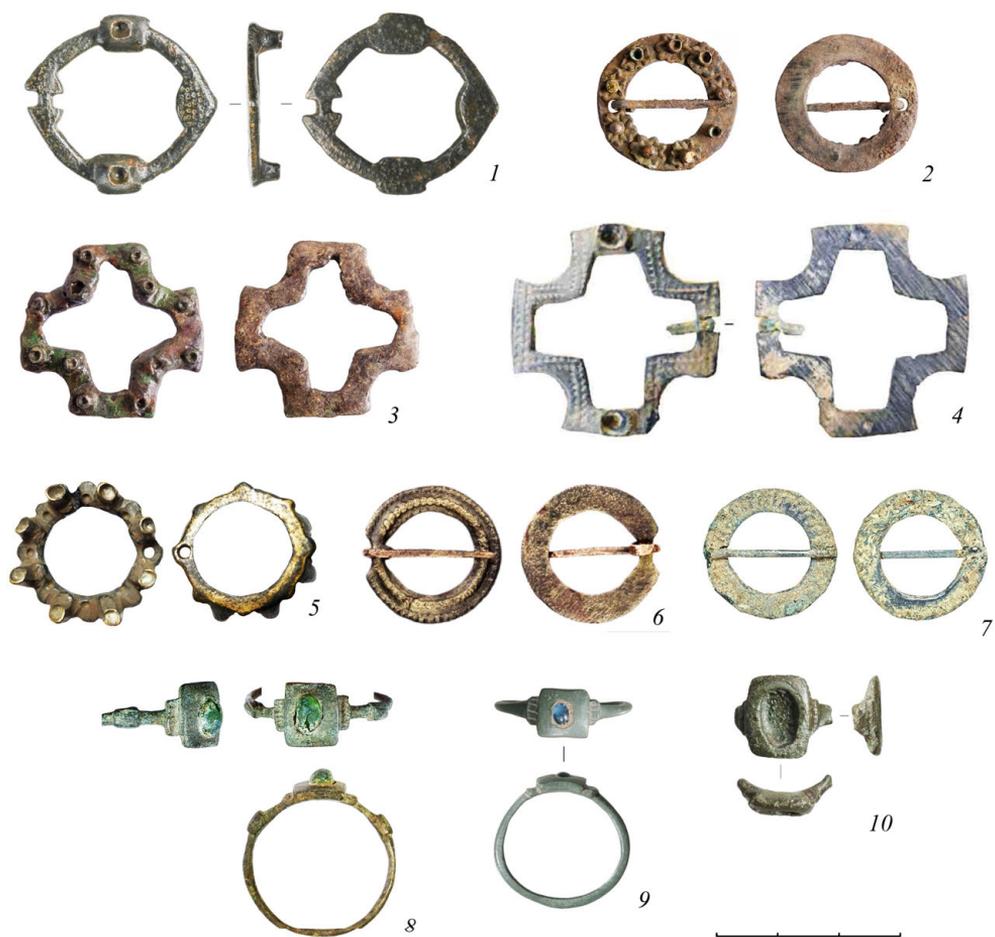

Рис. 1. Украшения западноевропейского происхождения из центральных районов Владимиро-Суздальской земли (замкнутые фибулы и перстни со вставками): 1 – селище Вышеславское 5; 2 – г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, д. 27А; 3 – г. Владимир, 22 квартал; 4 – селище Игумново (по: Павлихину А. В. и Аксенову Н. С.); 5 – городище Болгар, коллекция Сиклера; 6 – селище Катышево 1; 7 – г. Суздаль, ул. Ленина, 62; 8 – г. Суздаль, территория кремля; 9 – селище Весь 3; 10 – селище Михали 3. 1, 2, 5, 8, 9 – цветной металл, стекло; 3, 4, 6, 7, 10 – цветной металл

исторического ядра городской территории, защищенного стенами.

Одна из них, тоже круглой формы, обнаружена в заполнении ямы № 14 в раскопе по адресу: ул. Большая Нижегородская, д. 27А в 2006 г. (руководитель – С. В. Очеретина), хранится в фондах ГВСМЗ (В-60459/97) (рис. 1: 2). Это пластинчатая фибула с сохранившейся иглой. Ширина пластины – около 0,5 см, диаметр – 2,2 см, с ее лицевой стороны размещено девять цилиндрических гнезд под стеклянные вставки

высотой 0,4 см, равномерно распределенных по поверхности изделия. Основание каждого из цилиндров украшено декоративной тисненой пластинкой в форме восьмилепесткового цветка. В пяти из девяти гнезд частично или полностью сохранились выпуклые вставки из непрозрачного стекла зеленоватого цвета.

Круглые пластинчатые фибулы со вставками, дополнительно украшенные декоративными расширениями в виде цветков разной формы, были довольно широко распространены в Западной Европе, однако близкой аналогии владимирской находке, как и фибуле из Вышеславского, нет. Большинство североευропейских и в том числе новгородских украшений отличается от находки с Большой Нижегородской улицы: обычно расширения в виде цветка сочетаются не с высокими цилиндрическими гнездами под вставки, а с круглыми, которые чередуются на плоской поверхности застежки (Сережникова, 2013. С. 173, 175; Sawicki, 2018. Р. 959–965), что позволяет охарактеризовать владимирскую фибулу как редкую.

Третья находка представляет собой украшение в виде пластинчатого контура равностороннего прямоконечного литого креста размером 2,9 × 2,9 см (рис. 1: 3). Ширина пластины – 0,3 см. На лицевой стороне фибулы в углах и по краям лопастей креста расположены невысокие (до 0,2 см) цилиндрической формы гнезда под вставки, всего 12 штук. Сами вставки не сохранились, как и игла застежки. Тыльная сторона изделия гладкая. Фибула была найдена при раскопках Ю. Э. Жарнова в 1995 г. в восточной части исторического ядра г. Владимира, в 22-м квартале, в яме 2 раскопа 1, хранится в фондах ГВСМЗ (В-54793/26).

Фибулы такой формы пока неизвестны в Новгороде и нечасто фигурируют в публикациях и типологиях, посвященных подобным изделиям в североευропейском регионе. Насколько редко встречаются подобные украшения, можно судить, обратившись к материалам из Меолс (Meols) – громадной коллекции артефактов, происходящих с места функционирования прибрежного («пляжного») торгового пункта на северо-западном побережье Англии, на полуострове Виррал, и существовавшего с первых веков нашей эры до начала Нового времени. Из почти 170 брошей, относящихся к высокому и позднему Средневековью, только одна имеет форму прорезного равноконечного креста с гнездами под вставки и литым орнаментом на поверхности (Griffiths et al., 2007. Р. 138, 148, 150. Pl. 27: 1790).

Предмет, морфологически наиболее близкий фибуле из Владимира, происходит из г. Вроцлава, из раскопок Нового Торга. Вроцлавская находка – сопоставимых размеров, также имеет на лицевой стороне 12 высоких гнезд под вставки в виде конуса со срезанной вершиной на тыльной стороне броши, и по ее краю размещается литой орнамент (Sawicki, 2018. Р. 966. Рис. 930).

Немногочисленность застежек крестовидной формы среди западноевропейских брошей заставляет обратить внимание на еще одну находку подобного украшения с территории Северо-Восточной Руси. На селище XIV–XV вв. около с. Игумново, расположенном в низовьях р. Лопасни, вблизи московско-рязанской границы, проходившей по долине р. Оки, при обследовании площадки памятника обнаружена крестовидная фибула, в публикации названная пряжкой (рис. 1: 4). На лицевой стороне украшения размещены два цилиндрической формы гнезда под круглые вставки, а поверхность декорирована литым орнаментом (Павлихин, Аксенов, 2019. С. 263. Рис. 3: 6).

Датировка фибул со вставками как из столичного региона Владимиро-Суздальской земли, так и с московско-рязанского пограничья может быть определена в довольно широких рамках XIII–XIV вв., что в целом соответствует общей хронологии этих изделий (*Бельский*, 2015; *Сережникова*, 2013. С. 178). Но, опираясь на контекст находки, можно уточнить датировку в первую очередь владимирских фибул.

Украшения из Ветшаного города могут быть датированы XIII в. – скорее всего, первой его половиной, поскольку функционирование застройки в этой части города ограничено рубежом XII–XIII вв. – 2-й половиной XIII в. (*Милованов*, 2016. С. 146–147). Крестовидная фибула из Игумново, напротив, относится ко времени не ранее XIV в., датируется, вероятнее всего, 2-й половиной столетия (*Павлихин, Аксенов*, 2019. С. 256–261). Что касается вышеславской застежки, учитывая обстоятельства находки, датировать ее можно широко – временем существования памятника.

Причины появления западноевропейских замкнутых фибул во Владимиро-Суздальской земле имеют, очевидно, свои особенности по сравнению, например, с городами Русского Северо-Запада, где прямые и длительные контакты со странами, расположенными по берегам Балтики, не вызывают сомнения. Вероятность товарного импорта замкнутых плоских застежек со вставками возможна, но вряд ли может рассматриваться как основная, поскольку этих украшений найдено слишком мало, и наиболее вероятным кажется их перемещение вместе с носителями той моды, частью которой эти фибулы являлись. Конечно, сейчас картина распространения таких изделий неполна, и оценки характера их использования могут меняться. Новые находки в дальнейшем, выявление в музейных собраниях предметов западноевропейского происхождения или новая атрибуция вещей, вероятно, могут изменить взгляд на их бытование.

Так, в фондах Государственного исторического музея в составе т. н. коллекции Сиклера, переданной в 1921 г. из музея *Ars Asiatica* (сейчас – Государственный музей Востока), в которую входят вещи, собранные на территории средневекового Болгара, есть круглая кольцевидная застежка (размеры 2,4 × 2,3 см) с восемью цилиндрическими держателями под вставки (ГИМ 58456/150) (рис. 1: 5). В музейной документации предмет был описан как «восьмиугольник с прорезанным в нем кругом и восемью выступами», не был атрибутирован и, вероятно, поэтому не попал в публикацию ювелирных изделий из Болгара (*Полякова*, 1996). Морфологически болгарская застежка очень близка броши из г. Риббе и относится к типу 2.6 по типологии датских брошей (*Søvsø*, 2009. P. 197. Fig. 10: B), есть похожие изделия и в коллекции из Меолс (*Griffiths, et al.*, 2007. P. 143, 144. Pl. 25, 1723), и в Берне (*Heege, Baeriswyl*, 2019. P. 266. Taf. 14: 254). По-видимому, сейчас ее можно считать наиболее восточной находкой западноевропейской броши со вставками в Поволжье.

Другой особенностью этой небольшой выборки является то обстоятельство, что большинство известных сейчас фибул с территории Залесской Руси принадлежат к не самой многочисленной группе подобных украшений. Если учесть и болгарскую находку, то всего их пять, а, например, в Новгороде, где учтено 43 броши западноевропейского происхождения, застежек со вставками шесть (*Сережникова*, 2013. С. 171). На Карельском перешейке, в Северном Приладожье и в Эстонии, по-видимому, фибул с выступающими коническими или цилиндрическими держателями вставок вообще не найдено (*Бельский*, 2015; *Valk*, 1999).

Работы последних лет принесли находки пары пластинчатых замкнутых фибул с литым орнаментом, что не меняет отмеченной диспропорции, но все-таки позволяет говорить о наличии некоторого разнообразия набора украшений.

Одна из орнаментированных фибул была найдена во время охранных работ на селище конца XII – XIV в. Катышево 1 под Муромом в 2021 г. (Русаков, 2022. С. 60. № 189) (рис. 1: 6). Находка представляет собой пластинчатую круглую застежку с сужением в месте крепления иглы и литым орнаментом на лицевой стороне. Ширина пластины составляет 0,3 см, диаметр изделия – 2,2 см. Литой орнамент представлен узкой ложноплетеной рельефной полосой, проходящей в середине пластины по всей ее окружности и по ее краю, образуя небольшое утолщение. Броши с похожим декором известны в Дании (тип 2.7) (Søvsø, 2009. P. 186. Fig. 2).

Вторая подобная фибула обнаружена при охранных раскопках в Окольном городе Суздаля (ул. Ленина, 62) в мае 2024 г. (рис. 1: 7). Застежка близка по своим размерам и форме изделию из Катышево 1, нет только выраженного сужения в месте крепления иглы. Литой орнамент покрывает, по-видимому, большую часть лицевой поверхности фибулы и выглядит как поперечное рифление. Точнее до проведения реставрации описать этот декор нельзя. Наличие аналогичного орнамента можно предположить на серии английских фибул (Egan, Pritchard, 1991; 2002. P. 250, 252. № 1314–1316, 1321–1322)¹.

Перстни

Сейчас известно о находках пяти щитковых перстней со вставками, которые могут быть предположительно определены как западноевропейские, происходящих из Суздаля и его ближайших окрестностей. Почти столько же подобных украшений собрано при раскопках в Великом Новгороде, где найдено шесть экземпляров (Серезникова, 2018. С. 219).

Два перстня обнаружено в Суздале, еще один – при раскопках Мжарского могильника, два происходят из сборов на селищах близкой городской округи. Все изделия относятся к числу узкопластинчатых перстней с обручем (шинкой) плосковыпуклого сечения и прямоугольным щитком с овальным гнездом под вставку.

Наилучшим образом сохранился перстень (рис. 1: 8) из раскопа М. В. Седовой 1987 г. (фонды ГВСМЗ, В-60697/20), заложенного в западной части кремля к северо-западу от современного расположения церкви из с. Глотова. Перстень имел узкий (2–2,5 мм шириной) обруч, внутренний диаметр которого составлял 2,1–2,3 см, плоский прямоугольный щиток размерами 0,9 × 1,2 см, располагавшийся длинной стороной поперек обруча, с небольшими выступами при переходе к нему. В верхней трети обруч дополнительно был декорирован двумя симметрично расположенными расширениями, тоже прямоугольной формы. В центре щитка находилось овальное гнездо, в котором сохранилась выпуклая стеклянная вставка из непрозрачного зеленоватого стекла.

¹ Авторы пользуются случаем выразить благодарность П. Е. Русакову и С. И. Милованову за предоставленную информацию о находках пластинчатых фибул на селище Катышево 1 под Муромом и на территории Окольного города Суздаля.

Второй суздальский перстень найден в 1982 г., происходит из крупнейшего (более 3 тыс. кв. м) раскопа М. В. Седовой, заложенного в северо-восточной части кремля на предполагаемом месте великокняжеского двора Ивана III (*Седова*, 1983. С. 28, 75. Рис. 10: 9, № 152; *Седова*, 1997. С. 82; фонды ГВСМЗ, В-36942/413). Изображение перстня было опубликовано в числе других украшений, происходящих из городских раскопок (Там же. Рис. 65: 11). От перстня из раскопа 1987 г. он отличается отсутствием декоративных расширений в верхней трети и щитком почти квадратной формы. Овальное гнездо под вставку располагается поперек обруча длинной стороной, сама вставка не сохранилась. В настоящий момент демонстрируется на постоянной экспозиции суздальского филиала ГВСМЗ.

Перстень из Мжарского могильника найден при раскопках 1974 г. в 1-м погребении кургана 11. По своей морфологии он близок второй кремлевской находке, обруч украшения был разломан, сохранился во фрагментах, вставка утрачена. Судя по составу погребального инвентаря, перстень датируется временем не позднее п.п. XII в., т. е. является наиболее ранним из известных (*Седова*, 1975. С. 48; *Седова*, 1997. С. 160–161).

На селищах ближайшей Суздальской округи было найдено еще два перстня с прямоугольными щитками и вставками.

Один из них (рис. 1: 9) найден в 2012 г. на селище Весь 3, которое находится в 9,5 км к северо-западу от укреплений Окольного города Суздаля, на левом берегу р. Ирмес (*Макаров*, 2013. С. 277. Рис. 427: № 226–55). Он аналогичен находкам из северо-восточной части Суздальского кремля из Окольного города и отличается хорошей сохранностью. Щиток имеет почти квадратную форму, внутренний диаметр перстня составляет $1,9 \times 2,1$ см, ширина обруча – 2,5–3 мм, размер щитка – $1,0 \times 0,9$ см. Гнездо под вставку на щитке – вытянутой шестиугольной формы, сама вставка овальная, выпуклая из стекла голубого цвета.

Оставшийся экземпляр (рис. 1: 10) представлен обломком, сохранился только массивный прямоугольный щиток размером $1,2 \times 0,8$ см с овальным гнездом для вставки; обруч обломан, вставка утеряна. Он происходит из сборов на селище Михали 3 (Мининское), расположенном в 3 км к югу от Суздальского кремля (*Макаров*, 2018. С. 40. Рис. 194: № 370/79), принадлежавшем к числу княжеских вотчин (*Макаров*, 2023б. С. 323).

В материалах раскопок Новгорода Великого есть два перстня с прямоугольными щитками с овальными вставками и узкими плоско-выпуклыми обручами, которые отмечаются Д. С. Сержниковой в качестве изделий западноевропейского происхождения с опорой на английские аналогии (*Сержникова*, 2018. С. 217–218. Рис. 2: 6–9). Кроме лондонских украшений и вещей, фигурирующих на британских интернет-ресурсах, свидетельством широкой географии распространения перстней подобной морфологии могут служить предметы, происходящие из Вроцлава (*Wachowski*, 2018. Р. 978. Рис. 948: j) и Брно (*Šlancarová*, 2018. Р. 151–152). Датировка этих вещей определяется довольно широко – 2-я половина XII – XIV в. (*Сержникова*, 2018. С. 217; *Wachowski*, 2018. Рис. 976).

С территории Владимирско-Суздальской земли кроме Суздаля и селищ Ополья известны и другие находки перстней с прямоугольными щитками со вставками. Т. Г. Сарачева упоминает о таких находках из Белоозера и Дмитрова (*Сарачева*,

2007. С. 84). Из сборов на Белоозере известны три похожих перстня, один из которых по форме близок к новгородским и суздальским изделиям (*Захаров*, 2004. С. 184. Рис. 93: 4). Особенно интересными с точки зрения интерпретации и датировки подобных вещей выглядят два перстня из сельских некрополей тверского Верхневолжья, датируемых концом XI – XII в. Они сопоставляются Ю. В. Степановой (*Степанова*, 2020. С. 197. Рис. 2: 18) с перстнями из Новгорода, которые Д. С. Сержникова и относит к предметам западноевропейского импорта (*Сержникова*, 2018. С. 217).

В итоге, говоря о находках западноевропейских украшений, надо отметить, что картина их бытования на Русском Северо-Востоке выглядит незавершенной. Немногочисленность предметов и невысокое типологическое разнообразие позволяют видеть в них лишь следы эпизодических контактов, не влиявших на формирование материальной культуры населения Залесской Руси накануне монгольского нашествия и в золотоордынский период. Но количество известных находок растет, и работа по поиску и атрибуции предметов из материалов раскопок прошлых лет пока только начата.

По-видимому, ситуацию стоит рассматривать в развитии, поскольку количество категорий вещей, происхождение которых можно связать с западными «культурными импульсами» (*Беляев*, 2021. С. 167) в наборе восточноевропейских украшений, постепенно увеличивается.

Примером, демонстрирующим использование и местное производство изделий западноевропейского происхождения, представляется картина распространения литых и тисненых бубенчиков с рельефным пояском, датированных М. В. Седовой 2-й половиной XIII – XIV в. (*Седова*, 1981. С. 156). В качестве ювелирных изделий, характерных для Поволжья золотоордынского времени, их описывает Г. Ф. Полякова, упоминая новгородские аналогии (*Полякова*, 1996. С. 196). Среди украшений, бытовавших на территории Северо-Восточной Руси во 2-й половине XIII – 1-й половине XIV в., такие бубенчики называет Т. Г. Сарачева (*Сарачева*, 2007. С. 84, 85. Рис. 4: 4–7).

Наиболее подробно на морфологии и географии распространения составных из двух тисненых половинок бубенчиков остановилась С. И. Валиулина, которая акцентировала внимание на различиях формы (круглых и боченковидных экземплярах) и датировке (боченковидные более поздние: XV–XVI вв.), а главное, на широкой географии распространения таких украшений – от атлантического побережья до Западной Сибири, приводя, правда, преимущественно примеры их находок в странах средиземноморской зоны и альпийского региона (*Валиулина*, 2020. С. 209–210). Эту картину можно дополнить данными Стефана Крабата, который указал несколько десятков пунктов находок бубенчиков в Северной Европе (*Krabath*, 2001. S. 225).

Таким образом, небольшое количество украшений западноевропейского происхождения, известных сейчас в землях Залесской Руси, скорее всего, может рассматриваться как маркер дальних контактов с Западной Европой и, вероятно, является свидетельством заимствований (культурных импульсов – по Л. А. Беляеву), влиявших на формирование облика материальной культуры региона в позднем Средневековье.

Литература

- Бельский С. В.*, 2015. Замкнутые фибулы в карельских могильниках: вопросы хронологии // Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований. СПб.: Музей антропологии и этнографии РАН. С. 268–277. (Замятнинский сборник; вып. 4).
- Беляев Л. А.*, 2021. Московские типы: к истокам традиций // Русь в XIII–XV веках. Новые открытия в области археологии и истории. М.: Индрик. С. 166–177.
- Захаров С. Д.*, 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик. 592 с.
- Макаров Н. А.*, 2023а. 20 лет археологических исследований в Суздальском Ополье // Археология Суздальской земли. Т. 1. М.; Вологда: Древности Севера. С. 11–26.
- Макаров Н. А.*, 2023б. «Усадьбы знати» на поселениях XII–XV вв. // Археология Суздальской земли. Т. 2. М.; Вологда: Древности Севера. С. 305–327.
- Макаров Н. А., Шполянский С. В., Федорина А. Н., Узулава Н. Д.*, 2019. К изучению ближайшей округи средневекового Суздаля: исследования в верхнем течении р. Каменки в 2018–2019 гг. // ABCЗ. Вып. 9. М.: ИА РАН. С. 7–29.
- Милованов С. И.*, 2016. История сложения оборонительного комплекса центральной части города Владимира (к вопросу о топографии оборонительных укреплений) // ABCЗ. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 136–149.
- Павлихин А. В., Аксенов Н. С.*, 2019. Сабля XV в. из окрестностей с. Игумново Серпуховского района Московской области // Военная археология: сб. материалов науч. семинара. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 253–267.
- Полякова Г. Ф.*, 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань. С. 154–257.
- Родина М. Е.*, 2004. Международные связи Северо-Восточной Руси в X–XIV в. (по материалам Ростова, Суздаля, Владимира и их округи): Историко-археологические очерки. Владимир. 208 с.
- Сарачева Т. Г.*, 2007. Ювелирные изделия второй половины XIII – XVI вв. с территории Северо-Восточной Руси // КСИА. Вып. 221. С. 73–88.
- Седова М. В.* 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода. М. 193 с.
- Седова М. В.*, 1997. Суздаль в X–XV веках. М.: Рус. мир. 320 с.
- Седова М. В., Бельская Д. А.*, 1981. Окольный город Суздаля // Древнерусские города. М.: Наука. С. 95–115.
- Сережникова Д. С.*, 2013. Западноевропейские фибулы из раскопок Великого Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 27. Великий Новгород. С. 175–177.
- Сережникова Д. С.*, 2018. Западноевропейские перстни из раскопок Великого Новгорода // «Нескончаемое лето»: сб. ст. в честь Елены Александровны Рыбиной. М.; Великий Новгород. С. 216–219.
- Сережникова Д. С.*, 2022. Западноевропейские предметы второй пол. XII – XV в. из раскопок Новгорода Великого: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 23 с.
- Стеланова Ю. В.*, 2020. Перстни из сельских погребальных памятников Тверского Верхневолжья XI–XIII вв. // «На одно крыло – серебряная, На другое – золотая...»: сб. ст. памяти Светланы Рябцевой. Кишинев. С. 191–200.
- Egan G., Pritchard F.*, 1991. Dress accessories c. 1150 – c. 1450. London: Museum of London: Her Majesty's Stationery Office. 410 p.
- Egan G., Pritchard F.*, 2002. Dress accessories c. 1150 – c. 1450. London: Boydell Press. 410 p.
- Griffiths D., Philpott R. A., Egan G.*, 2007. Meols. The Archaeology of the North Wirral Coast. Discoveries and observations in the 19th and 20th centuries, with a catalogue of collections. Oxford: Oxford University School of Archaeology. 498 p.

- Heege A., Baeriswyl A.*, 2019. Gassengeschichten: Ausgrabungen und Funde in der Markt-, Kram- und Gerechtigkeitsgasse von Bern. Bern: Archäologischer Dienst des Kantons Bern. 286 p.
- Krabath S.*, 2001. Die hoch- und spätmittelalterlichen Buntmetallfunde nördlich der Alpen: Eine archäologisch-kunsthistorische Untersuchung zu ihrer Herstellungstechnik, funktionalen und zeitlichen Bestimmung. Rahden: Leidorf. 672 S.
- Sawicki J.*, 2018. Akcesoria stroju // Rytm rozwoju miasta na kulturowym pograniczu: Studium strefy placu Nowy Targ we Wrocławiu. Wrocław: Instytut Archeologii Uniwersytetu Wrocławskiego. P. 905–974. (Wratislavia Antiqua: Studia z dziejów Wrocławia; 23).
- Skare M.*, 2023. Kulturminnelovens terskel: Klassifisering av kontekstløse ringformede spenner fra middelalder og nyere tid // VIKING: Norsk Arkeologisk Årbok. Vol. LXXXVII. P. 9–28.
- Šlancarová V.*, 2018. Středověký šperk. Archeologické nálezy z jižní Moravy: katalog nálezů. Brno. 734 p.
- Søvsø M. H.*, 2009. Middelalderlige ringspænder. Typologi, datering og brug // KUML: Årborg for Jysk Arkæologisk Selskab. Aarhus. P. 183–210.
- Valk H.*, 1999. A subgroup of the «Hanseatic brooches» in Estonia // The Medieval town in the Baltic: Hanseatic history and Archaeology. Tartu. P. 85–100.
- Wachowski K.*, 2018. Pierścionki // Rytm rozwoju miasta na kulturowym pograniczu: Studium strefy placu Nowy Targ we Wrocławiu. Wrocław: Instytut Archeologii Uniwersytetu Wrocławskiego. P. 975–980. (Wratislavia Antiqua: Studia z dziejów Wrocławia; 23).

Архивные материалы

- Макаров Н. А.*, 2013. Отчет о результатах разведочных работ Суздальской археологической экспедиции ИА РАН на территории Суздальского и Юрьев-Польского районов Владимирской области и Гаврило-Посадского района Ивановской области в 2012 г. Т. 2. Альбом иллюстраций // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 34948.
- Макаров Н. А.*, 2018. Отчет о результатах разведочных работ Суздальской археологической экспедиции ИА РАН на территории Суздальского и Юрьев-Польского районов Владимирской области, Гаврилово-Посадского районов Ивановской области, Переславского района Ярославской области в 2017 г. // Архив РАН. Ф-1. Р-1. № 56156.
- Русаков П. Е.*, 2022. Отчет об археологических раскопках ОАН «Катышево-1, селище» в Муромском районе Владимирской области в 2021 г. Т. 32. Иллюстративная часть // Архив ИА РАН.
- Седова М. В.* 1975. Отчет о раскопках в Суздале в 1974 г. М. Архив ИА РАН № 5414, 5414а.
- Седова М. В.*, 1983. Отчет о работе Владимиро-Суздальской экспедиции за 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 9084.

Сведения об авторах

- Шполянский Сергей Владимирович*, ФГБУК «Государственный исторический музей»;
e-mail: shpol@yandex.ru
- Бутковская Мария Дмитриевна*, ФГБУК «Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник»;
e-mail: butkovskaya@vladmuseum.ru
- Градникова Дарья Александровна*, ФГБУК «Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник»;
e-mail: darya@vladmuseum.ru

S. V. Shpolyanskiy, M. D. Butkovskaya, D. A. Gorodnikova

**DECORATIONS OF WESTERN EUROPEAN ORIGIN
OF THE 13th – THE FIRST HALF OF THE 15th CENTURIES
IN VLADIMIR, SUZDAL AND THE VILLAGES OF OPOLYE**

Summary. The task of the presented work is to attribute the decorations of Western European origin identified to date in the funds of the State Vladimir-Suzdal Museum, and obtained as a result of the study of rural settlements of the Suzdal district, their general characteristics and dating. The focus is on two categories of finds: closed plate fibulas, and rings with an insert on a rectangular shield. Taking into account the small number of ornaments, they can most likely be considered as markers of distant contacts with Western Europe, but also the evidence of broader processes that influenced formation of material culture of the region in the late Middle Ages.

Keywords: decorations, Western Europe, Suzdal, cultural impulse.

О. А. Несмиян, В. Г. Несмиян, В. П. Гусева

СТАРОЕ КЛАДБИЩЕ ЦЕРКВИ ВОЗДВИЖЕНИЯ ЧЕСТНОГО КРЕСТА В ШУЕ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Резюме. Статья посвящена результатам исследований, проведенным на территории Крестовоздвиженского комплекса города Шуи, в результате которых был обнаружен городской некрополь. В ходе археологических работ было исследовано 16 погребений, выполненных по христианскому обряду. Шесть погребений с нательными крестами. Некрополь на территории церкви существовал непрерывно достаточно долго с XVI по XVIII в. Был проведен комплексный анализ палеоантропологических материалов, происходящих с территории кладбища Крестовоздвиженской церкви г. Шуи.

Ключевые слова: городской некрополь, нательный крест, захоронения.

Первое официальное упоминание города Шуи в Никоновской летописи относится к 1539 г., когда город сжег казанский хан Сафа-Гирей. Шуйская крепость имеет форму неправильного четырехугольника и занимает северо-восточную часть города (рис. 2).

Археологические исследования Шуйской крепости начаты в 2009 г. и продолжались с перерывами до 2019 г. В результате исследований в границах объектов культурного наследия «Земляные валы Кремля» и «Водяной ров Кремля» на территории Шуйской крепости был обнаружен культурный слой XIV–XVIII вв. Из шуйских писцовых книг 1623 и 1629 гг. видно, что от восточных Никольских ворот крепости шла торговая площадь, восточный конец которой занимали парные деревянные церкви Воздвижения Честного Креста и храм Бориса и Глеба. Вероятно, именно этот храм дал название посаду – «Борисоглебская слобода». На церковных землях находились дворы притча и церковных бобылей. В 1623 г. дворов было 16, в 1629 г. – 4 двора притча (Мазур, 2006. С. 90). В конце XVII в. у этих церквей возник маленький монастырь, инокини которого в конце правления Петра I были переведены в Спасский монастырь.

На протяжении XVII в. на церковном месте располагались деревянные Крестовоздвиженская и Борисоглебская церкви. Эти храмы в разное время упоми-

наются и отдельными, и объединенными в одном здании. В писцовой книге 1685 г. сообщается о существовании старого кладбища около строящейся каменной Церкви Воздвижения Честнаго Креста. К началу XX в. Крестовоздвиженский комплекс состоял из Георгиевской и Крестовоздвиженской церквей, колокольни шатрового типа с часами и часовни. До нашего времени комплекс дошел с большими потерями (разрушена колокольня) и перестройками (на территории существовала фабрика пластмасс).

В 2019 г. Крестовоздвиженский комплекс был передан в собственность Шуйской епархии. На территории комплекса были разобраны постройки советского времени (фабрики пластмасс) и ведутся работы по восстановлению кровли и церковных глав. В 2022 г. на территории комплекса проводились разведочные работы. Работы включали закладку 6 шурфов общей площадью 12 кв. м. По итогам исследований зафиксирован культурный слой XVI–XVIII вв., частично перекрытый слоем со следами строительных работ начала XIX в. Следы застройки этого времени фиксируются по границе северной части участка; в южной и центральной частях территории церковного комплекса зафиксированы следы старого кладбища (XVI–XVIII вв.), выходящего за границы каменной ограды XIX в. Юго-западный угол кладбища был разрушен постройкой бомбоубежища (рис. 1). Керамический комплекс, собранный на участке исследования, позволяет датировать культурный слой более широко – XIV–XIX вв., что позволяет надеяться на обнаружение ямных комплексов этого времени при дальнейших исследованиях.

Полевые работы 2023 г. на территории Крестовоздвиженского комплекса включали закладку раскопа 1 общей площадью 64 кв. м и доведение исследований до материка в шурфе 5 2022 г. общей площадью 8 кв. м у алтарной части южного придела Георгиевского храма (рис. 1).

В раскопе 1 слой балласта составил 100–120 см, на уровне пласта 2 (160 см от дневной поверхности) исследовано 4 погребения и скопление разрозненных костей из разрушенных погребений. Погребения сохранились частично (до крестца), так как с восточной стороны были срезаны траншеей для валунного фундамента колокольни 1823 г. постройки; с западной стороны фундамента колокольни, в свою очередь, был нарушен строительством бомбоубежища. Погребения ориентированы с запада на восток, три из них – с нательными крестами.

Погребение 1. Мужчина, старше 50 лет. Череп повернут на север, правая рука лежит на поясе (отсутствует плечевая кость), у левой руки отсутствует локтевая кость. При выборке в ребрах обнаружен нательный четырехконечный крест с удлиненной нижней лопастью размерами 45 × 26 мм, в центре – рельефное изображение Голгофского креста (сохранность плохая), датируется XVII в. (рис. 3). Близкие аналоги – находки у Цареконстантиновской и Скорбященской церквей (Нагрудные кресты..., 2014. С. 34) (рис. 3: 1).

Погребение 2. Женщина, 30–39 лет. Зафиксировано с уровня пласта 2 (нивелировочные отм.: -16, -20) в пятне бурой супеси, размер погребения – 80 × 40 см. Захоронение ориентировано по линии запад – восток, сохранность скелета – по уровень крестца. При выборке в районе груди найден крест четырехконечный с удлиненной нижней лопастью размерами 60 × 34 мм. В центре – рельефное изображение Голгофского креста, на концах креста – квадратные клейма. От средокрестия отхо-

Старое кладбище церкви Воздвижения Честного Креста в Шуе
по данным археологии и антропологии

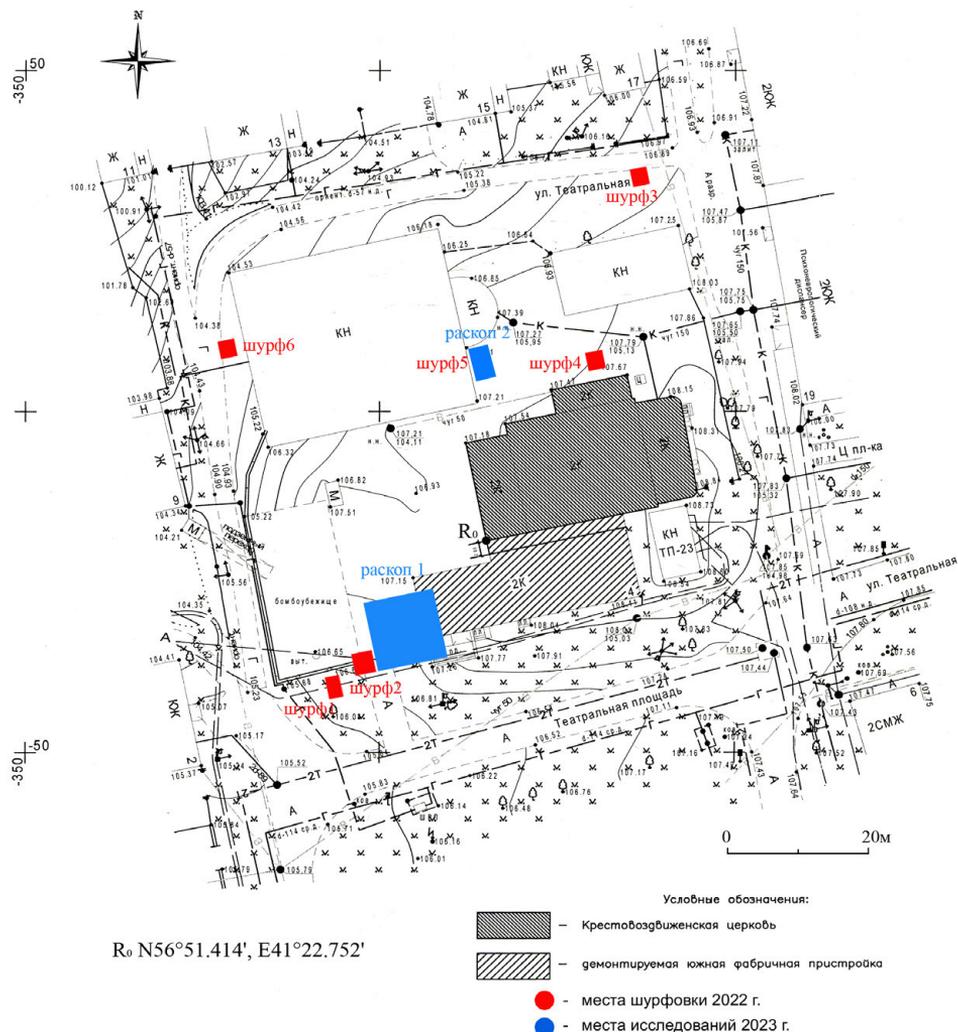
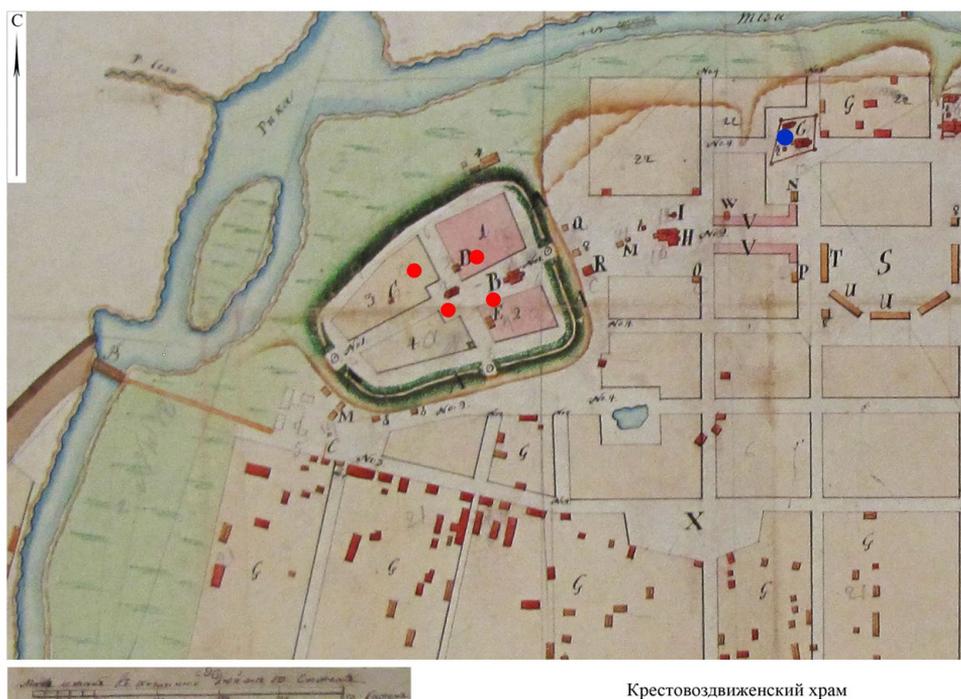

Рис. 1. Топографический план Крестовоздвиженского комплекса г. Шуя с обозначением мест исследований

дят лучи в виде завитков с шариками. Близкие по форме кресты были найдены в горизонтах денежного двора 1655–1663 гг. при раскопках Романова двора (Кренке, 2009. С. 112). В районе шеи найдены 2 граненые бусины голубого стекла размерами $10 \times$ мм с проволочкой в отверстии, предположительно серьги (рис. 3: 7–9). Аналогичная бусина была найдена в раскопе 2022 г. в Суздале на ул. Шаховской в слое XVII–XVIII вв. (Буланова, 2022).

Погребение 3. Не определено. Зафиксировано с уровня пласта 2 (нивелировочные отм.: -20, -25, -30) в пятне бурой супеси, размер погребения – 70×40 см.

Крестовоздвиженский храм

- - места исследования 2019 г.
- - место исследований 2022 г.

Рис. 2. Фрагмент плана генерального межевания г. Шуя Владимирской губернии 1771 г. с указанием мест исследований

Захоронение ориентировано по линии запад – восток, сохранность скелета – по поясу. При выборке в районе груди найден крест четырехконечный с расширениями на концах дерева и килевидным завершением нижней оконечности. В центре – восьмиконечный Голгофский крест с копьем и тростью и венком в средокрестии. Нижний конец дерева креста переводит в плетенку. На верхней оконечности в квадратном медальоне – монограмма ЦРЬС (Царь Славы). В нижней оконечности – монограмма НК (Ника = Победитель). На боковых оконечностях в прямоугольных медальонах – монограммы (не читаются). Оглавие имеет вид плоского ушка (рис. 3: 4). Близкие аналоги найдены при раскопках в Твери, Старице и датируются XV–XVI вв. (Гнутова, Зотова, 2000. Рис. 2в).

Шурф 5 размерами 1 × 3 м у алтарной части южного придела Георгиевского храма в 2022 г. не был доведен до материка, на уровне пласта 3 в шурфе были зафиксированы погребения. Шурф расширен до размеров 2 × 4 м.

В фундаменте южной пристройки Георгиевского храма 1823 г. постройки лежит белокаменное надгробие, которое представляет собой белокаменный саркофаг барочного типа с округлыми и выпуклыми гранями, которые ближе к крышке получают обратную кривизну. Верхняя часть имитирует крышку гроба, длинная сторона,

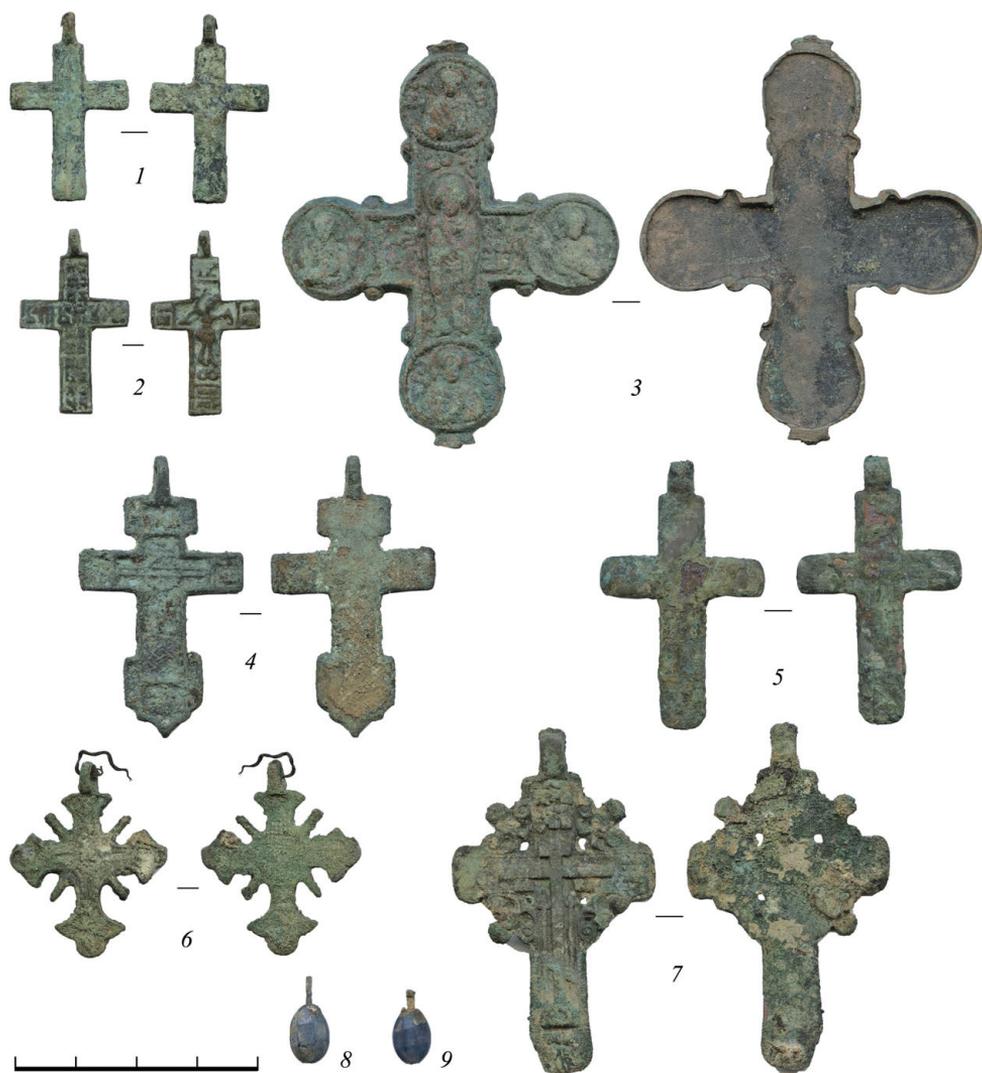

Рис. 3. Индивидуальные находки из раскопок 2023 г. на территории Крестовоздвиженского комплекса г. Шуя. 1–7 – цветной металл; 8, 9 – стекло

обращенная к востоку, покрыта рельефным изображением, грани украшены рельефом из листьев аканфа. По центру боковой стороны располагается декорированная листовым орнаментом рамка с текстом, выполненным в технике обронной резьбы или в трехгранно-выемчатом стиле: «Александра Николаевна Кропотова, дочь статского советника Николая Михайловича Хрущева, вдовствующая супруга майора Николая Алексеевича Кропотова». Хрущевы были владельцами слобод Взорново, Слободки и Лихушино и прихожанами Крестовоздвиженской церкви (ГАИО. Ф. 560.

Оп. 2. Д. 441). Бытование таких надгробий приходится на середину – 2-ю половину XVIII в. История использования надгробий в качестве фундаментных блоков не нова. В 2007 г. надгробие барочного типа было обнаружено в основании соборной колокольни Зачатьевского монастыря в Москве (*Лазукин*, 2020. С. 146).

В шурфе общей площадью 8 кв. м было исследовано 12 погребений различной степени сохранности, из которых 7 – это детские погребения, в том числе 5 – дети до 3 лет. Три погребения – с крестами.

Погребение 4 (ребенок, 1–1,5 года) зафиксировано в пятне мешаной бурой супеси с включением светлой супеси, размер погребения – 90 × 30 см. Захоронение ориентировано по линии запад – восток. В погребении присутствуют кости другого индивида: крестец, грудной позвонок, фрагмент диафиза трубчатой кости. При выборке обнаружен нательный четырехконечный крест с удлинённой нижней лопастью размерами 34 × 22 мм, в центре – рельефное изображение Голгофского креста, на концах креста – квадратные клейма, датируется XVII в. (рис. 3: 5).

Погребение 8 в кв. 1, 3 (ребенок, 1–2 года) зафиксировано с нивелировочной отм. +20, +15 в пятне бурой супеси, размер погребения – 40 × 20 см. Скелет представлен не в анатомическом порядке: череп лежит в районе тазовых костей. Сохранность костной ткани средняя. Захоронение ориентировано по линии запад – восток с отклонением к северу. Погребение 8 лежит на материке. При выборке погребения в ногах найден двусторонний крест-тельник размерами 27 × 18 мм. В средокрестии – св. Никита, побивающий беса, на оборотной стороне – охранная молитва к святому или животворящему кресту («Кресту Твоему поклоняемся...») (рис. 3: 2). С точки зрения типологии иконографического изображения святого Никиты, разработанной В. В. Хухаревым, крест относится ко второму типу, который характеризуется условным изображением беса и датируется XVI в. (*Хухарев*, 2015. С. 464). Среди наиболее известных аналогов можно отметить материалы из раскопок средневековых кладбищ в Старице, некрополей Моисеевского и Новодевичьего монастырей в Москве, Мироносцецкого кладбища в Твери, а также находки в Калуге и ее окрестностях (Там же).

Погребение 9 в кв. 4. представлено также не в анатомическом порядке. В погребении кости двух индивидов: взрослый и ребенок. При выборке найден крест-тельник с кринообразными концами с лучами от средокрестия размером 34 × 26 мм, концы креста декорированы орнаментом, тип X по Э. П. Винокуровой (*Винокурова*, 1999. С. 349), датируется XVII в. (рис. 3: 6).

На уровне пласта 5 в юго-западном углу шурфа зафиксирована кирпичная конструкция в форме ящика прямоугольной формы шириной 65 см, уходящая в западную стенку раскопа. Высота кирпичной кладки – 16–20 см (в два кирпича по южной стенке) и 55 см (в 5 кирпичей по северной стенке). На отм. -33 зафиксирована кирпичная вымостка дна склепа, лежащая на материке. Заполнение – серо-коричневая супесь с кирпичным боем и отдельными костями. Материк зафиксирован на отм. -40. При выборке обнаружена створка креста-энколпиона. Крест круглоконечный со «слезками», размеры – 56 × 80 мм. На лицевой стороне – изображение Богоматери Ассунта, святые в клеймах на лопастях креста и зеркальная надпись «Святая Богородица, помогай». Энколпион относится к крестам киевского типа домонгольского периода, тип П.3.2 (*Корзухина, Пескова*, 2003. С. 60–83. Табл. 44.3.2/3) (рис. 3: 3). Киевские

кресты-энколпионы с «зеркальными» славянскими надписями, датируемые 1-й половиной XIII в., являются наиболее известными, имеют чрезвычайно широкую территорию распространения в пределах не только Руси, но и Европы. Однако качественные экземпляры с четкими рельефными изображениями и надписями не столь многочисленны. Известны аналогичные кресты с территории золотоордынского поселения у с. Березовка и в Болгаре, которые датируются 2-й половиной XIII – XIV в. (Бадеев, 2022. С. 152).

Общая серия палеоантропологических материалов с учетом переотложенных костей за весь временной период работ на участке составляет минимум 115 индивидов. В регулярных погребениях было выявлено 13 взрослых индивидов (3 женщины, 5 мужчин, 5 индивидов неопределенного пола), 9 детей, 2 подростка. Минимальное количество индивидов из перемешанных и разрушенных погребений – 76 взрослых и 15 неполовозрелых индивидов.

Переотложенная часть, составляющая массив данной выборки, позволяет несколько усомниться в имеющейся палеодемографической характеристике. Тем не менее рассмотрим некоторые особенности, полученные при анализе материала. Для расчета основных палеодемографических характеристик использована компьютерная программа Д. В. Богатенкова – ACHERON (Алексеев, 1966). Стоит отметить, что в выборку вошли индивиды старше 60 и 70 лет, которые были объединены в одну возрастную когорту 50+.

Четко зафиксированы два пика смертности, представленные на рис. 4: в раннем детстве (0–5 лет – 24,5 %) и в финальной возрастной когорте (50+ – 22,7 %). Процент смертности детей, умерших до года, составляет 41 % от всех детей в возрасте 0–5 лет. Средний возраст смерти взрослых индивидов составляет 42,9 года, что является достаточно высоким и характеризует благополучность жизни населения. При этом продолжительность жизни мужчин, вошедших в выборку, оказалась выше на 4 года.

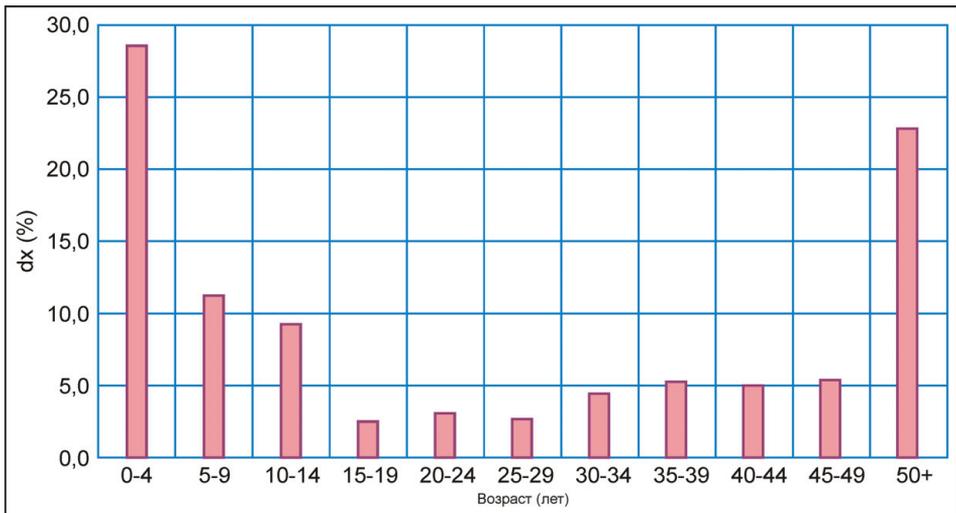

Рис. 4. Диаграмма распределения смертности по возрастным когортам группы с территории Крестовоздвиженской церкви г. Шуя

Процентное соотношение полов паритетное – 51,2 % мужчин и 48,8 % женщин. Как правило, для исследуемых региона и периода характерно численное преобладание мужчин (*Боруцкая и др.*, 2022).

Отмечены патологии зубочелюстной системы, которые связаны с особенностями питания и возрастными изменениями. Выявлены случаи кариеса (23 % у мужчин и 28 % у женщин), зачастую осложненного абсцессами, а также множественные утраты зубов (одонтогенный остеомиелит встречается у индивидов старшей возрастной когорты). На челюстях вместе с кариозными полостями выявлены периапикальные отверстия или периапикальные «пустоты», свидетельствующие об инфекции. Обширные абсцессы и кисты развивались из периапикальной гранулемы вследствие скопления гноя (*Hillson*, 1996). Вышеперечисленные зубные патологии приводили к утрате зубов; у индивидов финальной возрастной когорты часто встречается атрофия челюстей.

Эмалевая гипоплазия чаще встречается у мужчин, чем у женщин. На зубах детей отсутствует данный признак – возможно, это связано с малым количеством челюстей, зафиксированных в переотложенном состоянии. *Cribra orbitalia* (пористость на внутренней части глазниц) встречена у 7 индивидов. Остальные признаки наличия физиологического стресса отсутствуют, зафиксирован единичный случай сильного изгиба диафиза бедренной кости, являющийся показателем дефицита витамина D – рахита. Для группы в целом характерен низкий уровень стрессов, связанных с физическими нагрузками, узлы Шморля зафиксированы только на четырех грудных позвонках из всей выборки. У мужчин выявлены энтезопатии на месте прикрепления реберно-ключичной связки и выраженный рельеф на шероховатой линии бедра. Остеофитоз выявлен на позвонках индивидов, принадлежавших к финальной возрастной когорте. Только у одной женщины зафиксированы следы мышечного рельефа на правой руке, в связи с этим выявлены сильные разрастания на дистальном эпифизе лучевой кости (нагрузка на запястье).

Эпигенетические признаки

Частота встречаемости эпигенетических маркеров предполагает присутствие родственных групп. Шовные кости зафиксированы у двух индивидов в лямбдовидном шве, три случая перфорации на дистальном эпифизе плечевой кости и метопический шов у одного индивида. К дискретно-варьирующим признакам стоит отнести остеомы на черепе. Доброкачественное локализованное новообразование выявлено в лобной части только у одного индивида. Остеома имеет хорошо очерченную форму «пуговицы». В данной группе отмечено малое количество таких признаков, что говорит об отсутствии инбридинга в данной группе.

Травмы

Хорошая сохранность костной ткани позволяет выявить травматические повреждения в группе. Зафиксировано два заживших перелома: перелом ключицы и перелом диафиза бедренной кости. У одной женщины из массового материала выбиты (?) передние зубы (данное повреждение могло возникнуть и в ходе бытового конфликта).

Выявлены повреждения альвеол резцов.

К травмам, полученным в ходе боевых действий, можно отнести ранение в правую часть лобной кости (рис. 5). Характер повреждения и его параметры указывают, что удар мог быть нанесен острым предметом. Вероятно, это последствия удара топором (?). Траектория удара доказывает, что не только была рассечена лобная часть и надбровье, но и было утрачено правое глазное яблоко. Стоит отметить, что, несмотря на тяжесть ранения, индивид после него прожил несколько лет.

Вторым случаем боевой травмы является рубленая рана без следов заживления (рис. 5) в области правой теменной кости (ближе к затылку). Такой удар мог быть нанесен шашкой, саблей или палахом.

По сравнению с другими могильниками, в исследуемой группе самый высокий процент детской смертности. Данный показатель вполне характерен для исследуемого временного периода, хотя в раннем детстве по письменным источникам более позднего хронологического этапа фиксируется детская смертность 45–50 %.

Рис. 5. 1 – череп индивида (общий вид); 2 – область ранения в увеличенном масштабе; 3 – рентгенологическое исследование кости

Рис. 6. Травматические повреждения костей. 1 – перелом бедренной кости; 2 – рублевая рана черепа; 3 – перелом ключицы

Таким образом, в раскопе 1 удалось исследовать один из нижних пластов старого кладбища, датирующегося по находкам XVI–XVIII вв. В ходе исследований был получен материал по ранее не известному городскому некрополю Шуи XVI–XVII вв. Часть кладбища была разрушена при строительстве Крестовоздвиженского храма в конце XVII в. и потом позднее при строительстве южного придела Георгиевской церкви и колокольни в 1823 г.

Литература

- Алексеев В. П., 1966. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука. 251 с.
- Бадеев Д. Ю., 2021. История исследований центрального городского базара и торговоремесленного района средневекового Болгара // Мир Средневековья. Познавая прошлое: к 70-летию отдела средневековой археологии. М.: ИА РАН. С. 204–216.
- Боруцкая С. Б., Васильев С. В., Новиков А. В., 2022. Палеодемографический анализ некрополя в селе Исупово Костромской области // Российский журнал физической антропологии. № 3. С. 24–37.
- Буланова Н. Н. Отчет о результатах исследования в г. Суздаль, ул. Шаховская, 22 // Архив ШАЭ.
- Винокурова Э. П., 1999. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы. XVII век. М.: Наука. С. 326–360.
- Гнутова С. В., Зотова Е. Я., 2000. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI – начала XX в.: из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева: альбом. М.: Интербук-бизнес. 126 с.

- Кренке Н. А.*, 2009. Нателные и наперстные кресты // Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX вв. / Авт.-сост. Н. А. Кренке. М.: ИА РАН. С. 110–113. (Материалы охраняемых археологических исследований; т. 12).
- Корзухина Г. Ф., Пескова А. А.*, 2003. Древнерусские энколпионы. СПб.: Петербургское Востоковедение. 427 с. (Тр. ИИМК РАН; т. VII).
- Лазукин А. В.*, 2020. Белокаменные надгробия XVIII в. Зачатьевского монастыря // Жизнь и смерть в Российской империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVIII–XIX вв. / Отв. ред.: Л. А. Беляев, В. Н. Захаров. М.: Индрик. С. 144–151.
- Мазур Л. Д.*, 2006. Церковь и ее владения в Шуе в XVII веке // АН. Вып. 46 / Отв. ред. И. А. Бондаренко. М.: Комкнига. С. 87–95.
- Нагрудные кресты позднего Средневековья и Нового времени из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея заповедника: каталог. Владимир, 2014. 84 с.
- Хухарев В. В.*, 2015. Кресты и иконки с сюжетом из жития «Никитино мучение» // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 455–466.
- Hillson S.*, 1996. Dental anthropology. Cambridge: Cambridge University Press. 373 p.

Архивные материалы

ГАИО. Ф. 560. Оп. 2. Д. 441.

Сведения об авторах

Несмиян Ольга Альбертовна, НП «Шуйская археологическая экспедиция»;
e-mail: nesmiyn@yandex.ru;

Несмиян Владимир Геннадьевич, НП «Шуйская археологическая экспедиция»;
e-mail: nesmiyn@yandex.ru;

Гусева Виолетта Павловна, лаборатория контекстуальной антропологии ИА РАН;
e-mail: gusewa.violetta2018@yandex.ru

O. A. Nesmiyan, V. G. Nesmiyan, V. P. Guseva

ANCIENT CHURCHYARD OF THE CHURCH OF EXALTATION OF THE HOLY CROSS IN SHUYA ACCORDING TO ARCHEOLOGY AND ANTHROPOLOGY

Summary. The paper discusses research carried out on the territory of Exaltation of the Holy Cross complex in Shuya, which led to discovery of urban necropolis. During the archaeological excavations, 16 burials performed according to Christian funeral rites were examined. Six burials had pectoral crosses. The necropolis existed on the territory of the church continuously for a long time from the 16th to the 18th centuries. Paleoanthropological materials obtained from the churchyard territory of the Holy Cross Church in Shuya were analyzed.

Keywords: urban necropolis, pectoral cross, burials.

А. Д. Буряк

НАСЕЛЕНИЕ АРЗАМАСА ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ИЗ РАСКОПОК У ЦЕРКВИ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ КАЗАНСКАЯ И ЦЕРКВИ ИОАННА БОГОСЛОВА (XVII–XVIII вв.)

Резюме. В статье публикуются результаты исследования антропологических материалов из городских кладбищ Арзамаса, датированные XVII–XVIII вв. Исследованы две выборки численностью 126 и 65 индивидов, основное внимание уделено определению ключевых демографических и палеопатологических характеристик. Распределение показателей смертности в обеих группах характерно для эпох позднего Средневековья и Нового времени, уровень травматизма средний, выявленные травмы носят бытовой характер. К особенностям изученной группы населения можно отнести высокий уровень распространенности патологий зубной системы. Необходимо также обратить внимание на неодинаковость распределения городской популяции между двумя исследованными некрополями: в выборке из захоронений у церкви Иконы Божией Матери Казанской (ул. Советская, д. 1а, 1б) фиксируется высокий уровень детской смертности, более высокая встречаемость травм и периоститов черепа и посткраниального скелета. В то же время в выборке из захоронений у церкви Иоанна Богослова (ул. Нагорная, д. 1а) наблюдается смещение максимума распределения смертности среди мужчин в сторону более старших возрастов.

Ключевые слова: палеодемография, палеопатологии, городское население, Северо-Восточная Русь, Московское государство.

В настоящее время палеоантропологические исследования играют важную роль в понимании истории и эволюции городских поселений. Для территории средней полосы России в широком временном диапазоне позднего Средневековья и Нового времени (XIV–XVIII вв.) к настоящему моменту накоплен весьма обширный массив антропологических данных, который продолжает пополняться благодаря археологическим исследованиям в исторических центрах городов. В то же время интерпретация данных зачастую остается непростой задачей. Трудности вызваны, в числе прочего, неоднородностью городской среды – из-за чего материалы, происходящие из разных точек одного города, могут показывать различные результаты. Тем не менее их ис-

следование обладает огромным потенциалом для выявления социальной специфики и более тонких закономерностей внутри общественных групп. Данная статья посвящена палеодемографическому и палеопатологическому исследованию двух групп городского населения Арзамаса XVII–XVIII вв.

Арзамасский край с XVI в. был стратегическим рубежом России, стоящим на засечной черте, которая здесь проходила по левому берегу р. Тешы. В 1618 г., после окончания Смутного времени, воевода Иван Измайлов восстановил и укрепил Арзамас, превратив его в важный уездный центр с крепостью и гарнизоном. В 1670–1671 гг. город был задействован как опорный пункт при подавлении восстания Степана Разина. К началу XVIII в. Арзамас стал значимым городом Нижегородской губернии с населением более 6,5 тыс. человек, важным транспортным и торговым узлом, производственным центром. Период с середины XVIII до середины XIX в. принято считать «золотым веком» Арзамаса (Очерки истории Арзамаса, 1981; Щегольков, 1911).

Материал для исследования был получен в ходе спасательных археологических работ, проводившихся Волжской археологической экспедицией ИА РАН в 2019 г. под руководством А. С. Пронина. Были вскрыты бывшие приходские кладбища, относившиеся к двум церквям: церкви Иоанна Богослова (современный адрес – ул. Нагорная, д. 1а) и Казанской иконы Божией Матери или Крестовоздвиженской церкви (ул. Советская, д. 1а, 1б). По результатам археологических исследований кладбища предварительно датируются XVII–XVIII вв. Расположение храмов на плане центральной части города указано на рис. 1. Согласно письменным источникам, оба храма были построены не позднее середины XVII в., а по состоянию на 1888 г. число прихожан было зафиксировано как 469 для церкви Иоанна Богослова и 362 для Крестовоздвиженской церкви (*Снежицкий*, 1888. С. 554–555, 558–559). В начале XX в. храмы были утрачены.

Численность исследованных выборок составила 126 индивида для кладбища Церкви Иоанна Богослова и 65 индивидов для кладбища Крестовоздвиженской Церкви, анализ проводился по данным отдельных захоронений. Сохранность материала оценена как хорошая (*Мамонова и др.*, 1989). В настоящей статье представлены предварительные результаты обработки материала, в дальнейшем планируется более подробный анализ данных для каждого из кладбищ с учетом планиграфии и стратиграфии могильников, а также информации о погребальном инвентаре.

Антропологический материал был обработан в соответствии со стандартными методиками антропологического анализа (*Алексеев*, 1966; *Алексеев, Дебец*, 1964; *Standards for data collection*, 1994; *Ubelaker*, 1978). Для демографического анализа была использована расчетная программа ACHERON, разработанная Д. В. Богатенковым на базе Excel (*Алексеева и др.*, 2003). Для оценки степени воздействия стрессовых факторов, влиявших на состояние здоровья и общее благополучие людей, применялся анализ патологических изменений на костях скелета и черепе в соответствии с методикой, предложенной А. П. Бужиловой (*Бужилова*, 1995). Анализировались патологии зубочелюстной системы, уровень травматизма. В качестве маркера воспалительных процессов в организме выступал признак воспаления надкостницы (периостит), фиксировавшийся на костях черепа и скелета. В частности, периостит голени рассма-

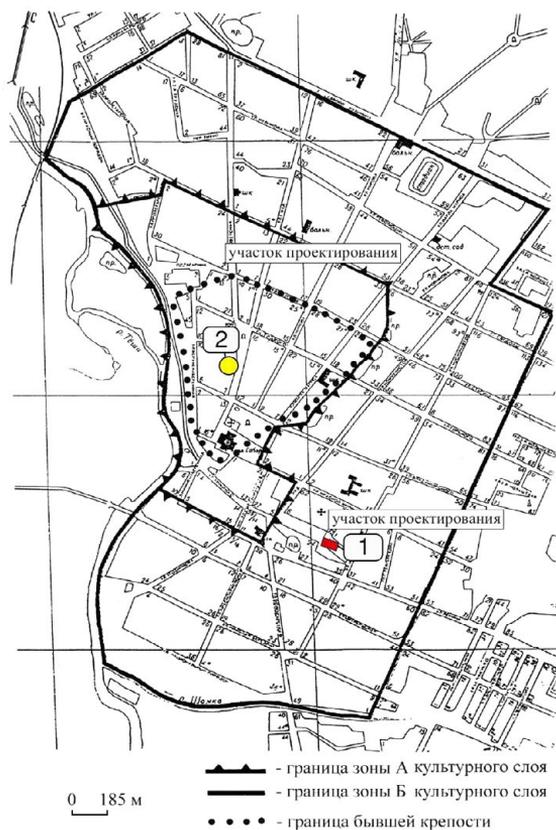

Рис. 1. Расположение участков археологического исследования на плане центральной части современного г. Арзамаса (информация предоставлена А. С. Прониным). 1 – церковь Иоанна Богослова; 2 – церковь Иконы Божией Матери Казанская

тривался как показатель неспецифического ответа иммунной системы на инфекционное заболевание (Ortner, 2003. Р. 206–215). Показатели встречаемости рассчитывались по материалам выборок взрослых индивидов.

Палеодемографическое исследование

Исследованные индивиды были сгруппированы по пятилетним возрастным интервалам с применением метода скользящего среднего (Алексеева и др., 2003). В выборке индивидов из кладбища при церкви Иоанна Богослова 43 были определены как мужчины, 43 – как женщины, 36 – как дети и подростки до 14 лет, пол и возраст 4 взрослых индивидов определить не удалось в связи с недостаточной сохранностью соответствующих погребений. В выборке индивидов из кладбища при Крестовоздвиженской церкви 14 были определены как мужчины, 13 – как женщины, 36 – как дети и подростки, не удалось определить пол и возраст 2 взрослых индиви-

**Население Арзамаса по результатам исследования антропологических материалов
из раскопок у церкви Иконы Божией Матери Казанская
и церкви Иоанна Богослова (XVII–XVIII вв.)**

дов. Взрослые индивиды без определения пола и возраста оказались исключены из анализа.

Основные демографические показатели выборки индивидов из кладбища при церкви Иоанна Богослова представлены в табл. 1.

Таблица 1. Демографическая характеристика выборки населения Арзамаса XVII–XVIII вв. из кладбища при церкви Иоанна Богослова

Основные палеодемографические характеристики	Общая группа индивидов	Мужчины	Женщины	Взрослые инд.
Реальный объем выборки (N)	122	43	43	86
Средний возраст смерти в группе (A)	27,6	40,2	33,9	37,1
Средний возраст смерти без учета детей (AA)	37,1	40,2	33,9	37,1
Процент детской смертности (PCD)	29,5	–	–	–
Процент детей в интервале 0-1 от NCD (PBD)	12,8	–	–	–
Процент индивидов данного пола (PSR)	–	50,0	50,0	–
Процент индивидов старше 50 лет (C50+)	12,7	26,5	9,6	18,0

Группа демонстрирует показатели, приближенные к средним данным по известным палеопопуляциям Средневековья и раннего Нового времени. Средний возраст смерти в группе – 27,6 года, уровень детской смертности умеренно высокий и приближается к 30 %. Соотношение взрослых мужчин и женщин оказалось паритетным, при этом средний возраст смерти среди мужчин выше, чем среди женщин, на 6,3 года.

Процент индивидов, доживших до возраста 50 лет (C50+), составляет 12,7 %. В качестве особенности группы можно выделить значительно большее значение данного показателя среди мужчин, чем среди женщин (26,5/9,6 % – т. е. чуть менее чем в три раза), что сигнализирует о благополучном положении и сравнительной привилегированности мужской подгруппы.

Распределение возрастов смерти внутри группы (табл. 2) выявляет несколько пиков смертности в разных возрастных когортах. Среди детей наибольшая часть смертей приходится на возрастной интервал 0–4 года. Среди взрослого населения в общей выборке смертность относительно постоянна с небольшим увеличением процента в самой старшей возрастной когорте.

Диаграмма распределения смертности среди взрослых индивидов (табл. 2, рис. 2) указывает на различия в характере распределения смертности внутри мужской и женской подгрупп. Для женщин наблюдается характерный максимум смертности в молодом возрасте с пиком в возрастной когорте 20–24 года, что соотносится со стрессами, связанными с деторождением (Алексеев, 1972). Среди мужчин максимум смертности сдвинут на более старшие возраста с пиком в наиболее старшей когорте от 50 лет.

Основные демографические показатели (табл. 3) и характер распределения уровня смертности (табл. 4) индивидов из другой исследованной группы г. Арзамаса, – кладбища при Крестовоздвиженской церкви – демонстрируют иную картину.

Прежде всего группа показывает чрезвычайно высокий уровень детской смертности (57,1 %). По этой причине в группе снижается средний возраст смерти с уче-

том детей (17,3 года). Средний возраст смерти без учета детей в данной группе также оказывается ниже (33,8 года), на показатель оказывает влияние более низкий по сравнению с предыдущей группой процент людей, доживших до 50 лет (6,3 %). Однако, в отличие от выборки из церкви Иоанна Богослова, в данной группе доля пожилых мужчин оказывается ниже доли пожилых женщин (10,7 % и 19,2 % соответственно).

Таблица 2. Возрастная динамика таблиц смертности группы индивидов из кладбища при Церкви Иоанна Богослова г. Арзамаса

Возраст	Общая группа инд.		Мужчины		Женщины	
	Dx	dx	Dx	dx	Dx	dx
0–4	23,0	18,9	–	–	–	–
5 - 9	9,0	7,4	–	–	–	–
10–14	4,0	3,3	–	–	–	–
15–19	3,5	2,9	1,9	4,4	1,6	3,8
20–24	10,5	8,6	1,9	4,4	8,6	20,1
25–29	12,0	9,8	4,9	11,3	7,1	16,6
30–34	12,0	9,8	4,9	11,3	7,1	16,6
35–39	12,5	10,2	6,4	14,8	6,1	14,2
40–44	12,5	10,2	6,4	14,8	6,1	14,2
45–49	7,5	6,1	5,4	12,5	2,1	4,9
50 +	15,5	12,7	11,4	26,5	4,1	9,6
Сумма	122		43		43	

Dx – число индивидов, установленный возраст которых соответствует данному возрастному интервалу; dx – доля индивидов данной возрастной когорты (%) по отношению к общему числу индивидов в группе

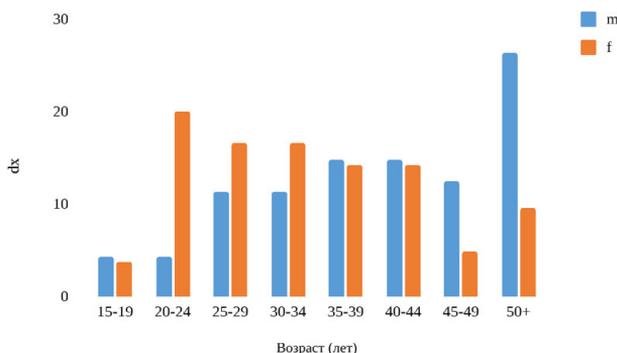

Рис. 2. Распределение возрастов смерти среди взрослой группы индивидов из кладбища при церкви Иоанна Богослова г. Арзамаса. m – мужчины; f – женщины

**Население Арзамаса по результатам исследования антропологических материалов
из раскопок у церкви Иконы Божией Матери Казанская
и церкви Иоанна Богослова (XVII–XVIII вв.)**

Таблица 3. Демографическая характеристика выборки населения Арзамаса XVII–XVIII вв. из кладбища при Крестовоздвиженской церкви

Основные палеодемографические характеристики	Общая группа индивидов	Мужчины	Женщины	Взрослые инд.
Реальный объем выборки (N)	63	14	13	27
Средний возраст смерти в группе (A)	17,3	34,3	33,3	33,8
Средний возраст смерти без учета детей (AA)	33,8	34,3	33,3	33,8
Процент детской смертности (PCD)	57,1	–	–	–
Процент детей в интервале 0–1 от NCD (PBD)	11,7	–	–	–
Процент индивидов данного пола (PSR)	–	51,9	48,1	–
Процент индивидов старше 50 лет (C50+)	6,3	10,7	19,2	14,8

Таблица 4. Возрастная динамика таблиц смертности группы индивидов из кладбища при Крестовоздвиженской церкви г. Арзамаса

Возраст	Общая группа инд.		Мужчины		Женщины	
	<i>Dx</i>	<i>dx</i>	<i>Dx</i>	<i>dx</i>	<i>Dx</i>	<i>dx</i>
0–4	21,0	33,3	–	–	–	–
5–9	12,0	19,0	–	–	–	–
10–14	3,0	4,8	–	–	–	–
15–19	5,0	7,9	2,0	14,3	2,0	14,3
20–24	4,0	6,3	2,0	14,3	2,0	14,3
25–29	2,5	4,0	1,5	10,7	1,5	10,7
30–34	2,5	4,0	1,5	10,7	1,5	10,7
35–39	3,5	5,6	2,0	14,3	2,0	14,3
40–44	3,5	5,6	2,0	14,3	2,0	14,3
45–49	2,0	3,2	1,5	10,7	1,5	10,7
50 +	4,0	6,3	1,5	10,7	1,5	10,7
Сумма	63		14		14	

Диаграмма распределения уровня смертности среди взрослых (рис. 3) отражает более дизруптивный характер распределения в женской подгруппе: наблюдаются два максимума смертности – в молодом возрасте (до 24 лет) и в более старшем (от 35 до 45 лет), также выделяется пик в самой старшей возрастной когорте от 50 лет. Среди мужчин распределение уровня смертности выглядит более равномерным, также стоит отметить, что в группе наблюдается высокий, по сравнению с предыдущей

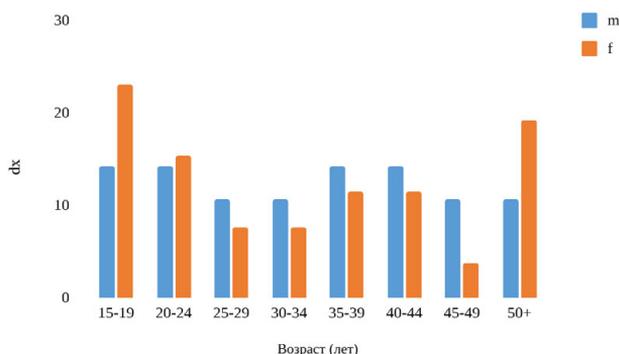

Рис. 3. Распределение возрастов смерти среди взрослой группы индивидов из кладбища при Крестовоздвиженской церкви г. Арзамаса. *m* – мужчины; *f* – женщины

выборкой, процент подростков 15–19 лет обоего пола.

Расхождения в значениях показателей между двумя выборками могут быть отчасти объяснены меньшей численностью захоронений в выборке погребений у Крестовоздвиженской церкви по сравнению с выборкой из церкви Иоанна Богослова. Другой возможный вариант объяснения – специфика захоронений на конкретных кладбищах либо различия в условиях сохранности материала, что требует отдельного исследования. При объединении данных из обеих выборок формируются усредненные показатели, характеризующие городское население Арзамаса как среднеблагополучное для периода XVII–XVIII вв.

Палеопатологическое исследование

Данные по встречаемости травм, а также следов воспалительных реакций на скелете и черепе (периоститов) для обеих выборок представлены в табл. 5.

Из представленных в таблице (табл. 5) данных следует, что исследуемые группы индивидов из кладбищ церкви Иоанна Богослова и Крестовоздвиженской церкви неодинаковы по данным показателям. В выборке индивидов из кладбища Крестовоздвиженской церкви – при условии ее вдвое меньшей численности – зафиксировано такое же количество травм и следов воспалительных процессов, что и в выборке индивидов из кладбища при церкви Иоанна Богослова, в результате чего процент встречаемости признаков внутри группы оказывается существенно выше. В целом уровень распространенности как травм, так и воспалительных проявлений для населения Арзамаса XVII–XVIII вв. можно оценить как средний (*Бужилова*, 1995).

Встреченные травмы в обеих группах свидетельствуют о бытовом характере физических нагрузок: это переломы и вывихи конечностей, травмы позвоночника. В большинстве случаев зафиксированные переломы находились в области грудной клетки – это переломы ребер или грудины (6 случаев). Также встречены случаи переломов ключицы (1 случай) костей предплечья (4 случая) и кисти (1 случай) – такие переломы чаще фиксировались на правой руке. Стоит отметить, что ни в одной из

Население Арзамаса по результатам исследования антропологических материалов из раскопок у церкви Иконы Божией Матери Казанская и церкви Иоанна Богослова (XVII–XVIII вв.)

Таблица 5. Распределение уровня встречаемости травм и воспалительных проявлений в двух исследованных выборках населения г. Арзамаса XVII–XVIII вв.

Выявленные патологии	Мужчины			Женщины			Ср. частота по группе
	п инд.	частота (%)	размер группы	п инд.	частота (%)	размер группы	
<i>Церковь Иоанна Богослова</i>							
Общий уровень травматизма	3	8,1	37	5	14,7	34	11,3 %
переломы	1	2,8	36	5	14,7	34	8,6 %
вывихи	2	5,5	37	0	–	32	2,9 %
компрессионные переломы позвоночника	0	–	36	1	3,1	32	1,4 %
Периоститы на черепе и поскраниальном скелете	4	10,8	37	3	9,4	32	10,1 %
<i>Крестовоздвиженская церковь</i>							
Общий уровень травматизма	4	30,8	13	3	21,4	14	25,9 %
переломы	3	23,1	13	2	14,3	14	18,5 %
вывихи	1	8	13	0	–	14	3,7 %
компрессионные переломы позвоночника	0	–	13	1	7,1	14	3,7 %
Периоститы на черепе и поскраниальном скелете	4	28,5	14	4	28,5	14	28,6 %

групп не зафиксированы случаи переломов костей нижних конечностей, что несколько необычно, т. к. эти кости по большей части хорошо сохраняются в погребениях, и обнаружить подобный перелом сравнительно легко. Также отсутствуют черепные травмы.

Два вывиха плечевого сустава обнаружены у мужчин на правой и левой руке: при отсутствии должного лечения плечевая кость оказалась смещена, и в месте ее сочленения с лопаткой образовалась новая, «ложная» суставная поверхность (рис. 4). Подобная травма должна была причинять человеку постоянную боль и весьма серьезно ограничивать функциональность руки. Также обнаружен один случай вывиха голеностопного сустава (рис. 5).

Компрессионные переломы позвоночника обычно фиксируются на одном или нескольких позвонках грудного либо поясничного отдела (рис. 6). Подобный перелом может быть вызван однократной травмой – например, падение с высоты, неудачный прыжок, – а также стать следствием постоянных ненормированных нагрузок на позвоночник на фоне развивающегося остеопороза. В исследованной группе компрессионные переломы позвоночника зафиксированы у двух женщин в возрасте 35–45 лет.

Также был проанализирован уровень распространенности некоторых патологий зубной системы. Анализ не выявил значимых отличий между выборками с двух кладбищ, поэтому на данном этапе исследования публикуются обобщенные данные по обеим группам населения Арзамаса, данные представлены в табл. 6.

Среди населения Арзамаса фиксируется высокий уровень распространенности многих заболеваний зубной системы, в особенности кариеса (54,9 %), при-

Рис. 4. Правая плечевая кость и лопатка с признаками вывиха плечевого сустава у мужчины 35–45 лет из группы погребений кладбища при церкви Иоанна Богослова г. Арзамаса

Рис. 5. Левая таранная кость с признаками вывиха голеностопного сустава у мужчины старше 30 лет из группы погребений кладбища при церкви Иоанна Богослова г. Арзамаса

Рис. 6. Позвонок грудного отдела с признаками компрессионного перелома (справа) у женщины 35–45 лет из группы погребений кладбища при Крестовоздвиженской церкви г. Арзамаса

Таблица 6. Уровень распространенности патологий зубной системы в исследованной группе населения Арзамаса XVII–XVIII вв. (объединенная выборка погребений из двух кладбищ)

Выявленные патологии	Мужчины			Женщины			Ср. частота по группе
	п инд.	частота (%)	размер группы	п инд.	частота (%)	размер группы	
Кариес	26	55,9	47	28	62,9	45	54,9 %
Прижизненная утрата зубов	39	82,1	48	26	59,1	44	62,3 %
Гипоплазия зубной эмали	18	40,0	45	19	42,7	45	36,5 %
Зубной камень	12	26,7	45	5	11,9	42	16,9 %
Одонтогенный остеомиелит	3	6,7	45	2	4,8	42	5,9 %
Периостит челюсти	12	26,4	46	6	14,3	42	17,8 %
Пародонтоз	1	2,2	45	0	–	42	1,10 %

жизненной утраты зубов (62,3 %), а также гипоплазии зубной эмали (36,5 %). Распространенность подобных заболеваний может отражать как характер диеты, так и общий уровень влияния стрессовых факторов на состояние здоровья. Между мужской и женской подгруппами не наблюдается различий по частоте встречаемости кариеса и гипоплазии зубной эмали, в остальных случаях мужская часть населения демонстрирует более высокие показатели.

Итоги исследования

Таким образом, при анализе двух отдельных выборок населения г. Арзамаса XVII–XVIII вв., происходящих из кладбищ при Крестовоздвиженской церкви и церкви Иоанна Богослова, найден ряд особенностей. Группа индивидов, происходящая из кладбища при Крестовоздвиженской церкви, демонстрирует худшие демографические показатели: прежде всего предельно высокий уровень детской смертности и меньшую долю пожилых людей. В данной выборке также зафиксирована более высокая встречаемость случаев травм, следов воспалительных и инфекционных процессов. По совокупности данных признаков можно предполагать, что различия между двумя группами не объясняются лишь случайностью распределения и, несмотря на меньшую численность одной из выборок, могут отражать действительную диспропорцию в уровне благополучия между двумя группами населения одного города. В таком контексте группа индивидов из кладбища при Крестовоздвиженской церкви может быть определена как менее благополучная. Если предположить, что характер питания в обеих группах был сходным (на что, как один из факторов, может указывать одинаковая частота распространенности заболеваний зубной системы), различия между ними могут быть обусловлены неодинаковой интенсивностью физических нагрузок, уровнем стресса, эпидемиологической обстановкой. Вероятно, близость кладбища церкви Иоанна Богослова к Спасо-Преображенскому мужскому монастырю также поспособствовала увеличению доли пожилых мужчин в данной группе. Еще одним вариантом объяснения может быть предположение, что выборка, происходящая из кладбища при Крестовоздвиженской церкви, в большей степени отразила какой-либо краткий кризисный эпизод – например, неурожай или эпидемию. Исходя из этого, для дальнейших исследований и более точных интерпретаций материала необходим детальный анализ археологического контекста погребений обеих кладбищ.

В целом исследованная группа населения Арзамаса XVII–XVIII вв. может быть охарактеризована как среднеблагополучная по большинству палеодемографических параметров, а также по выявленному уровню травматизма. Обращает на себя внимание высокая распространенность различных патологий зубной системы среди взрослого населения.

Автор благодарит руководителей раскопок, сотрудников Волжской археологической экспедиции ИА РАН А. С. Пронина и С. И. Милованова за предоставленный материал и сопроводительную информацию.

Литература

- Алексеев В. П., 1966. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука. 251 с.
- Алексеев В. П., 1972. Палеодемография СССР // СА. № 1. С. 3–21.
- Алексеев В. П., Дебец Г. Ф., 1964. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука. 128 с.
- Алексеева Т. И., Богатенков Д. В., Лебединская Г. В., 2003. Влахы. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М.: Научный мир. 132 с.

- Бужилова А. П.*, 1995. Древнее население (палеопатологические аспекты исследования). М.: Изд-во РАН. 189 с.
- Мамонова Н. Н., Романова Г. П., Харитонов В. М.*, 1989. Первичная обработка и определение антропологического материала в полевых условиях // Методика полевых археологических исследований. Л.: Наука. С. 50–83.
- Очерки истории Арзамаса / Под ред. Б. П. Голованова. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1981. 239 с.
- Снежицкий А.*, 1888. Адрес-календарь Нижегородской епархии. В память исполнившегося в 1888 году 900-летия Крещения Руси. Нижний Новгород: Тип. Губ. правл. 1031 с.
- Щегольков Н.*, 1911. Исторические сведения о городе Арзамасе, собранные Николаем Щегольковым. Арзамас: Тип. Н. Доброхотова. 273 с.
- Ortner D. J.*, 2003. Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains. 2nd ed. Amsterdam: Academic Press. 647 p.
- Standards for data collection from human skeletal remains / Ed. by J. E. Buikstra, D. H. Ubelaker. Fayetteville: Arkansas Archeological Survey, 1994. 272 p.
- Ubelaker H. D.*, 1978. Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis, Interpretation. Washington: Taraxacum. 116 p.

Сведения об авторе

Буряк Анастасия Дмитриевна, лаборатория контекстуальной антропологии ИА РАН;
e-mail: buriak.anastasiadm@gmail.com

Anastasia Buriak

POPULATION OF THE EARLY MODERN CITY OF ARZAMAS ACCORDING TO MATERIALS FROM EXCAVATIONS OF TWO CHURCH CEMETERIES

Summary. The article presents the results of a study of the materials from two city cemeteries of Arzamas, dated to the 17th–18th centuries. Two samples of 126 and 65 individuals were examined, the primary objective was to identify the key demographic and paleopathological characteristics of the group. The distribution of mortality rates in both samples is consistent with the standard for paleopopulations. The group is characterized by moderate occurrence level of non-lethal injuries and high frequency of dental system pathologies. There is also the uneven distribution of the urban population between the two studied necropolises revealed. The sample from burials near the Church of the Icon of the Mother of God of Kazan demonstrates a high level of infant mortality, a higher incidence of injuries and periostitis of the skull and postcranial skeleton. At the same time, there is a shift in the age distribution of mortality among men towards older ages in the other sample from burials near the Church of St. John the Evangelist.

Keywords: bioarchaeology, sex-and-age characteristics, paleopathology, urban populations.

Д. А. Хавина, А. А. Балякин

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФОНД ИГИКМ ИМ. Д. Г. БУРЫЛИНА В 1930–1960 гг: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Резюме. Статья посвящена истории пополнения археологического фонда ИГИКМ им. Д. Г. Бурылина в 1930–1960 г. и роли в этом процессе ивановского археолога Е. Н. Ерофевой (1902–1994).

Ключевые слова: музей, единица хранения, погребальные памятники, история археологии.

26 декабря 2024 г. исполняется 110 лет со дня открытия одного из первых провинциальных музеев России – Музея промышленности и искусства в городе Иваново. На сегодняшний день коллекции музея насчитывают более 780 000 единиц хранения, тематически распадающиеся на собрания нумизматики (в том числе из драгоценных металлов), редкой книги, текстильного фонда, оружия, документально-письменных источников, фото- и видеодокументов, произведений изобразительного искусства, фонда естественно-исторических материалов, вещевого фонда и фонда археологии. Хронологические рамки «собрания редкостей и древностей», как любовно называл свое детище основатель музея Дмитрий Геннадьевич Бурылин, достаточно широки – начиная от Древнего Египта и заканчивая началом XX в. Большую часть предметов для провинциального музея в родном Иваново-Вознесенске Д. Г. Бурылин приобретал в своих многочисленных путешествиях по миру – от стран Западной Европы до Северного Причерноморья и Палестины. Коллекции музея, расположенные в специально построенном его основателем красивом здании в центре современного города Иваново, и сейчас, спустя 100 лет после открытия, вызывают у посетителей удивление, восхищение и неизменный интерес.

Археологический фонд ИГИКМ им. Д. Г. Бурылина по состоянию на декабрь 2023 г. включает в себя более 45 тыс. единиц хранения, начиная от памятников эпохи камня и заканчивая поздним Новым временем. Основу формирования этого тематического собрания заложил еще основатель музея. В начале XX в., когда интерес к различного рода «раскопкам» был очень велик, многие меценаты и коллекци-

онеры Российской империи приобретали большое количество вещей, относящихся к античной истории и культуре. Еще в 1913 г., до открытия Музея промышленности и искусства, Д. Г. Бурылин совершил «паломничество» на Святую землю – побывал в Иерусалиме, Египте, Северном Причерноморье и привез из поездки коллекции античных и древнеегипетских древностей. На данный момент это собрание разделено между музеями Иванова, Петербурга, Москвы и Крыма и, учитывая практически полное отсутствие учетной документации и уровень развития археологического знания в первое десятилетие XX в., может считаться «депаспортизированным». В археологическом фонде ИГИКМ хранится около 2000 ед. хр., условно отнесенных нами к «бурылинской археологии». По состоянию на 30.11.2023 г. обработана лишь малая часть этого собрания – всего 59 ед. хр. (составлена коллекционная опись согласно Единым правилам учета и хранения музейных коллекций и музейных предметов, 2020), изучена архивная учетная документация 1924 г., когда все собрание древностей и редкостей было переписано новыми сотрудниками Ивановского историко-революционного музея (ИОИРМ), вещи хранятся в отдельном шкафу, часть из них была представлена на выставке к 170-летию Д. Г. Бурылина «Я надеюсь, что это пригодится», которая проходила в 2022 г. В пространстве юбилейной экспозиции археологическим «древностям» из собрания основателя музея была посвящена отдельная витрина, атрибуция вещей для этикетажки была дана хранителем фонда Д. А. Хавиной на основе поиска аналогий на портале ГК МК РФ. В течение семи лет в помещении музейного подземного перехода в нескольких витринах экспозиции «Из глубины веков: археология Ивановской области», посвященных палеолиту, эпохе бронзы и раннему Средневековью, были выставлены кремневые ножи и рубила, бронзовые топоры-кельты и стеклянные браслеты. В организации этой выставки принимали активное участие, в том числе в качестве научных консультантов, сотрудники Ивановской археологической экспедиции – А. В. Аверина, В. А. Аверин, В. Ю. Барышников, основатель и бессменный хранитель Археологического музея ИВГУ, педагог, археолог, ученица Д. А. Крайнова и Е. Н. Ерофеевой Е. Л. Костыльёва, плёсский и ивановский археолог, музейный сотрудник, основатель музея «Язычество?» в г. Плёс П. Н. Травкин.

Следует отметить, что процесс «собирания» бурылинских коллекций был привязан к научным интересам основателя музея. Д. Г. Бурылин (1852–1924) – текстильный фабрикант, меценат, благотворитель и коллекционер – стремился показать жителям родного безуездного Иваново-Вознесенска мир редких и древних вещей, свидетелей жизни далеких эпох и народов, при этом в силу особенностей биографии (уже с 12 лет он стал вместе со старшим братом управлять текстильной фабрикой своего деда, Диадора Андреевича Бурылина) сам Дмитрий Геннадьевич не получил какого-либо систематического образования, хотя, безусловно был человеком начитанным и очень заинтересованным. Уже после событий 1917 г., когда музей и фабрики семьи Бурылиных были национализированы, Д. Г. Бурылин исполнил свою заветную мечту – поступил в высшее учебное заведение и даже проучился там несколько семестров. Организация системы высшего профессионального образования в городе Иваново-Вознесенске происходила при непосредственном участии первого губернатора Иваново-Вознесенской губернии М. В. Фрунзе. Он покровительствовал ивановскому коллекционеру и бывшему фабриканту и помог ему стать студентом Ивановского Политехнического института. В библиотечных залах этого учебно-

Рис. 1. Ерофеева Е.Н. 1925 г.

го заведения Дмитрий Геннадьевич Бурьлин мог познакомиться с Еленой Николаевной Ерофеевой. Именно ей и ее вкладу в формирование и сохранение не только наследия Бурьлина, но и археологической коллекции ИГИКМ и посвящена данная публикация.

Елена Николаевна Ерофеева родилась 21 декабря 1902 г. в Иваново-Вознесенске в семье инженера путей сообщения, детство провела в Средней Азии, поскольку ее отец принимал участие в постройке Ташкентской железной дороги (*Костылёва, Уткин, 2012. С. 83*). Среднее образование она получила в Оренбурге, там же работала в губернской библиотеке, а после смерти отца в 1921 г. вернулась вместе со своей семьей в Иваново-Вознесенск. В родном городе она продолжила свое образование, окончила педагогический техникум, некоторое время оставалась работать библиотекарем в этом учебном заведении.

В 1926 г. Е. Н. Ерофеева стала заведовать школьной библиотекой в одном из районов города Иваново-Вознесенска, а в 1928 г. стала сотрудником библиотеки Иваново-Вознесенского губернского музея. В этот период хранителем археологического фонда был В. И. Смирнов, впоследствии репрессированный. В начале Великой Отечественной войны Ерофеева была назначена на должность заведующей историческим отделом музея, а с 1944/1945 гг. она стала главным и единственным хранителем всех музейных фондов. За организацию работ по сохранению музейных экспонатов в годы войны Е. Н. Ерофеева была награждена медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны». В 1946 г. она стала первой из ивановских археологов, получивших Открытый лист. Более двадцати лет, начиная с середины 1950-х до середины 1970-х гг., Е. Н. Ерофеева была единственным археологом, изучавшим средневековые древности на территории Ивановского края. Ее печатные и рукописные научные работы, а особенно полевые отчеты, хранящиеся сейчас в архивах археологического фонда ИГИКМ и археологического музея ИВГУ, отличаются детальностью и тщательностью фиксации всех обнаруженных памятников. И хотя со времени открытия некоторых из них прошло уже почти девяносто лет, на эти документы по-прежнему ссылаются многие исследователи, занимающиеся погребальной обрядностью летописной муромы или проблемами древнерусской колонизации (Там же. С. 84).

В 1935 г. Е. Н. Ерофеева по приглашению А. Ф. Дубынина отправляется в свою первую археологическую экспедицию. С этого момента она становится постоянным участником ежегодной совместной археологической экспедиции Ивановского областного музея и Ивановского педагогического института, где А. Ф. Дубынин читал лекции и руководил студенческой практикой. За период с 1935 по 1950 г. участниками экспедиции были открыты такие значимые для истории изучения археологического прошлого нашей страны памятники как Малышевский грунтовый могильник, Мало-

Давыдовское городище, Семухинские курганы, продолжено исследование открытого еще в 1926 г. Б. Н. Граковым Хотимльского могильника. Богатейший материал, найденный во время многолетних раскопок Малышевского грунтового могильника, позволил реконструировать женский костюм муромы, изучить социальные отношения этого летописного народа и особенности его хозяйственного уклада. Несколько тысяч артефактов, среди которых украшения, образцы тканей, принадлежностей конской упряжи, керамические, деревянные и металлические сосуды, оружие, были тщательно зафиксированы в полевых описях и переданы в фонды Ивановского областного музея. В 2017–2023 гг. часть этих предметов была представлена в экспозициях «Из глубины веков. Археология Ивановской области» и «По ту сторону реки: Археология поволжских финнов из собрания ИГИКМ им. Д. Г. Бурлыгина». Всего за период с 1934 по 1950 г. благодаря работе А. Ф. Дубынина и Е. Н. Ерофеевой в состав археологического фонда ИГИКМ были переданы 5453 единицы хранения, что составляет 11 % от общего количества предметов, хранящихся в нем на сегодняшний день (*Хавина*, 2024).

В середине 1950-х гг. Елена Николаевна продолжила пополнение археологического фонда уже самостоятельно. Под ее руководством были открыты курганные могильники в Заволжском и Кинешемском районах Ивановской области и в самом городе Кинешма – всего 15 местонахождений. Осенью 1959 г. ею был открыт Кочкинский грунтовый могильник, находившийся в Палехском районе Ивановской области, и на протяжении трех полевых сезонов этот погребальный памятник был полностью изучен. В результате исследований фонды музея пополнились несколькими сотнями единиц хранения, относящимися к культуре рязано-окских грунтовых могильников. Кроме украшений, предметов быта и керамических сосудов из погребений был извлечен и антропологический материал, который до сих пор ожидает своего исследователя (*Ерофеева и др.*, 1988. С. 99–129).

Помимо полевых исследований, Е. Н. Ерофеева занималась и кабинетной археологией и на протяжении нескольких лет составляла археологическую карту Ивановской области, которая была опубликована в 1965 г. (*Ерофеева*, 1965).

В 1959 г. Е. Н. Ерофеева познакомилась с Д. А. Крайновым и передала ему материалы разведок В. И. Смирнова и О. А. Гадзяцкой, в частности несколько страниц полевого дневника об открытом в 1930 г. памятнике Малый Островок. Д. А. Крайнов и его ученики на протяжении последующих 40 лет зафиксировали и исследовали на месте торфяника в Тейковском районе Ивановской области 14 местонахождений, стоянок, ритуальных площадок, захоронений, получивших общее название «памятники Сахтышского микрорегиона» и сохранивших для потомков богатейшее культурное наследие представителей бутовской, льяловской и волосовской археологических культур. Большая часть вещей из раскопок Сахтышских стоянок сейчас хранится в археологическом фонде ИГИКМ им. Д. Г. Бурлыгина и составляет около 40 % от общего количества единиц хранения.

Таким образом, в 1930–1950 гг. силами Е. Н. Ерофеевой, А. Ф. Дубынина и Д. А. Крайнова археологический фонд ИГИКМ им. Д. Г. Бурлыгина увеличился практически втрое от изначального показателя, отнесенного основателем музея к «разделу раскопок», и расширился в культурно-хронологическом диапазоне. В состав фонда вошли такие значимые для науки памятники, как Малышевский мо-

гильник, материалы раскопок средневекового Суздаля, вещи из славянских курганов Ивановской области, несколько десятков единиц хранения, обнаруженных при исследовании погребений фатьяновской археологической культуры, и самый крупный и до сих пор изучающийся путем применения новых научных методов многослойный Сахтышский торфяник.

По состоянию на декабрь 2023 г. около десяти тысяч единиц хранения уже внесены в Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации, оцифрована часть архивных материалов (полевые отчеты и альбом к ним), проведено несколько масштабных тематических выставок, посвященных истории формирования археологического фонда и истории археологического знания в Ивановской области, ежегодно проводится музейная практика для студентов гуманитарного факультета ИВГУ, на основе коллекций, хранящихся в фондах музея, публикуются научные работы, разрабатываются музейно-педагогические занятия. Однако большая часть археологических, антропологических и документальных источников, накопленных за период с 1935 по 1960–1970-е гг. все еще ждет своего исследователя.

Литература

- Ерофеева Е. Н.*, 1965. Археологические памятники Ивановской области: материалы к археологической карте. Иваново.
- Ерофеева Е. Н., Травкин П. Н., Уткин А. В.*, 1988. Кочкинский грунтовый могильник // Археология и этнография Марийского края. Этногенез и этническая история марийцев. Йошкар-Ола.
- Костыльва Е. Л., Уткин А. В.*, 2012. Из истории археологического изучения Ивановской области (к 110-й годовщине со дня рождения Е. Н. Ерофеевой) // Вестник Ивановского государственного университета. Вып. 4 (12). История.
- Хавина Д. А.*, 2024. Вклад А. Ф. Дубынина в формирование археологического фонда ИГИКМ им. Д.Г. Бурылина // Материалы областной краеведческой конференции «Музей. История. Наука». Иваново. (Сборник готовится к публикации).

Сведения об авторах

Хавина Дарья Алексеевна, независимый исследователь;

e-mail: plusquam@mail.ru;

Балякин Алексей Алексеевич, ИВГУ;

e-mail: ?

D. A. Khavina, A. A. Baliakin

ARCHAEOLOGICAL FUND OF BURYLIN MUZEUM IN 1930–1960: HISTORY OF FORMATION AND RESEARCH PROSPECTS

Summary. The article discusses history of replenishment of the archaeological fund of the D. G. Burylin in IGIKM in 1930–1960 and the role of the Ivanovo archaeologist E. N. Yerofeeva (1902–1994) in this process

Keywords: museum, storage unit, funerary monuments, history of archeology.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВСЗ	–	Археология Владимиро-Суздальской земли
АН	–	Архитектурное наследство
АСГЭ	–	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВАС	–	Всероссийский археологический съезд
ВГВ	–	Владимирские губернские ведомости
ВГСК	–	Владимирский губернский статистический комитет
ВУАК	–	Владимирская ученая архивная комиссия
ГАВО	–	Государственный архив Владимирской области
ГВСМЗ	–	Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник
ГИМ	–	Государственный исторический музей
ИА АН СССР	–	Институт археологии Академии наук СССР
ИА РАН	–	Институт археологии Российской академии наук
ИАК	–	Императорская археологическая комиссия
ИАО		Императорское Русское археологическое общество
ИИМКРАН	–	Институт истории материальной культуры Российской академии наук
КСИА	–	Краткие сообщения Института археологии
МАР	–	Материалы по археологии России
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР
ПСРЛ	–	Полное собрание русских летописей
РА	–	Российская археология
РГИА	–	Российский государственный исторический архив
РО НА ИИМКРАН	–	Рукописный отдел научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук
РСМ	–	Раннеславянский мир
СА	–	Советская археология
САИ	–	Археология СССР. Свод археологических источников

- СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
- ТАС – Тверской археологический сборник
- ЦГВИА – Центральный Государственный Военно-исторический архив (существовал с 1941 по 1992 г.)
- ЧОИДР – Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских
- ЯГУАК – Ярославская губернская ученая архивная комиссия

ПРАВИЛА ПОДАЧИ СТАТЕЙ В СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ НАУЧНОГО СЕМИНАРА «АРХЕОЛОГИЯ ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ»

Предоставляемые для публикации в сборнике материалы должны удовлетворять следующим требованиям:

1. Статья подается в электронном виде в формате Word или RTF. Форматирование текста должно быть автоматическим (не использовать клавишу пробела для установки абзацного отступа). В заголовке инициалы ставятся перед фамилиями авторов. Название печатается обычным шрифтом (прописными не набирать).

2. Объем публикации, как правило, не должен превышать 20 тыс. печатных знаков.

3. Допускается наличие 6 иллюстраций, которые представляются в отдельных файлах формата TIF (не вставлять в текст). Они должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. Необходимо избегать чрезмерного уменьшения отдельных изображений, учитывая, что в печатном виде размер иллюстраций составляет 12,5 × 19 см. В подрисунковой подписи должны быть кратко расшифрованы все условные обозначения на иллюстрации. В графический файл подрисунковые подписи и расшифровки условных обозначений не вставляются. Черно-белые иллюстрации должны быть сканированы в режиме «градации серого», в масштабе 1:1, при этом фотографии – с разрешением не ниже 300 dpi, а рисунки и чертежи – не ниже 600 dpi. Возможна публикация цветных иллюстраций (разрешение такое же), если цвет несет обязательную смысловую нагрузку.

4. Таблицы представляются в отдельных файлах (не вставлять в текст). Они должны иметь заголовки и номер в соответствии с порядком ссылок на них в тексте.

5. Ссылки на литературу и источники выполняются аналогично правилам, установленным для журнала «Краткие сообщения Института археологии» (в тексте в круглых скобках, фамилия автора (без инициалов, кроме работ однофамильцев) или сокращенное название (если издание не имеет автора), год издания через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т. п. через точку с прописной буквы). Список литературы и источников дается в алфавитном порядке и состоит из двух частей. Первая часть – издания на кириллице, вторая – на латинице. За фамилией и инициалами указывается год издания и далее сведения в соответствии с библиографическим описанием. При ссылке на книгу следует указывать количество страниц; при ссылке на статью или раздел в монографии – диапазон страниц данной публикации в издании. Необходимо указывать ответственного редактора сборника, а после места издания – издательство.

6. Текстовые примечания делаются автоматически, внизу на соответствующей странице под цифрой; нумерация сквозная.

7. К статье прилагаются: сведения об авторах (фамилия, имя, отчество, место работы, контактный телефон, e-mail), список иллюстраций (если они есть) с подрисунковыми подписями и список таблиц, резюме (около 1000 знаков), ключевые слова (не более 10) на английском и русском языках, а также название статьи и транскрипция фамилии и имени автора/авторов на английском языке.

Научное издание

Археология Владимиро-Суздальской земли
Материалы научного семинара
Выпуск 14

Редакторы: *Н. В. Бельченко, Е. А. Морозова*
Оформление обложки: *В. А. Кулишов*
Верстка: *С. В. Кожушков*
Корректор: *Г. Н. Барышева*

Подписано к печати 02.12.2024. Формат 70×100/16
Уч.-изд. л. 21,87. Тираж 200 экз.

Институт археологии Российской академии наук
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

ISBN 978-5-94375-446-3

9 785943 754463

